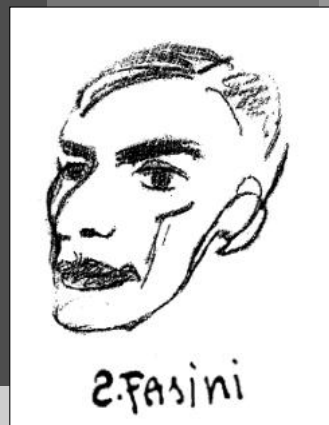

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

АЛЬМАНАХ

№14

ОДЕССА, 2003

Дерибасовская — Ришельевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах, 2003. Вып. 3 (14). 1-332.

Дерибасівська — Рішельєвська: Літературно-художній, історико-краєзнавчий ілюстрований альманах, 2003. Вип. 3 (14). 1-332.

Deribasovskaya — Rishelyevskaya: Literary and artistic, historic and of regional studies almanac illustrated, 2003. Issue 3 (14). 1-332.

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский
(заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:

Виталий Амурский (Париж), Наталья Барышева, Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Григорий Поженян (Москва), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко, Борис Херсонский.

Фото:

Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:

Vitaliy Amoursky (Paris), Natalya Barysheva, Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Gregory Pogenyan (Moscow), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkoenko, Boris Khersonsky.

Photos by:

Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

Издается с 2000 года
Выходит 4 раза в год

www.odessitclub.org

"Турецкая крепость Хаджибей была взята штурмом генерал-майором Исифом де Рибасом 14 сентября 1789 года..." Так начинается труд потомка знаменитого полководца и fundатора Южной Пальмиры — Александра де Рибаса, — увидевший свет в 1913 году. Городу тогда исполнилось 117 лет — счет идет с сентября (по новому стилю) 1794-го, когда Екатерина Великая своим рескриптом основала его на берегу Черного моря. Через год мы будем праздновать 210-й день рождения Одессы. Историки, несомненно, отметят, что биография города полна героическими страницами — с первого штурма Хаджибея, о котором вспоминает автор цитируемой книги "Старая Одесса", и до наших дней. Мужество и отвагу проявили одесситы, отражая морской набег английского флота в Крымскую кампанию, обороняя город в 1941-м и освобождая его от захватчиков в 1944-м. Но ведь героизм проявляется не только на поле брани.

В этом номере нашего альманаха, который выходит за год до круглой даты, сойдутся подтверждения этому. Поверьте, мы формировали его, основываясь на редакционном портфеле и не отбирали материалы специально.

В статье Александра Третьяка "Сады одесские прославил" рассказывается о феномене юной Одессы: первопоселенцам досталось лишь одно дерево, стоявшее в безводной степи — старая татарская груша, а спустя всего несколько лет в городе зацвели первые сады. Летописец нашего города Аполлон Скальковский назвал разведение лесной плантации на Пересыпи "лучшим в своем роде гражданским подвигом" одесского градоначальника Алексея Левшина, чье славное имя, увы, не знакомо широкому современному читателю...

Врач и краевед Леонид Авербух возвращает из небытия сложные, противоречивые, но несомненно яркие судьбы одесситов — военных разведчиков. Среди них и офицер ГРУ, работавший перед войной под крышей советского военного атташата в Великобритании, известный под псевдонимом "Барч". Именно он "вел" эффективнейшего атомного агента Фукса. В 1941-м разведчик добился перевода на фронт и вошел в историю Великой Отечественной под своей настоящей фамилией. Участник Сталинградской битвы, Герой Советского Союза, генерал-майор Семен Давидович Кремер после войны жил в Одессе, где и похоронен.

Номер открывается рассказом о молодом одессите Теодоре Резвом, который в эти сентябрьские дни должен завершить свой второй одиночный океанский переход на вельевой лодке. На сей раз он преодолевает Атлантику с Запада на Восток, что гораздо сложнее. Одесса ждет героя, чтобы увенчать его лавровым венком Победителя.

С почетом и благодарностью встречали мы в июне великого альпиниста Мстислава Горбенко, представлявшего Одессу, всю страну на юбилейных торжествах, которые

проходили в Непале в 50-ю годовщину покорения Эвереста. Несколько наших земляков — среди тех, кому покорилась высочайшая вершина Мира. Мы подарили Мстиславу Мстиславовичу номер альманаха, и он обещал доставить его на один из "восьмитысячников".

Когда это материал подписывался в печать, из Лос-Анджелеса пришла весточка от еще одного выдающегося спортсмена — трехкратного чемпиона Сиднейской олимпиады Леонида Крайзельбурга. В раннем детстве он учился плавать на Ланжероне — прибрежном районе, названном в честь первостроителя Одессы, а мастером мирового класса стал в США, куда переехали его родители. Леонид хорошо говорит по-русски, но навыки письма растерял... Тем не менее, пишет стихи именно на языке, который считает родным. Одно из стихотворений олимпийский чемпион передал нашему альманаху. В нем есть и такие строки:

Давай поговорим о городе любимом,
О том, где родились, откуда мы ушли...
Одессу знают все, она известна в мире,
И ей — любовь моей души...

И каждый день к тебе я возвращаюсь,
К твоим садам цветным,
К волнистым берегам.
За пряный аромат твоих акаций
Я многое отдам...

С днем рождения, дорогие земляки — где бы вы ни жили сегодня!

**Особая благодарность —
фирме
"ХАРРИСОНС-ТРАНС-СЕРВИС"**

Выражаем признательность за помощь:

фирме "ФАГОТ",

фирме "АРХО",

агентству недвижимости "КАПИТАЛ",

а также Михаилу Пойзнеру,

Олегу Лаврентьеву.

"Украина" в Атлантике

"Украина" — это название двухвесельной лодки. Атлантика — в этом имени стихия и мощь океана. Оживил и придал энергию этому сочетанию слов, умножил их на дела одесский мореплаватель и... художник Теодор Резвой.

Убежден, что многие одесситы хорошо запомнили это имя. Во Всемирном клубе одесситов 30 августа 2001 года он объявил на пресс-конференции, что собирается на гребной лодке "Одесса" пересечь Атлантический океан. Рядом с ним сидела его мать — художница Татьяна Резвая. Тогда это намерение казалось почти невероятным. Кажется, недавно Федя Резвой ходил с моей дочерью на подготовительные курсы перед поступлением в художественное училище. Невысокого роста, щуплый, рыжеватый мальчик, любивший философские разговоры, — казалось, судьба должна была ему прочить только тишь художественной мастерской или сосредоточенную тишину кабинета ученого...

А перед нами стоял крепкий молодой мужчина, бросающий вызов самому океану! Рядом с ним — красивая мать. Может быть, это придавало еще большую остроту и весомость словам. Мать не только отпускала сына в одиночное плавание, но благословляла и поддерживала его. Ее уверенность в сыне добавляли ему мужества и решительности.

Татьяна Резвая уже много лет живет в Лондоне, ее муж, отчим Теодора, возглавляет общество яхтсменов и гребцов. И сама Таня не только художница. Но и альпинистка, человек, покорявший горные и земные пространства. Помню, как, еще живя в Одессе, она написала в подарок Александру Владимиро-

вичу Блещунову картину "Уточкин на велосипеде покоряет Бульварную лестницу".

Для Татьяны слово "покорять" — естественное и насущное в жизни. Так она воспитывала сына Федора (Теодора). Не случайно в армии он, художник, служил в военно-воздушных войсках. Вместе с матерью поднимался в горы Памира. Но наступил день и час, когда Таня могла лишь советовать — все, все, что нужно было свершать — он должен был свершить сам.

И вот с острова Гомера, входящего в группу Канарских островов, он на семиметровой лодке "Одесса" отправляется к острову Барбадос. Это было 12 октября 2001 года, в национальный праздник Испании — День Колумба. Именно отсюда в 1492 году отважный мореплаватель отправился в свой первый поход.

Мы следили за каждой милей, которую преодолевал тогда Теодор. Очень трудным испытанием оказалась первая неделя. А потом зачастили слова: тайфун, бессонница, одиночество.

"Если не можешь изменить обстоятельства, измени отношение к ним", — формула, по которой жил в 2001 году Теодор. Короткие фразы. Глубокие мысли. Может быть, в том, что он выдержал испытание океаном, помогла и книга, которую он взял с собой — том рассказов и монологов Михаила Жванецкого. Вдали от шума городского они оказались еще более глубокими, более философичными и необходимыми. И вызвали горделивое чувство — за имя лодки "Одесса", за флаг родного города, за книгу писателя, который олицетворял собой этот город.

Тот переход длился 67 дней и завершился победой.

Признаюсь, хоть я много разговаривал с Теодором после возвращения, делал с ним телепередачу, публиковал его дневники, я тогда не задал ему вопрос, а он, соответственно, не ответил, повторит ли он свой же подвиг еще раз...

И лишь в 2003 году я узнал, что Татьяна в Лондоне, Теодор в Одессе начали готовить новый отважный проект — пересечение Атлантики, но теперь уже с Запада на Восток.

Итак, второй раз, в одиночку, на весельной лодке, по более сложной дуге.

Есть выражение, которое повторяют любители экстремальных видов спорта: океан нельзя покорить. Океан может лишь позволить себя пройти.

А Теодор Резвой, Одессит, подготовивший сейчас к океанскому плаванию лодку "Украина", с таким умозаключением не согласен. Океан ве-

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

лик, и человек велик. Кто победит в схватке, покажет время, нервы, любовь. Да, и любовь. Начиная свой переход летом 2003 года, Теодор рассчитывает вернуться в Одессу к 1 сентября 2003 года и отвести в первый класс своего сына Дмитрия. Пожелаем ему успеха и счастья!

За сто лет только 19 гребцов-одиночек преодолели Атлантику. Победили не силачи, великаны, а психически крепкие, собранные люди.

Что страшнее всего: тайфун, айсберг, океанская волна? Страшнее всего растерянность. А вот тут одессит Теодор Резвой надеется на иронию, на закалку, которую ему дала мать, дал ему родной город.

Пока только два гребца смогли пройти океан дважды — с Запада на Восток и с Востока на Запад, Одесса верит, что Теодор станет третьим.

Татьяна Резвая говорит, что лодка должна работать, как ванька-встанька: она должна быть непотопляемой, сколько бы раз волны ни переворачивали ее.

Добавим, что непотопляемым должен быть Теодор Резвой. Он должен быть уверенным в крепости и надежности лодки, сделанной из стеклотканей, кедра и пластика, он должен быть уверен в том, что к крошечной точке посреди океана прикована энергетика миллиона людей из его любимого города. И знать, что к 1 сентября ждет его сын Дима, как и жена Люда, как и весь его родной город.

Где только нет "наших"? На всех континентах Земли, во всех странах пробиваются, прорастают одесситы. И в океане тоже. Наши в одном лице — должны победить Атлантику, как побеждают восьмитысячные пики альпинисты.

И победить красиво — дважды, доказав миру, что путь "Запад-Восток" столь же реален, как "Восток-Запад".

А нам остается ждать Теодора в Одессе. И верить в его счастливую звезду, в его Победу над океанской стихией.

Александр ТРЕТЬЯК
Сады одесские прославил 10

Сергей ЛУЩИК
Книжный знак как исторический документ ...22

Михаил БИНОВ
Учитель Бабеля 44

Олег ГУБАРЬ
VIP-Департамент 49

Леонид АВЕРБУХ
Шпионы с одесским акцентом 54

Сады одесские прославил

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Все хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом;
Кой-где недавний труд заставил
Младые ветви в знойный день
Давать насильственную тень.

А.С. Пушкин

Одним из самых замечательных деяний юной Одессы, как и в целом всего нашего южного края, по праву можно назвать озеленение улиц, разведение садов, парков и бульваров. Это тем более кажется поразительным, если вспомнить, что местность, на которой суждено было появиться Одессе в конце восемнадцатого века, практически являлась голой и однообразной степью, лишенной деревьев и кустов. Не случайно в воспоминаниях первого поколения одесситов неизменно фигурировала груша, как единственное дерево, посаженное возле татарской кофейни, недалеко от Хаджибейского замка.

Закономерно, что в первые годы существования одесского порта среди привозимых сюда из-за границы товаров значились: капуста свежая, греческие орехи, виноград, сливы, огурцы, персики, арбузы, тыквы, яблоки свежие, лук и т. п. Но вот что характерно, в перечне импортируемых товаров неизменно фигурировали также и саженцы лесных и садовых деревьев. Это свидетельствует о попытках озеленения города и окрестностей уже с первых дней его существования. Впрочем, в этом деле наблюдалось немало трудностей и осложнений. Отмечая это, именитый купец и общественный деятель А.С. Стурдза в своей речи, читанной в публичном заседании Императорского общества сельского хозяйства Южной России 25 апреля 1835 года, говорил: "Мы ничего не наследовали в этой юной стране от своих предков, кроме затоптанной кочевьями

степной земли, и на ней все должны создать, готова тень, и плод, и воду, и приют для потомства".

Первым парком Одессы по праву считают Городской сад. Его посадили сразу же после возникновения города, и принадлежал он Иосифу Михайловичу Дерибасу. После его отъезда в 1797 году сад перешел к брату адмирала, майору Феликсу Дерибасу. В делах Одесского строительного комитета сохранился один любопытный документ, датированный 28 ноября 1806 года. Это письмо, написанное Феликсом Дерибасом на имя одесского градоначальника герцога Ришелье, где, между прочим, говорилось: "Известно, что Ваше Сиятельство всегда желаете, при доставлении живущим в Одессе существенных выгод, доставить и удовольствия. Я, будучи, с прочими, обязанным Вашему Сиятельству и в знак того моего чувствования, приемлю смелость покорнейше просить Ваше Сиятельство принять от меня без заплаты, навсегда, в пользу города, сад мой, который, при двухэтажном моем доме, состоит на Греческом форштате".

Однако сад приобрел общественное значение для одесситов только после 1809 года, когда там высадили целые плантации деревьев, среди которых, как это станет традиционным для Одессы, преобладали белая акация и гледичия. В 1818 г. здесь было открыто первое в Российской империи заведение искусственных минеральных вод. Здесь же располагалась и городская кофейня. Сад занимал около четырех десятин, но пространст-

Окрестности Карантинной балки.

во это было частично сужено еще в первые годы существования города. Характерно, что местные власти в середине XIX в. планировали выстроить на месте кофейни помещение для городского музея и публичной библиотеки. А для собственно кофейни выстроил великолепное помещение соседствующий с садом владелец купец Вагнер, переделав его из бывшего здесь небольшого театра князя Гагарина.

Нельзя сказать, что в первые два десятилетия Одессы озеленению уделяли мало внимания, но семена и саженцы ввозились сюда главным образом из Испании, Греции и Италии, а это создавало весьма определенные трудности. Кроме Городского сада, подавляющая часть немногочисленных городских деревьев, сумевших выстоять в сложных для них условиях, находилась на частных дачах, где за ними ухаживали либо люди, имевшие навык в садоводстве, либо специально нанятые профессионалы-садовники. Среди этих садов выделялись дачи Спорити и герцога Ришелье в так называемой Водяной Балке. Кстати, дача герцога была подарена городу в 1826 году бывшим адъютантом Ришелье полковником Стемповским, получив название у одесситов Дюковский сад. Из уважения к памяти герцога Стемповский передал дачу с тем условием, чтобы она в частные руки не переходила, но была использована исключительно для полезного городу заведения.

Вообще, следует подчеркнуть, что с приездом в Одессу Ришелье начался качественно новый этап в озеленении всего Южного края. Герцог великолепно понимал всю важность и необходимость лесных и фруктовых деревьев для нетронутых целинных земель, где коррозия почвы, суховеи и пылевые бури имели бы естественную преграду. При этом градоначальник Одессы и Новороссийский генерал-губернатор лично подавал пример своим согражданам в заботе и уходе за растениями. Так, например, гуляя однажды по улицам Одессы, он увидел возле одного из домов засыхающее дерево, посаженное его же усилиями. Постучав в дверь дома, Ришелье обратился к хозяину со следующими словами: "Полейте, сделайте одолжение, ваши деревья; а если вам некогда, то позвольте мне, я сам полью их!".

Сохранилось немало воспоминаний о любопытных эпизодах, связанных с именем герцога, когда приезжавшие в Одессу люди могли с удивлением наблюдать неподдельный восторг Ришелье, с гордым торжеством демонстрировавшего гостям какие-нибудь овощи или фрукты, выращенные на местной почве. Это тем более казалось странным для тех, кто не ведал, сколь огромных усилий требовалось для того, чтобы разбудить к

жизни спавшую многовековым сном дикости землю и привести ее в цивилизованное состояние. И это было только началом.

Само собой, столь ничтожное число насаждений не могло спасти город ни от постоянно поднимаемой ветрами пыли, ни от песка, бывших настоящим бичом для горожан. Благо, понимание необходимости создания хорошо продуманной и действенной системы озеленения как города с предместьями, так и всего края в целом, привело к отказу делать ставку на ввоз саженцев и семян из-за границы. В одном из правительственных документов от 9 января 1813 года читаем:

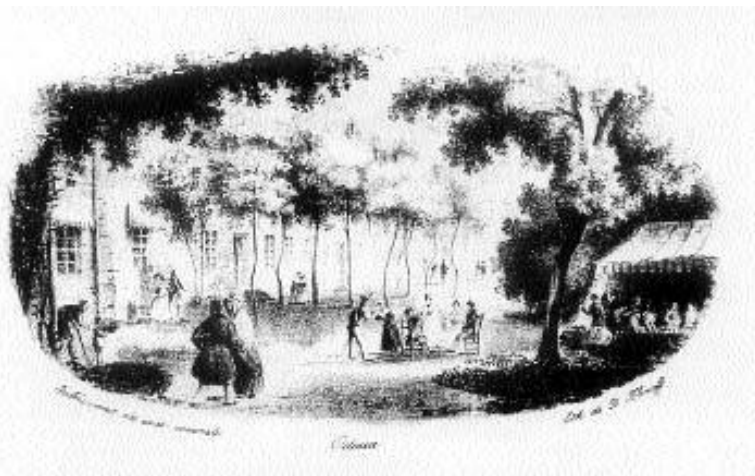
"Они получались доселе, по большей части, из чужих краев, с большими издержками, и часто выписываемые семена не всходили или деревья не принимались, от обмана продавцов, или от порчи во время дальнего перевоза".

Поэтому событием огромной важности явилось решение о создании одесского Ботанического сада в 1818 году. Под сад было отведено 87 десятин земли, и главным его предназначением было выращивание всевозможных пород фруктовых и лесных деревьев для посадки на частной и городской земле. Уже осенью следующего года там было высажено 120 тысяч саженцев, привезенных из Крыма и Молдавии. Истинным научным руководителем работ стал профессор ботаники при Одесском строительном комитете Карл Десмет (Charles Descemet). Небезызвестный Европе того времени французский ботаник сумел найти наиболее благоприятные формы и методы для прививания десятков различных видов деревьев и кустов. По составленному им каталогу со всех концов земли шли в Одессу семена растений, которые смогли бы произрастать на нашей почве. И результат не заставил себя ждать.

Собственно основание Императорского ботанического сада в Одессе, без тени сомнений, можно причислить к одному из наиболее выдающихся явлений в европейской садово-парковой культуре. Дело в том, что традиционно сады в Новороссийском крае, как, впрочем, и везде, разводились над реками, прудами, в глубоких балках, близких к родникам, и т. п. В Одессе же Ботанический сад возник практически в голой степи, не имевшей не только водоемов, но и мало-мальски пригодных колодцев.

Величие дела Карла Десмета покажется еще более ярким, если вспомнить, что перед переездом в Одессу французский ученый имел, как это мы увидим из его статьи, весьма смутное представление относительно климата и почвы Северного Причерноморья.

Во время боевых действий 1814 г. во Франции Десмет потерял все

Казенный сад.

свои роскошные сады под Парижем. Между тем провидению было угодно, чтобы отчаявшийся ботаник, стоявший на грани самоубийства, близко познакомился с командующим русским оккупационным корпусом М.С. Воронцовым и премьер-министром Франции герцогом Ришелье. Последний после заключения мира убедил Десмета переехать в Одессу, снабдив его соответствующими рекомендациями на имя Новороссийского генерал-губернатора А.Ф. Ланжерона. Александр Федорович принял соотечественника радушно и, как уже отмечалось, дал Десмету должность профессора ботаники при Одесском строительном комитете, с весьма высоким окладом.

Задача, стоявшая перед Десметом, была, казалось бы, невыполнимая. Но в речи перед своими согражданами в 1830 г., не скрывая первоначальных трудностей, он не без гордости отмечал плоды своих трудов за десятилетний срок: "Призванный в 1818 году для основания Ботанического Сада в Одессе, я с радостью спешил поверить свои сведения под южным небом, где надеялся усвоить, под 47° северной широты, на открытом воздухе, те роды драгоценных деревьев, которые взращиваются с большими заботами в теплицах Северной Европы, и умножить разведение этих деревьев, по мере приносимой ими пользы; но все надежды мои исчезли, когда я узнал, что изменения атмосферы, суровость более или менее продолжительных зим, чрезвычайные жары лета, сухость почвы, недостаток в воде и ис-

сушающие ветры, которые господствуют здесь большую часть года, полагают препоны моим предположениям. Я принужден был прежде изучать, какие растения наиболее свойственны здешней почве и способны противостоять столь изменчивому климату. Не трудно было узнать породы деревьев и кустарников, разводимых на здешних хуторах, и убедиться, что одесские жители не делали никаких изысканий по этому предмету. Число деревьев и кустарников, найденных мною в Одессе и ее окрестностях, не превышало 122, а именно: 65 родов и видов деревьев и 57 кустарников. Теперь я размножил число их до 650 пород и видов; следственно, доставил краю более 500 новых пород деревьев и кустарников".

Всего лишь через три года после появления Ботанического сада, в августе 1822 г., Карл Десмет уже поместил объявление на русском и французском языках в одесской газете "Messager de la Russie Méridional", в котором предлагал пользоваться молодыми растениями или прививками из учрежденного сада всем хозяевам и любителям садоводства в крае.

О том, что проблема с саженцами была довольно быстро и успешно решена, свидетельствует следующий факт. В 1827 году было принято решение об обязательной посадке на каждой десятине городской земли, отводимой для поселения или под дачу, не менее 100 деревьев или 400 кустов винограда, и трудностей с приобретением саженцев не было.

Десмет являлся директором Ботанического сада до 1833 г., а с 1834 по 1848 год эту должность занимал не менее талантливый ботаник профессор Нордман. Однако последнему с самого начала очень не повезло, ибо он заступил на должность в момент небывалой для Северного Причерноморья засухи 1833-1834 гг., когда частично или полностью погибли сотни садов и лесных плантаций. А потому ни к прежнему блеску, ни к прежнему масштабу, несмотря на все усилия Нордмана, Ботанический сад более не возвращался. Впрочем, в этом уже и не было необходимости, так как казенные и частные сады и питомники к середине века набрали достаточно сил, чтобы обеспечивать себя самостоятельно.

Характерно, что профессор Нордман великолепно понял основные нужды в деле развития озеленения не только Одессы, но и всего Южного края — собственные квалифицированные кадры. С этой целью на месте Ботанического сада было основано "Училище садоводства", на земле которого к середине девятнадцатого века насчитывалось: 29 800 плодовых деревьев, 1 090 400 лесных, 3 110 плодовых кустарников и 48 590 неплодовых, не считая цветочных и оранжерейных растений. Причем, именно при главном училище садоводства было положено начало Ботаническому

парку, специализировавшемуся на флоре Северного Причерноморья. А семена, луковицы и корни различных растений из парка регулярно высылались в Париж, Берлин, Петербург и др. города.

Отметим также такой любопытный факт, что к середине девятнадцатого столетия одесское Главное училище садоводства выпустило 40 учеников, из которых 32 получили образование на казенный счет. При этом постигнув полный курс обучения в Одессе, все ученики обязаны были пройти завершающий практический курс в Крыму, в основанном еще в 1811 г. герцогом Ришелье Императорском Никитском саду.

Как это часто бывает, основание Ботанического сада в 1819 г. стало примером для подражания среди частных лиц. Так, к этому периоду относятся появление хуторов Аргузина, Шмита, Гельцля. А на морских каменисто-глиняных обрывах за Карантинной гаванью (в современной топонимике эту территорию можно определить — между пляжем Ланжерон и Отрадой) возникли дачи князя Кантакузена, графа Ланжерона, Маразли, Рено и Лицейский хутор. О том, сколь быстро местность была приведена в цветущее состояние, говорит уже то, что в 1828 г. на даче Рено отдыхала императорская семья. Но к этому мы еще вернемся.

С назначением на пост Новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова в 1823 г., озеленение Одессы и ее окрестностей стало одним из важнейших направлений в хозяйственной жизни города. Так, например, покупка земли на территории Одесского градоначальства без обязательств новыми владельцами высадить определенное количество деревьев или кустов винограда вообще была запрещена. Но подлинным поворотным моментом было учреждение в 1828 году Императорского общества сельского хозяйства Южной России, председателем которого стал, собственно, Воронцов, а секретарем — А.И. Левшин.

Само появление этого научного общества, первого в провинциальной России, было вызвано довольно курьезными обстоятельствами. Дело в том, что когда императорская семья прибыла в Одессу, а царь Николай I вместе с Воронцовым отправился под Варну на театр боевых действий войны с Турцией, императрица Александра Федоровна со свитой осталась гостить на даче Рено. Здесь она стала свидетельницей налета саранчи, после которого с императрицей приключилась истерика и обморок. Вернувшись в Одессу, царь, узнав обстоятельства дела, что называется из первых уст, тут же подписал указ об учреждении Общества, о необходимости создания которого ему постоянно твердил Воронцов.

С первых же дней существования Императорское общество сельского хозяйства Южной России, сыгравшее колоссальную роль в планировании и развитии аграрного хозяйства всего Южного края в целом, приобрело подлинно демократичный характер. Собрав в своих рядах местных владельцев и ученых-агрономов, Общество уже в первом уставе, утвержденном 14 сентября 1828 г., составило правила для раздачи наград за успехи в садоводстве и лесоводстве. Справедливо полагая, что "невозможно смешивать помещиков, издерживающих свои избытки на разведение садов, с простыми земледельцами, трудами рук снискивающими пропитание", но имевшими довольно ума и твердой воли, чтобы совершить столь трудный и столь полезный для края и для них самих подвиг как разведение сада или лесной плантации, "для первых нужны награды почетные, последние имеют нужду в наградах, могущих поправить их состояние".

Для землевладельцев всех сословий Общество положило в качестве постоянной меры для поощрения 10 000 руб. асс., сумма, заметим, довольно внушительная по тем временам. Вместе с тем, награды для различных регионов края распределялись не в равной степени. Так, для южного берега Крыма, где виноградарство получило уже значительное развитие, за посадку лоз награды не назначались, ограничились пятью премиями за разведение масличных деревьев и пятью — за успешную посадку каштанов, шелковичных и миндальных деревьев. Напротив, в степных частях края было учреждено четырнадцать премий за разведение винограда, а остальные назначены за разведение фруктовых и лесных деревьев, кроме ив и верб.

Характерно, что одну из первых почетных наград получил одесский купец Иван Рубо, который на своей даче, имевшей 103 десятины земли, посадил 250 000 виноградных кустов. Кроме того, по свидетельству одесского градоначальника и представителей Общества сельского хозяйства в лице графа Витта, Зонтага, Логинова, Демоя и др., Рубо завел виноградный питомник, где высадил 120 000 черенков различных французских сортов. На этой же даче было посажено до 10 000 фруктовых деревьев, большую часть которых составляли разные породы вишни, груши, абрикосов и яблонь, преимущественно лучших французских сортов. Вместе с тем здесь же была заведена плантация диких деревьев — дуба, ясеня, вяза, смоковницы, акации и др., число которых простиралось до 79 000 штук. Наконец, вокруг дачи была устроена живая изгородь, и посажено почти 60 000 тополей, волошских орешин и т. п. За все это Рубо был награжден по высочайшему указу золотой медалью на Анненской ленте, для ношения на шее.

Для того чтобы понять, насколько нелегко было разведение подобных огромных садов в Северном Причерноморье, достаточно напомнить, что все пространство Новороссийского края занимало 21 млн. десятин, тогда как леса занимали менее 700 тыс., т. е. около 1/40 всей его площади. В Одессе же и ее окрестностях эта пропорция была еще более разительна, так как все выращиваемое здесь могло появиться только за счет огромных усилий и самоотверженного труда. Даже содержание небольшого садика требовало неутомимого попечения, а засуха одного года могла свести на нет заботы и издержки многих предшествующих лет. Ярким тому примером может служить разведение лесной плантации на Пересыпи, появление которой через годы Аполлон Александрович Скальковский, "летописец Новороссийского края", с полным основанием назовет лучшим в своем роде гражданским подвигом.

Разведение лесной плантации на Пересыпи велось по инициативе и под руководством Алексея Ираклиевича Левшина, ставшего с 1831 г. одесским градоначальником. Собственно Пересыпь образовалась к тому моменту в результате обмеления Куяльницкого и Хаджибейского лиманов, занимая пространство на 9 верст в длину и от 3 до 6 верст в ширину (1 верста = 1,0668 км). Располагаясь у подошвы возвышенности, на которой стоит Одесса, Пересыпь, по свидетельству современников, представляла собой настоящую ливийскую пустыню. Раскаленный в летнее время года песок, в котором увязали проходившие со стороны Херсонской заставы обозы, превращал преодоление этого, казалось бы, короткого расстояния в непосредственной близости от города в тяжелую пытку для всех, и людей, и животных, проходивших через эту местность. Но самое страшное для города происходило при частом северном ветре, когда тучи едкой пыли со стороны Пересыпи буквально поглощали улицы и дома Одессы.

Чтобы устранить столь неприятное соседство, осенью 1831 г. Левшин решил высадить на Пересыпи лесную плантацию. Одесский градоначальник преследовал двоякую цель. Во-первых, укрепить корнями растений песок, а во-вторых, оживить зеленью это малопригодное для жизни пространство, на котором находилось лишь несколько небольших рыбацких поселков. Первоначально высадили опытные участки. Акация, столь хорошо зарекомендовавшая себя в городе, к сожалению, не принялась. Зато вербы, тополи и некоторые другие деревья прижились удачнее. Но лучше всех на песках прижилась так называемая красная лоза (*salix arenaria purpurea*), которую для пробы высадили на уча-

стке из трех десятин. К несчастью, страшная засуха 1833 года, о которой уже упоминалось, свела на нет гигантский труд, и все саженцы погибли.

Осенью того же года Алексей Ираклиевич Левшин решил возобновить посадку леса. И на этот раз удачно. Всего было посажено 197 тыс. деревьев на площади в 60 десятин. Весной 1834 г. посадку продолжили, и к апрелю ее площадь уже охватывала 130 десятин самого глубокого песка. К этому моменту здесь уже произрастало 583 000 штук деревьев, из которых большая часть относилась к разным сортам верб, а также тополи, тamarиск, красная лоза и др. В 1837 г. император Николай Павлович, приехав в Одессу, самолично осматривал уже вполне окрепшую лесную плантацию на Пересыпи и, используя терминологию того времени, наградил местное начальство изъявлением Высочайшего благоволения. В свою очередь столичное Общество для поощрения лесного хозяйства назначило А.И. Левшину большую золотую медаль.

Характерно, что Михаил Семенович Воронцов, никогда не останавливавшийся на полумерах, а потому стремившийся всегда и во всем к возможному совершенству, очень высоко оценил проделанный труд по разведению деревьев в Одессе, ставя его в качестве примера для всего края. Так, например, в одном из документов 1837 г. Воронцов писал: "По части лесоводства, столь нужного в здешних местах, начальство сделало все, что могло; но способы были весьма малы, и результаты еще не таковы, как бы желать можно. У помещиков сделаны некоторые шаги по мере сил и способов хозяев; но как весьма малое только число зажиточнейших из них живут на месте, то и многого ожидать от них невозможно. То, что мы могли сделать по части лесоводства, есть следующее: а) на Одесской городской земле, чрез расширение и умножение в большом виде казенного заведения, под именем Ботанического сада, уже теперь готово на пересадку и беспрестанно всеми покупается несколько миллионов лучших родов лесных деревьев; б) плантация на Пересыпи (в Одессе), долго почитавшаяся невозможной, трудами и терпением здешнего Градоначальника (А.И. Левшина), получила совершенно неожиданный успех ...".

Михаил Семенович отнюдь не случайно приводил подобные примеры в качестве достойных подражания. Если на песках возможно было развести огромную лесную плантацию, то на другой почве, невзирая на трудности, создание садов и парков было тем более возможно. Действительно, в одной из газет того времени читаем относительно рощи доктора Генно, о которой никто не ведал: "...как вдруг Одесса, всегда вздыхавшая о лесах,

увидела на противоположном берегу своей бухты, на возвышенности между Пересыпью и станцией Дофиновкой, целую кайму леса".

Вообще к середине позапрошлого века в Одессе насчитывалось 611 частных садов, как собственно в городе, так и на городской земле за городом. Лучшими из них почитались: английского генерального консула Джеймса, занимавшего всего 1 дес. земли, но поражавшего всех истинно английской ухоженностью и роскошью растительности; Архиерейский сад, основанный еще в конце XVIII в. митрополитом Гавриилом, а затем некоторое время принадлежавший графу Потоцкому; сад Нарышкина и др. Естественно, что наибольшее количество садов находилось в приморской зоне, где выделялись дачи Папудова, Маразли, Фонтана, Вагнера, Масса, Мавро и многие другие. Впрочем, уже к этому времени проявилась тенденция к дроблению крупных дачных участков, а, следовательно, и садов на более мелкие. Такова, например, была участь уже упомянутой ранее знаменитой дачи Рено, разделенной на множество мелких частных дач, но достаточно долго сохранявшейся в топонимике Одессы как собирательное название. Кстати, дача Ланжерона, например, аналогично, оставила за собой усеченное собирательное название "Ланжерон" до наших дней.

Из многочисленных дач и хуторов в предместьях Одессы выделялись своей обширностью и правильной планировкой дача Люизвиль-Десмета на Куяльнцком лимане, Джеймса Кортаца, на которой находились большие прекрасно рассортированные оранжереи, помимо 120 000 кустов винограда и огромных плантаций самых разнородных деревьев. Но самым любопытным, пожалуй, можно было бы признать хутор графа Разумовского на Молдаванке. Граф издержал на свой хутор сотни тысяч рублей и отличался тем, что беспрестанно строил там здания, которые тотчас же и разрушал, сажал деревья, пересаживал их, рыл каналы, устраивал подземелья, водоемы и т. п. Впрочем, как утверждал знавший его А.А. Скалковский, все это граф делал не столько из прихоти или самодурства, сколько из намерения помогать ближним — "Более 2 000 душ этого предместья питались от его щедрот: многим он выстроил дома, основал усадьбы и хутора".

Не менее любопытно было происхождение хутора, принадлежавшего капитану 1-го ранга Зонтагу. Родившись в США, Зонтаг перешел на русскую службу и долгое время командовал яхтой "Утеха", плавая по Черному морю. Уйдя в отставку, он решил назвать в честь любимого судна и хутор свой Утехою.

Нельзя не отметить также и тот факт, что Одесса, помимо казенных и частных садов, имела такую редкую по тем временам форму собственности как Городские общественные сады. Во всяком случае, в Новороссийском крае это был единственный город, который имел подобные сады. Всего в рассматриваемое время в Одессе их насчитывалось четыре: 1. Опытный хутор Общества сельского хозяйства Южной России, переданный на особых условиях почетному гражданину Иснару, который, в свою очередь, обязан был отпускать саженцы деревьев для общественных нужд бесплатно. 2. Сад при доме сирот Женского благотворительного общества, являвшийся одним из прелестнейших уголков Одессы, под который город передал Обществу 26 десятин земли. 3. Сад института Благородных девиц, расположенного на Молдаванке, предназначался, прежде всего, для прогулок воспитанниц, а потому и имел форму внутреннего парка. 4. Лицейский хутор, принадлежавший одесскому Ришельевскому лицейу. Он занимал около 26 десятин земли и был расположен на берегу моря, в трех верстах от собственно здания лицея. Эта дача служила для отдыха лицеистов и преподавателей в теплое время года, но вместе с тем имела прекрасную теплицу и хорошие питомники деревьев.

Даже довольно беглого и поверхностного взгляда на проблему озеленения, которая столь остро стояла перед одесситами первых поколений, достаточно для того, чтобы понять, почему такой неподдельной любовью пользуются у жителей города Приморский бульвар и Александровский проспект, Городской сад и сквер Пале-Ройаль. Простая мысль, что самая изысканная архитектура зданий и дворцов полумертва вне сочетания с подлинной живой архитектурой цветов, деревьев, кустов, никогда не была отвлеченной абстракцией для коренных одесситов. Это генетическая память, ибо досталось Одессе ее нынешнее зеленое богатство через тяжелый труд и воистину героические усилия тех, кто готовил тень, и плод, и воду, и приют для потомства.

Книжный знак как исторический документ К истории библиофильства в Одессе

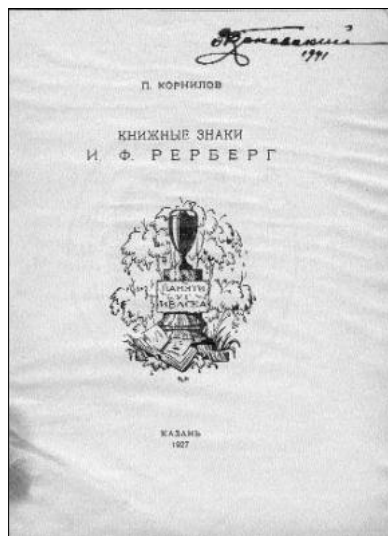
Одесса издавна слыла "книжным" городом. На протяжении двух столетий здесь непрерывно функционировали, возникали и исчезали многие типографии, издательства, книжные магазины, общественные библиотеки, частные собрания. Книжная торговля зарегистрирована уже начиная со второго десятилетия существования города, задолго до начала местного книгопечатания — книги завозились извне, из центра и из-за рубежа. А когда книги продавались и их покупали, появлялись домашние библиотеки... История библиофильства в Одессе еще не написана, но за последние годы немало сделано в этом направлении.

По мере создания домашних библиотек у многих рождалась естественная потребность отметить свои книги знаком собственности: личной росписью, оттиском печати, наклейкой именного ярлыка. Все подобные

свидетельства принадлежности экземпляра книги определенному владельцу, частному или общественному, объединены в современном книговедении под термином "книжные знаки". Основные их виды:

- собственноручная владельческая роспись;
- оттиск печати чернилами или конгревным тиснением;
- наклеенный на книгу ярлык с гербом или надписью (в быту их именуют "экслибрисы", с латинского — "из книг", именно с них началось коллекционирование книжных знаков);
- тиснение фамилии, инициалов, герба на переплете или на корешке книги (так называемые "суперэкслибрисы").

Как правило, домашняя библио-

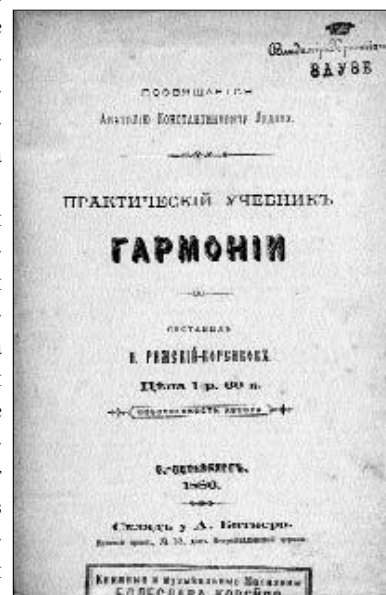
Владельческая роспись на книгах художника П. С. Коновского (1883-1953).

тека прекращала существование со смертью ее собирателя, в редких случаях она сохранялась во втором поколении, как исключение — в третьем. Изредка сам библиофил на склоне лет распродал свои коллекции либо завещал их общественному хранилищу, чаще книги продавали или дарили наследники. В любом случае, собрание как единое целое исчезало, а отдельные экземпляры из него растворялись в книжном море. Ничтожно малое число библиотек сохранилось в целостности как памятники своего времени, самый яркий пример — именные фонды Воронцовых, Строгонова в Одесском университете.

В этой ситуации любой книжный знак, будь то офорт известного художника, скромный типографский ярлык или чернильный оттиск печати, является самым достоверным, а подчас единственным историческим документом, отразившим реальное существование той или иной библиотеки. Именно книжные знаки служат отправной точкой в поисках следов забытых коллекций. Особенно плодотворно знакомство с книжными знаками не в собраниях экслибрисистов, а непосредственно на старых книгах, в первоизданном виде. Бывает, что ярлык наклеен рядом с оттиском печати того же владельца, бытовавшей ранее, пока библиофил еще не созрел для создания собственного экслибриса. Удастся проследить замену одного варианта ярлыка другим, повторение дополнительных тиражей по мере роста собрания. Зачастую рядом с книжным знаком вписаны шифры хранения книг, порядковые номера шкафов и полок, наименование отделов, что раскрывает размер и характер библиотеки. А как интересно обнаружить ярлык, наклеенный по-

Оттиск печати и ярлык художника В. Х. Заузе (1859-1939).

верх другого, оставшегося от предыдущего владельца. Или иначе: ярлык "погашен" последующим оттиском печати какой-либо общественной библиотеки, куда влилось со временем частное собрание. Прослеживается миграция книг внутри города и за его пределами (экземпляры из одесских собраний обнаружены, к примеру, в Петербурге, Воронеже).

Работа над книжными знаками Одессы — дело не одного года и не одного поколения исследователей. По состоянию на сегодняшний день уже удалось узнать имена многих забытых библиофилов, мысленно реконструировать размеры и характер некоторых домашних собраний, проследить судьбы ряда исчезнувших общественных библиотек. Из всей массы книжных знаков полнее всего изучены ярлыки-экслибрисы. Уже достоверно зарегистрировано порядка 80 фамилий их частных владельцев, около 40 общественных библиотек, полтора десятка "кабинетов для чтения" при книжных магазинах. Полный корпус ярлыков, с учетом вариантов, должен насчитывать до 300 номеров. Ну, а оттисков печатей — несоизмеримо больше, каждый день выявляются все новые и новые... Хронологические рамки названных цифр: от возникновения города до середины XX столетия, когда в среде нового поколения книголюбов стало модным заказывать для себя множество разных экслибрисов, предназначенных преимущественно для обмена и утративших связь с книгой.

* * *

Многие из одесских книжных знаков были описаны или репродуцированы в классических отечественных трудах, и любопытно проследить, как постепенно наращивалась в литературе информация. В первой фундаментальной книге В. Верещагина "Русский книжный знак", вышедшей в 1902 году, упомянуты всего три одесские фамилии¹. Через три года в монументальном томе У. Иваска учтено уже 14 книжных знаков одесских собраний, частных и общественных, среди них 13 ярлыков и один оттиск печати². В следующем выпуске этого труда (1910) добавлены еще два³, а в третьем (1918) — четыре знака⁴. В другой работе того же автора, "Частные библиотеки в России" (1911-1912), описаны шесть одесских библиотек, имевших свои книжные знаки⁵.

На первой из послереволюционных выставок книжных знаков в Петрограде в 1919 году среди полутора тысяч экспонатов были представлены 20 одесских (с вариантами — свыше 30), среди них семь ранее не опубликованных⁶. Издание "Книжные знаки русских художников" (1922) рас-

сматривает четыре одесских, но лишь один из них не был еще известен⁷. Три книги В. Адарюкова (1921-1923) содержат вместе девять интересных нас знаков, новы — два из них⁸. Много материалов по Одессе находим в сборниках трудов Ленинградского общества экслибрисистов (1924-1931) — полезные уточнения к ряду старых публикаций и семь новых фамилий⁹. Книга С. Сильванского (1927) сообщает о 20 одесских собраниях (16 ярлыков, 4 оттиска печатей)¹⁰. И, наконец, после многолетнего перерыва появляется капитальный свод Е. Розенбладта (1950-е), который не был издан и распространялся среди коллекционеров машинописным "самиздатом", в нем находим 35 одесских библиотек¹¹.

В общей сложности опубликовано не более трети известных на сегодня одесских книжных знаков, значительное их число остается не введенным в научный оборот.

* * *

С давних времен во всем мире широко распространено коллекционирование книжных знаков. Известны огромные собрания из десятков тысяч экземпляров, изданы сотни книг о них на разных языках, выходят из печати каталоги, журналы и даже специальные энциклопедии. Как правило, экспонаты накапливались в коллекциях в отрыве от книг. Ярлыки прошлых лет — уже склеенные со своего места, современные — не наклеивались вовсе, оттиски печатей — на фрагментах титульных листов, вырезанных из книг. Книжные знаки без книг стали ходовым коллекционным товаром: их продают и покупают, сдают в букинистические магазины, выставляют на аукционы, ими обмениваются. Рисунки их создавали и создают поныне известные художники. Устраиваются выставки, издаются каталоги. С точки зрения книговедения, научная ценность таких экземпляров несоизмеримо ниже, чем у их собратьев, сохранившихся в первозданном виде на родной книге.

Вся отечественная литература о книжных знаках создавалась видными собирателями, начиная с Иваска и Верещагина, и несла на себе следы коллекционного подхода к изучению материала: описывались в основном экземпляры книжных знаков из собственных и других столичных собраний, уже давно изъятые из книг. В результате — ограниченность информации, ошибки в атрибуции, слабое знание "провинциальных" источников. Аналогичное отношение просматривается у некоторых авторов и в попытках систематизации по формальным признакам: "художественные"

Ярлык владельца кожевенного завода, почетного члена Греческого благотворительного общества В.А. Параскева (18??-1911), перекрыт рукописным ярлыком греческой женской школы имени Родоканаки.

В 1920-х годах книжными знаками пристально интересовалась заведующая Отделом редких изданий Одесской государственной научной библиотеки (далее — ОГНБ) А.Н. Тюнеева (1888-1984), вела переписку с ведущими столичными книговедами (такими как В. Адариюков, Э. Голлербах, Ю. Меженко, В. Савонько, П. Эттингер), посылала им знаки одесских библиотек и сведения об их владельцах. Вот, к примеру, цитата из ответного письма Эттингера к Тюнеевой: "Очень тронут Вашей любезностью и сердечно благодарю за экслибрисы; все очень желанные и интересные. Если Вы сможете что-нибудь сообщить о Шмидте, т. е. когда он жил и как его звали, то премного обязан; о Березовском есть сведения у Сильванского"¹³. А. Тюнеева имела также небольшую домашнюю коллекцию книжных знаков, где были и одесские (разошлись в 1960-х годах среди местных собирателей). В ее архиве сохранился листок с описанием четырех одесских частных библиотек с их знаками: З. Ашкенази, М.М. Толстого [младшего], Ф. Феохариди, Д. Ширяева¹⁴.

Следующая волна интереса к книжным знакам возникла в Одессе в 1960-х годах: была организована "секция экслибрисистов" в составе мест-

знаки, "геральдические", "шрифтовые". От этих же корней проистекает и собрание по модным темам: "пушкинский экслибрис", "образ женщины в экслибрисе" и т. п.

В Одессе на протяжении XIX столетия не замечено интереса к коллекционированию книжных знаков. Самое раннее упоминание находим в статье У. Иваска 1903 года "Список собирателей книжных знаков"¹², где помещены две одесские фамилии: О.Я. Пергамент (1868-1909) и Л.А. Чижики (1861-1924). Никаких следов их коллекций не сохранилось. Известно лишь, что Чижики в 1902-1905 годах переписывался с Иваском, обменивался экслибрисами, снабжал его экземплярами одесских знаков и

ного отделения Всесоюзного общества филателистов, которая в 1982-м примкнула к Научной секции книги Одесского Дома ученых под названием "Городской клуб экслибриса и книжной графики" (собирался до 1998-го). Из энтузиастов-собирателей следует вспомнить М.Б. Гительмахера (1924-1990), Т.Г. Кузнецову (1907-1991), Б.Я. Левых (1920-1996). Интересовались они преимущественно ярлыками-экслибрисами как произведениями известных художников, но накопили также и некоторое количество старых книжных знаков (особенно Б. Левых). По смерти коллекционеров их собрания рассыпались.

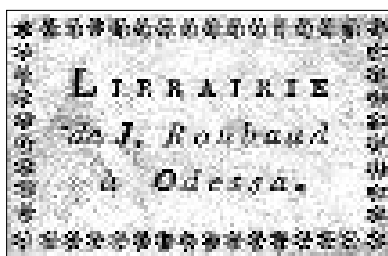
В 1969 году в Одессе прошли одна за другой две выставки книжных знаков и были изданы их каталоги, грешившие большим числом ошибок и опечаток¹⁵. Обе были эклектичны по содержанию, но продемонстрировали довольно много местного материала. Они впервые показали масштабность такой темы, ввели в оборот ряд неизвестных до той поры экземпляров и фамилий, дали толчок к дальнейшим поискам. По следам выставок в прессе появились репортажи, один из них — преимущественно о старых одесских знаках¹⁶. С той поры среди краеведов возник стойкий интерес к истории библиофилизма в родном городе.

К 1980-м годам пропагандой современного советского экслибриса увлекался М. Гительмахер: устраивал выставки в клубах и магазинах, выступал с обзорами, напечатал в газетах множество статей. Б. Левых поместил с десяток биографий своих друзей-художников, работавших над рисунками ярлыков, в престижной португальской энциклопедии "искусства экслибриса"¹⁷. Ему же принадлежат две популярные газетные статьи под одинаковым названием "Старинный одесский экслибрис"¹⁸. В "Альманахе библиофила" опубликована обстоятельная работа сотрудников научной библиотеки Одесского университета П. Бондаренко и В. Фельдмана, посвященная одной из самых знаменитых одесских библиотек прошлого — семьи Воронцовых¹⁹.

В 1990-х годах выполнено несколько монографических исследований о книжных собраниях и знаках отдельных одесских библиофилов: Ф. Феохариди²⁰, А. Тюнеевой²¹, Г. Маразли²², И. Вульфа²³, М. Комарова²⁴, П. Коновского²⁵, семьи Толстых²⁶, Н. Вусковича²⁷, Н.В. и Б.Н. Эрдели (в печати).

* * *

К числу самых ранних одесских книжных знаков можно отнести ярлыки Ф. Буавена, П. Розумовского, М.Д. Толстого, а также ярлычок книжной

Ярлык книжной лавки И.М. Рубо
(до лета 1828).

лавки И. Рубо, которую, по предположению историков, мог посещать А. Пушкин. Очевидно, первые библиотеки начинали комплектоваться их владельцами за пределами города и были привезены сюда уже вместе со своими книжными знаками.

В течение XIX столетия в Одессе сформировалось несколько грандиозных дворянских библиотек с родовыми гербами на печатях, ярлыках, су-

перэкслибрисах: семьи Воронцовых, И. Куриса, П. Розумовского, А. Строгонова, трех поколений Толстых, отца и сына Эрдели. Рядом с ними в городе бытовало множество сравнительно небольших книжных собраний купечества и разночинной интеллигенции, для которых характерны оттиски печатей и непритязательные ярлыки с фамилией владельца в незатейливой виньетке. К концу столетия число известных нам книжных знаков, а значит и самих библиотек, неуклонно нарастает.

Тексты на книжных знаках отражают многонациональный состав местного общества: не только на русском языке, но зачастую и на французском, немецком, польском, греческом, по-латыни, реже на украинском (М. Комаров), английском (J. Yeames), еврейском (Д. Вигодский). Некоторые печати на книгах раскрывают профессию владельца: "Докторъ М.С. Маргулієсь" — в качестве книжного знака использовались врачебные печати для аптечных рецептов.

Лишь считанные из собраний XIX столетия дошли до наших дней в более-менее первозданном виде, с небольшими утратами, оказавшись в главных научных хранилищах города — университетской и публичной (ныне ОГНБ) библиотеках. В университете они продолжают существовать в виде отдельных именных фондов. В ОГНБ несколько таких огромных книжных массивов поначалу растворились в общем многомиллионном фонде, но впоследствии, уже в наши дни, их удалось реконструировать благодаря наличию на книгах печатей, ярлыков, владельческих росписей (Г. Маразли, семьи Толстых, Я. Новикова, М. Комарова). Иные же крупные библиотеки старой Одессы, судя по их книжным знакам, оказались раздробленными по разным местам или были выплеснуты на книжный рынок (З. Ашкенази, И. Вульфа, А. Розена).

Большинство домашних библиотек исчезло почти бесследно. Даже из

самых знаменитых — П. Розумовского, И. Куриса, Н. Эрдели — осталось на поверхности всего по две-три книги. О существовании других, менее именитых библиофилов, известно исключительно благодаря их книжным знакам, и нет никаких источников для суждения о составе и размерах таких собраний. Но бывает и еще худшая ситуация: в Одессе не обнаружено ни одной книги, которая принадлежала бы когда-то В. Головину, Л. Криона П. Никола, Н. Тройницкому... Их ярлыки сохранились только в коллекциях экслибрисистов, потеряли связь с книгой. А четыре варианта книжных знаков И. Дариенкова начала XIX столетия, известные по публикации У. Иваска (1905), вовсе отсутствуют в Одессе, хотя бы вне книг.

"Повезло" в этом смысле библиотеке И. Вульфа (18??-1914). Совершенно уникален набор ее ярлыков на все буквы русского алфавита, случай единственный во всей истории книжного знака. Кстати, А. Сильванский, сообщивший впервые о таком ярлыке в 1927 году, описал лишь один вариант с буквой "Р", так и не поняв ее назначения. Множество книг с наклейками красного цвета рассеяны по всем одесским хранилищам, а разные буквы и инвентарные номера рядом с ними позволяют мысленно восстановить масштабы и содержание коллекции (порядка 5-8 тысяч томов).

Иные из книжных знаков, не публиковавшихся ранее, удастся привязать к Одессе по косвенным признакам. Так, ярлык с текстом "Домашняя бібліотека Юлія Марковича Койре" был обнаружен в одесском букинистическом магазине в 1970-х годах на переплете книги стихов А.Н. Плещеева. Рядом оказался ярлычок одесской переплетной мастерской и вторичная владельческая надпись "Из книг А. Борисова, 1920 г., Одесса". Очевидно, книга все время находилась в Одессе. В списках студентов юридического факультета Новороссийского (в Одессе) университета встретился некто Койре Юдко Мееров, родившийся в Одессе в 1872 году. А в газете "Одесский листок" за 1900 год промелькнуло траурное извещение о безвременной смерти того же, очевидно, Юлия Марковича Койре. Судя по редкости ярлыка (известен в единственном экземпляре) и невысокому порядковому номеру на нем, молодой юрист не успел обзавестись значительным книжным собранием.

Нельзя не вспомнить о существовании самодельных рукописных ярлыков, заблаговременно заготовленных по образцу типографских, наклеенных на книгу традиционным образом. Известно их несколько, например — с безымянными инициалами "Е. З.", с дополнительными надписями "Kunst" [Искусство], "1909", "Одесса".

Упомянем еще о загадочном оттиске печати 1910-х годов, сравнитель-

Оттиск печати неизвестного библиофила 1910-х г.

но часто встречавшимся в Одессе на лучших изданиях тех лет по искусству и книговедению (например, на номерах журнала "Русский библиофил"). На печати вырезаны баронская корона, шестиконечная звезда и трудно читаемая монограмма. На двух книгах из этого собрания кроме оттисков печати оказались также кожаные наклейки на корешках с тисненными инициалами "Н. Р.", буквы можно трактовать и как русские, и

как латинские. Печать вырезана очень тщательно, тонкими линиями (видимо — на стали). Оттиски поставлены всегда черными чернилами, аккуратно, на оборотной стороне титульных листов. Перед нами остатки неизвестной, явно библиофильской, коллекции.

* * *

К концу XIX столетия у ряда владельцев книжных собраний появляется потребность украсить свой книжный знак, рождаются "художественные" ярлыки. Поначалу их заказывали в европейских центрах у модных в то время художников-экслибрисистов: в Регенсбурге (О. Пергамент), Вене (Л. Чижилов), Риге (А. Енни), Берлине (Э. Ринк-Вагнер), Париже (А. Розен). Обычно они несут на себе черты стиля "модерн", перегружены банальными эмблемами типа раскрытой книги, восходящего солнца, Меркурия, сфинкса, профиля Наполеона, глобуса и т. п. По нашим сегодняшним меркам вряд ли можно отнести их к вершинам книжной графики.

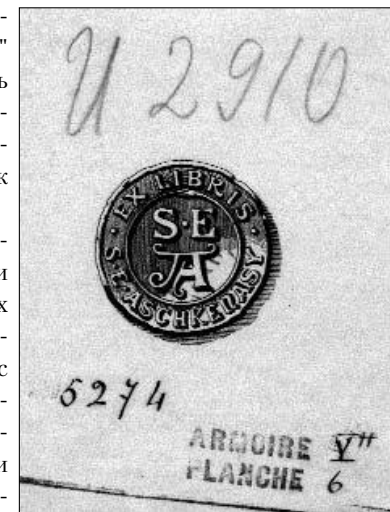
Среди подобных — ярлык А. Енни с сохой на фоне книжных полок. Он принадлежал жителю Одессы, "швейцарскому гражданину" Александру Фридриховичу Енни, владельцу известнейшего на Юге пивоваренного завода "Енни Ф. и К^о" на Бугаевской улице. С легкой руки У. Иваска (1905), который неправильно прочитал на ярлыке фамилию владельца латинскими буквами "Jeppu" как "Женни" вместо Енни, эта пресловутая "Женни" укоренилась во всей литературе по книжным знакам вплоть до наших дней.

К той же эпохе относится появление на книжных знаках всяких сентенций, иначе чем с юмором не воспринимаемых: "Книга мой друг — не

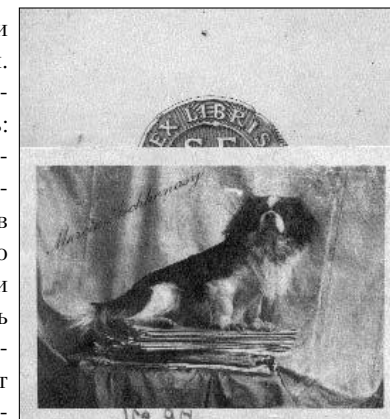
отнимай у меня моего друга" (на ярлыке В. Бельского), "Знание — сила" (на ярлыке С. Исаковича), "Из книг А.Д. Сиротинского. Нахождение этой книги не у А.Д. Сиротинского есть книга украденная" (оттиск печати).

Иные из собственников библиотек подражали, преднамеренно или случайно, друг другу в рисунках книжных знаков: ярлыки К. Андреевского, З. Ашкенази и М. Дынина с изображением сургучной печати отличаются лишь фамилиями. Возможно, все трое, не зная о существовании друг друга, заказали их в одной типографии по образцу, предложенному хозяином заведения. Весьма близки между собой ярлыки Воронцовых и Н. Тройницкого с фамильными гербами, естественно разными.

Обычно "художественными" бывали книжные ярлыки, а печати имели только лаконичные надписи. Присяжный поверенный К. Березовский проявил оригинальность: заказал большую, вероятно каучуковую, печать со сложным изображением сидящей девушки (музы?) в стиле "модерн", то ли читающей, то ли пишущей. Оттиски этой печати на книгах, а книг у него было очень много, выполнялись чернилами всевозможных цветов и оттенков, от розового до черного. В годы гражданской войны К. Березовский репатриировался в Польшу, а огромное его собрание разошлось по городу. Впоследствии многие оттиски этой печати, самых разных цветов, были вырезаны из титульных листов

Ярлык купца первой гильдии, владельца банковского дома З.Е. Ашкенази (1873-после 1919, эмигрировал) перекрыт детским ярлыком Марсии Ашкенази, дочери или внучки(?) библиофила. Библиотека насчитывала свыше 10 тысяч названий.

книг и распространялись среди коллекционеров как, якобы, самостоятельные экслибрисы, так и попали в литературу. Один из них, малинового цвета, был впервые опубликован Сильванским (1927): оттиск печати ошибочно назван "книжным ярлыком", отпечатанным цинкографией. Эту же ошибку повторяли все следующие авторы. Был у К. Березовского и ярлык — маленький, невзрачный, только с фамилией. Он встречается очень редко на отдельных листах-эстампах (в основном, с тематикой из польской истории).

Незадолго до революции к работе над книжными знаками подключились молодые одесские художники: П. Шварц (для Н. Вусковича; а также

Ярлык художника Ф.Г. Гозиасона (1898-1978).

для себя и своей жены — остались не реализованными), С. Олесевич (для Е. Вальтук). К числу самых удачных с точки зрения графики можно причислить, на наш взгляд, ярлык Филиппа Гозиасона для собственной библиотеки. Его приходилось неоднократно встречать на изданиях того времени по искусству (журнал "Аполлон", кнебелевская монография о Врубеле). В 1919-м Ф. Гозиасон

(1898-1978) уехал на Запад, со временем стал достаточно известным парижским живописцем. В одном из писем в Одессу, незадолго до смерти, он рассказывал: "Книги мои я продал букинисту Бакалу (на быв. Гаванной улице)"²⁸.

Во всем мире наблюдается в то время процесс отрыва книжного знака от книги, превращение его лишь в предмет коллекционирования, что не миновало и Одессу. Так, два ярлыка художника М. Нечитайло-Андрееенко (Андрееенко-Нечитайло, 1894-1982), созданных в 1918-1919 годах в Одессе для Ф. Воробейчик и Х. Дувартжоглу, никогда не пришлось увидеть наклеенными на книгах. Они хорошо известны в собраниях столичных экслибрисистов, изданы Сильванским (1927). Очевидно, весь тираж их был сразу же вывезен из Одессы, так как одесские коллекционеры получали их позднее путем обмена из Москвы. На обратной стороне ярлыков нет следов клея. Такие, якобы, книжные знаки остаются за пределами интересов книговедения.

Казалось бы, оптимальная ситуация, когда библиофильское собрание имеет единственный книжный знак как свою эмблему. Но так бывало далеко не всегда. Чаще случалось, что владелец поначалу обзаводился печатью, позднее заказывал ярлык. При большом числе книг печать могла износиться, возникала необходимость в новой. По мере роста библиотеки тираж отпечатанных ярлыков заканчивался, приходилось печатать повторно. В результате многие книжные знаки существуют в нескольких вариантах. Все ярлыки огромной библиотеки З. Ашкенази отпечатаны с одного клише, но по оттенкам краски можно проследить не менее пяти разных тиражей. По вариантам печатей и ярлыков З. Ашкенази в сочетании с проставленными рядом инвентарными номерами прослеживается постепенный рост собрания до 10 тысяч названий (все тома какого-либо собрания сочинений шли под одним шифром).

Ярлык Самойлы Исаковича Исаковича (1859-1910) известен не менее чем в четырех вариантах: текст надписи сохранялся идентичным, менялись шрифты набора и размеры. На последнем из вариантов проставлены типографские выходные данные: 1907 г., тираж 1000 экз. После смерти владельца его сын, Александр Самойлович, продолжал пополнять семейную библиотеку. Он заказал в 1913 году очередной ярлык, таким же тиражом 1000 экземпляров, сохранив форму и текст отцовского, заменив лишь имя владельца. Судя по инвентарным номерам, собрание выросло до 2,5 тысяч названий. Три модификации ярлыков с одним текстом имел доктор В. Бельский. Рекорд по числу вариантов побил книжный ярлык И. Вульфа, о котором уже шла речь: свыше 30, на все буквы русского алфавита.

Иногда же наличие вариантов среди книжных знаков — результат снобизма их владельцев. Так, Н. Крюна Папа Никола заказал от-

Ярлык семейной библиотеки потомственного почетного гражданина, владельца "гидропатического заведения" (бани) С.И. Исаковича (1859-1910) и его сына, профессора-биолога А.С. Исаковича (1883-1938).

тиски своих ярлыков с одного клише на пяти бумагах разных цветов, от розового до синего, и расклеил их вперемежку на 46 томах французского биографического словаря. Около десяти вариантов по цвету бумаги и по размерам, при одном исходном рисунке, насчитывают ярлыки О. Пергамента; три цвета бумаги — у Л. Чижикова.

Лишь несколько библиофилов старой Одессы позволили себе заказать по два ярлыка с разными рисунками: М.Д. Толстой, И. Дариенков, О. Пергамент, А. Розен, Ф. Феохарида (не известно ни одного случая, чтобы кто-то имел более двух). Как это контрастирует с современной практикой, когда собиратели печатают их себе десятками и сотнями, работы знаменитых и незнаменитых художников. Один из одесских экслибрисистов имел в своем распоряжении около пятисот (500!) разных собственных ярлыков, язык не поворачивается назвать их книжными знаками. Правда, до мирового рекорда это еще далеко, книга Гиннеса называет цифру в три тысячи²⁹. Из книжного знака экслибрисы превратились в визитные карточки.

* * *

Особая тема — миграция целых библиотек. Достоверно известно о двух крупных книжных собраниях, созданных в Одессе и затем вывезенных за ее пределы. Книжные знаки позволили хоть частично проследить дальнейшую судьбу книг.

На протяжении второй половины XIX столетия комплектовалось богатейшее библиофильское собрание Ивана Ираклиевича Куриса (1840-1898). Помимо книг здесь были рукописи (в их числе и Пушкина), гравированные портреты, картины отечественных и западных мастеров, античная нумизматика, предметы из археологических находок. Особенно славились редчайшие книги и рукописи. Жил И. Курис попеременно то в Одессе, то в собственном имении Курисово-Покровское (ныне село Петровка) в 67 км от города. Известно, что нумизматическая коллекция продавалась в Париже еще при жизни владельца, аукцион гравюр прошел в 1889 году в Берлине. Автографы, документы, письма знаменитых особ оставались у вдовы, частично публиковались одесскими исследователями, а в середине 1920-х годов ими торговали в Одессе спекулянты. Стараниями будущего академика М.П. Алексеева часть из них попала в петербургский Пушкинский Дом, где был создан отдельный фонд Куриса, небольшая толика хранится в отделе рукописей ОГНБ. Библиотека и картины были

вывезены сыном покойного собирателя, полковником одного из гвардейских полков, в его особняк в Царском Селе под Петербургом. После революции новые власти все национализировали и распродали. Ленинградские исследователи не раз описывали роскошные фолианты с суперэкслибрисами И. Куриса. В Одессе же осталось в ОГНБ всего три книжки из этой славноизвестной коллекции.

Ярлык книжного магазина с "библиотекой для чтения" Г.И. Белого (открыт в 1853, до 1871).

Другая библиотека — общественного деятеля Осипа (Иосифа) Яковлевича Пергамента (1868-1909). Жил он в Одессе, в 1907 году был избран членом второй, затем третьей Государственной думы, переехал в Петербург, там и умер скоропостижно. У. Иваск писал (1912): "Оставшаяся после него библиотека была распродана в 1910 г. Она находилась в Одессе и состояла из 9985 томов по истории, философии, юриспруденции, французской литературе, римских и греческих классиков и т. п."³⁰. По тексту можно подумать, что распродалась в Одессе. Но здесь до сих пор не обнаружилось ни одной книги Пергамента, тогда как в коллекциях экслибрисистов Москвы и Петербурга имеются многочисленные варианты его ярлыков, и одесские коллекционеры получали их оттуда же путем обмена. Более достоверной представляется другая информация, 1934 года: "Библиотека Пергамента. По общественным и юридическим дисциплинам, по искусству, архитектуре и смежным дисциплинам. Поступила в Ленинградский государственный книжный фонд"³¹.

Бывали и обратные случаи, когда иногородние собрания пополняли одесские книжные накопления. Так, в Одессу привезли из Петербурга библиотеку историка, генерал-лейтенанта, директора столичной публичной библиотеки, Н.К. Шильдера (1842-1902): "Н.К. Шильдер был страстным библиофилом и собрал весьма интересную коллекцию книг и редких рукописей. Его <...> собрание было приобретено за 15000 руб. Императорской Публичной библиотекой. Большая часть рукописей была оставлена в фондах <...>, а книжная часть <...> в конце февраля 1902 г. принята представителем библиотеки Новороссийского (Одесского) университета <...> передано 5597 томов, 1734 брошюры, 88 папок с вырезками"³². Собрание хранится в Научной библиотеке Одесского университета от-

дельным именованным фондом, книги снабжены двумя ярлыками: один — безымянный с гербом Шильдера; другой, с типографской надписью "Шильдеръ" и вписанным шифром, наклеен на корешках.

Думается, вполне правомочно включить книжные знаки таких иногородних библиотек, обогативших книжные запасы города, в число "одесских" и изучать их с той же тщательностью. Приведем еще несколько подобных примеров.

В конце XIX столетия тому же Новороссийскому университету была передана значительная часть другой знаменитой петербургской библиотеки, бывшего министра народного просвещения А.В. Головнина (1821-1886)³³. Книги растворились в общем массиве и отличимы ныне только по двум ярлыкам: один — с гербом и фамилией владельца, другой — только с фамилией. Некоторое число книг с ярлыками Головнина появлялось до недавнего времени и на букинистическом рынке Одессы, а сами ярлыки, уже без книг, наличествуют в коллекциях местных экслибрисистов.

В одесских библиотеках находится много книг с известным, раскрашенным от руки, ярлыком М.Ф. Бурмейстера (1827-1871), директора Канцелярии государственного контроля. Они обнаружены и в ОГНБ (несколько десятков), и в университетской библиотеке, и в других собраниях, и на руках экслибрисистов. Очевидно, какая-то немалая часть собрания М. Бурмейстера попала из Петербурга в Одессу. Когда и при каких обстоятельствах — пока неизвестно.

И последний случай, из недавнего прошлого. В 1971 году в местный букинистический магазин принесли чемодан книг, преимущественно французских романов, парижских изданий 1930-х годов. На всех томах был наклеен большой эффектный гравированный на стали ярлык судовых библиотек пароходов "Hamburg — Amerika Linie" (Гамбург — Американской линии). Оказалось, эти книги были списаны из судовой библиотеки пассажирского теплохода "Победа" Черноморского пароходства. Судно, бывшее немецкое, под названием "Magdalena", курсировало на этой трансатлантической линии до второй мировой войны, а затем досталось нам как военный трофей. Коллекционеры экслибрисов радостно покупали ненужные французские романы по рублю за томик и снимали с них книжные знаки.

* * *

Классические исследователи отечественного книжного знака (Верецагин, Иваск, Адарюков и др.) основное внимание уделяли частным со-

бирателям книг, однообразные печати и ярлыки общественных библиотек гораздо реже попадали в сферу их интереса. К настоящему времени удалось выявить множество таких знаков, до сих пор не изданных, заново освещающих историю библиотечного дела старой Одессы. Оказывается, существовали книжные собрания научных, просветительских, благотворительных обществ (Стурдзовской общины сердобольных сестер, Педагогического музея, Общества истории и древностей), гимназий, училищ (реального, епархиального, коммерческих, народных), других учебных заведений (кадетского корпуса, института благородных девиц), национальных обществ (английского, немецкого, французского), торговых фирм, даже табачной фабрики и стрелкового полка. Всех не перечислить...

Некоторые городские общественные библиотеки наклеивали на принадлежащие им книги тиражированные типографским способом правила пользования, условия абонементов и т. п. Зачастую они бывали в размер книжной страницы. Это тоже своего рода книжные знаки, заслуживающие пристального изучения. Они несут информацию о названии, назначении, адресе библиотеки, дают сведения о номенклатуре книг и журналов, стоимости абонемента. Вот некоторые из них: "Извлечение из правил для библиотеки Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы <...>", "Библиотека Одесского земства. Выпись из инструкции <...>". Иногда такие наклейки безымянны, но принадлежность их конкретной библиотеке определяется оттиском печати на титульном листе. Так, ярлык "Берегите книгу <...>" относится к Одесской общественной библиотеке на Тираспольской ул., 35.

При многих книжных магазинах функционировали "кабинеты для чтения", известные благодаря их ярлыкам. Кроме того, в городе было несколько достаточно крупных частных коммерческих библиотек, выдававших книги на дом. Самые популярные из них — В.В. Тарчинской (на Елисаветинской, 19) и Андрея Бортневского, основанная еще в 1867 году. От нее сохранилось не менее десяти различных ярлыков, и на каждом — другой адрес: по мере роста библиотека кочевала с Соборной площади на Гаванную улицу, с Екатерининской — на Дерибасовскую.

Один из многочисленных ярлыков частной коммерческой библиотеки А.И. Бортневского (работала с 1867 по 1919).

Гражданская война привела в движение и людей, и книги. Почти все известные нам по книжным знакам частные и общественные библиотеки прекратили существование. Учреждения ликвидировали, учебные заведения реорганизовывали; библиофилы эмигрировали, переселялись, уплотнялись, распродавались... Иные из книжных собраний пополнили фонды уцелевших главных библиотек города — ОГНБ и университетской. Большие массивы книг из дома

Ярлык городского головы Б.А. Пеликана в 1913-1917 гг., арестованного после Февральской революции.

З. Ашкенази попали в 1919 году в ОГНБ, художественное училище, университет, частично выплеснулись на букинистический рынок. Квартира бывшего городского головы Б.А. Пеликана (книги с "говорящим" ярлыком с изображением птицы пеликана) была разграблена толпой черни, а книги, по свидетельству соседей, выбрасывали из окон. К.Г. Березовский распродал свою огромную коллекцию в 1919 году перед репатриацией в Польшу. Другой поляк, профессор Новороссийского, позднее Варшавского университета, Б.Б. Гриневецкий (1875 — после 1948) оставил свои книги ботаническому саду. Коллекции начальника юридической части РОПИТА (Русского общества пароходства и торговли) Н.Н. Вусковича (1874-1942) были проданы в конце 1920-х в связи с репрессивным выселением его из Одессы. Наследие библиофила и библиографа Л.А. Чижикова сдано букинистам после его смерти. Следы всех этих и многих других библиотек сохранили только их книжные знаки.

С уверенностью можно назвать лишь два значительных дореволюционных частных собрания, продолжавших существовать в целости в последующие годы: доцента университета караима А.С. Исаковича (1883-1938) и библиофила-грека Ф.Г. Феохариди (1889-1938). Книги обоих были проданы после ареста и гибели их владельцев в годы "большого террора".

Остается до конца не выясненной судьба библиотеки, преимущественно театральной, архитектора (?) С. Фельджера. Он начал собирать книги еще до революции, заказал ярлык в типолитографии "Новак и Побуда" (функционировавшей с 1906 года³⁴), в начале 1950-х ликвидировал остатки библиотеки. Книги с его ярлыком изредка попадались в букинистическом магазине.

Общественные библиотеки, ставшие государственными, множество раз реорганизовывались, меняли названия, объединялись, разъединялись, равно как и книжные собрания учебных заведений, музеев и прочих учреждений. Каждые несколько лет заказывались все новые и новые печати, на русском и украинском языках, появились дополнительные штампы типа "переинвентаризация", "уступлено з дублетів" и прочие. Титульные листы и страницы книг пестрят десятками таких оттисков, и очень трудно разобраться в их последовательности.

Новое поколение "книжников" 1930-х годов (такой термин пришел тогда на смену понятия "библиофил") обзаводилось книжными знаками редко, не та была обстановка. Сохранилось лишь пять-шесть ярлыков того времени, ни один не опубликован. Внешний вид их более чем скромный, точнее сказать — нищенский. Профессор-искусствовед Н.А. Соколов (1886-1952), позднее репрессированный, печатал собственноручно свои книжные ярлыки на пишущей машинке. Неизвестный нам И. Цейтлин, может быть — школьник, сфабриковал самодельный ярлык на листке линованной бумаги из тетрадки, с примитивным оттиском рисунка книги и надписью "Домашняя библиотека И. Цейтлина Одесса № 30" (известен в единственном экземпляре). Старый большевик Сергей Романович Шоргин ставил на свои книги оттиск печати с надписью "Домашняя библиотека <...>" и полным именем, отчеством и фамилией, а в 1936 году заказал в типографии ярлык на газетной бумаге тиражом 3000 экземпляров. На наивном перегруженном рисунке присутствуют книги, колосья, свеча, тюремная решетка, пила с топором, пахарь за лошады... Куда делся библиофил, неизвестно, а две неплохих книги из его собрания прошли в 1970-х годах через одесский букинистический магазин.

Во второй половине 1920-х годов некоторый вклад в искусство книжного знака внес одесский "Політехнікум образотворчих мистецтв", как тогда называлось художественное училище, получившее статус высшего. Известный художник профессор М.И. Жук (1883-1964) создал в технике автолитографии восемь интересных с точки зрения книжной графики экслибрисов: семь вариантов для себя, один для ректора С.И. Ткаченко. К

сожалению, они были отпечатаны малым тиражом, не реализованы по прямому назначению и не стали книжными знаками, остались для выставок и коллекций. Студенты также занимались рисованием экслибрисов, один другому, возможно — это входило в учебную программу. В 1929 году "Політехнікум" издал книгу под названием "Книжковий знак"³⁵, где были репродуцированы 33 студенческих работы. Ни одна из них не была воплощена в жизнь, а из студентов-участников только один Роберт Граббе (1904 — после 1991) стал со временем профессиональным мастером книжного знака (жил в Москве, затем в Караганде).

* * *

Благодаря книжным знакам удалось исследовать, с разной степенью полноты, судьбы многих домашних библиотек жителей старой Одессы. Родовых аристократических книгохранилищ было среди них лишь несколько, а преобладали камерные собрания обычных читателей, "книголюбов", по современной терминологии. Они создавали для себя и семьи общеобразовательные библиотеки покупкой текущих изданий: сочинений классиков, беллетристики, словарей, детских книжек, журналов. Правда, иные из тогдашних рядовых приобретений кажутся нам сегодня недостижимыми раритетами. Рядом существовали рабочие библиотеки ученых, профессоров лицея и университета, преподавателей гимназий, врачей, юристов, с книгами по специальности, будь то археология или изящная словесность, математика или ботаника, медицина или юриспруденция.

Прослеживается любопытная закономерность. Деда — малограмотные мещане или крестьяне, а то беглецы из Греции или Австрийской империи, робко приобщались в Одессе к мелкой торговле или ремеслу. Следующее поколение вырастало в крупное купечество вплоть до первой гильдии (экспорт зерна, мукомольное дело, изготовление канатов, строительство домов), приобретало звание "потомственных почетных граждан". Внуки получали высшее образование, становились капиталистами европейского масштаба, занимались благотворительностью, собирали домашние библиотеки, обзаводились книжными знаками (вспомним Ашке-нази, Вейнштейна, Исаковича, Маразли, Новикова...). Большинство так называемых "художественных экслибрисов" заказывалось самым молодым поколением этих купеческих родов.

Было в Одессе и некоторое количество истинно библиофильских со-

браний, с инкунабулами и рукописями, с книгами XVII и XVIII столетий, с русскими иллюстрированными изданиями начала XIX ст. или с французскими изысканными малотиражными увражами конца века, с тщательно подобранными коллекциями театральных пьес, эстампов, автографов, с трудами по библиографии и книговедению.

Революции и войны, тоталитаризм и невежество нанесли культурным богатствам города непоправимый ущерб, несметное число книг было просто уничтожено, не говоря уже о разграбленных. Но несколько центральных книгохранилищ уцелело, хоть и с заметными утратами, возникло множество новых общественных и ведомственных библиотек, а рядом незаметно трудится молодое поколение книголюбов и библиофилов.

Примечания

¹ Верещагин В.А. Русский книжный знак. — СПб, 1902. — Книга существует в двух вариантах: русском и французском.

В тексте русского варианта бегло упомянуты книжные знаки В.Н. Бельского и С.И. Исаковича (с. 42) без ссылки на их одесское происхождение. На рис. 49 обоих вариантов помещена репродукция с подписью: "Книжный знак И. Бларамберга. Ex-libris de J. Blarambert [так в оригинале] (XVIII s.)." Принадлежность этого ярлыка известному одесскому археологу И.П. Бларамбергу (1772-1831) автором никак не аргументирована; в греческих надписях на рисунке упоминаются Аполлон Простат и Ольвиополиты, но фамилия Бларамберга отсутствует. В последующих публикациях (Иваска, Адариюкова, Розенбладта) также не приведено никаких документальных подтверждений, лишь ссылки на Верещагина. При этом во всех публикациях воспроизведен или описан один и тот же экземпляр, оформленный в фигурную рамочку "с вырезанными углами". Датировка "XVIII ст." безусловно ошибочна: Бларамберг прибыл в Россию в 1797, в Одессе поселился в 1808, после чего и увлекся ольвийской археологией. По литературным данным середины XIX ст. библиотека Бларамберга после его смерти была приобретена в Одесскую городскую публичную библиотеку, но книг с этим знаком в фондах ОГНБ не обнаружено. Лишь на одном экземпляре сочинения самого Бларамберга о монетах Ольвии (Paris, 1822) такая наклейка присутствует на переплете книги как виньетка. Вопрос, является ли эта виньетка книжным знаком Бларамберга, остается открытым.

² Иваск У. Описание русских книжных знаков. — Вып. 1. — М., 1905.

³ Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков. — Вып. 2. — М., 1910.

⁴ Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков. — Вып. 3. — М., 1918.

⁵ Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — СПб, 1911. — №№ 3, 4, 6, 7, 8; Иваск У.Г. Частные библиотеки в России. — Ч. 2. — СПб, 1912 [отдельная брошюра, приложение к журн. "Русский библиофил"]. — Обращает на себя внимание, что автор описывает петербургскую наследственную библиотеку графа А.Г. Строгонова (1795-1891), но ничего не знает об огромной его же одесской библиотеке (с геральдическим ярлыком), поступившей в 1896 в Новороссийский университет в Одессе и хранящейся там по сей день отдельным именным фондом.

⁶ Каталог книжных знаков (Ex-Libris) / Выставка Института худож.-научн. экспертизы. — П., 1919.

⁷ Книжные знаки русских художников / Под ред. Д.И. Митрохина, П.И. Нерадовского и А.К. Соколовского. — П., 1922.

⁸ Адарюков В.Я. Русский книжный знак. — М., 1921; Адарюков В.Я. Русский книжный знак. — 2-е доп. и испр. изд. — М., 1922; Адарюков В.Я. Редкие русские книжные знаки. — М., 1923.

⁹ Труды Ленинградского общества экслибрисистов. — Вып. I-XIII. — Л., 1924-1931.

¹⁰ Сильванский С.А. Провинциальные книжные знаки. — Херсон, 1927.

¹¹ Розенблатт Е.А. Русский книжный знак: Библиотеки частных лиц: Художественные книжные знаки. — "3-е машинописное издание". — Л., 1968; Розенблатт Е.А. Русский книжный знак: Библиотеки частных лиц: Геральдические книжные знаки. — "2-е машинописное издание". — Л., 1964. — Каталог частного собрания книжных знаков ленинградского коллекционера и исследователя Е.А. Розенблатта (1890-1958), составленный в 1950-1956, не был издан. После смерти автора его ленинградские коллеги размножили рукопись небольшим тиражом, несколькими "машинописными изданиями". Упомянутые две части имеются в Одессе (собр. С. Лущика), раздел "Шрифтовые книжные знаки" остался нам недоступен.

¹² Иваск У.Г. Список собирателей книжных знаков (Ex-libris'ов) // Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф. — СПб, 1903. — № 1. — С. 15.

¹³ Письмо П.Д. Эттингера к А.Н. Тюневой. Москва, 21 сент. 1929. Собр. С. Лущика.

¹⁴ Машинопись. Собр. С.Г. Матвеевой.

¹⁵ Выставка книжного знака из собраний одесских коллекционеров. — Одесса, 1969; II выставка книжного знака, посвященная 175-летию со дня основания г. Одессы. — Одесса, 1969.

¹⁶ Лущик С. Одесский экслибрис // Комсомольська іскра. — Одеса, 1969. — 20 верес. — С. 3, ил.

¹⁷ Ex-libris: Encyclopaedia bio-bibliographical of the art of the contemporary ex-libris. — Т. 1-15 / Publ. by Artur Mario da Mota Miranda. — Braga Codex (Portugal), 1985-1994. — Тираж 500 экз. Фонд ОГНБ, из собр. Б.Я. Левых.

¹⁸ Левых Б. Старинный одесский экслибрис // Моряк. — Одесса, 1988. — 7 янв. — № 3. — С. 12, ил;

Левых Б. Старинный одесский экслибрис // Вестник региона. — Одесса, 1995. — 19 авг. — С. 7, ил.

¹⁹ Бондаренко П., Фельдман В. Библиотека Воронцовых в Одесском университете // Альманах библиофила. — Вып. 10. — М., 1981. — С. 98-109.

²⁰ Лущик С.З. Одесский библиофил Ф.Г. Феохарида // Книга: Исследования и материалы. — Сб. 62. — М., 1991. — С. 228-233, ил.

²¹ Арюпіна Л.В. Олександра Миколаївна Тюнєєва // Бібліотечний вісник. — Київ, 1993. — № 1-2. — С. 64-66.

²² Барковская О.М., Лущик С.З. Книжные знаки библиотеки Г.Г. Маразли // Григорий Григорьевич Маразли: Меценат и коллекционер: Сборник статей. — Одесса, 1995. — С. 145-179, ил.

²³ Лущик С.З. Игнатий Владиславович Вульф и его коллекции // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае: Тезисы докладов научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию Одесского историко-краеведческого музея. — Одесса, 1996. — С. 29-30.

²⁴ Книги з автографами у фондах Одеської державної наукової бібліотеки імені М. Горького: Збірка М.Ф. Комарова: Каталог / Упорядники Л.В. Арюпіна, Г.Д. Зленко. — Одеса, 1996. — 44 с.

²⁵ Лущик С. Неизвестный П.С. Коновский // Всемирные одесские новости. — 1997. — № 1. — С. 10, ил.

²⁶ Фабрика Л.В. Семейная библиотека графов Толстых в Одессе // Записки отдела редких изданий и рукописей ОГНБ им. М. Горького. — Вып. 1. М.М. Толстой — меценат и библиофил: Материалы конференции, ноябрь 1997. — Одесса, 1999. — С. 62-76, ил.

²⁷ Лущик С. Из книг Н.Н. Вусковича // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. — № 3. — Одесса, 2000. — С. 199-204, ил.

²⁸ Письмо Ф.Г. Гозиасона к Е.М. Голубовскому. Париж, 19 марта 1977.

²⁹ Голубовский Е. Автор энциклопедии // Вечерняя Одесса. — 1990. — 13 янв. — С. 4, ил.

³⁰ Иваск У. Частные библиотеки в России. — Ч. 2. — СПб, 1912. — С. 24.

³¹ Друганов И.А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Советская библиография: Сборник. — № 3-4. — М., 1934. — С. 135.

³² Русская нелегальная и запрещенная литература XIX века в фондах Научной библиотеки ОГУ: Аннотированный указатель / Сост. О.Ю. Ноткина и Т.Я. Логвинова. — Одесса, 1976. — С. 10.

³³ Иваск У. Частные библиотеки в России // Русский библиофил. — СПб, 1911. — № 6. — С. 79; № 8. — С. 73.

³⁴ Е. Розенблатт (1950-е) ошибочно приписал монограмму одесской типолитографии "Новак и Побуда" на книжном знаке С. Фельджера петербургскому художнику Н.В. Зарецкому.

³⁵ Книжковый знак: Роботи студентів поліграфічної майстерні / Одеський політехнікум образотворчих мистецтв. — Одеса, 1929. — Тираж 300 прим.

Учитель Бабеля

В Одессе можно часто услышать, как один еврей, желая спросить у другого еврея, понимает ли он по-еврейски или разговаривает ли он по-еврейски, вместо "по-еврейски" говорит "по-французски". А вместо того, чтобы сказать о ком-то, что он по национальности еврей, говорят, что он француз...

Мне же хочется рассказать о человеке, который, как говорят в Одессе, таки да понимает и говорит, притом превосходно, по-французски. Дело в том, что человек этот не еврей, которого называют французом, а настоящий француз, хотя, кстати, внешне он очень похож на еврея...

С этим пожилым небольшого роста человеком в старомодной шляпе "канотье" я познакомился случайно, во время долгого и томительного ожидания трамвая... Говорили мы о разном, но больше всего об очередном переименовании одесских улиц. В этом вопросе собеседник оказался эрудитом. Прощаясь, мой новый знакомый вручил мне свою визитную карточку: "Борис Евгеньевич Вадон. Фонд французской культуры. Председатель", — прочитал я. Вадон? Мучительно напрягая память, я силен был вспомнить, почему эта фамилия показалась мне знакомой. И вот недавно, перечитывая Бабеля, в его "Автобиографии" читаю: "Школа эта незабываема для меня еще и потому, что учителем французского языка там был мосье Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучал меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с 15-ти лет начал писать рассказы на французском языке..."

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Школа, о которой пишет Исаак Эммануилович Бабель, была коммерческим училищем, которое находилось в Одессе в начале Преображенской улицы (теперь там экономический университет). А что касается французской колонии, то она была в Одессе довольно многочисленной. Причем настолько, что в 1910 году французы даже решили построить для себя костел на Гаванной улице.

А кто из одесситов если не бывал, то хотя бы слышал о дореволюционном ресторане француза Робина — до недавнего времени ресторан "Украина"? Ресторан этот даже описан в литературе — в "Окаянных днях" Ивана Бунина и в "Похождениях Невзорова" Алексея Толстого...

Известными были в Одессе до революции и французы — дамские

портные братья Лантье, которые жили в доме № 9 по Екатерининской улице. Братья настолько враждовали между собой, что сделали для себя отдельные хода...

Но вернемся к Бабелю и его учителю французского языка Вадону. В 1935 году писатель участвовал в Международном конгрессе в защиту культуры в Париже. Вспоминая его выступление на конгрессе, Илья Эренбург отмечал в своем предисловии к произведениям Бабеля: "...Он говорил по-французски свободно, весело и мастерски".

Оказалось, что Морис (Борис) Евгеньевич Вадон — француз по национальности, и не только родственник учителя Бабеля, но и хорошо помнит Исаака Эммануиловича: в детстве часто встречал его в Одессе.

Французы появились в Одессе, когда Екатерина II предоставила им в вечное пользование свободные земли. Это были главным образом французские аристократы, бежавшие от буржуазной революции. Известно, что в начале XIX века одними из первых генерал-губернаторов в Одессе были французы — дюк Ришелье и граф Ланжерон.

Среди французских семей, приехавших в Одессу, был и прапрадед Бориса Евгеньевича. Его сын Жозеф стал предпринимателем и даже построил в Херсоне чугунолитейный завод. Деды Бориса Вадона тоже были его владельцами.

...1937 год. Начинается трагическая страница в жизни семьи Бориса Евгеньевича. Его отец — талантливый инженер Евгений Евгеньевич был арестован и, обвиненный во вредительстве, вскоре расстрелян. Арестован был и Борис. Ему предстояло отсидеть восемь лет.

После освобождения из лагеря Вадон вернулся в родные края и поступил виолончелистом в одесский Украинский музыкально-драматический театр.

Постепенно жизнь налаживалась. Теперь можно было отдаться любимому искусству. Борис Вадон стал разъезжать по городам и выступать на эстраде с сольным номером: на семи мандолинах разных размеров (самая маленькая помещалась в верхнем карманчике пиджака) исполнял вариации на темы народных песен, отрывки из оперетт.

С 1990 года Борис Евгеньевич Вадон состоял членом Одесской ассоциации жертв политических репрессий. После продолжительных поисков Вадону удалось собрать немногим более 20 семей французов.

В настоящее время родственники Вадона разбросаны по многим странам — США, Франции, Италии, Польше, Болгарии, есть они даже... на острове Гаити.

Среди проживающих в Одессе французов немало людей с интересной судьбой. Это, прежде всего, Ирина Александровна Скейрис-Вадон, по профессии бухгалтер. Среди "одесских" французов — Габель, Орэ, Де-Метц и другие. Де-Метц — внучка инженера, по проекту которого в Одессе строились трамвайные линии и депо (1910-1912 гг.).

Борис Евгеньевич очень любит музыку и литературу. Правда, преимущество здесь он отдает французским классикам. Однажды Вадон признался мне, что Золя, например, он любит особенно за то, что в его романе "Дамское счастье" есть персонаж по фамилии Вадон, это — продавщица магазина.

— Ну, а цветочницу мадам Вадон у Бальзака вы, наверное, помните? — спросил у меня Борис Евгеньевич.

Увы, цветочницу мадам Вадон я определенно не помнил...

Как-то я поинтересовался у Бориса Евгеньевича, есть ли у него какая-нибудь заветная мечта.

— Да, есть, — в глазах мосье Вадона вспыхнула лукавая искорка. — В отведенное мне время (мне ведь за 80) выпить стаканчик настоящего французского "бордо"...

Б.Е. Вадон умер в 1995 году.

* * *

Недавно я беседовал с дочерью учителя И.Э. Бабеля — Ириной Александровной. Несмотря на возраст (за 90) у нее ясная память, и она сообщила мне доселе неизвестные, но чрезвычайно интересные сведения о своем отце. А кое в чем даже "подправила" Бабеля — из того, что он написал об учителе Вадоне в своей "Автобиографии".

Так, например, Ирина Александровна утверждает, что ее отец, мосье Вадон, вовсе не был бретонцем, а родился, как и все Вадоны, в Херсоне. А если говорить о далеких предках Вадона, то они были родом из Прованса — области на юго-востоке Франции, на побережье Средиземного моря. Край этот издавна славился не только эфиромасличными культурами (знаменитое прованское масло), не только широким притоком туристов, но и литературными традициями. Именно в Провансе еще в конце XI века возникла поэзия "трубадуров", истоки которой питало народное творчество. В Провансе существовал и свой, провансальский язык, на котором в XI-XIII вв. была создана богатая литература. Так что фраза Бабеля в его "Автобиографии" о том, что его учитель французского язы-

ка "обладал литературным дарованием, как все французы", отнюдь не была преувеличением...

Из рассказов, передававшихся из поколения в поколение Вадонов, в Провансе еще XIX веке сохранялись развалины их родового дома... Что же касается учителя Бабеля — Александра Вадона, то по сложившейся в роду традиции всех лиц мужского пола этой семьи для получения образования отправляли во Францию. Так Александр Вадон закончил Сорбонну в Париже и имел научную степень бакалавра. По окончании университета он преподавал французский язык в симферопольской женской гимназии. Здесь познакомился со своей будущей женой — "классной дамой" Верой Павловной. Из Симферополя в начале 900-х годов супруги переехали в Одессу. В своей "Автобиографии" Бабель писал: "Школа моя называлась Одесское Коммерческое имени Императора Николая I училище". Просматривая книгу "Исторический очерк 50-летия Одесского Коммерческого училища", изданную в 1912 году в Одессе, я несколько раз встречал фамилию Вадона. Так, на групповой фотографии педагогической коллегии училища запечатлен был и "преподаватель французского языка А.А. Вадон". Он же числился и в списке лиц, исполнявших обязанности классных наставников и классных наблюдателей в 1902-1906 и 1908-1912 годах.

Небезынтересно (особенно для тех, кто интересуется подлинной, а не сфальсифицированной "по указанию сверху", биографией Бабеля), что в этой же книге указана точная дата окончания Бабелем Коммерческого училища — 1911 год.

Началась первая мировая война. Будучи французским подданным (в советское время так называемые компетентные органы принудили его принять гражданство СССР), А. Вадон служил во французской армии — санитаром в госпитале, который находился в Македонии.

Когда Вадон вернулся после войны в Одессу, Коммерческого училища уже не существовало и, чтобы как-то содержать семью, Александр Александрович вынужден был давать частные уроки французского языка. Из-за отсутствия средств Вадон не мог, как поступило большинство "одесских" французов, эмигрировать во Францию.

По словам дочери, свое свободное время отец посвящал живописи, даже брал уроки рисования. В квартире А. Вадона долгое время хранились несколько альбомов с его карандашными зарисовками.

Ирина Александровна вспоминает, что среди одесских знакомых отца был выдающийся архитектор, действительный член Общества Изыщ-

ных Искусств Викентий Иванович Прохаска. Однако, скорее всего, знакомство это не было связано с увлечением Вадона совершенными архитектурными формами. На самом деле все было гораздо проще. Дело в том, что руководителями коммерческого училища были, в основном, чехи, и именно в училище Вадон мог познакомиться с Прохаской, тоже чехом по национальности. Сближала их и религиозная общность — оба были католиками.

Ирина Александровна уточнила одесский адрес своей семьи: Коблевская, 38а (дом сохранился). В этом доме А. Вадон жил со своей женой и двумя дочерьми — Татьяной и Ириной.

Что еще? С удивлением узнаю о таком парадоксе: дочь учителя Бабеля не знает ни слова по-французски...

Не скрою: мне было особенно приятно узнать, что Ирина Александровна Скейрис-Вадон окончила ту же, что и я, 37-ую одесскую школу на родной мне Софиевской улице, 24.

Учитель Бабеля А.А. Вадон скончался в Одессе в 1933 году в возрасте 60 лет.

VIP-Департамент

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры и риэлторства Одессы. Спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", вот уже семь лет весьма успешно работающее на отечественном рынке недвижимости. Сегодняшний разговор пойдет об элитарной недвижимости Южной Пальмиры. А нашим информированным консультантом станет руководитель VIP-департамента АН "Капитал" Виталий Семенович Головин.

Прежде всего отметим, что это новое подразделение АН "Капитал" развернуло свою деятельность в конце апреля текущего года. Как и другие офисы агентства, расположено оно в очень удачном месте — в многолюдной деловой части Одессы, на магистральном перекрестке Большой Арнаутской и Пушкинской улиц. Офис безупречно оборудован и оформлен. Созданы самые благоприятные условия для общения с VIP-клиентурой. Уютные холлы, с тонким вкусом декорированный интерьер, комфортная мебель, аквариумы, произведения прикладного искусства, инновационные средства связи и оперативного получения информации, видео- и аудиотехника, возможность ознакомиться с тем или иным объектом, не выезжая на место, — посредством искусно сделанного видеофильма и т. д.

Как уточнил В.С. Головин, глобальная задача департамента — работа исключительно с элитной недвижимостью: покупка, продажа, аренда. Указанные операции производятся не только с жилым фондом, но также и с так называемой коммерческой недвижимостью, а это — офисы, производственные помещения, бары и рестораны, магазины, гостиницы, спортивно-оздоровительные комплексы и т. п.

Работа с VIP-клиентами, разумеется, предполагает высочайший уровень профессионализма риэлторов. Поэтому руководство АН "Капитал" тщательно отбирало в штат департамента поистине VIP-сотрудников: из всех филиалов сюда пришли наиболее опытные люди с огромной эрудицией, причем не только в сфере торговли недвижимостью. Департамент работает 12 часов в сутки, с 9.00 до 21.00, что упрощает доступность и создает дополнительные удобства для чрезвычайно загруженных деловых партнеров.

Еще один крайне важный момент. Поскольку предлагаемые VIP-объекты обычно очень недешевы (что и понятно по определению), то черз

ных Искусств Викентий Иванович Прохаска. Однако, скорее всего, знакомство это не было связано с увлечением Вадона совершенными архитектурными формами. На самом деле все было гораздо проще. Дело в том, что руководителями коммерческого училища были, в основном, чехи, и именно в училище Вадон мог познакомиться с Прохаской, тоже чехом по национальности. Сближала их и религиозная общность — оба были католиками.

Ирина Александровна уточнила одесский адрес своей семьи: Коблевская, 38а (дом сохранился). В этом доме А. Вадон жил со своей женой и двумя дочерьми — Татьяной и Ириной.

Что еще? С удивлением узнаю о таком парадоксе: дочь учителя Бабеля не знает ни слова по-французски...

Не скрою: мне было особенно приятно узнать, что Ирина Александровна Скейрис-Вадон окончила ту же, что и я, 37-ую одесскую школу на родной мне Софиевской улице, 24.

Учитель Бабеля А.А. Вадон скончался в Одессе в 1933 году в возрасте 60 лет.

VIP-Департамент

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры и риэлторства Одессы. Спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", вот уже семь лет весьма успешно работающее на отечественном рынке недвижимости. Сегодняшний разговор пойдет об элитарной недвижимости Южной Пальмиры. А нашим информированным консультантом станет руководитель VIP-департамента АН "Капитал" Виталий Семенович Головин.

Прежде всего отметим, что это новое подразделение АН "Капитал" развернуло свою деятельность в конце апреля текущего года. Как и другие офисы агентства, расположено оно в очень удачном месте — в многолюдной деловой части Одессы, на магистральном перекрестке Большой Арнаутской и Пушкинской улиц. Офис безупречно оборудован и оформлен. Созданы самые благоприятные условия для общения с VIP-клиентурой. Уютные холлы, с тонким вкусом декорированный интерьер, комфортная мебель, аквариумы, произведения прикладного искусства, инновационные средства связи и оперативного получения информации, видео- и аудиотехника, возможность ознакомиться с тем или иным объектом, не выезжая на место, — посредством искусно сделанного видеофильма и т. д.

Как уточнил В.С. Головин, глобальная задача департамента — работа исключительно с элитной недвижимостью: покупка, продажа, аренда. Указанные операции производятся не только с жилым фондом, но также и с так называемой коммерческой недвижимостью, а это — офисы, производственные помещения, бары и рестораны, магазины, гостиницы, спортивно-оздоровительные комплексы и т. п.

Работа с VIP-клиентами, разумеется, предполагает высочайший уровень профессионализма риэлторов. Поэтому руководство АН "Капитал" тщательно отбирало в штат департамента поистине VIP-сотрудников: из всех филиалов сюда пришли наиболее опытные люди с огромной эрудицией, причем не только в сфере торговли недвижимостью. Департамент работает 12 часов в сутки, с 9.00 до 21.00, что упрощает доступность и создает дополнительные удобства для чрезвычайно загруженных деловых партнеров.

Еще один крайне важный момент. Поскольку предлагаемые VIP-объекты обычно очень недешевы (что и понятно по определению), то черз

агентство покупка может быть совершена и в кредит. При этом кредитование осуществляется на срок до десяти лет под минимальные на сегодняшний день проценты (от 14% годовых), что также изрядно облегчает клиенту жизнь.

Переходя к характеристике элитного жилья, руководитель департамента обратил наше внимание на имеющиеся в информационном реестре "Капитала" объекты, рассчитанные на самых взыскательных покупателей. Если они, скажем, прикипели душой к историческому центру, агентство может предложить роскошную квартиру буквально на любой из легендарных одесских улиц. Что вы скажете, например, о квартире на Дерибасовской площадью порядка 300 метров: с бильярдной, комнатой отдыха (камин и проч.), зимним садом, джакузи и другими прелестями? Великолепные квартиры на Маразлиевской с видом на парк, на Пушкинской, Преображенской, отдельный расселенный особняк на улице Гоголя и многое другое. Естественно, надо отдавать себе отчет в том, что подобное жилье — приобретение дорогостоящее, примерно от тысячи у. е. за квадратный метр. Но ведь мы проводим дома значительную часть своей жизни и, как принято говорить, не мешало бы проводить ее комфортно.

Другой тип элитного жилья — новостройки в прибрежной зоне, что называется, с видом на море. Это район парка имени Шевченко, переулок Дунаева, улица Тенистая и т. д. Здесь возможны варианты. Можно взять квартиру как бы непосредственно из рук строителей, под ремонт, и это обойдется дешевле, порядка 600 у. е. за квадратный метр. Либо — в соответствии со стандартами "евроремонта", однако уже по цене от 1000 у. е. Выбор — за клиентом. Новостройками эти дома могут именоваться условно, поскольку это слово обычно ассоциируется в нашем сознании со стереотипным безликим советским жильем в спальных районах. В данном же случае речь идет о спецпроектах, где всякое строение оригинально и неповторимо. Предлагается разная этажность — от пяти-шести до шестнадцати. Дома возводятся из огнеупорного кирпича, со стеклопакетами, что обеспечивает идеальную тепло- и звукоизоляцию. Автономное тепло- и водоснабжение, подземные гаражи, охраняемая территория (дом огорожен, в сторожке — вахтер). Есть возможность выбора и в плане, так сказать, массовости заселения. Допустим, привычный вариант четырех квартир на этаж. Вместе с тем, можно предпочесть малоквартирные дома — типа коттеджей, в пять-шесть этажей, например, на улице Педагогической. Квартиры весьма просторные, к примеру, однокомнатные — по 60 квадратных метров, четыре комнаты — 200 метров! Обширные кухни-столовые, холлы с каминами, большие лоджии с зимними садами, короче говоря, "экслюзив", VIP-уровень.

Если же клиента интересует элитарный отдельный дом, особняк, про-

должает Виталий Семенович, прежде всего, следует принимать в расчет стоимость земельного участка, а цены в последнее время сильно подросли. Так, на Французском бульваре и кое-где еще они просто зашкаливают. Хотя в данный момент все же наблюдается стабилизация цен: бум, наметившийся зимой и весной, несколько поутих. Едва ли стоит уточнять, что VIP-особняки расположены преимущественно в прибрежной зоне, в Аркадии, на Фонтане, в Царском Селе и т. п. И здесь тоже надо выбирать, согласуя запросы и цены с функциональностью. Мы можем предложить, скажем, несколько соток, но можем и несколько десятков, в зависимости от концепции клиента. Дело в том, что некоторые из них, например, не стремятся возводить этажи, а предпочитают обойтись без лестниц — особенно люди немолодые. Но тогда дом как бы располагается, захватывая значительную площадь, что обходится дороже. Как правило же, особняки эти — в два-три уровня, с мощным цокольным этажом (прачечные, гаражи на несколько автомобилей, подсобные помещения и проч.). Здесь имеются сауны, бассейны, бильярдные, камин, барбекю, лужайки с фонтанами и др., и это при полной автономии всех коммуникаций, наличии спутниковых антенн и многого другого. Полезная площадь таких домостроений обычно колеблется от 300 до 1000 квадратных метров, а ориентировочная стоимость — от 300 до 700 тысяч у. е. Особо нахваливать их нет надобности: и без того понятно, что любые пожелания и, если хотите, фантазии клиента будут учтены — он сумеет выбрать подходящий вариант.

Завершая характеристику различных типов элитного жилого фонда, В.С. Головин сделал одну существенную оговорку: на рынке недвижимости само собой сложилось правило, что новостройки в так называемых спальных районах города (Приморский и Киевский районы) к разряду VIP-жилья не относятся, несмотря на индивидуальность проектов и другие позитивные обстоятельства. Это вовсе не означает, что подобное жилье не отвечает современным запросам — оно попросту из другой категории и рассчитано на менее состоятельных клиентов.

Что касается коммерческих помещений, то департамент готов предложить на самом деле лучшие из лучших. Например, несколько великолепных ресторанов в районе Дерибасовской — полностью оснащенных, действующих, с отменной репутацией. Заведения обширные, от 500 до 1000 квадратных метров, со всеми необходимыми подсобными помеще-

ниями, службами и т. д. Порядок цен: от 1000 до 3000 у. е. за квадратный метр. Имеются также уютные рестораны, кафе в приморской зоне отдыха — как функционирующие, так и законсервированные, а также площадки под строительство гостиничных и развлекательных комплексов с проектной документацией. Выбор довольно внушителен, и потенциальный инвестор имеет возможность эффективно разместить свои капиталы.

Все большим спросом пользуются элитные офисные помещения. Особую популярность обрели фасадные квартиры в первых этажах. На формирование цен, естественно, влияет их местоположение. "Чем ближе к Дерибасовской, — многозначительно улыбается Виталий Семенович, — и чем более "проходное" место, тем дороже". Именно по этой причине и все офисы самого АН "Капитал" расположены на многолюдных перекрестках близ главных городских магистралей. Разброс цен здесь весьма ощутим. Понятно же, что офис в историческом центре гораздо престижнее, нежели на поселке Таирова или Котовского. Поэтому стоимость варьируется: это может быть 500, а может — 1000 или даже 2000 у. е. за квадратный метр.

VIP-департамент может предложить офисные помещения на любой вкус, более или менее обширные. "Кстати, площадь помещения, — уточняет В.С. Головин, — на цену за квадратный метр не влияет. Потому что у каждого покупателя свои конкретные цели и задачи: кому довольно 20-метрового кабинета, а кому и целого этажа не хватает". Исходя из этого, департамент не пренебрегает ни малыми, ни колоссальными офисными помещениями. В настоящий момент, скажем, "Капитал" может предложить под офис и представительство целый особняк в одном из самых престижных уголков исторического центра. В арсенале также отличные квартиры в два уровня с выходами на Дерибасовскую, Преображенскую и другие центральные улицы.

Немного — о производственных помещениях высшей категории. Как отмечает руководитель VIP-департамента, деловая активность в Одессе продолжает нарастать. Спрос на промышленные объекты, производственные площадки, складские помещения проявляется все более отчетливо. Разумеется, в первую очередь котируются объекты в черте города с хорошими подъездными путями. Территориально — это приснопамятные Пересыпь и Молдаванка. Немаловажно наличие, наряду с производственными помещениями, складских, а, кроме того, административных зданий для управленческого и вспомогательного персонала. Конечно, должны быть все коммуникации. То есть, речь идет о своеобразном промышленном городке. Именно такой объект может претендовать на статус VIP.

В информационном банке "Капитала" подобных объектов немало. Можно упомянуть, например, выгодно расположенные здания и соору-

жения по улице Черноморского казачества (Московской). Здесь имеется помещение площадью 600 квадратных метров и вполне приличный земельный участок. Стоимость же относительно невелика — 130 тысяч у. е. Департамент предлагает разнообразные коммерческие помещения на улицах Промышленной, Владимирской и других со значительными земельными участками, оборудованными складскими строениями (до 100 тысяч у. е. за объект). При этом потенциальный клиент имеет возможность выбирать, исходя из своих четких планов: это могут быть только производственные здания, а могут быть помещения с большими участками земли, вплоть до нескольких гектаров. Соответственно различается и их стоимость.

И еще одна важная операция — аренда коммерческой недвижимости. Здесь также предлагаются объекты различного назначения: офисы, гостиницы, спортивно-оздоровительные и развлекательные комплексы и др. Цена аренды варьируется в зависимости от местоположения и, как правило, составляет от двух до десяти у. е. за квадратный метр в месяц. Так, в долгосрочную аренду могут быть сданы VIP-рестораны в самом сердце старой Одессы, спортивно-оздоровительный комплекс на Французском бульваре площадью порядка 400 квадратных метров и масса других перспективных объектов.

Короче говоря, департамент всегда готов помочь и делом, и советом каждому своему клиенту. Резюмируя изложенное, В.С. Головин сделал несколько выводов, на которые мы хотели бы обратить внимание наших читателей.

Привлекательность Одессы как крупнейшего делового центра неизменно растет. Соответственно растет спрос на коммерческую недвижимость: на отдельно стоящие здания и фасадные квартиры в центре — под представительства и гостиницы; обозначился серьезный интерес к новостройкам в престижных районах — в парковой зоне с видом на море. Все интенсивнее приобретают недвижимость представители как ближнего, так и дальнего зарубежья. Подобные покупки становятся все более выгодным размещением средств. "Если вы станете обладателем квартиры с видом на море либо в деловом центре, — продолжает руководитель VIP-департамента, — то никогда не прогадаете".

От себя добавим, что специалисты АН "Капитал" считают своим профессиональным и, если хотите, гражданским долгом помогать каждому, кто обращается за советом, чтобы клиент наилучшим образом, наиболее целесообразно вкладывал свой капитал в недвижимость. Потому что в результате процветание гарантировано и самому инвестору, и Одессе, а значит — всем одесситам.

ШПИОНЫ С ОДЕССКИМ АКЦЕНТОМ

В 2002 г. в одесском издательстве "Оптимум" вышла вторым (расширенным и дополненным) изданием книга Л. Авербуха "Рассекреченные судьбы" (Евреи в советской внешней разведке). Среди 180 персон, деятельность которых в большей или меньшей степени освещена в этой книге, немало одесситов или людей, так или иначе связанных с Одессой. Лишь о некоторых из них ниже и пойдет речь.

* * *

Сохраняя организационную структуру, существовавшую в дореволюционный период, разведорганы при Временном правительстве и в первые месяцы после Октябрьского переворота претерпели незначительную реорганизацию. В июне 1918 года для этой цели была создана специальная комиссия, среди членов которой обращает на себя внимание хорошо известная фамилия Симхи-Янкеля Блюмкина (от ВЧК), которому тогда было всего 19 лет. Калейдоскопическая биография этого революционно-авантюриста, террориста и разведчика — одессита, первого большевика, расстрелянного на Лубянке, заслуживает отдельного повествования.

Существует еще, по крайней мере, две крупные фигуры, рассказ о которых невозможно поместить в рамки сравнительно короткого очерка. Речь идет о Л.Н. Задове, тесная связь которого с нашим городом и работа в советской разведке сомнений не вызывает, а также о Сиднее Рейли (Розенблюме?), широко известном в качестве британского шпиона и значительно меньше — в качестве двойного агента, поставленного лично Дзержинским в центр клубка сложнейших разведывательно-диверсионных игр. Его одесское происхождение подтверждается многочисленными легендами и публикациями. Надеемся, что удастся рассказать о них в последующих номерах альманаха.

Уже в июле 1918 года наркомвоенмор Л.Д. Троцкий (начало революционной биографии которого достаточно тесно связано с Одессой) утвердил "Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе", полностью подчинившее ее ВГШ. В годы гражданской войны советская военная разведка носила название Регистрационного управления, затем была сокращена до статуса разведотдела Наркомвоенмора СССР и лишь в марте 1924 года была реорганизована в Разведуправление Штаба РККА, а позднее — в ГРУ Генштаба. Параллельно, а нередко пере-

секаясь с военной разведкой, действовали разведорганы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД-КГБ, тесно связанные со структурами Коминтерна.

Деятельность советской разведки в первые годы особой эффективностью не отличалась, но серьезно совершенствовалась с годами.

* * *

В конце 20-х — начале 30-х годов произошли провалы нескольких явок в Западной Европе, что вызвало гневную реакцию Сталина. Вопрос специально рассматривался на Политбюро ЦК партии, и были приняты меры по "укреплению" руководящего состава разведуправления, а также выработаны указания по координации деятельности ЦК наркоминделом, ИНО ОГПУ и военной разведкой.

Провал явки в Копенгагене был связан с именем Александра Петровича Улановского, который оказался... Израилем Пинхусовичем Хаскелевичем, родившимся в Одессе в 1891 году. После 4 лет ссылки в Туруханском крае за революционную деятельность (одновременно со Сталиным и Свердловым), побега и эмиграции, участия и в Октябрьском перевороте и в гражданской войне, он с 1921 по 1924 год находился на нелегальной разведывательной работе в Германии по линии ВЧК. С 1928 года становится сотрудником Разведывательного управления РККА. По мнению ряда авторитетных экспертов, Улановский — первый профессиональный советский военный разведчик. Был резидентом военной разведки в Китае, в 1930-31 гг. — снова на нелегальной работе в Германии, а с 1931 — в США. Наконец, возглавляет резидентуру в Дании, где создал советскую разведывательную сеть, но был арестован контрразведкой и осужден на 4 года. После досрочного освобождения с 1936 года преподавал в разведшколе, а с 1937 — в Военной академии им. Фрунзе. В отличие от большинства коллег, репрессии настигли его лишь в 1949 г. Освобожден и реабилитирован в 1956, а в 1971 умер от инфаркта.

В 1982 г. в Нью-Йорке была издана книга "История одной семьи", написанная Надеждой и Майей Улановскими — женой и дочерью разведчика. В ней повествуется об американском периоде деятельности Хаскелевича-Улановского (он же Алекс, Ульрих, Вальтер, Гольдман, Журатович и мн. др.), сменившего там резидента В. Горева. Факты и события, приведенные авторами, во многом перекликаются с другой книгой, "Свидетель" Уиттакера Чемберса.

В тот период в США еще не существовало антишпионского законода-

тельства, и Улановские (жена знала о заданиях мужа) чувствовали себя довольно свободно. Они широко общались с американскими коммунистами, которые охотно выполняли отдельные их задания, как правило, без официальной вербовки и оплаты.

Полную готовность сотрудничать и приносить пользу СССР выражала, в частности, жена известного писателя-социалиста Линкольна Стеффенса, при этом категорически отказавшись от вербовки. Интересно, что один офицер американской армии доставил Улановскому секретную информацию о Панамском канале, которая требовалась... Японии. Как объяснил Улановский жене, японцы в обмен должны были предоставить СССР интересующую его развединформацию. Велась большая работа по фотографированию различных объектов, микрофильмированию громоздким "старым" способом. Представляют интерес откровения семьи Улановских о том, как в Америке ими пересматривались привычные железные коммунистические догмы, развенчивались представления о "зверинном оскале" капитализма и трагической судьбе "голодного" пролетариата.

Улановский характеризуется как человек, хорошо знавший пределы своих возможностей, и, как это ни странно, — не авантюрист и не фантазер. В книге (приводится по выдержкам) говорится о том, что военные разведчики достаточно хорошо оплачивались и жили за границей безбедно. Рассказывается и о противоречиях между военными разведчиками — кадровыми сотрудниками ГРУ Генштаба РККА и агентами ИНО ОГПУ и о неблагоприятных делах последних, вплоть до краж автомобилей и последующей нелегальной переправки их в Советский Союз.

Провал Улановского в Дании связывается с неосторожным поведением его помощника американца Джорджа Минка.

После освобождения из датской тюрьмы американский консул предложил "американскому" гражданину Улановскому (о советском происхождении которого он, безусловно, знал) ехать в Америку, но Улановский отбыл в Швецию, а оттуда в СССР, что, в конечном счете, стоило ему семи лет заключения.

* * *

К числу наших земляков, работавших в советской военной разведке, принадлежит и Яков Моисеевич Фишман, родившийся в Одессе в 1887 году.

Он с 1904 г. состоял в эсеровской партии, а в 1906 был арестован за подготовку покушения на Коновницына (главу одесской организации черносотенного "Союза русского народа"). Ему довелось участвовать в Октябрьских событиях в Петрограде в качестве члена Петроградского военно-революционного комитета. В 1918 году он активно участвовал в подготовке эсеровского мятежа, что не помешало ему в 1920 стать полноправным членом ВКП(б), а в 1921 г. начать работу в качестве кадрового сотрудника разведуправления Красной Армии. Подробности его разведывательной работы в доступных источниках освещены мало. Известно, что Я.М. Фишман работал в Германии легально, под дипломатическим прикрытием, а затем возглавил военно-химическое управление РККА и институт противохимической обороны. Генерал-майор. Также не избежал репрессий. Реабилитирован в 1955-м.

* * *

Вместо известного Я. Берзина разведупр РККА в мае 1935 г. возглавил комкор (звание, равное чему-то среднему между генерал-лейтенантом и генерал-полковником) Семен Петрович Урицкий — внук купца первой гильдии из г. Черкассы Соломона Урицкого. Старший сын купца, Моисей Соломонович Урицкий стал председателем Петроградской ЧК и был убит студентом А. Канегиссером в тот самый день 30 августа 1918 года, когда в Москве Фанни Ройд (Каплан) ранила Ленина. Отец будущего шефа советской военной разведки, Пиня (Петр) Урицкий, с женой и сыновьями с 1900 года проживал в Одессе. После революции он тоже стал чекистом и в августе 1919 года погиб в бою с деникинским десантом.

Сеня Урицкий, имевший распространенный среди евреев статус аптекарского ученика, работавший в 1910-1915 годах на аптекарских складах Эпштейна в Одессе и отслуживший два года рядовым драгунского полка, избрал ту же профессию, что и отец (такая вот еврейская купеческо-чекистская семья). С 1922 по 1924 гг. он выполнял спецзадания разведотдела штаба РККА в Чехословакии и Германии. К этому времени он уже числился старым членом партии, имевшим опыт гражданской войны и подавления кронштадтского мятежа и два ордена Красного Знамени, окончил военную академию (очевидно — сокращенный курс).

Он работал на должностях начальника и военкома Одесской и Московской пехотных школ, командира и комиссара 20-й стрелковой дивизии и 13-го стрелкового корпуса, зам. начальника штаба Закавказского и

начальника штаба Ленинградского военного округа. Работу разведупра курировал начальник ГлавПУР'а (политуправления) РККА армейский комиссар 1 ранга (звание, равное генералу армии) Ян Борисович Гамарник, биография которого также в немалой степени связана с нашим городом. Именно он рекомендовал Урицкого, работавшего в это время зам. начальника автобронетанкового управления штаба РККА, на должность руководителя разведупра.

Проведший годы гражданской войны в кавалерийском седле, Семен Урицкий усвоил грубый, пренебрежительный стиль общения с подчиненными, характерный для значительной части высшего комсостава, абсолютно несвойственный аппарату военной разведки, где всегда царили такт, взаимное уважение и внимание.

Особенно негативным было отношение Урицкого к своему помощнику — опытному специалисту-разведчику А. Артузову (Фраучи) и его команде, которые поэтому были вынуждены вернуться в ИНО НКВД, где работали раньше. Тем самым Урицкий подпилил сук, на котором сидел.

Положения в разведке Урицкий не исправил. Последовали новые провалы агентов в Польше и других странах. Отдавая себе в этом отчет, он заявил на партсобрании разведупра 19 мая 1937 года: "...мне мало помогали. Разведчики мы все вместе с вами плоховатые".

Однако самокритика в 1937 году уже не была сколько-нибудь надежной защитой. Страна была охвачена вихрем шпиономании и поиска вредителей. Урицкий в июне 1937 года снова передал дела Берзину, затем 3 месяца занимал должность зам. командующего войсками Московского военного округа, а уже 1 ноября был арестован.

Рассмотрение его дела необычно по тем временам затянулось, и он был расстрелян 1 августа 1938 года (вместе со своим предшественником и преемником Берзиным).

Легендарный разведчик Р. Зорге писал в японской тюрьме: "В 1935 году я и Клаузен получали напутствие от генерала Урицкого". А значительно раньше именно С. Урицкий рекомендовал Е. Катаева (будущего писателя Евгения Петрова) на службу в качестве "агента 2-го разряда" на работу в одесский угрозыск.

* * *

Отдел международных связей Коминтерна являлся по существу филиалом Иностранного отдела ОГПУ. Ниже приводятся "штрихи карье-

ры" видного коминтерновца Александра Емельяновича Абрамовича, родившегося под Тирасполем в 1888 г., окончившего в 1904 г. одесскую 4-ю гимназию. Поступив на медицинский факультет Новороссийского (Одесского) университета, он уже на первом курсе был исключен за антиправительственные выступления и изгнан из родительского дома. Затем — очень кратковременная служба вольноопределяющимся в царской армии и Одесская каторжная тюрьма — за участие в военной большевистской организации и ссылка "навечно" в Восточную Сибирь. Абрамович бежит из-под стражи в Швейцарию, где работает на часовом заводе и учится на медицинском факультете Женевского университета, который, очевидно, так и не закончил. Далее — знакомство с Лениным в Берне, переписка с ним и работа в Швейцарской социалистической партии. После свержения царизма Абрамович возвращается в Россию вместе с Лениным в знаменитом "пломбированном вагоне".

Побывав разъездным инспектором ЦК РКП(б), а затем командиром отряда особого назначения Московского военного округа, он в феврале 1919 года нелегально переходит границу с Германией, где налаживает связи с революционными элементами в Европе, а затем, по заданию ОМС Коминтерна, готовит 1-й Конгресс этой организации, а также участвует в организации советской республики в Баварии и, по его собственному свидетельству, входит в баварское правительство.

Ряд ответственных заданий ОМС Коминтерна А. Абрамович под псевдонимами "Альбрехт" и "Четуев" выполнил во второй половине 20-х годов во Франции, Чехословакии, затем был представителем ИККИ в романских странах, где координировал всю деятельность агентов ОМС. Затем был командирован в Китай в качестве члена Дальневосточного бюро ИККИ. После провала в Китае его сотрудника Луфта, в 30-х годах он был переведен на партийную, а затем на преподавательскую работу в Томск. Он не избежал серьезных неприятностей, но не подвергся репрессиям и даже был в 1947 г. награжден орденом Ленина. В 1956 г. А. Е. Абрамович переехал в Латвию. Умер в Лиепае в 1972 г.

* * *

Активную работу в области военно-технической разведки вел Абрам Осипович Эйнгорн, родившийся в Одессе в 1899 году, участник гражданской войны, связавший свою судьбу с органами безопасности еще с 1919 года. Нелегально выезжал в Турцию, Грецию, Палестину, Францию, Гер-

манию. Официально работу в разведке начал в 1925 г., а с 1926 по 1927 год находился вместе с женой К. Мазаловой в Италии в составе легальной резидентуры.

Позднее он работал в США, выступая под "крышей" бизнесмена, торгового машинами и оборудованием с Ираном и Ближним Востоком. Он наладил четкую связь с центром и уже вскоре добыл и переслал полный комплект чертежей одного из новых военных самолетов, сконструированных И. Сикорским.

В дальнейшем им были получены материалы по химической промышленности, экономическая оценка которых составила 1 млн. долларов, исчерпывающие данные по дизель-мотору "паккард" и мн. др.

В рапортах начальников А. Эйнгорна отмечались его блестящие организаторские качества, исключительная смелость, способность к оправданному риску. Возбуждалось ходатайство о награждении его знаком "Почетный чекист".

Один из агентов Эйнгорна, "Поп", являлся советником ряда фирм и правительства США по русскому рынку. Не без его помощи Эйнгорн раздобыл бланки американских и канадских документов, часть из которых имела австрийские и германские визы и которые были крайне необходимы для советских "нелегалов". Выезжая в Китай и Японию, Эйнгорн организовал на коммерческой основе перевалку в Союз через эти страны некоторых американских военных товаров.

* * *

Нашим землякам-одесситам небезынтересно узнать, что человеком, организовавшим первую встречу известного и эффективнейшего советского "атомного" агента, Фукса, явившегося основным источником разведывательной информации по этой проблеме, с резидентом в Лондоне, фактически завербовавшим его в конце 1941 года, был работавший под крышей советского военного атташата в Великобритании офицер ГРУ Александр (он же "Барч").

Под этим псевдонимом скрывался будущий командир 8-й гвардейской механизированной бригады, генерал-майор, Герой Советского Союза Симон (Семен) Давидович Кремер, активный участник Сталинградской битвы, живший, умерший и похороненный в Одессе, на Таировском кладбище.

Молодой немец, физик Клаус Фукс, работал в лаборатории профессо-

ра Р. Пайерса, беженца из Германии, в Бирмингемском университете. Лаборатория вела работы по британскому атомному проекту "Тьюб Эллоуз". Полковник С. Кремер был одним из лучших офицеров лондонской резидентуры военной разведки, завербовавшим нескольких ценных агентов. С Фуксом его познакомил еще в 1940 г. бывший профессор Берлинского университета Юрген Кучински ("Карро"), который и сам был источником важной военно-экономической информации.

Вторая встреча "Барча" с Фуксом состоялась через несколько месяцев, в августе 1941 г., причем тот передал ему шестистраничную справку с обзором основных направлений исследований британских физиков. Донесение, отправленное в Москву 10 августа, гласило (цит. по В. Лота): "Директору. Барч провел встречу с немецким физиком Фуксом, который сообщил, что он работает в составе специальной группы в физической лаборатории Бирмингемского университета над теоретической частью создания урановой бомбы. Группа ученых при Оксфордском университете работает над практической частью проекта. Окончание работ предполагается через три месяца, и тогда все материалы будут направлены в Канаду для промышленного производства. Знакомый дал краткий доклад о принципах использования урана для этих целей. При реализации хотя бы 1 процента 10-килограммовой бомбы урана взрывное действие будет равно 1000 тонн динамита. Доклад высылаю оказией".

Совсем недавно выяснилось, что эта радиограмма сразу же была перехвачена американской радиотехнической разведкой — и даже расшифрована, но... через тридцать лет.

А в июле 1942 года полковник С. Д. Кремер пишет рапорт с просьбой направить его на фронт. Просьба удовлетворяется, и в сентябре он навсегда расстается с разведкой.

* * *

В материалах, связанных с "урановым проектом" советских разведслужб (термин "атомная бомба" тогда еще не использовался) часто упоминается фамилия еще одного одессита, С.М. Семенова (Таубмана).

Резидентуру на Западном побережье США возглавлял Г.М. Хейфец.

Здесь действия Хейфеца и агента, ученого С. М. Семенова, шли и в совместном, и в параллельном режимах, вплоть до того, что Семенову поручалась перепроверка информации, получаемой от Хейфеца.

В 1944 году Хейфец вернулся в Москву и лично доложил Берии о со-

держании и результатах своих встреч с Оппенгеймером и другими известными учеными, занятыми в атомном проекте. Он сообщил также, что эти ученые опасаются, что немцы могут опередить США в создании атомной бомбы.

После этого доклада началось тесное сотрудничество разведки с ведущими учеными в области создания советского атомного оружия, а Берия лично возглавил советский атомный проект. Наверное, не стоит удивляться, что вся эта группа ученых и их родственники находились под "колпаком" МГБ в течение всего периода работы над проектом.

С.М. Таубман (Семенов, "Твен") пришел в органы госбезопасности в 1937 году, уже имея высшее техническое образование. Он был направлен для продолжения учебы в знаменитый Массачусетский технологический институт, но истинной целью этой командировки было использование его по линии научно-технической разведки.

Он, так же как Хейфец и другие, смог установить близкие контакты с физиками из Лос-Аламосской лаборатории, входившими в ближайшее окружение Оппенгеймера, некоторые из которых работали раньше в СССР и имели связи в русской антифашистской эмиграции. Он же привлек к сотрудничеству супругов Коэнов (будущих "посмертных" Героев России), выполнявших на этом этапе роль курьеров. В частности, Лона Коэн передала в Москву в 1945 году ряд важнейших научных материалов по конструкции атомной бомбы.

Дублируя и контролируя (такова была тактика советской разведки) действия Хейфеца, Семенов в своих сообщениях подчеркивал роль, которую придает атомному проекту американская администрация. Некоторое время у него на связи был и Юлиус Розенберг, завербованный Овакимяном еще в 1938 году. Он же завербовал Гарри Голда (брата Этель Розенберг), с которым был связан провал Грингласса после встречи этих двух агентов в Альбукерке, повлекший за собой ряд других разоблачений советских "научно-технических агентов" в США.

Специальная комиссия ЦК партии, разбиравшая это дело, признала, что причинами провала были ошибки Семенова и Овакимяна. Несмотря на активное противодействие непосредственного руководства, Семенов, человек, которому многие отводят основную роль в создании канала для главной информации об американской атомной бомбе, был уволен из разведки.

Судоплатов напрямую увязывает этот факт только с волной антисемитизма, захлестнувшей органы в этот период. Этот же автор, несший всю

полноту ответственности за проникновение советской агентуры на атомные объекты США в 1944-46 годах, вновь настойчиво утверждает, что наивные, беззаветно преданные коммунистической идее супруги Розенберги по характеру своей деятельности не играли принципиальной роли в получении американских атомных секретов.

Страницы биографии Семенова представляют большой интерес. Некоторые уточненные подробности в "Новой газете" (№ 2, 15 января 2001 г.) привел автор ряда работ по истории разведки Владимир Чиков, когда эта книга была уже подготовлена к печати. Семен Маркович Семенов (Таубман) родился 1 марта 1911 г. в Одессе, в бедной семье. После окончания школы юноша стал работать на канатном заводе, а в 1932 году поступил в Московский текстильный институт. В магистратуру Массачусетского технологического института член ВКП(б) Семенов был направлен по партийной разнарядке.

Весь период своего пребывания в США, несмотря на то, что он считался "опасным красным", Семенов был душой компании, и это очень помогло ему, когда, пренебрегая угрозой для очень важной практики обмена стажерами (которых принципиально не хотели компрометировать), НКВД все же дал ему ряд ответственных заданий по разведке и вербовке.

Выход на урановый проект ему, работавшему после магистратуры в системе "Амторга", обеспечил ученый металлург д-р Скаут, завербованный им под кличкой "Элвис", и еще два донныне не рассекреченных агента "Аден" и "Анта". Помимо большого числа завербованных агентов и добытой с их помощью "урановой" информации, Семенов получил с помощью ученого-агента "Тревога" — сотрудника компании "Локхид и Дуглас" — и передал в Центр суперсекретные тактико-технические данные о военных самолетах XP-58 и P-38, бомбардировщике "Дуглас-18", истребителе-перехватчике "Локхид-22", штурмовике А-17, а также об экспериментальном стратосферном аэроплане ХС-35.

Только после этого "Твену" повысили оклад до 350 долларов, в то время как "Тревогу" ежемесячно платили по 400.

Советский резидент в Нью-Йорке Гайк Овакимян писал, что агентурная разведка — истинное призвание "Твена", который умеет найти подход к любому человеку, но склонен к переоценке собственных сил и возможностей и недооценке окружающих.

Однако осуществить намерение "перевоспитать" Семенова Овакимян не сумел, т. к. был арестован ФБР. До ареста он успел передать Семенову материалы на лучших агентов и возложил на него руководство научно-

технической разведкой в США. До истечения семилетнего срока пребывания в США Семенов добыл по заданию Центра очищенный препарат тогда еще секретного пенициллина и отправил его в Москву в контейнере-термостате собственной конструкции.

В 1944 году майор ГБ Семен Семенов был отозван в Москву, а через год направлен во Францию под "крышей" "Совэкспортфильма" и стал, наряду с разведработой, самым успешным прокатчиком советских кинофильмов за рубежом. Получил звание подполковника.

Во Франции он успешно занялся кибернетикой, делавшей первые шаги, но именно поэтому вскоре был ошельмован за "...увлечение лженаукой и аполитичность". Безусловно, большую роль сыграла пресловутая "пятая графа", и Семенова уволили из органов без права на пенсию.

Такая формулировка была равносильна судебному приговору. Однако он не был репрессирован. Прирожденный талантливый разведчик стал работать в котельной текстильной фабрики, где, по его словам, было "тепло и много свободного времени". Только через 23 года после увольнения начальник ПГУ исходатайствовал для него республиканскую пенсию в 120 рублей.

Именно в это время Семенова попросили встретиться с приехавшим в Москву крупным американским ученым, и тот, бывший ранее агентом "Твена", передал ему подробную информацию, с использованием которой был создан уникальный наземный прибор, нашедший широкое применение в военных и гражданских аэродромных службах всего СНГ. В списках разработчиков этого прибора, удостоенных Государственной премии, фамилии Семенова не было...

Выдающийся разведчик и ученый, подполковник и кочегар Семен Маркович Семенов умер в 1986 году в возрасте 75 лет.

* * *

Об одном из участников "Красной Капеллы" — самой эффективной советской разведывательной организации в Германии и Западной Европе — я впервые услышал от известного израильского писателя Феликса Канделя (Ф. Камова, одного из авторов первых сценариев бессмертного мультсериала "Ну, погоди!"). Однако установить связь с ним не удалось. И лишь в 2001 году в печати появилось сообщение о том, что этот человек, которому недавно исполнилось 87 лет, живет в Москве, на 5-й Тверской-Ямской улице. Зовут его Михаил Маркович Мазникер.

На заключительном этапе своей карьеры он работал учителем немецкого языка в одной из московских школ и однажды поразил своих неслухов-учеников, явившись в День Победы в офицерском мундире с поистине маршальским набором орденов и медалей. Слухи о том, что он был разведчиком, ходили и раньше, но только теперь он рассказал своему бывшему ученику журналисту Г. Жаворонкову, что еще в 1939 году был направлен ГРУ в Бельгию под видом канадского украинца. На вопрос о том, что он сделал бы, если бы с ним заговорили по-украински, Мазникер, смеясь, ответил: "Я же одесский еврей, мне ли не знать мову?".

Завербовал его сам Артузов. Именно в Бельгии он выполнял агентурные задания руководства "Красной Капеллы" и там же был арестован гестапо, но не за конкретные действия, а как "подозрительный иностранец". Через 3 месяца он был освобожден за отсутствием улик. Таким образом, провала у него практически не было.

В годы войны его несколько раз перебрасывали через линию фронта в глубокий вражеский тыл, но, к сожалению, подробностей своих разведывательных операций он не приводит. В 1948 г. его вышибли из разведки, и тогда он стал учительствовать. "Лучше в школу, чем на Колыму...", говорит один из старейших ныне здравствующих советских шпионов. Размер его пенсии — две тысячи российских рублей...

* * *

Многие разведчики, закончив свою профессиональную деятельность (хотя "бывших разведчиков" не бывает), занялись писательским творчеством. К их числу относится и известный писатель Юрий Колесников — автор романа "Занавес приподнят", переведенного на 9 языков, разошедшегося миллионными тиражами, книг "Тьма ступает перед рассветом", "Координаты неизвестны", "Земля обетованная" и других. Я читал некоторые из этих увлекательных книг, не имея ни малейшего представления о том, что под именем Ю. Колесникова (кодовое имя и литературный псевдоним) на самом деле скрывается почти земляк — Иойна Тойвович Гольдштейн. Он родился в 1920 году в бессарабском г. Болграде — центре болгарских колонистов, живших здесь с екатерининских времен. До 40-х годов город находился в составе Румынии, а затем вошел в состав Одесской области.

Иойна был сыном портного. По описанию его соученика М. Шварцмана, это был коренастый смуглый подросток восточного типа, плотного те-

ПРОЗА

лосложения, с умными выразительными глазами, подвижный, умеющий постоять за себя, готовый защитить слабых. Закончив 4 класса, он оставил гимназию и поступил учеником в автомеханическую мастерскую, где до начала войны прошел путь от ученика до помощника механика. По свидетельству того же М. Шварцмана, после прихода в Бессарабию советских войск в июне 1940 г. Юра стал работать водителем в Болградском штабе НКВД, а затем был мобилизован и направлен в оперативные части 25 погранотряда, где велась подготовка диверсантов.

С началом боевых действий прекрасное знание немецкого и румынского языков, способность к трезвому расчету, хорошая физическая форма и личная храбрость позволяли ему, переодетому во вражескую форму, проникать в войсковые тылы противника, совершать там диверсионные акты — взрывать мосты, коммуникационные узлы, захватывать "языков" и т. п.

Зимой 1942 г. Юрий Антонович Колесников (так он числился в кадрах Особой группы 5-го диверсионного управления НКВД СССР) был направлен в Уфу, где прошел трехмесячные курсы разведывательно-диверсионной работы. После этого он назначается командиром рейдирующего диверсионного отряда, действующего в германском армейском тылу. В общей сложности он проработал в тылу противника около трех лет. Наиболее продолжительным был совместный рейд отряда Колесникова с партизанским соединением С.А. Ковпака, о котором красноречиво написал П. Вершигора в своей книге "Люди с чистой совестью".

В ходе этого рейда группа Колесникова предотвратила взрыв двух стратегически важных мостов через Неман и удержала их до подхода советских войск, захватила в плен немецкого генерала.

Дважды, С.А. Ковпаком — во время войны, и П.А. Судоплатовым — после ее окончания, Ю.А. Колесников представлялся к званию Героя Советского Союза, но оба представления были оставлены без последствий. В 28 лет он стал полковником госбезопасности, а в 1980, в возрасте 60 лет, был уволен в запас в этом же звании. Будучи горячим советским патриотом-коммунистом, он был заместителем генерала Драгунского в пресловутом антиссионистском комитете.

Только в 1996 г. в Кремле Б.Н. Ельцин вручил 76-летнему Ю. Колесникову-Гольдштейну Золотую Звезду Героя России. Он стал одним из четырех евреев-разведчиков, удостоенных этого звания правительством новой страны.

Сергей РЯДЧЕНКО
Дикий сассафрас,
или Дело на предъявителя 68

Владимир КУПЧЕНКО
Афродита из Пергама 96

Владимир ЕФИМЕНКО
Вчерашний камень 103

Олег ЛАВРЕНТЬЕВ
Веллер 109

Александр ГРИНБЛАТТ
Пойте, пташечки! 146

Евгений БОРОВЛЕВ
Скоро я притопаю в Одессу... ..150

Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК
О художниках 158

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ
Это — Дракула! 163

Лина ВЕРБИЦКАЯ
Ассамблея 171

Лена ВАСНЕВСКАЯ
Дар 178

Дикий сассафрас, или Дело на предъявителя*

Один из героев по прихоти случая обнаруживает сундук с архивом, содержащим весьма странную и, судя по всему, крайне секретную переписку между множеством людей и организаций, вращающуюся вокруг поиска некой таинственной персоны, затерявшейся в дебрях отечественной истории. Первая дата на документе совпадает с днем падения Тунгусского метеорита, последняя — с окончанием XX века. Вся подшивка испещрена комментариями работников спецслужб разных лет.

**Свиты Его Величества Императора Всея Руси
Генерал-майору Жерново**

(Берлин, 8-е юлианское,

а по григорианскому календарю 21-е июня 1914 года)

Милостивый государь!

Воспользуйтесь первой же возможностью, дабы уведомить Ваш генералитет и самого Императора, что войны не миновать.

За сим пребываю Вашим давним должником с той самой поры, как, застигнутые вьюгой на почтовой станции между Псковом и Нарвой, сыграли мы в клапштрасс три ночи кряду поздним декабрем 1899 года, сразу по возвращении из Африки с нового театра военных действий голландских фермеров Трансвааля и Оранжевого Свободного Штата против британских войск в Натале и Капской колонии, где нам с Вами, простым соглядатаям, тоже было чуть не перепало под горячую руку. Но в тот раз обошлось. А в клапштрасс я, напомним, продулся Вам вчистую.

Без всякой надежды на реванш.

Искренне Ваш,

Йюрген Дюбингофф

Генерал-адъютанту Мерзопакону

(Ганновер, 9-е юлианское,

а по папе Григорию XIII 22-е июня 1914 года)

Ваше превосходительство!

Потрудитесь, не привлекая к себе излишне внимания, поставить в известность знакомых Вам умных офицеров (должны быть и такие и у Вас,

*Отрывок из романа, сокращен специально для альманаха.

и даже при генштабе) о том, что кайзер вознамерился напасть всенепременно, невзирая ни на что, как в добром, так и в худом смысле этого слова.

За сим остаюсь Вашим неизбывным должником с того самого мартовского ненастья 1900 года, заставшего нас врасплох на станции между Вышним Волочком и Нижним Новгородом, где сели мы с Вами в пульку да на недельку аж почти до самой Пасхи, когда развиднелось. А воротились мы с Вами оба как раз тогда прямиком из мучительного зноя Африканского континента, где имели честь наблюдать блистательные действия генерала Френча по снятию бурской осады с Кимберли, а двумя днями позже неудачу Китченера при Паардеберге, где британцы потеряли, если мне память не изменяет, 320 человек одними только убитыми и еще 942 ранеными. Помните? В тот раз нам, членам научной экспедиции Российско-Германского Топографического Общества, случайно сбившимся в вельде с маршрута, удалось ретироваться с места битвы без особых потерь. А вот под Волочком, сударь, ободрали Вы меня, как липку. А отыгаться когда-либо уповать как прежде не смел, так и ныне не смею.

С глубоким почтением,

Ваш Йюрген фон Дюбингофф

**Флигель-адъютанту полковнику Чудомыселю
(Филиппу Филипповичу)**

(Мюнхен, 10-е,

а на самом деле уже 23-е июня 1914 года)

Честь имею, а также товарищеское удовольствие, в сих строках, старый служака, приветствовать тебя наконец после стольких лет тягостной разлуки.

Здравствуй, Филипп Филиппыч!

Наслышан, брат, наслышан о твоих успехах при дворе. Всегда в тебя верил, если помнишь. Коль хочешь знать мою опинию*, то спешу выска-

*Начальнику Второй Линии 12-го Имперского Управления генералу от кавалерии Его Сиятельству князю Харитонищеву-Рейтузову Хрисанфу Харисимовичу. Специально для Вас, Ваше Сиятельство, спешу растолковать, что, по всей видимости, старый шулер гундосит это словцо здесь в значении "мнение, соображение, взгляд на вещи" — от английского, надо полагать, *opinion*. (Экспликат оформил собственноручно семнадцатого юлианского числа месяца июня 1914 года Особый Распорядитель Департамента Почтового Надзора при Второй Линии Двенадцатого Имперского Управления действительный статский советник Афонарелов Е.М.) (В свою очередь спешу разъяснить Вам, Ваше Сиятельство, слово экспликат, к месту или не к месту, не мне судить, ввернутое тут моим непосредственным начальником, тираном и цербером, господином Афонареловым Еремеем Марковичем. И до каких только пор такое будет иметь место, что статские, пусть даже и в чинах своих немалых (но статских!), ставятся во главе нас, людей военных и доблест-

заться тут в пользу утверждения, что именно флигель-адъютанту, полковнику, а не какому-нибудь, как может показаться, свитскому генерал-майору или даже генерал-адъютанту, сподручнее вести тонко и настойчиво свою партию как в главной дворцовой кадрили, так и в прочих котильонах и мазурках.

От души тебя, Филипп, поздравляю. Однако ж обращение мое к тебе тут не столько, брат, партикулярное, сколько за великой политической надобностью. Знать, пробил час. Постараюсь быть краток.

Злые языки, представь, судачат обо мне всякое. Многие полагают, что слуга Ваш покорный будто бы шпион вероломный на жаловании сразу у нескольких крупных европейских монархий. Однако хочу, Филипп Филиппыч, предостеречь тебя от поспешных выводов с недоразумениями. А вместо этого ты послушай: недвусмысленно тут тебя, дорогой, заверяю, что слухи сии под собою имеют не больше основания, чем, скажем, голословное утверждение, будто, возьмем для примера, красавица твоя супруга Шарлотта, образец всего на свете, чего только может желать себе и другим светская дама тридцати двух лет от роду замужем за таким царедворцем двадцатого века, как ты, Филипп Филиппыч, якшается вдруг, не дай Бог, тайком по ночам с князем Караваджичем, этим Балканским повесой и интриганом, и целью своей такие, вообразим, рандеву tête-a-tête несут не только, я бы сказал, политический многосложный резонанс, но также, и может статься, в первую голову, споспешество негам запретным и плотским утехам. Слухи они, сам понимаешь, слухи и есть, и грош им цена, если разобраться. А вот уж, коли, брат, разобравшись, получаем подобным слухам матерьяльные обоснования и к ним предметы достоверности, облеченные в форму, скажем, собственноручных посланий узнаваемым почерком, фамильных драгоценностей, якобы, утерянных, а тут они тут как тут, свидетельств очевидцев, случайных и подосланных, и даже, представить только! четких, ярких дагерротипов неоспоримого свойства и весьма скабрёзного наклонения, так тогда, конечно, Филипп, с помощью вот та-

ных, на чины невзирая. Ваше Сиятельство, Вы уж на меня не сердчайте, что я тут, грешным делом, поворчать себя позволяю — спешите на молодость, на служебное рвение, на должностную ретивость, а так, разумеется, я, будьте уверены, глубоко проникнут осознанием всей важности такой нелепой субординации в частности и всего масштаба миссии нашего Департамента в целом. Аминь). Слово от лат. *explicatum* — данные, уточняющие содержание понятия. Так я полагаю. А вообще, положи руку на сердце, Ваше Сиятельство, давайте признаем тот нелицеприятный факт, что отвечать за действия действительно статского советника, каким бы он ни был, пусть даже, как в данном случае, Афонареловым, Ваш покорный слуга не берется, ибо чином не вышел. За сим остаюсь преданным Вашим протеже поручиком Зарындой).

кого вот арсенала довлеющих аргументов вольны уж мы составить нужную опинию как себе, так и любому обществу. Поэтому все, что тебе обо мне говорят, не спеши, ради всего святого, давать этому простор в своей могучей, светлейшей государственной голове. Помяни мое слово, быть тебе еще первым министром, если не облапошишься. И притом в самом скором времени.

А я, Филя, не шпион, нет. Я лишь ревностно блюду традиции моего знатного рода. А мы, прусские дворяне, всегда верой и правдой, не жалея сил и живота своего, радели на службе у Российской короны, и не пристало нам менять сию славную колею в годину грядущих испытаний, в какой бы стороне и на службе какого императора они бы, испытания эти, не достигли нас ныне ни де юре, ни де факто, ни как ты себе еще только можешь вообразить! Свят-свят!

И вот с чем я к тебе, Филипп Филиппыч. Буду краток.

Видится мне, обладаешь ты к настоящему историческому моменту умом, тактом и влиянием при дворе как раз в той необходимой пропорции, чтоб послужить нынче праведному делу укрепления оборонной мощи Российской Империи, а вместе с нею и всего богоугодного братства.* Так что хочу просить тебя употребить все свои выше мною перечисленные свойства личности во благо постановки ниже мною поименованных фигур государства в доверительную известность о том, что на носу у нас ратное дело размаха невиданного и, коль скоро хотим уберечь хоть сколько-нибудь от культуры достигнутой, то и позаботиться следует уже немедля о должных предуготовлениях.

Итак, вот тебе от меня рупь, Филипп, за сто, что Кайзер вот-вот на Вас набрушится всем, каким есть, натиском нашего славного и могучего германского войска. Уже можете трубить сбор, не ошибетесь. А мне от тебя за это причитается самая малость, не сочти за труд, вывести и донести с первой оказией такую вот ерунду, а именно, кто таков и где располагается некто г-н Лебединец и его канцелярия. Только и всего. И ничего больше. Ну, разве что, если что, хорошо бы было присовокупить еще уточнение касательно того, кому и на чье имя, году эдак так в одна тыща девятьсот, думаю, восьмом от Рождества, разумеется, Христова, не раньше, думаю, но и никак не позже, в месяце, полагаю, приблизительно июне, числа эдак так, ду-

*Уж не масон ли будет из розенкрейцеровских сей пройдоха, Ваше Сиятельство?! А? Наше дело, разумеется, только приворотить бдительность к подозрительному пассажиру, а уж установить, как оно на самом деле, или же оставить все, как есть, — решать не нам, а Вам, ибо сие суть за пределами Почтового Надзора, потому умолкаю. С уважением, д.с.с. Афонарелов. (17/30.06.1914)

маю, тридцатого на рассвете выдан им, господином этим, документ весьма необычного толка, свойства, рода, характера и т. д. и т. п. и всяк. так. и проч. Большого, поверь, Филипп Филиппыч, и сам не знаю, не ведаю. А знал бы, так и что толку? Все равно не выдал бы. Веришь? Вот такая незадача. Попробуешь? Надо, чтоб получилось. Разумей, как хочешь. Хотя, по секрету скажу, что сам, грешным делом, уразумеваю сие с трудом превеликим, и это при максимальном и неравномерном напряжении всех своих недюжинных международных сил и амбиций. Ну, да ладно.

А в тебя я верю. За сим остаюсь верным твоим должником аж с той самой поры, когда застряли мы с тобой на охоте в майскую распутицу 1902 года на станции Хрясь между Екатеринбург и Иркутском и шесть дней кряду, оба два холостые-неженатые, резались в винт. Помнишь? Мы как раз в ту пору воротились из Капской колонии, где выпало нам наблюдать последний в той войне позор британцев на Рождество при Твифонтейне, а потом почти сразу, уже в конце января, их удачу, когда они схватили этого косматого командира бурских командос* Бернара Вильена, помнишь? а потом уже в апреле и последнее сражение той войны в Западном Трансваале у поселка Родеваль, когда горстка буров, прижатая к блокаузам вдоль железной дороги, бросилась в кавалерийскую атаку по открытому вельду, ведя огонь с седла, и, разумеется, была вся уничтожена до единого человека невообразимо многочисленным свинцом из "Максимов" и пушек Гатлинга. Да и где б вообще в ту войну были бриты без этого Гатлинга! Помнишь? А в винт под Иркутском разгромил ты меня, Филипп Филиппыч, просто, как наивного простофилю, в пух и прах. Скажи, брат, а ты, часом, не шулер? Шучу. На правах старого и проверенного

*Т. майору Брынзе. Да, товарищ майор, не удивляйтесь, именно так! И сие не поздняя приписка, а самое что ни на есть аутентичное документирование. А уж Дюбингофф, как за ним и водится, доподлинно знает, о чем говорит. Да, представьте, именно буры, эти свободные пахари Зулусских земель, изобрели сие словечко на рубеже веков в том самом значении, в каком теперь его модно вворачивать к месту и не к месту. Как по мне, так, ясное дело, спецназ куда благозвучней. Спецназ нашему менталитету подходящ, а командос ему вычурен. Но тем не менее. Я тут в каземате 606 при исполнении и потому обязан трактовать все, что запримечу, невзирая на собственные приоритеты. Трактую. Скорее всего, слово это на их африканском голландском к тому времени означало отряд, сплоченный против британцев и, соответственно, члена (членов) такого отряда. То есть, у нас в языке синонимом ему было бы слово "ополченец", "ополченцы", "ополчение". Вот такие командосы. И кстати концлагеря тоже в ту войну они придумали, только уже не буры для себя, а англичане против буров. Так что и тут Владимир Ильич не был первым. Это к слову, чтоб потом зря, если где мелькнет, время не тратить. Доложил в 3-м Поиске дежурный офицер Особой Группы Расследования *Дела на Предьявителя (ОГРДНП)* при *Отделе Поручений Малой Вероятности (ОПМВ)* Государственного Резерва Особого Умысла (ГРОУ) капитан (опять) Луноходько А.П. (Государев Лабиринт, каземат 606, 23-е февраля 1990 года, 12.00)

друга и родственника. А теперь серьезно. Остаюсь твоим вечным должником. Жду скорого ответа.

Искренне Ваш,

Йюрген Хуго фон Дюбингофф

P.S. А Шарлотточке привет от Гвендолин. Даст Бог, свидимся.

Г-же Папудо Ифигении Зоилловне

(письмо в Одессу от подруги)

(Киев, 17-е по юлианскому,

а по григорианскому календарю 30-е июня 1914 года)

Фифочка! Милая Фифа!

Вы представляете, его таки ухондокали.

Уму непостижимо.

И это в шестую годовщину Тунгусского метеорита!

Вот вам и Сараево. Не пешехода среди прочих, а самого эрцгерцога на авто! Ах, эти мне европейские столицы, им все нипочем, для них нету авторитетов. Совсем не то, что у нас. Взять хотя бы тут, в Киеве. Прародитель, Фифочка, всех городов, какие только есть по всей Руси нашей, имя носит не кого-нибудь, а самого Кия, — Кий! да братья ему Щек да Хорив, а сестрица им Лебедь, — все не хуже, чем у Рима, лучше, чем у него, а трясется, елки-палки, над всяким своим статским советником. Обидно. Хотя и в Санкт-Петербурге, как мы с Вами помним, и на Москве ничуть не лучше. Но от этого нисколько не легче. Совсем не то, что в Европе. А помните, душа моя, как мы путешествовали по Боснии и Герцеговине в 1908-м сразу после аннексии? Конечно же, помните. Граф Чернин, от новой канцелярии эрцгерцога при его дворце, фельдмаршал Конрад фон Гётцендорф, граф Застенич; тогда же мы с Вами впервые представлены были герцогине Гогенберг, урожденной графинюшке Софии Хотек. Разве такое забудется. Как гостили у Караваджичей. Какие же там красоты! Какие горы, какие реки, озера, деревья, кусты и цветы. А какие звезды! А какие были в тот год персики, Вы помните? Вот пишу, а во рту мокро делается. Велю собрать мне сейчас фруктовый ленч сюда в библиотеку, а после продолжу. Кстати, Фифа, Вы помните мою экономку Клару Васильевну? Представьте, вышла замуж за итальянца и теперь обитает где-то в Альпах в Швейцарии, в родовом имении супруга. Чудны дела Твои, Господи. Вы согласны? А Клара мне пишет, умница. Не забывает. Вам, Фифа, надо непременно прочесть — увлекательнейшие записки! Ну, все. Слона залива-ет. Продолжу после.

.....

Продолжаю. А скажите, Фифочка, на милость, а Софи-то за что пострадала?! Уж какая была дама замечательная, Вы помните? Бельведерский дворец в Вене, прием по случаю тезоименитства, это все в том же 1908-м, все после той же аннексии. А чье тезоименитство? Я, признаться, уже не уверена. Сдается, самого Франца-Фердинанда. Но тогда это должно быть где-то в конце декабря, или в середине, а я не помню, чтоб декабрь был. На нас с Вами наряды от франко-австрийца Беркюзье-Гошиндера, — их нам только доставили накануне, и мы примеряем, кажется, в Ваших апартаментах при торговой миссии. Или в моих при посольстве? На вас, помнится, небесно-голубой атлас, а на мне цвета спелой вишни, помните? Вы еще подтрунивали, что чуть ко мне прикоснись, так я тут же брызну. Мы так хохотали, что у меня наступила икота. Дело давнее, Фифочка, а скажите теперь по совести, Вы ведь вовсе не цвет наряда, а мое естество дразнили терпким юмором своим, ведь правда? И как Вы только знать могли, милая Фифа, — мы ведь не были тогда еще с Вами друг для дружки такими наперсниками, как теперь, — что Яков мой Платонович ко мне в будуар уже год не заходит, ну, как? Вообще, положи руку на сердце, должна Вам признаться, что никогда в жизни своей не встречала таких женщин, как Вы. О Вас мысляю непрестанно. Вами хоронюсь от обид мира сего. Какая же Вы, Фифочка, особенная умница. И как Вы только можете терпеть нас, таких тугих на ум, таких несовершенных ни словом, ни делом! Но прошу Вас, не отворачивайтесь. Я для Вас на все готова. Но приехать пока не предвидится. Яков Платонович, государев человек, много занят.

Так скажите же, родная моя, за что София-то смерть приняла?! Только не подумайте, я далека от мысли, что эрцгерцогу, мол, поделом, нет, конечно. Но только он мужчина, а они знают, на что идут. А Софи мне жалко так, что сердце пока не приемлет вовсе прискорбную весть сию о кончине ее, княгини Гогенберг, от пули прыщавого террориста. Одной единственной пули! Какие мы, женщины, хрупкие. Просто жуть берет! Правда, эрцгерцогу тоже хватило всего одной. Ну, а чем они, мужчины, нас лучше! Верно? Мы, думаю, даже крепче будем, повыносливей. Вы как, Фифа, полагаете? Но вот бедная Софи не убереглась. А может быть, Фифа, она его собою заслонила в умышленном порыве? Как думаете? Влекомая на подвиг. Могла? Ах, что за женщина! Нет, не подумайте, Фифочка, что меня лично прельщает такая участь. Я бы Яков Платоновича собою, думаю, закрыть от пули б не порывалась. Такого излишества души, Фифа,

в себе не предполагаю. Но причем тут я? И причем тут Яков Платоныч? Зачем его сюда? Он сам по себе хорош. Правильно? Чина его ему на все про все вполне достает, и палец ему в рот не клади. У нас с ним в последние годы сложились свои особые, я бы назвала их авангардными, отношения. И надо сказать, Фифа, что при всей своей эксцентричности и далекости от воспетого нашими классиками идеала, отношения эти во многом хороши и удобны в ежедневном своем отправлении. В чем именно состоит их оторванность от романтических образцов, Вы, Фифочка, во многом догадываетесь. Вы такая прозорливая! Я же приберегу подробности для следующего письма. А это пусть будет всецело отдано скорби по погибшему из рода Габсбургов и его возлюбленной морганатической* супруге. Пусть? Да, и вот я думаю, пока пишу, что, пожалуй, при известных обстоятельствах, может статься, и я бы вдруг заслонила б собою моего Якова Платоновича, а что? Всяко ведь случается, к чему зарекаться. Мы, слабый пол, Фифа, подчас столь непредсказуемы, Вы согласны?

И сколько ж несчастной княгине Софии Гогенберг было на момент расставания с этим миром? А сейчас посчитаем. Уродилась чешская графиня Хотек и Вогнин, если мне не изменяет память, а она мне теперь почти никогда опять не изменяет, в одна тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году, ровно век спустя после первого все в той же Вене оперного триумфа двенадцатилетнего Моцарта с его "Бастьеном и Бастьенной", поданными в доме за номером 261 (помните, мы навещались туда в Вашем экипаже?) по Загородной улице, в этом маленьком Версале, принадлежавшем незабвенному Франсуа Антону Месмеру, да, веком позже, семь лет спустя после отмены у нас крепостного права и четырьмя годами позднее завершения в Соединенных Штатах кровопролитной гражданской войны между Севером и Югом за свободу американских негров. Стало быть, в прошлом веке княгинюшке удалось тридцать два годика, плюс в нынешнем десять — сорок два, плюс еще четыре — шесть, сорок шесть. Всего сорок шесть годков. Многие скажут, что для женщины это и так

*Тов. подполковнику Междувзездову Т.Т. Товарищ полковник! Спешу доложить на тот случай, если Вы не совсем уверены, помните ли Вы правильно значение этого слова, и это Вас раздражает, а читать дальше хочется, так вот я беседовал вчера у себя в кабинете сутки напролет с глазу на глаз с тов. Н.У. Хотубейко, нашим архивариусом, и он настойчиво утверждает, что морганатическим называется брак лица царствующего дома и женщины не царского рода. Такой брак не дает прав престолонаследия ни жене, ни детям. Так что вот. За что купил, за то и продаю. И это все, что мне удалось выяснить к этому часу. Рапортовал старший лейтенант Министерства Глубокого Бурения (то есть, пардон, это я по старинке, сильна привычка! но вымарывать не с руки здесь) Комитета Государственного Базирования Бодрькин А.К. Обеспечил ретивость и удостоверил правильность капитан КГБ Холодец П.М. (21-е августа 1968 года)

ого-го. Но мы-то с Вами, милая Фифи, думаем-то как раз совсем иначе. Мы-то с Вами точно знаем, что это как раз только-только, можно сказать, в самом что ни на есть соку. Поддерживаете? И вот ее уже нет. А еще третьего дня она еще дышала, смеялась, ступала грациозно, любила телом и душою, целовала детей, наряжалась в свои умопомрачительные шляпы, я больше таких ни на ком не видала. Вы помните ее шляпы, Фифочка? Глупый вопрос, правда? Это ж кем надо быть, чтобы их не помнить!

И вот ее уже нет.

Как быстро теперь несутся вести. Еще каких-нибудь лет десять-двадцать тому мы б узнали о таком несчастье ну никак не ранее завтрашнего дня, Вы согласны? А нынче их, сердешных, почитай, еще и не схоронили, а мы уже тут, видите, всю себя судачим, хотя и обитаем, почитай, с вами в тысяче верстах от того рокового места. Между прочим, улица, где их лишили жизни, называется, Вы думали б, как? Стойте, не падайте — Франца-Иосифа! Ни дать, ни взять! Помяните мои слова, Ифигения, вот еще окажется, что не обошлось тут без этого гнусного старикашки. Это ж сколько ему уже? Семьдесят плюс четырнадцать — восемьдесят четыре! С ума сойти. И по правде сказать, у меня всегда такое было чувство, что старик не в себе. Вообще, думаю, императором быть нелегко, чего уж тут, ну, а с тех пор, как в восемьдесят девятом кронпринц Рудольф наложил на себя руки, старик и вовсе умом тронулся. Вы тоже, Фифа, так думаете? И вот уже четверть века прилагает, бедолага, мучительные усилия, чтобы об этом никто не догадался. Вам не кажется? Только не думайте, Бога ради, Фифа, что я Вам тут пересказываю то, во что меня посвятил Яков Платонович, вовсе нет. Супруг мой, конечно, не будем спорить, знатный эксперт по этой части, да и вообще мужчина блистательного ума и недоужинной эрудиции, но я и сама, знать, мать, Ифигения Зоиловна, давно уже тоже незаметно от других думать себе потихоньку научилась, а как же.

Правду говорят, чего со скуки не сделаешь. Наш русский бич, а я его во благо. Как думаете? А то Печорин с Онегиным, — ну, про Обломова я даже не говорю, — никак не примеры для подражания. Самцы, Фифа, дорогая, на крутых поворотах истории, видится мне, как ни крути, а обречены. Да. Ибо они крепят мышцу и надувают грудь — так им, увы, положено по первичному замыслу разделения полов, — и оттого они косолапы и нерасторопны. Только поймите меня, Фифочка, верно. Прежде всего я имею в виду не их упорно-двигательные проявления, как то: дуэли, войны, мордобой, спины колом, подбирание на людях живота и серьезные выражения лиц при любой беседе. Нет, ни в коем случае. Поймите, Фифа,

перво-наперво под заскорузлостью самцов мы тут понимаем их умственные построения, которые и приводят в свою очередь к проявлению во внешней реальности всего выше указанного. Мы же с Вами самки. Мы постигаем сердцем и приемлем мир почти целиком. Вот увидите, Фифа, обязательно в этом веке нам дано будет привнести в общий уклад свойственный нам с Вами гибкий напор потока вместо ныне царящей грубой режущей силы орала от супругов наших. Вы согласны? Простите меня, милый мой друг, что никогда прежде не вела с Вами таких разговоров. Пусть это прозвучит гротескно, но я дама стыдливая. Только не смейтесь, ради Бога. Вы, конечно, Фифа, знаете про меня очень много и в каком-то смысле больше меня самой. Но есть, мне кажется, такие стороны моего характера, о которых Вы, мой друг, даже не догадываетесь. Я права? Видите, и нынче волнуясь касательно Вашей оценки, как при первой нашей встрече в Венской опере, помните, давали, конечно же, "Волшебную флейту", а я, признаться, при всем моем восхищении Вольфгангом Амадеем не нахожу в этом произведении многих присущих Моцарту качеств, таких как легкость, азарт, остроумие и изящество при поражающей глубине общей гармонии, которая непонятно откуда и берется, в том-то весь и фокус, в том-то ее и прелесть нечахнувшая, ведь правда, Фифа? так вот глубины, конечно же, во "Флейте" хоть отбавляй, там куда глаз ни кинь, где ухо не расставь, всяк и все глубже некуда, а может статься, это и не глубина вовсе, а нечто иное, чему я глубину лишь приписываю, поскольку чувствую себя неловко оттого, что неспособна услышать в "Волшебной флейте", отыскать в ней то, что мне, по моему мнению, от Моцарта причитается, а я, увы, не способна, не слышу, не вижу, не нахожу, хотя и готова признать, что вполне может так статься, что в один прекрасный день и услышу и увижу, но пока что — нет, и неловко опять же от всего этого, однако ж, в тот вечер в Вене я готова была слушать все пресные арии подряд хоть до рассвета, потому что мы сидели в ложе рядышком между нашими мужьями, и наши платья соприкасались и издавали волшебный шорох, под стать ангельскому шепоту, и то притяжение, что я к Вам тогда вдруг испытала, его, наверное, никогда нельзя будет передать словами, но Вы меня должны понять и без слов, потому как, если в Вас тогда в тот миг не возникло того же, что и во мне тогда же и там же, так тогда зачем все это? а оно же все для чего-то, ведь так, ведь во всем сокрыт свой умысел, Вы согласны? а дышать мне было от общей моей растерянности, ну, совсем решительно невозможно, я ж была юна, как серна, и неопытна, как лань, вот я и не дышала, и только что в обморок не падала и страшно невыносимо ломала се-

бе голову, как, ну, как же мне к Вам подступиться, как преодолеть Вашу недоступность, которая в тот вечер составила у меня в моей кругом идущей юной головке как сплетенный конгломерат Вашего при Вашем Эпиктете Папудо положения в европейском свете, Вашей красоты повсюду, куда б Вы ни отправились, Вашей тогда уже громкой славы на ниве дипломатического флирта, Вашей у всех на устах образованности и Бог знает чего еще, что я, наверное, сама себе с перепугу насочиняла, да сюда же еще следует положить и чувство безграничной неловкости от того неодолимого, невесть откуда на меня нахлынувшего позыва к интимной близости с Вами, коего прежде мне, самке, никогда, ни за что к другой самке испытывать не доводилось, и что думать, как относиться к себе самой в связи с такой вот вдруг ни с того, ни с сего объявившейся напастью, в связи с такой вот тайной стороною моего естества, нежданно-негаданно отверзшейся в ложе Венской оперы 30-го июня 1908 года, уж и вовсе мне было невдомек, и вот все эти накладывающиеся друг на друга, как меха гармошки, неловкости и неясности вместе в конце концов меня все же одолели, и обморок со мною все ж, Вы знаете, приключился, и выходит, так Господь рассудил ко благу, потому как в противном случае, думаю, там бы я на месте и сгорела дотла, воспламенившись разом от центра своего основания до всяких моих кончиков: волос, ногтей, носа, сосков, пальчиков, языка и подбородка, — вот же, ей-же-ей, одним лишь краем пред нами всего выступают спутники жизни нашей, одним единственным выступом превосходят, да и то как сказать, а сколько из-за этого всякой канители, сколько по этому поводу неразберихи; потом обсудим непременно, дело, смею полагать, того все-таки стоит, вижу в нем перспективу, — и вот со мною обморок, а прихожу в себя, чувствую, глаза открываю, вижу, а Вы уже со мною, надо мной, и нету уже между нами никаких непосильных расстояний, *wie im Traum** а потоки воздушные от Вашего веера, как

**wie im Traum* — (нем.) как во сне. Ваше превосходительство, обращаю Ваше сиятельное внимание на тот нюанс, что тут г-жа Милонегги имеет в виду не сон как одно из физиологических состояний человека, при котором он противоположен себе бодрствующему, и, как бы, ничего не делает, а на самом деле, как теперь уже, в результате последних научных достижений, доподлинно установлено, заряжается новыми силами для дальнейшего осуществления своей жизни, — в этом случае было бы сказано *wie im Schlaf*, то есть, как во сне, когда спишь, а г-жа Милонегги однозначно апеллирует к такому состоянию человеческого существа, когда оно, находясь во сне, видит сон и полагает, что все это не понарошку, а на самом деле, то есть, будучи *im Schlaf*, наблюдает на полном серьезе самый что ни на есть *Traum*. Улавливаете? Согласитесь, Ваше превосходительство, что теперь все стало на свои места и улеглось по полочкам, в противоположность тому, где оно все находилось еще минуту назад. И в этой связи опять же вызывает недоумение пассивность действительного статского советника г-на Афонарелова Е.М., коего разъяснять подобное чин обязывает да долг службы велит; нам же, нижестоящим, надлежит лишь приказы ис-

самые нежные, самые желанные дуновения Зефира, чьи прикосновения творят чудеса... Божественная воля золотого случая! Хвала Всевышнему. А Вам, Фифа, признательна буду по гроб жизни... Только не спрашивайте, что я при этом имею в виду. Мне и самой пока не совсем понятно.

А скажите честно, Вам Франц-Фердинанд тоже импонировал? Тоже тогда в 1908-м в Иллиде и в Сараево после аннексии, и у Караваджичей, и у себя в резиденции в Бельведерском дворце и до того, и потом, будил он в Вас, скажите, Фифа, как и во мне, нечто, что я назвала бы сегодня разнужданностью в мечтах, или во снах, как хотите, ведь в зрелых европейских языках и сны и мечты давным-давно объединены в одно слово, и границы между ними не проводится. Немецкое любимое *Traum*, французское *rêve*, английское *dream*. Никакого различия между мечтой и сновидением. Будил, Фифа? Будил? Не хотите, не отвечайте. И не сердитесь, если я в своем любопытстве перешагнула через рубеж дозволенного. Просто, знаете, это же впервые с нашего знакомства мы так надолго разлучены, и мне отвычно многое заново, я снова теряюсь, и, что ни говори, а сколько б мы с Вами, милая Фифа, ни дружили, ни миловались, а все ж, однако, я навсегда останусь Вашей служанкой, младшей Вам сестрицей Вами выпестованной, хотя, мы же обе понимаем, что разница между нами в возрасте — сущая безделица, и особенно теперь, когда нам уже ближе к сорока, ею и вовсе впору пренебречь, так что речь тут не о цифрах в календаре, а об

полнять в срок да не роптать понапрасну, а когда начальство молчит, как в подобной ситуации, и дверь кабинета на стук не открывает, так и приходится благородному офицеру действовать на свой страх и риск, как вот сегодня. Не подумайте, что я жалуюсь. Я за дело ратую. С глубоким к Вам уважением и низким поклоном Ваш протеже поручик Зарында. (17.06.14)

Тов. подполковнику Междувзездову Т.Т. Товарищ полковник! Обращает на себя внимание тот факт, что Зарында, будучи поручиком, сношается напрямую через голову своего непосредственного начальства, а именно, действительного статского советника, а это в пересчете на наши советские ранги по армейке — генерал-майор, а по гражданке что-то типа зам председателя совнархоза, никак не ниже, и вот через эту голову, товарищ полковник, какой-то поручик позволяет себе привлекать внимание генерала от инфантерии князя Харитонищева-Рейтузова Х.Х., о котором даже упоминается в Большой Советской Энциклопедии, а о поручике там ни полслова. И как же такое понимать прикажете?! Вопиющая несоразность в отправлении табели о рангах пусть и в предвоенной, пусть и в ослабленной коррупции и мучимой революционным движением, но все же еще Имперской России. Как офицер-аналитик выражаю мнение, что объяснить подобное одним лишь неистовым желанием молодого карьериста залезть начальству без мыла в жопу не получится. А точнее, товарищ полковник, получится, но в совершенно ином ракурсе. Впору видеть, что тут явно нечисто (без мыла же!) в том смысле, что, судя по всему, следует заподозрить наличие между старым князем и молодым поручиком неслужебных отношений. (Заподозрил и доложил старший лейтенант КГБ Бодрыкин А.К. Подкрепил подозрение капитан Министерства Глубокого Бурения (пардон, это по привычке) Комитета Государственного Базирования Холодец П.М. 21-е августа 1968 года).

иерархии отношений, и мне видится это вполне справедливым, хотя, признаться, и несколько смущает. "Но что поделать. Так жизнь устремлена, что всяк ее искус вызывает чувства подчас весьма противоречивые". Не стану приписывать себе понапрасну двух последних фраз. Взятое в кавычки суть изречение супруга моего Якова Платоновича, но такое, согласитесь, не грех за ним и повторить.

Яков Платонович оборудовал мне в канун Рождества во флигеле лабораторию. Я давно просила, но ведь было неясно, на каком мы свете, в смысле назначения. Над нами весь прошлый год висел Китай или даже Япония. Представляете? Представляете, Фифа, какой у них там в Иностранной Коллегии кавардак, если крупнейшего специалиста по Балканам и Австро-Венгрии норовят спровадить на другой конец земли к узкоглазым басурманам. Ну, что у нас за порядки! Мы, Фифа, честное слово, Орда да и только.

Мы, нет, Фифа, не Европа мы никакая.

Понятное дело, у Якова Платоновича, как у всякого человека дела при уме и чести, имеются повсюду свои недоброжелатели разнообразного калибра. Но ведь это ж, как бы, дело житейское, без этого ж нигде не обходится. Жизнь, как говорится, прожить, не поле перейти. Вы согласны, Фифа? Думаю, это не требует доказательств. Это ж трюизм да и только. Оно б-то все так, если бы только в нашем случае, — я не имею в виду частный случай назначения Якова, а в широком смысле всю Россию, — если б только в нашем российском воплощении интриги личных связей не заслоняли б собою подчас целиком и полностью профессиональные качества и державные интересы в самом высоком понимании этих слов. Но все в конце концов обошлось. Отбились мы от желтой расы. Я так говорю, мы, но это ж только я так говорю. Яков Платонович, конечно же, действовал самостоятельно и демонстрировал, как всегда, решительность и хладнокровие, а об уме его уж и упоминать ни к чему. Я, заметьте, Фифочка, как бы я за наш слабый пол ни ратовала, а напраслину возводить ни на кого не собираюсь. Не в моем это стиле. В чем муж силен и умел, в том ему и признание наше. Так вот, как только выяснилось наверное, что после стольких лет постоянных переездов — Вена, Париж, Белград, Прага, Афины, Братислава, Санкт-Петербург, Рим, Будапешт, Москва, Лондон, Мадрид, Вена, Лиссабон, Берлин, Париж, Вена, Париж, Вена, Киев, — мы можем наконец плотно осесть, и что Якову теперь назначение в совершенно новый и абсолютно секретный департамент, — только, Фифочка, ради

Всех Святых, это страшная тайна, — так сразу Яков мне и оборудовал во флигеле замечательную лабораторию.

Замечательная она, прежде всего, Фифа, тем, что мне в ней замечательно. Понимаете? Я ведь его давно просила. А так кому-то моя лаборатория может показаться местом весьма унылым, а, может быть, даже и жутковатым. Судите сами. Портьеры на окнах во флигеле, тяжелые и черные, у меня обычно задернуты, чтобы смена дня и ночи не отвлекала от проведения опытов. А светят мне в лаборатории газовые трубки. Слышали, Фифа, про такое новшество современного электричества? Свет у них такой, как на Луне, как в готическом романе, понимаете? И мне это страшно нравится, возбуждает по-особому, толкает к пытливости. У меня тут микроскопы и прочие штуки-дряки, и когда я с ними возжусь, то забываю про все на свете. Такой восторг переполняет, что могу подряд несколько дней и ночей без сна и еды. Представляете? Это я-то, которая, как Вы помните, всегда любила и поваляться подольше, и поесть вкусненько. Изучаю я тут, как полоумная, свойства нашего с Вами мозга и нервной системы. Пока на лягушках, на мышках, а там видно будет. Вы только, Фифа, не подумайте теперь мною брезговать — я всегда в белоснежном халате, шапочке и даже надеваю на лицо марлевую повязку. Так что я чистенькая. Я не пачкаюсь. Что же до лягушек с мышами, то они Вам, когда Вы приедете, обязательно тоже понравятся. И ничего в них нету такого, как многие думают. Мне их даже жалко бывает, но это у меня аматорское, я ведь самоучка. А хотите, Фифа, узнать, как я вдруг ни с того, ни с сего заинтересовалась особенностями нашей с Вами, как теперь принято говорить, психической сферы? Хотите? А вот как. Прочла как-то "Франкенштейна" во Франкфуртском издании, а не мне Вам говорить, что немецкий многое доносит совсем не так, как в иных языках, и порождает отклик вдруг в самых неожиданных, негаданных уголках нашего с Вами, как теперь принято говорить, подсознания. Вот. И совершенно случайно почти одновременно с "Франкенштейном" на немецком попалась мне на глаза крошечная заметка в какой-то малороссийской бульварной газетенке о том, что теперь у наших армий есть такой газ, который будет действовать на нервы противнику и его парализовывать и все такое. Что же это была за газетка? Ах, да! Помните, Фифочка, Вы мне еще осенью прислали малину перетертую? Вы такая внимательная! Я ж ее обожаю. А банки в той посылке были обложены одесскими газетами, чтоб в пути не побились. А Вы ж знаете, Фифа, я со скуки никаким чтением не брезгаю. И оно меня не портит, а даже наоборот, облагораживает. Вы согласны? Так вот в одной

из тех газеток, а это, теперь вспоминаю, был одесский "Прибой" от издателя Аполлона Кучмы, знаете такого? на последней страничке, — а я их все, конечно, расправила, скомканные особо не почитаешь, — говорилось об этом самом газе, и заметка, теперь помню, называлась на наш одесский манер "Понюхал и свободен". А вообще Вы заметили, Фифочка, какая у меня теперь память? Практически ничего больше не забываю. А если и забуду вдруг ненадолго, то сразу и вспомню. А раньше, помните, частенько многое от меня ускользало, и, если про что-нибудь из того впору думать, что и Бог с ним, то иное высказывало из головы весьма некстати. Теперь с этим покончено. Спросите, как мне это удалось? Ответу: попался мне в руки опять же в немецком, кажется, в Гамбургском издании "Трактат об открытии "животного магнетизма" пера незабвенного Франсуа Антона Месмера, и я прочла его от корки до корки не один и не два, а, может быть, даже десять раз, и знаю его теперь почти наизусть, и с памятью у меня теперь, Фифочка, полный ажур. И вот так все одно к одному, а я и не думала упоминать тут Месмера, а собиралась ограничиться "Франкенштейном" и заметкой из одесского "Прибоя" о боевом газе нервического воздействия, но, раз уж Месмер сюда вклинился, то, конечно, будьте, Фифа, уверены, и без него, значит, не обошлось, и вот от всего этого составилось вдруг во мне неодолимое любопытство касательно того, как мы с Вами функционируем нашим мозгами и своими нервами. Вы удивлены? Будто сам высший дух постучал мне вдруг трижды в череп изнутри и дважды в грудь снаружи и сказал: "Иди и узнай". И я пошла, Фифа. Не судите. Ведь не надо быть семи пядей во лбу, а достаточно просто на полторы секунды задержаться мыслию, чтобы сперва сообразить, а после увериться в том, что мы про свой мозг и про свой разум не знаем ровным счетом ничего такого конкретного, что можно было бы при нужде употребить себе во благо. Ведь так? Пусто. Шиш обыкновенный, *kukisus vulgaris*!* Или Вы, Фи-

*Свято верю, Ваше превосходительство, что слово *vulgaris* Вам и без нас ведомо. Что же до второго слова в этом обороте, то оно нигде не значится, а предполагать попусту нам, думаю, тут не пристало. Гадать негоже, знать надобно. Сей доклад оформил собственноручно семнадцатого же!!! в ночь по юлианскому на 18-е июня 1914 года, — благо перлюстрация производилась срочно, параллельно сочинению самого документа, а доставлена сюда не просто без проволочек, а в рекордно быстрый термин авиационным способом лично агентом Килиманджаро, — Особый Распорядитель Департамента Почтового Надзора при Второй Линии Двенадцатого Имперского Управления действительный статский советник Афонарелов Е.М. (Во мне, Ваше Сиятельство, солидности, не в пример г-ну Афонарелову, поменьше будет и потому рискну предположить, что бойкая дамочка в этом месте попросту шутит, изобретая наш родной кукиш на латинский манер. Оно даже смешной, замечу, получается юмор, если угодно. Однако ж обстоятельства в Европе таковы, что не впору, пожалуй, особо веселиться. Труды зовут. С от всего сердца, а не в

фа, все-таки кое-что знаете? Но в таком случае, Ифигения, Вы приближаетесь к метру Месмеру, что я со своей стороны, невзирая на мое новое увлечение, а, может статься, именно вследствие оно, вполне, Фифа, допускаю, хотя и вынуждена оговориться в том смысле, что на сегодняшний день метр Месмер представляет для меня авторитет непревзойденный. Не сердитесь. Он же самец, а это совсем другое. И вот ради всего этого, получается, совершенно необходимо, как это ни прискорбно, препарировать заживо несчастных зверушек и строить на их тоске разумные эксперименты, ибо продвигаться по любой дороге можно, лишь делая шаги — шаг, еще шаг, и так шаг за шагом. И все, что можно тут сказать себе в оправдание, так это то, что пусть же печаль сия великая лягушек с мышами ляжет в основу крепкого фундамента будущей науки о человеке. Пусть!

Не могу удержаться, чтобы еще раз не процитировать тут Якова Платоновича. Как-то раз, навестив меня в лаборатории со своим юным другом титулярным советником Майбородой, мой неподражаемый, глядя на бледность последнего по окончании мною эксперимента, подытожил к месту: "Целесообразие временами являет нам свои уродливые формы, от чего не перестает быть тем, чем есть: рациональным проникновением вглубь непознанного". Боже, Фифа, какой он тоже умница, правда?

Милая наперсница, я сегодня совсем разболталась, а все дело в том, что с утра над Киевом собирается гроза, и мне страшно давит на виски.

У нас теперь при "Паккарде" Якова Платоновича новый шофер. Прежнего, — не помню, Фифочка, попадался ли он вам на глаза, когда Вы у нас гостили, такой атлет тридцати двух лет (пardon за рифму с okazjiей!), — Яков сказал, что рассчитал под Новый год, но мне известно доподлинно другое, — у меня при новом Якова департаменте уже, Фифа, есть глаза и уши, но об этом, дорогая, просто вообще никому, а то выйдет колоссальный конфуз, — а именно, что его арестовали по подозрению в шпионаже, sic! Так вот, новый у нас шофер это такой статный дядька лет пятидесяти, высоченный и жилистый. Покрит вечным загаром. Этакий, знаете, Ливанский кедр. У него черные, как смоль, усики а-ля Макс Линдер, и косой пробор а-ля он же, а глаза чернющие до вишневости, как у барсука, а ловкий и расторопный, как выдра с ондатрой. Он раньше был охотником в Африке, говорят, на слонов и тигров, а еще он знаменитый авиатор Гермоген Лобазареков. Слыхали? О нем в газетах даже фотогра-

силу служебной необходимости, уважением к Вам и почетом, Ваш протеже поручик За-рында.) (А от себя, товарищ полковник, добавим, что личность агента Килиманджаро нами пока так и не установлена. Добавлял Бодрыкин. Удостоверил капитан Холодец. 22.08.1968 г.)

фии печатали. Я, признаться, помню смутно, но Яков говорит, что он даже через Ла-Манш перелетел и туда, и обратно, а, значит, так оно и есть. И что бы Вы, Фифочка, сейчас себе про меня с Гермогеном ни вообразили, а оно все совсем не так. А на самом деле вот что. Теперь всем этим нашим авиаторам, шоферам и машинистам шьют такую особую одежду — *комбинезон*. Вам слышно, Фифа, как я распевно произношу это в нос: *коммм-би-не-зонининини*! Вы такое видели? Ну, конечно же. Вы ведь обо всем всегда узнаете первой, а я в лучшем случае только второй. Есть *комбинезон* и у Гермогена, и не один — Яков Платонович в нем души не чает, осыпает подарками. Но, кстати, Фифочка, не думаю, чтобы это что-то серьезное, нет. Это скорее следует отнести к симпатии по деловым качествам. И это правда. Такого шофера у нас еще не было. Ни здесь, ни в Вене, ни в Берлине с Лондоном, ни даже в Афинах. А так у Якова Платоновича сейчас этот титулярный советник Майборода, кстати, очень приятный, без всяких оговорок, молодой человек по имени Братислав Савельевич. И еще навещает ротмистр Гораздецкий, импозант еще тот. Вы же помните, Яков Платонович всегда питал слабость к офицерам кавалерии. Так что у него, как и положено государеву мужу в его положении, все тут есть под рукой, что необходимо. А у Гермогена есть *комбинезоны*. А надо сказать, что Гермоген Лобазареков затеялся нам из нашего "Паккарда" изготовить какое-нибудь чудо техники. Может быть, даже самолет. Это я так шучу, Фифочка. И вот он, Гермоген, каждый вечер у нас в гараже с "Паккардом" нашим в обнимку допоздна, часто за полночь. И когда я иду после экспериментов из флигеля в дом, в гараже свет, и я туда, потому как после экспериментов сразу спать почти невозможно, возбуждение не отпускает. Гермоген он и без того смуглый, как мулат, — правильное, конечно, Фифочка, сказать, как кварталон; меня мои изыски в лаборатории определили в сторону точности физиологической и биологической и всякой такой прочей, кстати, хотите я Вам, как в аптеке, подсчитаю, сколько в Вас какой крови и от кого и на что это влияет в Вашем характере, хотите? тогда пришлите мне Ваше генеалогическое дерево, а еще лучше привезите его с собой, и мы вместе над ним попотеем, — а к ночи Гермоген и вовсе, как негр, потому как весь с головы до ног в машинном масле и в *тавате*, какое слово! да? Его еще называют *солидол*, но это под настроение, далеко не всегда, чтоб резонанс, а вот *тават*, Фифочка, безотказно воздействует на меня вкрадчивой обманной вибрацией всех своих пяти звуков, — *Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т*, — не хуже, чем на кошку валерьяновый настой, да. А на Вас? У машинного масла абсолют-

но черный цвет. Вы, конечно, видели. А запах, как это ни странно, сложносоставной, трепетный — аромат, как если б он служил основой для новых парижских духов от Кобелена. А у тавота цвета разнятся — и розовато-коричневый, и фиолетовый, и со стальной искрой бывает на свету, и с жемчужным проблеском, — а запахом он чуть проще, но тоже бы сгодился для французской парфюмерии. Вам доводилось их нюхать? Не духи, разумеется, а масло с тавотом. Ах, Фифа, приезжайте сюда. Отложите на время в сторону все, что вас в Одессе держит. Мы с Вами предадимся таким усладам, что затмим все наши прежние тайны и приключения, какие случались между нами, когда мы были с Вами помоложе и ничего особо не принимали в расчет.

Кстати, я пришла к выводу, что все эти шоферы и авиаторы выпачкиваются черным и липким вовсе не в результате технической целесообразности, а во имя одного лишь постыдного удовольствия, которое, вывернутое наизнанку, выставляется ими на всеобщее обозрение, как неизбежная превратность их современной профессии. Вот хитрованы! "Лучший способ запятать — придать иной смысл и выставить напоказ". Это опять же из каждодневных мыслей вслух Якова Платоновича, гениального супруга моего. А я, Фифа, даже статью написала "Техническая грязь как средство сублимации мужской инфантильности", пятьдесят страничек на "Ундервуде", перевела ее на немецкий, — пока, Фифа, переводила, со мною несколько раз случился множественный оргазм, вот Вам крест, ничего не выдумываю, — и отправила ее в прошлом месяце с дипломатической почтой Зигмунду в Вену. Я Вам так до сих пор признательна, что Вы меня с ним тогда свели. Помните, как я поначалу приняла его в штыки? Это было в 1908-м году, тридцатого июня, в день падения Тунгусского метеорита. Да и Вы, Фифа, помните, тоже тогда пребывали от него не в восторге. От этих его шуточек в Ваш адрес. Просто Зигмунд был у всех на устах и причитался нам по праву светских леди. Ах, Фифа, мы были с Вами дамами высшего света в сердце Европы. Вы помните?

Мы с Зигмундом на многое, почти на все, смотрим по-разному, но в наших с ним научных и ненаучных спорах для каждого рождается что-то свое, а это и есть то, ради чего, Фифочка, стоит жить и трудиться. Он пока не ответил. Может, обдумывает. Но не станем с Вами забывать, что, каким бы наш замечательный Зигмунд ни был и высоким, и низким, и лысоватым, и волосатым, он все равно остается самцом, а мы с Вами самками. Поживем, увидим.

Я беру у Гермогена его *комбинезон* в обмен на новый, и с ним в охапке спешу к себе в спальню и, облачившись в него, еще не остывший, сразу в постель, белоснежную, отглаженную, благоухающую лесными травами и полевыми цветами, с утопающей периной и взбитыми подушками, — у меня теперь за этим особо следит новая собственной персоной экономка Нунехия Мартирьяновна (вместо Клары Васильевны), — и ну моститься там, вздыхать да потягиваться, а наряд сей мне местами велик, а местами впору, и пока я все мощусь да ко сну себя принаравливаю, как прильнет он вдруг к телу то там, то тут, так хоть верещи, хоть кукарекай, а не передать полноты чувств таких, что непонятно, откуда, их избытка не выразить; изнываю, ерзаю, аж пока не усну, истомившись. И сплю сладко, со слюною.

Дорогая Ифигения, Вы действительно считаете меня порочной особой или это моя мнительность во мне говорит?

Денег Гермогену я не даю. Убеждена, его бы оскорбило. Зато покупаю ему дорогой, который блестит, инструмент и пахучую смазку в скобяной лавке "Дюбинг и Гофф" и в другой, что напротив, "Ферропонт и Сыновья". Уверена, Фифа, Лобазареков дворянин, хотя, быть может, и не из богатых, а к "Паккарду" его приставили, наверное, как офицера из секретного департамента при моем супруге в новом чине и после казуса с прежним шофером Федотом Картавым. Вы его помните? Может стать-ся, я себе все это, конечно, насочиняла, влекомая своими детскими нераспознанными страхами и упованиями, теми, что, отвергнутые, зачихали где-нибудь в моем организме, а нынче норовят показать мне, где раки зимуют. Между прочим, помимо прочего, в своей статье о мужском инфантилизме и машинной смазке я, Фифочка, указываю на такой очевидный факт, что даже удивительно, что никто прежде меня на него не обратил научного внимания. А именно: современные машинисты, под которыми я разумею всех, кто собственноручно копаются в разных машинах и моторах, в момент угрозы инстинктивно норовят прежде всего вывести из-под опасности механизм, а потом только людей, что рядом. Объясняю я это тем, что в моторы машинисты вкладывают свои силы и свою душу, а что им люди, кто они им? Разве что только это не их собственные дети, к которым они тоже приложили свои старания. И мой вывод, что автомобиль нужно водить самому, если хочешь быть цел и невредим, а не доверять это механически ориентированному индивидууму. Вам понятна моя мысль, Фифа? Или же она пока что чересчур передовая? Но Вы ведь, душа моя, самый умный, самый эмансипированный

человек из всех, кого я знаю. Очень надеюсь, что Вам, милый друг, все и так понятно. Да, и думаю, в мою теорию целиком укладывается та несуразность, которая, собственно, и привела к гибели эрцгерцога и его супруги. Вы же знаете, Фифочка, да? что шофер свернул не туда и в результате поехал по улице Франца-Иосифа вверх, а не вниз налево, ну, и, ясно, застрял. В толпе-то, в гору-то. А, может, ему велели стать наконец, как сообразили, что не туда. Там же были неглупые, решительные люди в автомобиле с эрцгерцогом — граф Гаррах, Вы же его помните? и генерал Поттиорек. Фифочка, Ваш Эпиктет Леандрович тоже, конечно, я понимаю, все важные новости узнает не последним, так что Вы уж меня простите великодушно, если я Вам тут зря всем этим голову морочу, но я вот что хочу сказать: в действиях шофера можно отыскать явные признаки заботы о сохранности автомобиля в большей степени, чем об эрцгерцоге с супругой. Вы меня понимаете? А дело в том, что когда кортеж катил еще по набережной вдоль Милячки, в них уже швырнули бомбу, представляете? но она отскочила от свернутой крыши позади эрцгерцога, упала на дорогу и взорвалась уже под колесами следующего авто. Но несколько осколков в автомобиль эрцгерцога все же угодило, вот Лойка, помните его? шофер-красавец в кожаном реглане, и припустил на полной скорости туда, где не бомбы метают, а всего лишь палат из револьверов. Вы меня понимаете?

Не сердитесь. Я, пожалуй, дорогая Фифа, буду на сегодня закругляться. Так ничего толком Вам о себе и не рассказала. Но Вы же сами знаете, как легко нам с Вами всегда откровенничать с глазу на глаз, и как бывает затруднительно изложить что-нибудь в послании к дорогому человеку. Мы с Яковом Платоновичем сегодня все утро за хлебцами с кофеем только и говорили, что о несчастье в Сараево. Я, грешным делом, думала, у нас у одних в России такой кавардак. Я, разумеется, про Александра II, как ему бомбу под ноги, как его на куски сердешного. Так и то ведь, думалось, рассосалось и больше не повторится. Навсегда останется в прошлом веке. Но потом, увы, Столыпин, великомученик. А теперь вот еще и Франц-Фердинанд со своей Софи ненаглядной. Честное слово, слезы сами капаят. А ведь я, как и Вы, не из плаксивых. Вот так, милая Фифа, изменяется теперь наша жизнь. Скоро, жутко, неосмысляемо. Помните, когда наступал новый, нынешний век, предрекали ему, каков он будет, и многие сходились на том, что быть ему скорым и бездушным, исполненным металла и электричества, в противовес сердечности и неторопливости века предыдущего. Помните? Честно

сказать, что до меня, так я не склонна, сломя голову, без оглядки полагать прошлый век таким уж сплошь и рядом сердечным и романтическим. А Вы, Фифа? Мы с Вами об этом никогда прежде не толковали. Да оно и понятно. А бедолага Франц-Фердинанд столько лет ждал этого престола, так готовил себя, — и армию инспектировал, и проекты строил, — и вот дождался.

И что же? И как дальше-то? Хотите знать мое мнение, так это, милая, война*. Да, Фифа, война на всю Европу**. А что тут еще думать. Ничего другого не придумаешь.

Передавайте, Фифа, привет Эпиктету Леандровичу. Как он там? Все такой же веселый?

Кстати, а Вы читали, Фифочка, "Tagebuch meiner Reise um die Erde" пера собственноручно Франца-Фердинанда Венского издания конца прошлого века о его большом кругосветном путешествии в девяносто втором году? Обязательно прочтите. Теперь там многое покажется пророческим. И станет грустно.

Прижимаюсь к Вам тесно и целую Ваши нежные пальчики.

До свидания.

Ваша верная и единственная подруга

Дора Милонеги

* Поелику г-н Афонарелов Еремей Маркович в присутственном месте уже отсутствует, на утомление сославшись, — да оно, Ваше превосходительство, в общем-то, и понятно, ибо за окном невроку юлианское 18-е, пять утра, а в Европу, стало быть, пришел июль, и вот же парадокс: мы живем по юлианскому, а у нас июнь, а они по григорианскому, а у них уже июль, смех, да и только! — и, судя по всему, сегодня уже ничего присовокуплять к своим донесениям не станет по причине опочивания в дому, рискну, Ваше превосходительство, обратить Ваше сиятельное внимание на то, что я бы преподнес как вопиющую осведомленность г-жи Милонеги по некоторым вопросам, которые, как я еще раз рискну предположить, не должны иметь к ней прямого касательства. Ваше Сиятельство Харисимович, ну разве ж это дело, что все, подчеркиваю, абсолютно все детали Сараевского покушения я впервые узнаю из письма этой дамы?! А я, между прочим, офицер контрразведки, а не рыбой торгую, и, согласитесь, не бестолковый какой-нибудь, а, напротив, подающий Вам большие надежды. Ведь не дадите соврать, ведь так? Ну, и в какие ж это извините тогда ворота? Откуда ж ей в самом деле такое, даже страшно подумать, известно уже доподлинно, а не понаслышке? Вам, князь, решать, Вы и решайте, а мое дело подмечать и докладывать, чему и рад стараться в любое время дня и ночи. Преданный Вам Ваш протеже поручик Зарында.

P.S. И еще одно. Я тут прикинул и по всему выходит, что написать от руки своим почерком такого объема депешу в течение светового дня возможным не представляется. А это означает только одно, что подлинные детали Сараевского убийства были известны г-же Милонеги прежде даты в письме проставленной, либо в сам день покушения, 15-го, либо, самое позднее, поутру 16-го, а у них в Европе 29-го июня. А это ж каким источником объяснить надобно! Не мое дело. Мне спать пора.

** Тов. подполковнику Междузвездову. Товарищ полковник! Совершенно согласен тут с

**Имперскому
Иностранной Канцелярии Советнику 3-го класса**

**Его Превосходительству
Йюргену Хуго фон Дюбингоффу**

(Санкт-Петербург, 17-е у нас, а у вас 30-е июня 1914 года)

Господин Дюбингофф!

После стольких лет гробового молчания получить от Вас неожиданно-негаданно весточку грому с молнией подобно среди ясного синего неба над белыми березами где-нибудь под Рязанью. Ах, какие там перепела!

Той суммы, что Вы прилагаете к письму, крайне недостаточно. Ее не хватит ни на то, чтобы покрыть Ваш карточный долг, ни тем более на то, чтобы предупредить генералитет. Да какой к чертям собачьим генералитет?! Этих денег не хватит даже на то, чтобы поставить в известность о чем Вы просите даже одного-единственного какого-нибудь паршивенького флигель-адъютанта в чине полковника... А об императоре уж и речи нет.

Что ж Вы так?

Присылайте, любезный, денег и побольше. Поглядим, чем можно порадовать, поспособствовать по старой, как говорится, дружбе. И уж, коль заладили всю эту канитель, так не тяните резину. А то, не ровен час, станет-

этим их поручиком. Он, видать, не такой дурак, каким кажется в свете своих неустановленных моральных наклонностей. Но хочу добавить, что мы с капитаном Холодцом провели следственный эксперимент, и у нас ничего не получилось. Потому смело утверждаем, что за двое с небольшим суток, которые предположительно могли оказаться в распоряжении гражданки Милонеги Н.Т., а это по максимуму, это в том случае, если все подробности ей стали известны буквально пару часов спустя после покушения, так вот за предположительно-максимальные пятьдесят четыре часа от пяти пополудни 28-го, но это с натяжкой, надо б считать хотя бы от 19.00, ну, да ладно, и до 23.00 30-го июня, когда в Почтовом Надзоре Второй Линии 12-го Управления в Санкт-Петербурге перлюстрация была получена, о чем имеется запись в приходном журнале, а журнал у нас в архиве, самолично проверял с Хотубейкой, так и отсюда ж еще надо отнять, ну, хотя бы часа три, а на самом деле все десять! на перелет из Киева по тем временам в Санкт-Петербург, и это притом, если на саму перлюстрацию вообще никакого времени не учитывать, так все равно выходит, как ни крути, не больше двух суток, а человек, будь то хоть женщина, двое суток кряду строчить письмо тоже не может, сон требуется, мы с Холодцом проверяли и на себе, и на уборщицах, хотя б по пять часов сна вынь да положь, да и то башка никакая, а мы ж не сочиняли, мы ж просто мучались под диктовку; короче, остается часов тридцать-тридцать пять, а за это время написать письмо такого объема, сыскать к нему конверт с маркой да отправить по почте, докладываям, товарищ полковник, не является возможным ни при каких обстоятельствах. Так что с этим письмом абсолютно пока ничего неясно. Это загадка какая-то. А о Лебединеце, о котором вы спрашивали, о нем тоже в письме пока ничего. Убедился и доложил старший лейтенант Бодрыкин А.К. Подтвердил убеждение капитан Холодец П.М. (25-е августа 1968 года).

ся и момент прозевать и капиталец профукать. Такая моя Вам от моих щедрот опиния по секреции*.

Рад был снова услышать о Вас, хоть и от Вас.

Честь имею,

Свиты Его Величества генерал-майор Жерново

**Имперскому
Иностранной Канцелярии Советнику 3-го класса
Его Превосходительству
Йюргену Хуго фон Дюбингоффу**

(Санкт-Петербург, наше 18-е, а ваше уже 1-е июля 1914 года)

Перво-наперво, какая нелегкая занесла тебя, милый хер, в добрый купеческий, однако ж с устоявшимися войсковыми традициями, славный город Ганновер? А, мин херц? Это раз. На второе: присланной суммы, разумею, может, если очень потщиться, хватить разве на то, чтобы перекрыть одну, скажем так, пятую часть давешнего карточного долга, что ты соизволил себе допустить в девятисотом, тут ты верно пишешь, в последний год девятнадцатого века, — и кстати, спорят до сей поры, был ли он последним старого или первым годом нового века, двадцатого, — действительно, в марте под Вышним Волочком, тут ты в памяти своей аккуратен,

* Полагаем, здесь следует понимать — "мнение по секрету". Спешим обратить внимание Вашего Сиятельства на то, что по всему выходит, что Жерново неизвестными нам пока путями проник в тайну переписки Дюбингоффа с полковником Чудомыселем, потому как пока только там, и нигде больше, встречается это характерное для Дюбингоффа словцо *опиния*. Либо же следует предположить, что в упомянутом 1899-м Дюбингофф и Жерново сошлись за шпоссом куда как ближе, чем нам известно по долгу службы. (Экспликат сочинил собственноручно 18-го юлианского июня пополудни Особый Распорядитель Департамента Почтового Надзора при Второй Линии Двенадцатого Имперского Управления действительный статский советник Афонарелов Е.М.). (Спешу присовокупить, Ваше Сиятельство, что для полного понимания подтекстов данной переписки крайне необходимо отдавать себе отчет в том, что Свиты Его Величества генерал-майор Жерново Платон Елеазарович обдуманно использует выражение "по секреции" не всерьез, а выказывая иронию в отношении падкости фон Дюбингоффа до всяких европейских словечек. Без такого разума вряд ли можно охватить целиком смысл представленного. И да будет мне позволено заметить, что по меньшей мере странным видится тут тот факт, что особый Распорядитель Афонарелов Е.М. игнорирует это обстоятельство, не указав на него в своем экспликате, в то время, как всемерно привлекать благосклонный интерес Вашего Сиятельства к подобного рода нюансам, зарытым, можно сказать, в самой структуре человеческого общения в целом и его письменной стороны в частности, является первейшим долгом всего нашего Департамента и персонально его Распорядителя, кому Сам Бог велел подавать рьяности служебной личный пример нижестоящим, а то, боюсь, знаете, вскрывать чужие конверты и перлюстрировать их вразумительным почерком может, согласитесь, Ваше Сиятельство, любая барышня-первогодок из Смольного института благородных девиц, а то и вообще попросту всяк, кто грамоте обучен. Не знаю, право, что и думать. Искренне Ваш, Ваш протеже поручик Зарында).

только резались мы не в пульку, друг, шалишь, а в мантильку в "шотландочку". Потому и сумма-то состоялась под небеса, а как же. Так что немедленно вноси в мемуары должную поправочку, не ершись. Это два.

Ежели приведенные здесь расчеты совпадают в общем и целом с твоим пониманием непростой ситуации, которую мы имеем на Европейском театре, то, брат, шли недостающее на самых резвых почтовых. Тогда и разговор. Это три.

А четыре это — какого ляда ты, Хуго, чтоб тебе икнулось! подразумеваешь, пиша "невзирая ни на что, как в добром, так и в худом смысле этого слова"?! Сколько эту фразу ни крути да ни примеряй, сам попробуй, коли не веришь, по всему получается, что словом-то этим самым выходит собственно "что". Это ж как тебя, Юрген, понимать прикажешь? Это что ж, шифр какой? Код? Так я их знать не знаю. И знать не хочу. А если ты тут ваньку валять надумал касательно того, что мол, русский тебе не родной или еще чего, так заруби себе на своем горбатом носу, что нам тут доподлинно известно, сам ведь рассказывал, что языки тебе сызмальства давались без труда, и потому на мякине нас не проведешь, и не надейся. А немедленно снесись со мною, что там такого в этом "что". А не то мы с тобой знаться впредь не пожелаем. Понимай, как хочешь, в любом смысле любого слова, какой тебе только заблагорассудится. Это, пожалуй, уже не только четыре, но еще и пять, и шесть. Никак не меньше.

А теперь, в-седьмых. Вот что я тебе скажу. Не твоего германского ума дело составлять себе мнение о том, есть ли у нас умные офицеры али нету, при штабе ли они али во чистом полюшке. Более того, положение дел такого свойства во все времена, а при нынешних обстоятельствах тем паче, это большая, огромная, неохватная, грандиозная военная тайна, и ты, Юрген, в нее не лезь. Как приятель приятелю, как соратник соратнику, как кредитор должнику, не рекомендую! Понял? Это семь.

А я со своей стороны, разумеется, позабочусь, чтоб оно как-то обязательно все шло умом, а не иначе, не дожидаясь ни твоих денег, на которые очень надеюсь, ни чьего бы то ни было соизволения, в коем уже давно, почитай, что с Русско-Японской, с Порт-Артура не нуждаюсь боле. Ибо на карту поставлены мои честь и достоинство офицера и патриота.

Так что давай, Юрген.

Жду.

Остаюсь симпатизирующим тебе, мерзавцу, простодушным балагуром,

Генерал-адъютантом Мерзопакковым

P.S. Кстати, о мемуарах. Рекомендую заглавие: "Шпион на службе трех корон". Даже в рифму. Если употребишь, прикинь мой гонорарец.

**Имперскому
Иностранной Канцелярии Советнику 3-го класса
Его Превосходительству
Йюргену Хуго фон Дюбингоффу**

(Санкт-Петербург, 19-е июня на наш лад,
а по Вашему, по-григориански, 2-е июля, 1914 года)

Дорогой Хуго!

Не пересказать в словах одного письма все те чувства, которые охватили меня, когда после стольких лет (и каких лет!) получаю опять от Вас объемистую депешу. Не пересказать. Вот и не будем.

Сразу о том, что откладывать при любых обстоятельствах, даже таких, какие сегодня составились в Европе, негоже и все тут.

Милостивый государь! Я терпеть не могу и никому не позволю, когда меня гнусно шантажируют. Ясно Вам это, бретер Вы несчастный, бюргер возмнивший?! Так и подмывает меня назвать Вас в гости, а после кликнуть молодцов, чтоб выпороли Вас на конюшне. Или Вы что, сукин Вы кот, желаете, может статься, сатисфакции?! Так прошу, милорд. Мы всегда всенепременно в любую погоду на любом оружии готовы, даром что родственники.

Требую немедленно же объясниться!

Флигель-адъютант полковник Чудомысль

P.S. От Шарлотты Гвендолиночке тоже приветец.

**Капитану Холодцу, ст. л-нту Бодрыкину
(служебная записка № 17/37)**

(Москва, "База", каземат 504, 26-е августа 1968 года)

Вы там, два бугая, чем занимаетесь?

Вам что, погоны ваши надоели, звезды на них гнетут? Так мы поубавим.

Что это за "сношается" и "в жопу без мыла"?! Вы служебный доклад составляете или филькину грамоту? Так и там скажу, даже в филькиной, следует слова подбирать настороже, а не расхристанно, как вы тут, на всю ивановскую. Тот факт, что, согласно толковому (а не бестолковому!) словарю, *сношение* означает, помимо полового акта с совокуплением, еще и обычные человеческие связи, простое, например, дипломатическое общение между людьми, еще не означает, товарищи пока капитан со старшим пока лейтенантом, что вы можете, как вам взбрендит, производить из такого слова себе глагол и щеголять им на страницах секретного документа. Кто у нас, едрить вас в корень, филфаки заканчивал?! Вы, маменьки-

ны с папенькиными два долбаёба, или я, трижды резанный белофиннами и контуженный уже в Праге после Берлина?! А потом еще и в Маньчжурии. Вот то-то и оно. У нас так всегда, как я погляжу. У одних дипломы, а у других голова на плечах.

И что это еще за опыты на уборщицах?! Кто санкционировал? Совсем охренели! Вы хоть отдаете себе отчет, как далеко это может завести?! Вы ж не где-нибудь, а на службе. На скрытой от любопытных глаз, да, очень важной, очень особой, да, крайне почетной и все такое службе! А не в лесном пансионате среди медведей (и медведиц), где можно, казалось бы, вытворять все, что вздумается, нет. Каземат, куда я Вас определил для проведения поиска по без номера *ДЕЛУ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ*, и впрямь расположен на отшибе наших кипучих интересов, а по себе, увы, знаю, что тишина и самопредоставленность воздействуют на советского человека разлагающе. А что делать? Ответ на этот вопрос, мои юные друзья, пока что не найден. Но тем-то офицер и отличается, господа, в смысле, товарищи, от обычного смертного, что он крепко бит и срочно обучен, проверен по-всякому и закален через докрасна добела, и потому не имеет он права давать слабину на ровном месте, а на кривом и тем паче! Так что, хлопцы, не вздумайте там употреблять на ниве документального сыска. Потому как, если что, сопьешься в том каземате дней за восемь, максимум за двенадцать, и таких белых горячек, какие там случаются, мне прежде наблюдать не доводилось, а я, ребята, поверьте старику, в силу специфики прежних своих назначений столько на веку перевидал делириумов с их тременсами, что, если б не моя боевая закалка, давно б уже и сам в рот ни капли б не брал. А так ничего, бог милует. Но там, где Вы сейчас, ни-ни, не моги. Обратимся пусть и вскользь, к краткой истории вопроса. Говорят, этот домик в лесу со всеми своими бесконечными подвалами построен еще Петром, а то и самим Иваном Грозным. Как по мне, так это чушь собачья! Опять же, кто такое утверждает, и в реляциях с умыслом и на словах сдуру, вряд ли хотя б в малейшей степени осведомлен о подземном обустройстве этого твердокаменного убежища. Как бы там ни было, но по себе опять же знаю, что над всяким, кто отправлен в архив с поручением не на день, на два, а в долгосрочный, как Вы, пацаны, поиск, довлеет существенная опасность стать жертвой обаяния стиля той эпохи, подпасть, как бы между делом, под магнетизм манеры изложения мыслей гражданами той, не нашей с Вами, поры. Говорю заранее, не советую. Хлопот потом, по возвращении, не оберетесь. Излагайте мысли так, как Вас в армии научили. А чуждый стиль рухнувших времен нам без надобности. У со-

ветских собственная гордость! И поймите, олухи, что раньше туда расчеты в поиск снаряжались и готовились так, будто в боевой дозор, так, словно за линию фронта, а не в укромный филиал родной Базы. То действовала инструкция 10/Щ. А потом ее отменили и издали нынешнюю Л-112, запрещающую категорически все прежние параграфы. А коль даже после нашей тогдашней подготовки, многие все же мои товарищи по поиску с ума все-таки взяли да спятили и сгинули по психушкам, так чего уж от Вас ждать, мальчики дорогие? Голы Вы, сынки, факт, как соколы, и слепы, как филины средь бела дня, перед тем архивом...

Переведя дух на верхней ступени архивной лестницы под тяжелыми сводами, мы вынуждены были допустить одну внятную мысль, которую вот уже дважды или трижды, читая служебную записку за подписью Междузвездова, гнали от себя прочь. Теперь же нам не оставалось ничего иного, как, взяв себя в руки, признать без обиняков, с научной беспристрастностью тот факт, что мы, пожалуй, находимся под теми самыми сводами почти вплотную, через один стеллаж, к той самой двери с оловянными на ней цифрами 909 и тремя над ними, в мелкой шашельной трухе, отверстиями от некогда вкрученных, а после вывернутых шурупов.

Прежде, чем обнаружить розовый сундук, мы частенько в поисках доказательств нашей смелой гипотезы о Миклухо-Маклае сновали мимо этой двери вдоль стеллажей и полок и не раз, и не два замедляли тут шаг, потому как, несмотря на то, что вид у двери был, как бы выразиться, не жилой, но воображению представлялось, что там, за нею, под покровом экстрасуперзасекреченности внутри и без того высочайшей секретности скрываются замурованные тайны и происходит что-то весьма любопытное, тем более что временами за нею чудились неясные шорохи и голоса.

Теперь же по странному стечению обстоятельств читаем в обнаруженном документе о той самой точке пространства, где застигла нас неожиданная находка. Вот и с той даты, когда подполковник разразился служебной запиской, до сего дня, когда мы, вопреки всем своим намерениям, погрязли в сундуке, тоже уже минуло более тридцати лет. От всех этих скачков во времени, признаться, дух захватывает. Может, следует встать да пройтись? Но читаем дальше. И слова подполковника помогают тут и сейчас так же, как давным-давно, наверное, тем двоим, преодолеть вязкость момента и вполне прийти в себя...

...Теперь о письме Милонеге, — *пишет дальше подполковник.* — Поручик тот у себя в 1914-м, — *пишет он,* — возмущен объемом письма попросу потому, что он лентяй от рождения, хотя и не бездарный, а вы же, аналитики хреновы, потому что у вас ни мозгов, ни воспитания. Запоминать! В образованном слое царской России обильное эпистолярное общение это правило хорошего тона, то есть, совершенно необходимо для поддержания своего реноме. В парадигме воззрений той поры послание г-жи Милонеге не большое и не маленькое, а просто обычное. На осведомленность же сей мадам по некоторым вопросам, ну, безусловно следует, само собой, обратить внимание. Только без надрыва, а по-деловому. Кропотливым образом. А узнаю, что водку, дурни, пьете, вот увидите, в тот же день десантирую обоих в Чехословакию под пули буржуазных националистов.

Давайте, молодцы, работайте, как следует, а не как прежде.

За полученные мною от Вас сводки объявляю Вам благодарность!!!

И чтоб Лебединеца мне из-под земли обнаружили, а не то я вас все равно десантирую.

Ваш заместитель начальника спецотдела географического резервирования
особой Комиссии по слежению за кометой Галлея
при Комитете Государственного Базирования
подполковник Междузвездов

P.S. И прекратите, сукины дети, обращаться ко мне "Товарищ полковник!". Меня этим не возьмешь. Я подполковник. Вот уже лет двадцать как подполковник, а все потому, что ни к кому без мыла в душу никогда не норовил. И нисколько об этом не жалею. И нисколько от этого не страдаю.

Афродита из Пергама

— Нет, не надо замен! Нет, не надо
подделок стеклянных!

М. Цветаева

Все-таки он свернул налево.

Сережиной улицы трусил узенький разнорослый сквер. Черные вымокшие деревья, — кажется, каштаны — топорщились перед серыми и оливковыми фасадами.

(Ему нравилась осень — неприкрытостью. Листья сброшены, пыль смыва. Готовясь принять снежное благословение, земля обнажается. Закутываются только люди.)

Разноэтажные здания смыкались и выстраивались в сплошные линии: уже замеченная им в старых городах привычка домов держаться друг за друга. Построенные в разное время, они радовали глаз разнообразием фронтонов и подворотен, чересполосицей карнизов, пестротой колонн и лепнины. В сумбурной мешанине стилей было объединяющее простое-душное безвкусие.

Хорошо, что разноэтажные.

Хорошо, что разновременные...

Он остановился, споткнувшись всем телом. Улица кончалась глухим забором: за ним ощущался обрыв.

Старик был прав. Пришлось повернуть вспять.

Почему, собственно, он ему не поверил? В конце концов, этот его вечный скептицизм несносен!

Теперь навстречу никто не попадался — словно прохожие обходили квартал его блужданий. Он свернул раз, другой (была прелесть в этом шестивии наугад), прежде чем понял вдруг, что проходит мимо того, что искал. Этот портик с колоннами провинциального ордера встречался ему на нескольких афишах, призывавших посетить местный музей.

В фойе было сумрачно.

Тяжело громоздилась вверх мраморная, с ковровой дорожкой в медных прутах, лестница. В пустом гардеробе справа от нее притулилась темнота. Дремотно белели у стен бюсты.

— Молодой человек! — окликнули сзади.

Он оглянулся.

Голос исходил из приземистой будочки, воткнувшейся между входом и стеной слева и заслонявшей окно. Лица кассира за низким вырезом не было видно.

Сухая, с отмытыми до сини жилками, рука привычно царапнула по медякам. Уже взяв билет, он заметил в уголке каллиграфически вычерченный трафарет: "солдатам... детям... учащимся"...

Где-то внутри тошнотно завозилась тоска.

Усталость, исподволь копившаяся с утра, вдруг осела — словно мутный осадок, выпавший на дно из раствора — и расплзлась по телу.

Но метнувшийся было к выходу взгляд был отвергнут холодной вспышкой разума. Нет! Из-за... из-за такого пустяка?!

Он повернулся (скрипнули сырые кеды) и медленно стал подниматься.

Первый зал обрушил на него величие бронз, лостр, зеркал, блеск паркета и тяжелую декоративность потолка.

Понемногу эта суматоха убранства начала замедляться стремительно привыкшему глазу. Фарфоровые вазы отступали в углы; зеркала выстраивались по простенкам; канделябры и украшенные фигурами часы размещались под рамами в строгом ритме.

Теперь залу оставалось окончательно застыть и предстать равнодушным экспонатом, годным для рассматривания.

Но тут одна из женщин в черном, продолжавших беседовать возле окна, несмотря на появление посетителя, встала (другая продолжала стоять, недовольная, по-видимому, перерывом разговора) и направилась к нему.

Приближаясь из глубины зала, она, казалось, росла и вблизи стала громадной. Глаза ее смотрели спокойно и внимательно. И выражение участия и доброго вопроса, внезапно засветившееся в них, до того не вязалось — в представлении Сергея — с его обтрепанным видом и изможденным небритым лицом, служившими, как правило, поводом лишь для снисходительного недоумения, что он впервые смутился этой своей неприглядности.

Взяв билет из машинально протянутой им руки, она негромко проговорила: "Осмотр — слева", — указав направление привычным жестом.

Но, сразу представив безмолвный приток взглядов — цепенящий и опустошающий, — долженствующий возникнуть за спиной, он понял, что такое напряжение ему не по силам. И, пробормотав "спасибо", он ринулся к следующему залу, в обрамлении раскрытых дверей которого призывно виднелось что-то пестрое.

По стенам свисали тяжелые, перенасыщенные узором ткани; грудились

под стеклами витрин статуэтки; медные курильницы и резанные из дерева ларцы покоились на низких подставках. Таких же сандаловых слоников и многоруких костяных богинь он не раз видел в Музее восточных культур.

Обычно он находил удовольствие в рассматривании подобных рукоделий, слишком настойчиво повествующих о количестве труда, вложенного в каждый квадратный сантиметр их поверхности. Но сейчас его меньше всего могло увлечь это кропотливое искусство.

Впереди слышались голоса. Потом засмеялись. Легкая встревоженность взметнулась в душе. Но уже выходил навстречу молодой полотер, неся — единственной рукой — щетки и не успевшую еще остыть улыбку.

И прошел, не взглянув, пружинистой поступью...

Помедлив, Сергей вошел, стараясь перешагивать разлитые по паркету световые блики. Этот зал был еще меньше и совсем без окон. Пара бронзовых чудищ с квадратными оскаленными мордами охраняла вход. По углам стояли большие фарфоровые вазы с голубыми драконами на выпуклых скулах.

И один к одному (о, радость!) распластались по стенам свитки чуть поблекших от времени китайских пейзажей.

Он не знал другой живописи — такой сосредоточенной в себе и, в то же время, такой проникновенной. Блаженное умиротворение, неизбежно находившее при созерцании этих — словно не нарисованных, а напетых — извилистых сучьев, каскадов гор, неподвижных облаков — охватило его.

"Гляжу я на горы, и горы глядят на меня..." — прозвучало в памяти.

Здесь было и несколько натюрмортов — уже современных.

Но этикетка "мертвой природы" не подходила к этим наброскам, где цветков гвоздики и кузнечик на виноградном листе были одинаково одушевлены.

И каждый раз его поражала мера художественного чутья, выявленная в них.

Миросозерцание, выраженное в стручке красного перца.

Красочное пятно, заключающее философскую систему...

Сергей не искал имен художников и дат. Ноги сами по себе несли его от одного полотна к другому, останавливались, возвращались обратно...

Спохватившись, он взглянул на циферблат. И убедился в неизменности козней времени: до закрытия оставался час.

Досадно...

Ладно, можно обезжать остальное и еще раз вернуться сюда. Так он и сделает.

Но сразу при входе в следующий зал сапоги-скороходы, натянутые им на ноги внимания, резко затормозили бег. Камнем преткновения явились три миниатюры персидской хроники...

Затем форсирование пошло успешнее.

Кованные кувшины и остроносые туфли, халаты и ковры, щиты и кинжалы преодолевались, не успевая проникнуть дальше сетчатой оболочки глаз.

И снова — ах ты, пропасть! — японские игрушки...

Какая прелесть!

Интересно: приходилось ли им видеть матрешек? Не этим ремесленникам, лишь следовавшим традиции, а тем, далеким первооткрывателям и выдумщикам форм?.. Наверное, нет.

Тогда: разные зерна, на разных почвах проросшие, дали схожие плоды...

Зал был последним на этаже.

Он быстро спустился по неосвещенной лестнице в одно колено (темнь смутными пальцами прикрыла глаза) и переступил порог (свет ворвался в сразу расширившиеся зрачки), Крохотный, из одних углов зал обстал неподвижным хороводом серых фигур. В центре выкорчеванным пнем растопырился Бельведерский торс. За ним пристроилась обнявшаяся пара: краснолицый матрос и смуглая девушка в синем.

Появление постороннего не слишком их смутило, Быстрый перехлест взглядов был мгновенно притушен. Сергей поспешил, отвернувшись с безразличием, углубиться в барельеф надгробного камня. За спиной слышался приглушенный смех, потом шаги.

И по мере их удаления — уже где-то в других стенах — той же поступью, нога в ногу, но в обратном порядке — входила тишина.

Он облегченно выпрямился и огляделся. Мальчик из Помей, Талия, эгинский Геракл, Венера Медичи...

Усмешка тронула губы: любовь среди эллинских статуй... неплохой аккомпанемент.

Следующий узкий — коридором — зал всем тремя высокими арками продырявленным боком примыкал к другому, более обширному. Казалось, что находишься под сводами галереи итальянского палаццо, открытым во внутренний дворик. Желтые искристые занавеси струились складками, прикрывая два стройных окна справа. По прозрачным полкам стеклянных этажерок выстроились расписные — чернофигурные, краснофигурные — сосуды.

В пролеты арок слева проступали белые колени временем четвертованных торсов.

Сергей начал обход воздушного парада лекифов, амфор, киликов и гидрий. В искусстве Эллады его больше всего восхищало огромное чувство ритма. Хрупкие вместилища даров виноделия и парфюмерных причуд с не меньшей силой, чем скульптура и архитектура, донесли из другой эры сдержанную грацию великого, исчезнувшего во времени народа.

Подумать только, что подобные вещи производились в закопченных мастерских, на продажу, десятками и сотнями! И все же каждая капля этого потока (сколько их всюду рассеяно — черепков Золотого века?) ухитрялась быть индивидуальной.

Какое наслаждение вглядываться в удлинённые, сотканые из мышц фигурки, разгадывать смысл изображенных сцен и смутно ощущать аромат наивной веры древнего художника...

С растущим напряжением (внимание было на исходе) он досмотрел все и направился к главному нефу.

И встал.

Под аркой, у массивного квадратного столба, на высоком пьедестале, с шеей, перерезанной черным кубом подставки, — розоватая, с трогательно приоткрытым ртом, тугим узлом на затылке и замедленно-жадущим взором...

Щемящая нежность перехватила гортань... Перезвонная...

А, черрт! — вздрогнув, оглянулся. У столба, под ногами Дорифора примостился на складном стульчике юнец в толстом свитере. С альбомом на коленях, с карандашом. Безучастно, как на помеху, которую — только переждать, смотрел на Сергея.

Тот привычно прикрылся скупающим равнодушием. И из-под арки, из-под чужого взгляда, передвинулся к стоящему с другой стороны столба бюсту Перикла.

Проходил неспешно мимо, полоскал глаза белизной нагих и задрапированных тел — и затылком, лопатками, каждым позвонком чувствовал: стоит сзади, теплея мрамором кожи, смотрит доверчиво, ждет...

Вычертив прямоугольник зала, сел на пустовавший у выхода стул — за спиной теперь рисовальщика. Она отсюда не была видна.

Темно-зеленые стены, перебиваемые светлыми пятнами скульптур, замыкались в собственной незрячести. Три — в ряд — люстры горящими кустами свисали с потолка. Смутные отражения статуй лужицами растекались по наводенному полу. (Пергам — это в Малой Азии...) Стекала в ноги усталость, бродили мысли.

Копьеносец Поликлета — воплотившаяся мечта его тщедушного тела

(хотя рост у них одинаковый, 185). Иногда, засыпая, он видел в себе его упругую мощь. И не знал тогда, что с ней делать...

А когда-то боялся темноты...

(...не оливковая, а серая скорее, и розоватый — цвет тронутого временем мрамора — просвет изнутри...)

До чего бесстрастны эти во всем безупречные боги! У Артемиды и Дискобола — одинаково неподвижные маски на лицах. И даже Ниоба застыла в своем, театральном выраженном — не страсть, а пантомима — жесте отчаяния.

(с приоткрытым ртом...)

А в Эрмитаж они как и не сходили вместе... Эх, Лешка, Лешка...

Может быть, не так уж случаен был тот нелепый и бешеный смерч, так внезапно отбросивший в стороны? Странно, что — в первый же день приезда в Питер, в трамвае (падал снег вокруг фонарей)...

(...с маленьким круглым подбородком...)

Уже летом, в день его рождения, пришла телеграмма — единственная телеграмма в тот день рождения. Он не ответил. Разве пьют из склеенных чашек?

(...с медленным и покорно жаждущим взором...)

Но, если спросят: любишь его — первого и самого большого своего друга?

Не знаю. "Не знаю. Это было".

(...с тугим узлом волнистых волос на затылке...)

Многое было.

И любовь была...

Дверка слева, между Орами и Тезеем, — "служебный вход" — отворилась и — в красном платке, с седыми из-под него клоками — вынырнула сухонькая старушка. Одновременно поднялся юнец в свитере. Отодвинул к стене свою подставку, накрыл альбомом и, сообщив неизвестно кому: "Я это пока тут оставляю", — удалился.

Старушка в черной своей униформе прошелестела в смежный зал и из-под желтой шторы с подоконника извлекла молочную бутылку и батон. Снова хлопнула дверь.

Они остались вдвоем...

Вглядываясь в тонкий овал лица, он старался вспомнить — по кускам, в беспорядке — фриз алтаря Зевса. Кажется, ее там не было.

Да и как бы могла она — нежная, розовая — попасть в такое побоище?

Он смотрел.

Метроном сердца, вырастая, заполнял зал. Не отводя взгляда, он медленно потянулся и холодеющими губами коснулся ее — лепестками раздвинутых губ...

ГИПС!

Механическая, "с точной передачей формы и цвета"...

Как грубо... Как глупо! Жаркий стыд хлынул в глаза и, сцепив челюсти, он смахнул даже не ощутившей боли рукой прекрасную, пустую голову...

Пол, глухо треснув, расцвел белыми брызгами. Дрожь неутихшей ненависти рефлексом прошла по ноге: ударил с силой по исковерканному (торчали концы толстой проволоки) лицу — и выбежал из зала...

Дверь выводила прямо в фойе, слева от лестницы.

Он пронесся мимо кассы (окошко было уже закрыто) и вырвался на тротуар. Тягучая (где-то прозвенел трамвай) темнота покалывала глаза редкими блестящими фонарями и окон. Вкладывались один в другой переулочки, испуганно оседали на поворотах углы домов.

Понемногу кровь замедлила гонку.

И, остановившись перед выявившимся из мрака забором, он увидел, что снова попал в тупичок над обрывом.

Ноги не держали его. Кое-как: один... два... три шага — дотащился до скамьи. Вытянулся. Закурил.

Лениво, как дым, потянулись обрывки мыслей. Про китайцев совсем забыл... Все равно скоро закрыли бы...

Ничего не повторяется... Мы не возвращаемся... никогда.

Вернулся же вот сюда!

Конечно: она не виновата... Так вот и станешь шизофреником!

И какой еще алтарь — там же горельеф...

Распустил слони... идиот. И нога болит...

Он раздавил подошвой окурков, встал и, скрипя по песку, быстро пошел из сквера.

Коктебель

Вчерашний камень

Как-то я гулял в парке. Была ранняя осень, середина дня и позднее прозрение. Полдня я провозился в мастерской с поломанным мотором. Ржавый болт не хотел заворачиваться, хоть ты лопни, несмотря на масло, керосин и разводной ключ. В итоге я психанул, болт забил и пошел проветриться. Подсел на скамейку к какому-то чудаку, который своим видом напоминал индуса. (Так оно и оказалось.) Он вежливо спросил:

— А прохладно сегодня, не правда ли?

— Угу, — автоматически ответил я. — пляж накрылся, это уж точно.

Он предложил сигарету, мы закурили и как-то незаметно разговорились.

— Еще вчера, наверное, — продолжал он с легким акцентом, — многие проклинали жару и молили о том, чтобы скорей похолодало...

— Да уж, лето выдалось дурацкое: жара, холера, пляж закрыт. Погода — как ложка после обеда. Все не вовремя.

— И это не только погода.

— Конечно. Если не спешишь, трамвай не ломается. Закон подлости.

— А вы не думали, что кроме этого так называемого закона может существовать, скажем, закон Благодетельства?

(Я давно заметил, что в целом я всегда облагораживающе влияю на людей: имея дело со мной, они рано или поздно затрагивают темы благодетельства, трезвости, честности, самоуважения, воспитанности и т. д., чего с ними обычно не случается, если они предоставлены только самим себе.)

— Допустим, — продолжал он, — одни силы потворствуют вашим темным необузданным страстям, играют на вашей злобе, алчности, эгоизме, искушают вас и порабащают. Другие, напротив, стремятся освободить вас и направить к Свету.

— Простите, а вы часом не йог? — поинтересовался я.

— Нет, ну что вы. Я же курю. Далеко не каждый индеец — йог. Я тут сугубо из-за бизнеса. Но когда-то я закончил у вас институт.

— То-то я смотрю, у вас с русским — все о'кэй.

(Не дай Бог, он сейчас начнет свое — о сад хане, пуруше, карме и прочей дряни — я ж не выдержу!)

— Язык — дело практики. Так вот, о Законах Благодетельства: мы их проявления часто просто склонны не замечать.

— То есть?

— Дело в том, что мы все время чего-то хотим. Что-то регулярно,

Метроном сердца, вырастая, заполнял зал. Не отводя взгляда, он медленно потянулся и холодеющими губами коснулся ее — лепестками раздвинутых губ...

ГИПС!

Механическая, "с точной передачей формы и цвета"...

Как грубо... Как глупо! Жаркий стыд хлынул в глаза и, сцепив челюсти, он смахнул даже не ощутившей боли рукой прекрасную, пустую голову...

Пол, глухо треснув, расцвел белыми брызгами. Дрожь неутихшей ненависти рефлексом прошла по ноге: ударил с силой по исковерканному (торчали концы толстой проволоки) лицу — и выбежал из зала...

Дверь выводила прямо в фойе, слева от лестницы.

Он пронесся мимо кассы (окошко было уже закрыто) и вырвался на тротуар. Тягучая (где-то прозвенел трамвай) темнота покалывала глаза редкими блестящими фонарей и окон. Вкладывались один в другой переулочки, испуганно оседали на поворотах углы домов.

Понемногу кровь замедлила гонку.

И, остановившись перед выявившимся из мрака забором, он увидел, что снова попал в тупичок над обрывом.

Ноги не держали его. Кое-как: один... два... три шага — дотащился до скамьи. Вытянулся. Закурил.

Лениво, как дым, потянулись обрывки мыслей. Про китайцев совсем забыл... Все равно скоро закрыли бы...

Ничего не повторяется... Мы не возвращаемся... никогда.

Вернулся же вот сюда!

Конечно: она не виновата... Так вот и станешь шизофреником!

И какой еще алтарь — там же горельеф...

Распустил слони... идиот. И нога болит...

Он раздавил подошвой окурков, встал и, скрипя по песку, быстро пошел из сквера.

Коктебель

Вчерашний камень

Как-то я гулял в парке. Была ранняя осень, середина дня и позднее прозрение. Полдня я провозился в мастерской с поломанным мотором. Ржавый болт не хотел заворачиваться, хоть ты лопни, несмотря на масло, керосин и разводной ключ. В итоге я психанул, болт забил и пошел проветриться. Подсел на скамейку к какому-то чудаку, который своим видом напоминал индуса. (Так оно и оказалось.) Он вежливо спросил:

— А прохладно сегодня, не правда ли?

— Угу, — автоматически ответил я. — Пляж накрылся, это уж точно.

Он предложил сигарету, мы закурили и как-то незаметно разговорились.

— Еще вчера, наверное, — продолжал он с легким акцентом, — многие проклинали жару и молили о том, чтобы скорей похолодало...

— Да уж, лето выдалось дурацкое: жара, холера, пляж закрыт. Погода — как ложка после обеда. Все не вовремя.

— И это не только погода.

— Конечно. Если не спешишь, трамвай не ломается. Закон подлости.

— А вы не думали, что кроме этого так называемого закона может существовать, скажем, закон Благородства?

(Я давно заметил, что в целом я всегда облагораживающе влияю на людей: имея дело со мной, они рано или поздно затрагивают темы благородства, трезвости, честности, самоуважения, воспитанности и т. д., чего с ними обычно не случается, если они предоставлены только самим себе.)

— Допустим, — продолжал он, — одни силы потворствуют вашим темным необузданным страстям, играют на вашей злобе, алчности, эгоизме, искушают вас и порабащают. Другие, напротив, стремятся освободить вас и направить к Свету.

— Простите, а вы часом не йог? — поинтересовался я.

— Нет, ну что вы. Я же курю. Далеко не каждый индеец — йог. Я тут сугубо из-за бизнеса. Но когда-то я закончил у вас институт.

— То-то я смотрю, у вас с русским — все о'кэй.

(Не дай Бог, он сейчас начнет свое — о сад хане, пуруше, карме и прочей дряни — я ж не выдержу!)

— Язык — дело практики. Так вот, о Законах Благородства: мы их проявления часто просто склонны не замечать.

— То есть?

— Дело в том, что мы все время чего-то хотим. Что-то регулярно,

как есть и спать, что-то периодически, а что-то остро и страстно, прямо сейчас.

— Ага, я догадываюсь, что дальше: отказ от желаний, расслабуха, нирвана, мысли о вечном — и ты уже почти Будда. Так?

— Ну, это несколько огрублено, но в общих чертах — верно. Неужели у вас не было, что кажется, будто кто-то говорит вам: остановись! Все это — химеры! К сожалению, это бывает задним числом. Но вот вам не достался последний билет на самолет, вы теряете телефон делового партнера, наконец, ваша возлюбленная предает вас...

— Все это очень огорчительно.

— Но это до тех пор, пока вы живете не верой, а надеждой. Вы питаете иллюзии. Потом оказывается, что тот самый самолет разбился, партнер оказался аферистом, а предмет страсти — вздорной эгоисткой...

— Так ведь заранее неизвестно!

— Как знать. Чем сила темней, тем сильнее желание, искушение, больше надежд.

— А без надежды-то куда?

— Это без веры. Надежда — что-то очень личное. С верой — ждут, а с надеждой — маются. Но лучше ждать спокойно.

— Выходит, как ни крути, все — к лучшему?

— Нет. Бывает же так: у вас появилась возможность с кем-то сквитаться, а вы уже забыли про обиду. Только вышли из головы одолженные кому-то деньги, а должника уже заела совесть и он спешит вернуть. Вам уже вроде бы и не надо, а оно появляется — само. Это своего рода иску.

— Конечно, — я усмехнулся, — как только я соберусь в монахи — все "мисс", от мала до велика, станут вешаться мне на шею? Чушь это все.

— Вы зря смеетесь, — в ответ улыбнулся индус, — У меня есть с собой талисман, с помощью которого один великий бодисатва наставлял своих учеников, — он вынул из кармана обыкновенный камешек с дырочкой посредине, из тех, что мы в детстве называли "куриный бог".

— Это и есть знаменитый "Вчерашний камень". Он исполняет забытые желания своего владельца, начиная с того дня, как попадает к нему в руки. Точнее говоря, все желания, которые вы осознанно носили в себе с момента получения камня...

— Не понял? Они что, сбываются? Да сказки это все!

— Штука в том, что желание может исполниться только по забывании, но не раньше. Как правило, каждому из учеников Шри Ишвармукти достаточно было недели обладания камнем, чтобы окончательно увериться

в тщете и суетности всех наших желаний. Камень передавался из рук в руки. Если хотите — он теперь ваш.

Индус пару раз подбросил камешек на ладони, которая была розовой и светлой, в отличие от тыльной стороны кисти:

— Ну, так как? Берете?

Я попытался уловить в его глазах насмешку. А может, он просто псих? Даром, что индус? Однако лицо его, хоть и улыбалось, но сдержанно и тихо. В конце концов, даже если он псих, его лучше не раздражать.

Придя домой, я решил действовать логично и последовательно: я сильно захотел себе дачу у моря, яхту, и чтоб эта дура, наконец, поняла, какой я хороший и незаменимый человек, и приползла ко мне с раскаянием... Я страстно захотел создать что-то такое, этакое, гениальное творение. Хотя, конечно, ни на секунду не поверил в камень. Потом, будучи человеком обстоятельным, я купил две бутылки водки и напился в зюю, в драбодан, наедине, чтобы завтра все напрочь позабыть.

Первое, что меня огорчило утром, когда я проснулся — это головная боль, сухость во рту и то, что уже пять часов вечера, то есть, на работу я проспал. Когда с мутным взором я вышел за пивом, оказалось, что в ларьке, куда я ночью безуспешно ломился, произошло короткое замыкание и он сгорел синим пламенем. Возвращаясь к дому, встретил толпу дворовых кумушек и узнал, что нашу соседку по этажу вчера ночью изнасиловали трое хулиганов, когда она вышла прогулять собаку. Причем, под большим секретом мне поведали, что все трое надругались над бедной женщиной самым противоестественным образом. Она до сих пор лежит в шоке.

— Это какой-то ужас! Хоть вообще на улицу не выходи! — причитала баба Софа. — Да, это ж надо! Правда, Маринка (пострадавшая) и сама стервоза порядочная, любит нарываться, но чтобы вот так...

Даже я, кажется, с ней ругался вчера из-за моего магнитофона в час ночи... Смутно помню... Только фрагменты... Отперев дверь, я заглянул в холодильник и обнаружил там третью бутылку, непотую. Интересно, когда это я ее успел купить и на какие шиши? Что-то тут не так... Я решил раскинуть мозгами. Пиво уже кончилось. Пришлось отгрызть бескозырку казенки. Налил себе полстакана (закуски — ноль) и, прихлебывая, дымя папироской, стал думать. На душе с каждым глотком теплело. На работу все равно не идти, навру чего-нибудь. Казенка, что называется, из опилок, скулы сводит, особенно если натошак. Но, конечно, не такая мерзость, как

"Бифитер" с тоником. Водка себе, нормальная. С "птичкой", и хоть откровенная гадость, так зато и без претензий. Откровенность меня всегда и во всем подкупала. О чем, бишь, я?

Ах, да! Камень! С камнем что-то не то. Индус явно давал понять, что толку от него никакого. Ничего из того, что я загадывал, не произошло. Раскатал губу: яхты, дачи!.. Стоп! Естественно: я же помню все эти желания. Поэтому и не сбываются. Ну их, к чертям. А может быть, ну его все, к черту? Тупые рыла обоего пола, все эти ахи и охи, очи-ночи, розы-слезы. Чик по венкам — и гуд бай. "Уснуть и видеть сны". А эта красавица, небось, прискачет. Поплачет: вот какие мы нежные! Какое у нас доброе сердце! Видали уже. Но и не каменная же она, если на то пошло! Ну, допустим, не обязательно вешаться. Может быть ненавязчивый несчастный случай. Самосвал, например. Нет. Самосвал — это не эстетично. Лучше иномарка. И за рулем (что символично) — молодая блонда. А в морге общепитом пахнет. Ей сообщают, и она приходит на мое опознание. Она начинает давиться слезами и причитать, а я лежу, холодненький, и мне все по колено. Да, пусть! И главное: мне не себя, а ее, мерзавку, жалко! Тут я заметил, что рыдаю сам, папироска размокла, в стакан капает. Вот черт! Мужик, называется! Кстати, где-то это уже было... Ну, конечно! Том Сойер и тетя Полли! Я смеюсь сквозь туман, так что в носу начинается булькать. Допиваю стакан (ой, только бы не стошнило!) и вдруг до меня со всем ужасом доходит: — Опаньки! Я же только что себе подписал приговор! Кто ларьку приказал гореть синим пламенем? А Маринку кто вчера спяну посылал? А кто догоняться хотел, когда вторую уже прикончил? Я. Сказал и забыл. А оно — бац, и исполнилось! Значит, теперь, когда я захотел умереть, стоит мне об этом забыть — тут мне и крышка. Значит, мне теперь до конца дней, до могилы, каждый день надо ХОТЕТЬ сдохнуть. Или мне сделать себе перстень, как у царя Соломона, только с надписью: "Хочу сдохнуть", чтобы каждое утро смотреть? Или мне спать в гробу, как Кентервильское привидение? Шутки — шутками, а как-то неприятно, даже не то слово. Какой же капкан пристроил этот сраный бодисатва своим недорослям! Нет, сегодня я напиться не буду, это чревато. Надо еще придумать, как теперь выкручиваться.

Я вышел на улицу. Вечерело. Одолевали мрачные мысли. Надо как-то исхитриться. Может, пожелать себе бессмертия? Нет, я еще не конченный идиот. Пожелать сдохнуть ровно в 80 лет? Так я этой даты все равно не забуду, и не исполнится, только зря промучаюсь в ожидании. Как ни крути,

все равно конец один, все равно в проигрыше. Ну и камень! С другой стороны — может ли такое быть? Обычная постанкологическая депрессия, ряд дурацких совпадений — вот я и раскис. Может, не все так плохо. Могильный мрак стал понемногу редеть. На улицу опускались сумерки. Летне-осенне-уютные. В конце концов, ничто мне не мешает избавиться от камня: потерять, продать, подарить кому-нибудь. Короче, отказаться от прав собственности. Правда, потерять его, видимо, не так-то просто. А если я дам его кому-то, не объяснив новому владельцу всех последствий сделки, отдам как обычный камень, то совершу тем самым подлог. Это наверняка предусмотрено. А с другой стороны, мало ли на свете жадных до халявы идиотов? Вон там, напротив, стоит ханурик у магазина и просит каждого "братка", чтоб ему "добавили на пузырь". Так пусть у него теперь голова болит! Окрыленный, направляюсь через дорогу. Мысли мои перебивает визг тормозов: последнее, что я успел заметить, это перекошенное лицо какой-то блонды за рулем BMW.

Я был непонятно где: ощущение, будто тебя размазали по потолку и видишь всю комнату сразу. Но вот куда я попал — сомнений не было. Кафельный пол, слегка мытый. Стены, цвета семейного счастья. Через распахнутые двери видно, что делается в соседней комнате: на полках по всему периметру, свешиваясь и сползая на пол, навалены трупы. В стороны торчат скрюченные пальцы. Сортирное освещение усугубляет живописный беспорядок. Все тела голые, у многих вспороты животы от лобка до груди и наскоро зашиты грубыми стежками, сантиметра по четыре. Вон дядя, весь в оранжево-коричневых пятнах, раздутый, как окорок. Вон — мужчина нормального цвета, только голова у него сине-фиолетово-черная. Этот вешался. Вот два худых хлыща, все в наколках и со множеством дырок. Подрались они между собой, или это просто совпадение? Вот девушка молодая. Глаза у нее не вполне прикрыты. Грудь, как у Венеры Милосской, и соски такого же цвета — мраморного. С чего это она тут? Драма любви? А может, она умерла от счастья? Если бы я был некрофилом, выбрал бы ее. Вот каталка металлическая. Зеленая краска местами облупилась. На скругленном поддоне лежит... Мама дорогая, так это ж я! Звездочек подкрался незаметно. Лицо такое умное и значительное, каким никогда не было при жизни. На боку, ниже ребер, огромный кровоподтек, потемневшие уже ссадины, малиновые следы от протектора. Еще ниже жалкой тряпочкой свернулось некогда грозное оружие. Неужели это могло доводить до экстаза? В соседней комнате санитары забивают козла. Он только трясется и моргает большими глазами: "Кела! Пеца! Я же обещал, с по-

лучки отдам!". Проходят долгие часы. Когда-никогда пролетит одинокая муха. Вот уже составили протокол моего опознания. Подписала его баба Софа: "Все она, проклятая, а мог бы еще жить и жить...". Со слезами раскаяния никто ко мне, естественно, не пришел.

— Так берете или нет? — повторил индус, выводя меня из оцепенения. Камешек был по-прежнему в его руке. — Или я могу еще предложить вам "Завтрашний камень".

— Нет уж, спасибо, — говорю, — я и сам могу найти свой талисман. Забытые желания, не возникшие желания — бери не хочу. Дерьма не жалко. Почему-то никто не предложит "сегодняшний камень". Да потому что его просто нет. А "завтрашний" — это пожалуйста, — сказал я, поднимая с земли первый попавшийся камешек и засовывая его в карман. — Теперь он у меня. Всего наилучшего.

— И вам того же, — ответил индус, загадочно улыбаясь и не сводя глаз с моей руки в кармане. — А вот сегодняшний камень — это, в определенном смысле, вы сами.

Через двадцать минут я уже подходил к своему дому. Встретил на углу Марину, прогуливающую собачку, поздоровался с ними.

Неподалеку догорал синим пламенем табачный ларек.

Глава I

Когда он попросил родителей купить велосипед, они в принципе не возражали. Просто мать с укором и болью посмотрела на отца, а он виновато опустил голову; непонятно почему — они с отцом ни разу на эту тему не разговаривали. Матери Мишка заикнулся год назад, она тогда твердо сказала — мал еще, вот будет четырнадцать... Что ж, он подождал год и месяц, для верности. Через месяц день рождения.

Нет, велосипеды не были запрещены, просто родители боялись, что он станет веллером, одним из этих отвратительных бандитов, которые собираются в банды, гоняют по дорогам, бьют витрины магазинов, нападают на старушек и, в конце концов, погибают под колесами автомобилей. Обо всем этом отец в присутствии матери подробно рассказал ему накануне. Мишка и так все это знал, он все-таки в школу ходит. Да и не собирается он по дорогам гонять. Просто с ребятами во дворе поездить, и чтобы к бабушке быстрее было добираться.

В субботу родители собрались и пошли в магазин. Хотели и его взять, но Мишка отказался — подарок есть подарок. Что это за сюрприз, когда сам себе выбираешь? Тем более, что он сам не знает, что ему нужно.

Когда его привезли на следующий день, обернутого бумагой, пахнущего краской, маслом и еще чем-то незнакомым, Мишка даже не решился подойти. Отец сам срывал бумагу, выдергивал гвозди, рассоединял доски. И только тогда, когда в коридоре ярко-красный красавец гордо стал на накаченные колеса посреди груды хлама, Мишка приблизился и нерешительно дотронулся резиновых нашлепок на руле.

Отец объяснил, что они специально взяли "неспортивную модель", чтобы он не путался со скоростями, "Да и ломаются они чаще", со средней величины колесами: "Проиграешь в скорости, выиграешь в проходимости". Потом он показал на небольшой, вроде кошелек, "бордочек" под рамой, где был минимум инструментов и деревянный ящик с полным инструментальным набором.

На следующий день Мишка встал рано. Солнце только-только взошло. Тихонько оделся, медленно открыл дверь, все-таки скрипнула, и выкатил велосипед на площадку. В лифт, конечно, не войдет, придется та-

лучки отдам!". Проходят долгие часы. Когда-никогда пролетит одинокая муха. Вот уже составили протокол моего опознания. Подписала его баба Софа: "Все она, проклятая, а мог бы еще жить и жить...". Со слезами раскаяния никто ко мне, естественно, не пришел.

— Так берете или нет? — повторил индус, выводя меня из оцепенения. Камешек был по-прежнему в его руке. — Или я могу еще предложить вам "Завтрашний камень".

— Нет уж, спасибо, — говорю, — я и сам могу найти свой талисман. Забытые желания, не возникшие желания — бери не хочу. Дерьма не жалко. Почему-то никто не предложит "сегодняшний камень". Да потому что его просто нет. А "завтрашний" — это пожалуйста, — сказал я, поднимая с земли первый попавшийся камешек и засовывая его в карман. — Теперь он у меня. Всего наилучшего.

— И вам того же, — ответил индус, загадочно улыбаясь и не сводя глаз с моей руки в кармане. — А вот сегодняшний камень — это, в определенном смысле, вы сами.

Через двадцать минут я уже подходил к своему дому. Встретил на углу Марину, прогуливающую собачку, поздоровался с ними.

Неподалеку догорал синим пламенем табачный ларек.

Глава I

Когда он попросил родителей купить велосипед, они в принципе не возражали. Просто мать с укором и болью посмотрела на отца, а он виновато опустил голову; непонятно почему — они с отцом ни разу на эту тему не разговаривали. Матери Мишка заикнулся год назад, она тогда твердо сказала — мал еще, вот будет четырнадцать... Что ж, он подождал год и месяц, для верности. Через месяц день рождения.

Нет, велосипеды не были запрещены, просто родители боялись, что он станет веллером, одним из этих отвратительных бандитов, которые собираются в банды, гоняют по дорогам, бьют витрины магазинов, нападают на старушек и, в конце концов, погибают под колесами автомобилей. Обо всем этом отец в присутствии матери подробно рассказал ему накануне. Мишка и так все это знал, он все-таки в школу ходит. Да и не собирается он по дорогам гонять. Просто с ребятами во дворе поездить, и чтобы к бабушке быстрее было добираться.

В субботу родители собрались и пошли в магазин. Хотели и его взять, но Мишка отказался — подарок есть подарок. Что это за сюрприз, когда сам себе выбираешь? Тем более, что он сам не знает, что ему нужно.

Когда его привезли на следующий день, обернутого бумагой, пахнущего краской, маслом и еще чем-то незнакомым, Мишка даже не решился подойти. Отец сам срывал бумагу, выдергивал гвозди, рассоединял доски. И только тогда, когда в коридоре ярко-красный красавец гордо стал на накачанные колеса посреди груды хлама, Мишка приблизился и нерешительно дотронулся резиновых нашлепок на руле.

Отец объяснил, что они специально взяли "неспортивную модель", чтобы он не путался со скоростями, "Да и ломаются они чаще", со средней величины колесами: "Проиграешь в скорости, выиграешь в проходимости". Потом он показал на небольшой, вроде кошелек, "бордочек" под рамой, где был минимум инструментов и деревянный ящик с полным инструментальным набором.

На следующий день Мишка встал рано. Солнце только-только взошло. Тихонько оделся, медленно открыл дверь, все-таки скрипнула, и выкатил велосипед на площадку. В лифт, конечно, не войдет, придется та-

щить на себе. Тяжело, и в пролеты трудно вписаться. На улице Мишка взглянул на свои маленькие спортивные часы — 05.30. Что ж, часик можно поупражняться, а то позора не оберешься. Он пробовал ездить на Яшкином год назад. Яшка и держал его, и прислонял к дереву, но непослушный велосипед упрямо валился то на левый, то на правый бок.

Сейчас у него даже помощника нет. Но зато он все тщательно обдумал и прочитал инструкцию. Значит, дорога впереди без поворотов, хорошо. Левую педаль вверх и чуть вперед. Теперь давить на нее и одновременно сесть. О чудо! Он поехал. С первого раза. Сам. Теперь не отвлекаться. Первый поворот получился слишком крутой, но он не упал, а это главное.

Через час Мишка подъехал к своей парадной и, тяжело пытаясь, втащил "Верного" на первый этаж. Нет, придется отдыхать на каждом этаже, слишком тяжело. Ладно, минутку отдохнули, можно и дальше идти.

— Чего лифт не вызовешь? — раздался сзади насмешливый голос.

Костик-Клюв. Даже не услышал, как он дверь открыл. Стоит в одних трусах и майке, видно, только встал.

— Так ведь не влезет, — неуверенно ответил Мишка.

— А ты на попа.

— Как?

— Подними переднее колесо и на заднем вкати.

Все оказалось так просто. Мишка аж смутился своей недогадливости.

— Ничего, — догадался о его переживаниях Костя, — лиха беда начало...

Родители еще спали. Мишка даже подумал, что они и не догадуются, что он ездил, но отец, когда встал, взглянув мельком на пыльные шины, улыбнулся:

— Ну как?

— Нормально, — постарался быть серьезным Мишка, но не выдержал и улыбнулся.

— Ну, раз нормально, съездишь к бабушке сегодня, она собиралась пирожки спечь к твоему приходу (это уже мать из кухни).

— Хорошо, — кивнул Мишка.

Нет, с велосипедом совсем другое дело. Раньше ему совсем не нравилось ходить к бабушке. Не потому что бабушку не любил, а потому что дорога скучная, однообразная, длинная. Совсем не такая, как, например, к папиному другу дяде Вилию, которая проходит мимо стройки, среди домов, по подземным переходам.

Но зато теперь — Мишка и заметить не успел, как приехал. Бабушка, как всегда, обрадовалась, а Фимка, здоровенный зелено-красный какаду,

забрался на шкаф по занавеске и проскрипел: "Здравствуй, Мишенька, здравствуй".

— Привет, Фимка, — ответил гость. После такого знака внимания со стороны друга Фимка распушил перья и, довольный, начал болтать, что "Фима хороший, мальчик послушный, любит орехи...", и т. д. и т. п.

Мишка начал было восторженно рассказывать бабушке, как здорово, что у него есть велосипед, но она не поддержала разговор, лишь потрепала его жесткие, выгоревшие под летним солнцем волосы. Зато Фимку разговор заинтересовал.

— Велосипед, велосипед, — затахтал он. — Саша, бросай велосипед, уйду я...

— Тихо, ты, — замахнулась на него бабушка, — болтун, несчастный, не сешь чушь разную.

Мишка удивился — Фимка всегда звал папу Сашей, но велосипеда у них никогда не было. Хотя попугаю было девять лет, и он вспоминал иногда такие вещи, что бабушка обещала выпципать его перья. А может, разговор шел о другом Саше...

Ближе к вечеру, набив живот до отвала пирожками с капустой и загрузив большой пакет, с ними же, в сетку спереди велосипеда, Мишка принял поцелуй от бабушки, сказал "Пока" и отправился домой. Мать приняла пакет и, спросив обычное: "Ну как?.. — выслушала быстрый Мишкин ответ, который сводился к тому, что "Все нормально". Потом мать нахмурилась и, как бы колеблясь, сказала:

— Вова Мухин приходил два раза. Узнал, что у тебя велосипед, кататься зовет.

Мишка вопросительно посмотрел на нее.

— Иди уж, но к восьми вернись.

Весело напевая — Мы едем, едем, едем... — Мишка выкатил "Верного" во двор и тут задумался: где искать Вовчика с ребятами? Они ведь могут и в парк поехать. Подумав, он решил, что самым разумным было бы поехать к магазину, потом к спортплощадке и, сделав круг, вернуться во двор. Если он их не найдет по дороге, то тогда уже надо ехать в парк. Пока он раздумывал, из-за соседнего дома показались Вовчик вместе с Генкой и Славкой. Они подъехали к Мишке и, обменявшись приветствиями, стали смотреть "Верного".

— Класс, — наконец вынес резюме Вовчик. — Батя покупал?

— Ага, — кивнул Мишка.

— Тачка что надо, — пробасил толстый Генка.

Славка по прозвищу Гусь вообще ничего не сказал, он любил хвастаться своим.

— Так что, в сало? — предложил он, когда осмотр велосипеда, по его мнению, слишком затянулся.

— Давай, — согласился Генка.

Мишка с Вовчиком тоже не возражали. Мишка много раз видел, как ребята играли в велосипедное "сало". Игра заключалась в том, чтобы догнать одного из ребят и коснуться своим велосипедом его велосипеда. Мишку по неопытности "засалили" сразу, и потом он долго гонялся за остальными. Трудное дело. Они ускользали прямо как рыбки в аквариуме от сачка. Скорость тут была ни при чем. Просто, когда он начинал догонять кого-то, тот либо уходил в сторону, петляя, либо, подпуская Мишку поближе, резко тормозил, разворачиваясь, чтобы затем спокойно продолжить движение в обратном направлении. Мишке, не владевшему этим приемом, пришлось туго. Он уже примирился, что будет "вечным сало", когда Славка не рассчитал и затормозил слишком рано. Вне себя от радости Мишка направил "Верного" прямо в центр его велосипеда. Удар получился на славу.

— Ты что, сдурел?! — заорал Славка. — Мозги есть?!

— Тише, — успокоил его подъехавший Вовчик. — Откуда ему знать — он второй день на велосипеде.

И, обернувшись к Мишке, пояснил:

— Ты притормаживай перед ударом и бей не прямо, а чуть поворачивая колесо.

Следующим засалили Генку, и он, видно щадя Мишку, гонялся за остальными, лишь изредка ненадолго направляя к нему свой велосипед. Воспользовавшись случаем, Мишка стал наблюдать за тактикой остальных, стараясь запомнить приемы. Домой он вернулся вовремя, но сильно уставшим. Есть отказался и сразу завалился спать.

Наутро болело все тело, начиная от шеи, потом вниз к мышцам плеч, рук, боков и, наконец, ног. Сильнее всего болели бедра. Мишка ходил вразвалку, морщась при каждом шаге. Отец понимающе усмехнулся, посадил его в ванную, распарил докрасна, а потом сделал крепкий массаж. Во время этой экзекуции Мишка был как волк, но потом стало легче.

В этот день он решил никуда не ездить, а отдохнуть с книгой на диване. На следующее утро боли в мышцах почти не ощущалось, но Мишка дождался вечера, чтобы опять можно было поездить вчетвером. Поехали в парк тем же составом. Вечером, да еще в парке, требовался определен-

ный навык. Приобретая его, Мишка два раза здорово упал. Первый раз, натолкнувшись на дерево, а во второй — наехав в темноте на песочницу.

Они катались вместе еще три дня. А потом, в пятницу вечером, Вовчик объявил, что завтра он едет с родителями на дачу "где-то на месяц". Генка погрузился — их родители всегда ездили вместе: у них были смежные участки. Известие Мишку огорчило — Славку он не любил, и теперь было понятно, что после их отъезда вдвоем они кататься не станут. В субботу он вышел рано — еще семи не было, поехал в парк, потом сделал круг по району, но уже через час сидел на вкопанном в землю автомобильном колесе; "Верный" стоял рядом, прислоненный к каштану.

— Скучаешь?

Мишка обернулся. Перед ним стоял Клов.

— Привет, — обрадовался Мишка живому человеку.

— Скучаешь?

— Ага. Вовчик с Генкой на дачу уехали.

— Ясно, я видел, как вы вчера тут гоняли.

— Да, мы в парк ездили, потом здесь...

После этих слов оба замолчали. Клов испытующе смотрел прямо в глаза Мишке, и Мишка старался как мог выдержать этот взгляд.

— На трассу хочешь? — наконец без всякого перехода спросил Клов.

На трассу! На трассу — это значило отдать себя на милость автомобилей. Это значило стать веллером, пойти против всех правил, которые им втолковывали в школе, объясняли дома. И все-таки Мишка, почти не колеблясь, сказал:

— Да.

Просто скучно ему было очень, а тут Клов, сосед, парень серьезный, мать Мишке часто его в пример ставила:

— Учится на механика, скоро помощником инженера пойдет, уже сейчас с практики матери копейку приносит...

Да, честно говоря, Мишка думал, что Клов просто с ним поболтает, а потом пойдет дальше по своим делам, что ему такая малявка. А тут вместе куда-то поехать! Нет, любой бы не нашел в себе сил отказаться, хотя... Вовчик бы наверное не пошел — осторожный он. В общем-то, сейчас, когда он немного подумал, то тоже не прочь бы взять свои слова обратно, но неудобно...

— Ну, хоккей, — прервал Костик его размышления, — тогда сейчас приведем твоего скакуна в порядок перед дорогой и поедем.

Клов сел за руль, Мишка примостился сзади на багажнике, и они по-

ехали за Генкин дом. Там, под большим платаном, стоял маленький ржавый гараж. Мишка знал о его существовании, но никак не мог догадаться о предназначении — для машины мал, да и у кого сейчас машина найдется! В конце концов, они с ребятами решили, что сарай пуст, а сохранился с тех пор, когда у людей было много всякого барахла и инструментов. Правда, в школе им говорили, что все это хранилось у людей дома, но кто-то вот держал в сарае. Правда, на воротах висел новенький "DOG GUARD", но, возможно, кому-то жаль старого барахла.

Да, так они с ребятами решили, а оказалось все гораздо проще. Это был Клювовский гараж. И инструмента немало — маленькие тиски, ножницы для металла на стенке висят, ножовка, и у стены велосипед спортивный. Не новый, как у Мишки, а выдавший виды, весь в царапинах.

— Ну что, давай твой смотреть, — весело сказал Клов, доставая с верхней полки деревянный ящик. В нем оказались велосипедные ключи. Сначала Клов отрегулировал сиденье:

— Это ничего, что высоко сидеть, главное, чтобы ногам было удобно. Педаль в крайнем нижнем положении должна позволять ноге полностью разогнуться.

Затем занялись ручным тормозом. Клов минут пять поджимал и отпускал тросик, пока тормоз не стал работать, как капкан. Потом пришла очередь руля — поставили на удобную для Мишки высоту и затянули потуже гайку. И под конец подкрутили спицы. И все за двадцать минут.

Пока Мишка вытирал масло с рук большой красной тряпкой, Клов сложил инструмент на место. Сам он, как ни странно, почти не испачкался, хотя проделал основную часть работы.

— Ну, с богом, — торжественно сказал Клов, садясь на велосипед и с силой отталкиваясь ногой от бордюра.

Он поехал первым, показывая дорогу. На Ивановской улице начался высокий каменный забор, отделяющий дорогу от города. Возле подземного перехода Клов остановился, забрался на покрытую плиткой крышу и с помощью Мишки втащил наверх оба велосипеда. За ним залез и Мишка. Перед ним была трасса. Широкая ровная асфальтовая гладь на пять полос.

— Запоминай, — голос у Клова стал серьезным. — Ты идешь первым. Когда дорога расширится на восемь полос, посмотри вверх на светофор. Если горит красный — уходи вправо, прижимайся к обочине. В том месте они смотрят на светофор, на тебя внимания не обратят. Если горит зеленый — смело едь дальше, да педалями крути веселее. Когда возникнет

опасность, я выйду вперед, и тут ты следи за мной. Руку вправо — уходи вправо. Влево — влево. Вверх — стоп. Впрочем, тормозить вряд ли придется, но на всякий случай. Запомнил?

— Вроде да.

— Повтори.

Он повторил. Клов согласно кивал головой по мере рассказа.

— Верно, — согласился он, когда Мишка закончил. — Ну, все, поехали.

Они спустили велосипеды, и поползла назад под колесами асфальтовая лента.

Сначала дорога шла в гору, и Мишке пришлось тяжело. Но скоро он достиг вершины, стало легче. Расширение оказалось недалеко — минут через десять. Как Клов и учил, Мишка послушно задрал голову вверх (не упасть бы) и поискал светофор — красный!

— Ничего, ничего, — раздался спокойно-уверенный голос Клова, — давай дальше.

Скоро горка закончилась, и дорога стала абсолютно прямой. Мишка не знал, сколько они ехали, но почувствовал, что начал выдыхаться. Солнце жарило немилосердно, пот тек по раскаленному лбу, разъедая солью кожу. Был момент, когда он хотел обернуться к Клову и попросить остановиться отдохнуть, но в этот момент слева мелькнула тень — Клов принял лидерство. Пришлось бедному Мишке прибавить ходу — Клов начал отрываться. Еще через некоторое время Мишка уже ясно понял, что окончательно выдохся и попытался крикнуть Клову, чтобы он остановился, но пересохшее горло отказывалось повиноваться.

— Черт с ним, — подумал он, — остановлюсь сам, на минутку.

В этот момент сзади послышался гул. Сначала тихий, он постепенно нарастал, приближаясь. Мишка обернулся — сзади, вырастая на глазах, несся огромный, белый, сверкающий на солнце "MONTY ALFA INDUSTRY" или МАК, как их называли ребята. Мишка, потерявший голову от страха, смотрел бы на него вечно, но в этот момент руль рванул из рук, напомнив, что надо следить за дорогой. К тому времени Клов был впереди метрах в тридцати. Страх придавал новоявленному веллеру сил, и он с удвоенной энергией заработал ногами, догоняя лидера. Гул приближающейся машины становился все громче. Мишке казалось, что она прямо за спиной. Почему Клов ничего не предпринимает? Или он считает, что они смогут соревноваться в скорости с МАКом? В это мгновение велосипед Клова неожиданно свернул вправо. Мишка инстинктивно повернул руль, возможно слишком резко, съезжая с дороги. Поднятую Кловом руку он пропустил...

Они стояли и смотрели на облако пыли, скрывшее уехавший грузовик. Капли пота стекали по Мишкиному лбу дальше на щеки и капали с подбородка в пыль на дороге, рубашка совсем промокла, но он не замечал этого, еще не отойдя от пережитого страха.

— Ну, как ощущение? — повернулся наконец к нему Клов.

— Страшно, — признался Мишка.

— Конечно, — согласился Клов. — Но здесь ты со скуки не умрешь, чистый адреналин.

Мишка не знал, что такое адреналин, но согласно кивнул. Сейчас, когда страх ушел, он чувствовал себя героем.

— Устал? — поинтересовался Клов, перекидывая ногу через седло.

— Ага.

— Сейчас до рощи доедем, — кивнул Клов на зеленеющие впереди деревья, — там должен быть поливочный кран. Вот там и отдохнем.

Там действительно была проложена труба с краном на конце. И в ней была вода. Мишка с Кловом напились, скинули майки, облились до пояса и залегли в высокой зелено-сочной траве, подставив животы солнцу. Легкий ветерок приятно щекотал кожу, где-то в траве стрекотали кузнечики, замолкая каждый раз при неосторожном движении. Мишка и сам не заметил, как начал дремать.

— Э, так дело не пойдет, — вывел его из забытья голос Клова. — Разомлешь, потом ехать не сможешь. Пошли лучше в тенок.

Под тенью деревьев было прохладно. Посидев с полчаса, Мишка почувствовал, что отдохнул, о чем тут же сообщил Клову, предложив ехать.

— Не торопись, — усмехнулся в ответ Костик. — На дороге нужно быть свежим на все сто. Может, мускулы и отдохнули, а голова нет. Мозги промедлят секунду, и ты окажешься под колесами.

Пользуясь случаем, Мишка задал интересующий его вопрос:

— А почему они нас... дают? Им что, места не хватает?

Клов внимательно посмотрел на него.

— А ты как сам думаешь? Что в школе по этому поводу говорят?

— Ну, — запнулся Мишка, — говорят, что веллеры сами под колеса лезут.

— Да, — засмеялся Клов, — обнаглели совсем. Уже и время не тратят, чтобы придумать мало-мальски правдоподобное объяснение. На самом деле все сложнее. Самим грузовикам мы не мешаем. Мы мешаем бензиновым компаниям, проводимой ими политике.

Он замолчал, еще раз взглянул на превратившегося в слух Мишку и продолжал:

— Лет пятнадцать назад был крупный спор о выборе человечества. Тогда природа сильно была загажена. И вот зеленые, не те, что сейчас в парламенте сидят, а настоящие, предложили очень много проектов неиспользования двигателей внутреннего сгорания. И один из них был такой: в городе отменить личный транспорт, а всем ездить на велосипедах. Казалось, это предложение пройдет, уж очень всем смог надоел, и врачи их поддерживали, потому что это еще полезно — дает дополнительные движения, которых горожанам не хватает. Некоторые города самостоятельно приняли законы, запрещающие использование личного транспорта, и снизили цены на велосипеды. Но компании победили. Как — не знаю, скорее всего, нечестно. В конечном итоге, все оставить по-прежнему не было никакой возможности, но они предложили проект многостороннего общественного транспорта, который действует у нас сейчас. А все проекты по использованию солнечной энергии, ветра были отменены. В том числе и велосипед. Так что, мы вызов существующей политике. Конечно, все не сразу делалось. Раньше велосипед даже видом спорта был...

— Ну да, — не поверил Мишка.

— Точно, почитай газеты двадцатилетней давности. Они сначала начали компанию, что велосипед мешает движению. Потом перестали наказывать за наезд на веллера, хотя раньше, по-моему, и слова-то такого не было. Ну, неважно, потом стали поощрять наезды, пока мы не пришли к тому, что сейчас имеем. Не знаю, правда ли, но говорят, у водил есть специальный тренажер, как лучше веллера сбить.

Нельзя сказать, что Мишка поверил всему. В конце концов, это просто противоречило всему, чему их учили. С другой стороны, совсем не верить Клову он тоже не мог. Мишка чувствовал, что доля правды во всем сказанном есть. По крайней мере, Клов так считает. А раз так, то он решил не ломать себе голову противоречиями, а подождать, пока ему представится возможность самому разобраться.

Мишка посмотрел на Клова — Костик сидел с мрачным видом и, казалось, раскаивался в том, что сейчас разоткровенничался. Но в какой-то момент он, как и Мишка, отбросил сомнения в сторону, повернулся к нему и улыбнулся:

— Ну что, поехали?

— Ага.

Домой доехали без приключений.

Глава II

На следующий день Мишка вышел во двор рано — в семь часов. Так с Клювом договорились, чтобы выехать, пока солнце не начало печь.

— Сегодня в тоннель поедem, — объяснял дорогой Клов. — Немного рано тебе, конечно, но мы аккуратно. Начнем не с начала, а с середины.

Они проехали городской базар, потом Птичий рынок и, поднявшись на Верблюжью гору, где начинал движение первый скоростной трамвай, поехали частными огородами, огороженными слева высокой каменной стеной. Огороды скоро закончились, и начался пустырь. Они проехали еще минут пять, и здесь, возле большой дырки в заборе, заделанной ржавой решеткой, Клов остановился.

— Смотри, — он слез с велосипеда и подошел к решетке. — Никто и не догадывается, — с этими словами Клов с силой дернул решетку на себя, и старое железо неохотно поддалось, обильно осыпав его ржавчиной. — Мы уже год, как ее отодрали, а никто и не чешется, — пояснил Клов Мишке, брезгливо стряхивая ржавчину с рук. — Сейчас я вылезу, а ты подавай мне наших скакунов.

Они не без труда протиснули велосипеда в узкую щель, после чего вылез Мишка, и Клов поставил решетку на место.

— Ну, а теперь можно ехать, смотри, — Мишка посмотрел на уходящую вниз асфальтовую полосу, — дорога крутая, скорость будет большая, но ты жми что есть мочи. Когда начнется подъем, добавь еще, выжми из себя все. Почувствуешь, что скорость упала, — переходи на спокойный плавный темп, но ни в коем случае не останавливайся — потом очень тяжело будет тронуться. Будет тяжело, но ты должен одолеть этот подъем. Там, наверху, где-то километра через два, стена заканчивается, и можешь останавливаться: нам уже ничего не страшно, понял?

— Ага.

Клов внимательно посмотрел назад, на самый верх горы:

— Нет, вроде тихо. Ну, давай, жми.

Мишка оттолкнулся ногой и покатился вниз. С первых же секунд велосипед развил бешеную скорость, и Мишке, лихорадочно вращающему педали, оставалось только вцепиться в руль и не терять равновесие. В ушах свистел ветер, сердце спряталось куда-то в самый низ, но ноги продолжали работать, подгоняя и без того летящий велосипед. Через несколько минут страх у Мишки прошел, и он начал получать удовольствие от этой гонки. Но вот и конец спуска. На полном ходу Мишка пронесся

несколько метров по относительно ровной дороге и начал подъем. Как и советовал Клов, он выжал из себя все, что поначалу было несложно. Но постепенно вращать педали становилось все труднее. Почувствовав это, Мишка перешел на более спокойный темп. Но каждый оборот педалей давался все труднее. Ему приходилось налегать всем телом то на левую, то на правую ногу, пригибаясь к самому рулю. Где-то в середине подъема он понял, что горку ему не одолеть. Икры болели, ноги отказывались вращать педали, велосипед потерял скорость и начал вилять, едва не падая. Взглянув наверх, Мишка увидел, что до конца подъема не так уж и далеко — метров сто, но где взять силы? Мишка сжал зубы и начал считать обороты педалей, решив сделать еще сто и остановиться. Скорее всего, это не помогло бы, но на двадцатом обороте подъем стал более пологим, нагрузка упала. Мишка воспрянул духом, напряг последние силы, а когда через некоторое время посмотрел наверх и увидел, что осталось каких-нибудь тридцать метров, — понял, что доедет. На вершину он въехал, как говорится, не чуя ног, но, довольный, оглянулся на Клова — ну как я? Но лицо у Клова было встревожено:

— Давай, быстрее, — крикнул он Мишке, заметив, что он сбавил ход. — Догоняет!

Это быстро привело Мишку в чувство, и он, еще ничего не видя и не слыша, с удвоенной силой заработал ногами. Когда через несколько минут Клов вырвался вперед, принимая лидерство, Мишка уже ясно слышал за спиной постоянно нарастающий гул мотора. Оглянувшись, он заметил две растущие на глазах светлые громадины — МАКи. С тревогой посмотрел вперед, где заканчивалась стена, и понял, что не успеют, ни за что не успеют. Это понял и сам Клов, потому, что крикнув: "Прижмись вправо", привстал в седле, налегая на педали всем телом, быстро увеличил разрыв между собой и Мишкой. Мишка послушно прижался вправо, вплотную к стенке, с ужасом глядя на удаляющегося Клова. Вскоре мимо него с ревом пронеслись МАКи, обдав жаром своих моторов и гарью выхлопных труб. Они шли ровно, колесо в колесо, оставив между собой и по краям дороги одинаковое расстояние, около двух метров. С каждой секундой они приближались к маленькой на их фоне фигурке Клова.

Вот они уже совсем рядом. Мишка затаил дыхание — еще секунда и... в этот момент Клов резко повернул влево, заворачивая в пространство между грузовиками, и затормозил. Водители среагировали мгновенно — грузовики рванулись друг к другу, стремясь расплющить маленькое наглое насекомое, но поздно. Они уже проскочили остановившийся вело-

сипед, и через три-четыре секунды с силой ударились бортами, кореза металл. Вскоре они растворились в бесконечности уходящей дороги.

Мишка подъехал к Клову, который, не отрываясь, смотрел на дорогу, на поднятый грузовиками столб пыли. Мишке пришлось стоять безмолвно несколько минут, прежде чем Клов повернул к нему черное от копоти лицо.

— Испугался? — были его первые слова.

И, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Я сам перетрусил, думал, здесь и останутся наши косточки. Хорошо — тебя не тронули, понимают, что еще ученик, сбить не велика гордость.

Потом они сели и поехали. Молча. Плохое было молчание, угрюмое, Мишке совсем не нравилось, но и говорить совсем не хотелось. Первым заговорил Клов, когда они уже проехали стену, ее оставалось каких-нибудь двести метров:

— Не в добрый час выехали мы сегодня, вероятность встречи с МАКа-ми равна практически нулю. Если с пролома, где мы начали движение, его не видно, то нагнать нас можно, только если начать движение не позже чем через минуту после того как мы поехали, я как-то сам с Хвостом замерял, вот так-то...

Через пятнадцать минут они подъехали к Перешейке, реке, от которой брал начало Гребной канал. Здесь умылись и отдохнули.

— Ну что, поехали обратно, — сказал Клов, поднося к глазам руку с часами. — Думал я по округе поездить, но чувствую — день для нас неудачный. Будем заканчивать с этой трассой.

Когда подъехали к блестящей, пышущей жаром дороге, Клов поднял руку, останавливая Мишку.

— Значит так, — показал он рукой вперед, — через двадцать минут забор, потом метров триста спуск, и вот тут-то, на середине его, смотри внимательно — будет дырка. Ну я, если что, еще крикну тебе, но ты не сильно разгоняйся. Усек?

— Да.

— Ну, поехали, — выпрямился в седле Клов, — да на передний тормоз сильно не жми — кувырнешься через голову.

Спускаться, когда не нужно гнать, а лишь притормаживать, если знать, что после не будет утомительного подъема, было сплошным наслаждением.

Мишка ехал, расслабившись, чувствуя, как нежно обдувает ветер мокрые растрепанные волосы. Вот показалась серая полоса забора, уходящая

вместе с асфальтом за горизонт. Все ближе. До нее метров двадцать... Рев мотора и крик Клова слились для него в один непрерывный рев. Как-то Мишка смотрел фильм про войну. Ему в память врезался коротенький кусочек: солдат полулежит на траве, ветер колышет траву, кузнечики стрекочут, и вдруг взрыв... Примерно то же самое случилось и сейчас — мотор МАКа взревел так рядом, а Клов заорал так громко, что у Мишки дрогнули руки, руль повело, и он едва не свалился. Оглянуться он не успел, Клов крикнул второй раз: "Мишка, вправо, на поля!". Он не колебался ни секунды, повернул руль вправо и полетел, потому что ограждающего бордюра здесь не было, а асфальт был положен примерно на метр выше обочины. А дальше у него дыхание захватило. Он летел и, казалось, никогда не опустится. Причем, была твердая уверенность, что он летит все время вверх, а когда долетает до высшей точки, все обрывается, и он начинает подъем сначала. Удар о землю убедил его в обратном. Самое интересное, что он приземлился очень удачно, ровно. И если бы он держал руки потверже, возможно, даже удержал бы равновесие. Но руки у Мишки были как вата, и сам он как подушка. Во всяком случае, земля била его тело как-то вяло: вроде и больно, но какой-то тупой далекой болью.

Мишка встал. Ощущение реальности, наконец, пришло к нему. Болел локоть и колено, но не как болят ушибленные кости, а резкой болью содранной кожи. Потирая коленку, подошел Клов.

— Жив?

— Да.

— Думал, костей не соберешь. Я хоть успел из седла выпрыгнуть. Везунки мы с тобой — два раза сегодня чуть под колесами не оказались.

— Да, — согласился Мишка, — чувствуя, как на лице рекой разливается улыбка.

— Давай твоего скакуна посмотрим, — повернулся Клов к "Верному".

— А твой батя знал, что покупать, — довольно сообщил Клов через несколько минут. — Мой бы точно уже был в ремонте. Минимум — это обо-да бы погнул, а у твоего лишь две спицы погнуты, да краска содрана.

— Нет, хватит с нас тоннеля, — продолжал он, когда они, спешившись, шли гуськом по тропинке, поднимая пыль. Сейчас ухабы закончатся, начнется вполне сносная дорога, хоть и проселочная.

Через полчаса, когда можно было увидеть первые городские дома, они пришли на огороды. Мишка давно здесь не был — десятки квадратов, огороженных веревками или проволокой. На некоторых копошились люди.

Клюв приложил ладонь к глазам и уверенно направился к маленькой деревянной будочке, возле которой дымился затухающий костер.

— День добрый, — крикнул он в черную дыру входа. — Есть кто живой?

Из темноты вышел высокий старик. Тело его высохло, и он напоминал скелет, стоящий в школе в подсобке биологии.

— А, это ты, — обратился он к Клюву. — Все кочуешь?

— Ага, — кивнул Клюв.

— И молодых совращаешь?

— Способный парень, — Клюв обернулся и хлопнул Мишку по плечу.

— Добром не кончите.

— Может, — вздохнул Клюв и, видимо желая сменить тему, быстро спросил: — Картошечкой угостите?

— Можно, — старик улыбнулся и сразу расцвел, как куст шиповника.

— Ступайте умываться. Жучка, брысь, — прикрикнул он на черную дворняжку, вертевшуюся под ногами.

Ох, и вкусна же печеная, треснувшая от жара картошка! А вареная кукуруза, щедро посыпанная солью! Мишка ел и обжигался к великому удовольствию старика, который улыбался и гладил его по волосам:

— Умаялись.

— Да, покатались сегодня, — закивал Клюв. Он измазался в золе и выглядел донельзя комично с широкими черными полосами через лоб.

— Покатались, — нахмурился старик. — Помяни мое слово, добром вы не кончите.

— Почему так мрачно? — усмехнулся Клюв. — Может, мы еще доживем до глубоких седин, как вы.

— Ну конечно, — усмехнулся старик, — доживете. Мало вас тут картошку пекло? — последние слова прозвучали неожиданно зло.

— Пятеро, — тихо пробормотал Клюв. Он сидел, опустив голову в колени, желваки играли на его щеках.

— И трое остались под колесами, — голос старика звучал, как приговор прокурора в суде. — А где еще один?

— Завязал.

— Ну, вот он и будет долго жить...

— ...ест манную кашу.

Все трое рассмеялись. Только старик невесело, по-стариковски, кряхтя.

— Не переубедить тебя, парень. Не переубедить.

— Давайте поговорим об этом в следующий раз, — Клюв встал и начал ходить, разминая ноги.

Старик ничего не сказал, но тоже поднялся, держась рукой за табуретку.

— Сколько с нас?

— Как обычно, два пятьдесят.

Мишка прикинул: на базаре кукуруза шла по семьдесят, они съели шесть штук. Сколько стоила картошка, он не знал, но уже получается четыре двадцать!

— Что, вас не обижают? — уже уезжая, поинтересовался Клюв.

— Поговаривают, что будут ликвидировать, — поморщился старик. — Дескать, создаем нездоровую конкуренцию, плюс антисанитарные условия и т. д. и т. п. Сволочи!

— Да, жаль, если на парниковые перейдем, — вздохнул Клюв.

— О чем речь! — оживился старик, — Ты чувствуешь, какой это помидор? Он навозом удобрен и солнцем взращен, он живой. А эти? На лампах и химии, акселераты. Их ешь, и вкус как вата с водой.

В этот день Мишке еще раз не повезло — мать вернулась с работы раньше, как раз, чтобы увидеть измазанного, израненного отпрыска. Она накинулась на него со всей страстью материнской любви. Но когда Мишка сказал, что ездил на огорода, где они ели кукурузу с печеной картошкой (чистая правда), а потом он случайно упал в овраг, мать успокоилась.

На следующий день Клюв повез Мишку на "ровную трассу". Асфальт действительно был как зеркало. Дорога, как объяснил Клюв, считалась спокойной, и они действительно никого не встретили. Отъехав километров десять от города, Клюв свернул на проселочную дорогу, которая скоро привела их к небольшому, метров двадцать длиной, футбольному полю. По краям стояли ржавые ворота, да настолько, что ржа местами проела столбы насквозь. Интересно, зачем Клюв его сюда затащил?

— Поучу тебя кой-каким приемам, — ответил Клюв на немой Мишкин вопрос.

Ставить "Верного" дыбом и разворачиваться на месте Мишка научился сразу. Сложнее дались прыжки, когда неподвижный велосипед надо удерживать в равновесии и попеременно прыгать с переднего на заднее колесо. Совсем не получилась езда без рук.

— Ты ставишь его ровно, а потом едешь и боишься дохнуть, — объяснял Клюв. — А надо управлять ногами, как руками.

И он показывал, как это делается, смело раскачивая велосипед ногами так, что Мишка каждый раз замирал, ожидая, что он упадет. Но Клюв не падал, в отличие от своего ученика, который снова и снова оказывался в пыли.

— Ладно, — наконец сжалился Клов, — летая, летать не научишься. На сегодня хватит.

Мишка грустно кивнул.

— Да не расстраивайся, — хлопнул его по плечу Клов, — я одни прыжки три дня осваивал. Без рук, правда, сразу поехал, но равновесия на месте долго держать не мог. У каждого не выходит что-то свое. Вот Диля так по ступенькам прыгать и не научился.

— Кто?

— Диля. Самый, наверное, лучший веллер, как Стопора сбили. Я как-нибудь расскажу про него. Он, кстати, меня учил. Талант большой, такие пируэты выделял, куда мне! А прыжки не шли, хоть тресни. Так что, не волнуйся.

Он оказался прав. Через несколько дней Мишка свободно описывал круг за кругом по футбольному полю, широко разведя руки в стороны, по лестнице с пятого этажа спрыгивал быстрее Клова.

— Будет из тебя толк, уж поверь мне, — довольно потирал руки учитель, когда они потные и усталые возвращались домой. — Я как тебя на велике увидел, сразу понял — ты нашей закалки. Можешь мне верить, я с семи лет на трассе. Твои Вовка или Славка побоялись бы прыгнуть тогда в тоннеле. Да и не сунутся они на трассу, уж поверь мне.

От этих слов похвалы Мишка расплывался в широкой улыбке, которую не мог скрыть при всем своем желании.

— Вот карьер с тобой еще пройдем, и считай себя асом не асом, но и не салагой, это уж точно.

"Скорее бы карьер", — с замирающим от сладкого предчувствия сердцем думал Мишка.

Его желание исполнилось уже на следующий день. Карьер представлял собой цепь из пяти холмов с узкой — две полосы в каждую сторону — дорогой, по которой то и дело сновали небольшие десятитонные ЛАЗики, забирающие дробленый камень.

— Смотри, — напутствовал Клов ученика, — здесь скоростью ничего не сделаешь, главное маневр. С горы вниз они идут груженные, сильно вилять не будут, побоятся. А ты этим пользуйся; с правой полосы на левую переедешь — считай спасен. Тормози, он и скорость не сбавит никогда. Не забывай, что здесь куча развилок. Он на работе, гоняться за тобой ему некогда. Понял?

— Ага, — кивал Мишка.

— Ну и самое главное, устал — давай вниз. Здесь под колеса попадают

не оттого, что опасно, а по невнимательности. Зазевался — и все. Ну что, поехали?

— Давай.

Ноги у Мишки здорово окрепли. Во всяком случае, он с легкостью заезжал на гору, по которой раньше и пешком забираться бы устал. Уворачиваться от неповоротливых ЛАЗов было нетрудно. Главное точно рассчитать расстояние и скорость. Но если ошибся — то хватало развилок. Вниз же грузовики шли почти с той же скоростью, даже, может, медленнее.

Свернув в развилку от очередного ЛАЗа, Мишка посмотрел на циферблат: сорок минут. Хватит, пора вниз. Он выехал на центральную дорогу, заметив краем глаза, как из-за поворота показалась желтая острая мордочка грузовика. Мишка сразу сообразил, что не успеет уйти от уже набравшей скорость машины, и быстро переехал на встречную полосу. Через секунду машина пронеслась мимо, обдав его своим жаром. Мишка самодовольно усмехнулся и заработал ногами, набирая скорость. Оглянулся назад — ЛАЗ, но далеко, не успеет. Наверное, он потерял несколько секунд, оглядываясь, потому что так и не успел заметить, откуда выехал этот встречный ЛАЗ, и почему он уже так близко. За секунду Мишка успел заметить все: и трещину на стекле, и кожаное сиденье, и довольно ухмыляющееся лицо толстяка-водителя, и как он перехватил руки поудобнее, чтобы успеть повернуть влево, если Мишка пойдет на свою полосу. Значит, вправо ему нельзя. Влево! За дорогой полоска земли метр-полтора, за ней обрыв... Нет, вон пятачок шириной метра три... Все это пронеслось в его голове с космической быстротой. Не задумываясь, хватит ли ему этого пятачка, Мишка повернул руль влево и, присев всем телом, рванул вверх, увлекая велосипед за собой. Последнее, что он успел заметить, был грузовик, разворачивающийся поперек правой полосы. Значит, вправо он все равно не успел бы...

Мишка сглотнул. Он стоял на самом краю обрыва — три ладошки до переднего колеса, думая, что было бы, если бы он не нажал на ручной тормоз еще в воздухе. "Лепешка", — наконец высказал он вслух сделанный вывод. Действительно, высота обрыва была не менее двадцати метров. Лепешка. Сзади послышался скрип трущейся об асфальт резины. Мишка обернулся — Клов.

— Жив? — его рука мягко легла на Мишкино плечо. — Когда увидел, что ты влево прыгнул, решил, что ты идиот — вправо мог спокойно успеть. А когда он развернулся, понял, что ты гений. Случайно или догадался?

— Я по нему догадался, что он вправо пойдет, — вздохнул Мишка.

— Молодец, в таких случаях всегда на водилу смотри, лучше всего в глаза, может не выдержать. Ну а то, что ты вниз не загремел, тут пятьдесят процентов удачи, а пятьдесят мастерства. Поехали, а то могут остановиться и просто накостылять.

Глава III

Мишка стоял во дворе и откровенно скучал. Клов второй день как уехал к больной бабушке и вернется не раньше чем завтра, а он теперь не знает, куда себя деть. Самому идти на трассу Клов запретил — рано еще. Ездить по двору — неинтересно. Вчера играли с Вовчиком и Генкой в сало, так куда им против него. Мишка показал пару приемов, что освоил с Кловом, у них челюсти поотвисали. Да и разговоры у них какие-то детские, как он раньше не замечал? Когда мама купит автомат! Смехота. В раздумье Мишка прислонил "Верного" к столбу и склонился, опершись локтями на руль, а голову положил на руки. Но ничего нового он так и не придумал и, скорее всего, поехал бы в парк, но в это время во двор зашли девчонки. Наблюдая за ними, Мишка вспомнил о вчерашнем событии.

Мать послала его за кефиром. Возвращаясь с двумя бумажными прямоугольниками, Мишка увидел, что возле булочной стоят Надька с Машей, девчонки с его двора, с Машкой они даже учились в одном классе, хоть она и была на год младше. Рядом стояли Гоша, он через дорогу живет, и еще два незнакомых парня. Ребята выстроились треугольником, ловко перебрасывая друг другу белый батон, а девчонки тщетно пытались его перехватить. Мишка остановился метрах в десяти сзади и стал наблюдать. Вскоре девочки остановились.

— Ну, хватит, — наконец взмолилась Надька, — меня мама ждет.

Ответом ей был смех.

— Не отдаете — не надо, — демонстративно отвернулась Надька. — Пошли, Маша.

И в тот же момент кинулась перехватывать хлеб. Ей это почти удалось, но Генка был на голову выше и успел поймать батон раньше. Правда, при этом он сразу кинул хлеб партнеру и промахнулся. Батон шлепнулся на землю, подняв столбец пыли.

— Доигрались, — возмутилась Маша.

Гоша быстро поднял хлеб, пару раз махнул рукой, стряхивая пыль.

— Давай, — подошла к нему Маша.

— Бери, — улыбнулся Гоша, пряча батон за спину.

Маша попыталась дотянуться до хлеба, но Гоша каждый раз поворачивался к ней грудью и, наконец, кинул хлеб товарищу. Тут уж Мишка не выдержал и подошел.

— Отдай хлеб, Генка, — как можно строже сказал он.

— Чего, чего? — обернулся Генка.

На его лице появилась зловещая улыбка. Он был на два года старше, на полголовы выше, поэтому Мишкино выступление было, по меньшей мере, несерьезно, даже если не принимать во внимание, что их трое.

— Так что ты хотел? — с многообещающей улыбкой переспросил Генка, делая шаг вперед.

В этот момент один из ребят подошел к нему слева и что-то быстро сказал на ухо. Мишка успел уловить лишь "Клов". Боевой задор у Генки сразу пропал.

— Ладно, живите, — обернулся он к девочкам, протягивая батон Надьке.

Еще не веря, девочка подошла и взяла хлеб. После этого, бросив на Мишку еще один взгляд, в котором было больше удивления, чем ненависти, ребята повернулись и ушли. Мишка и девочки проводили их глазами, пока они не завернули за угол.

— Спасибо, — сказала Надька.

— Пожалуйста, — ответил он.

Маша ничего не сказала, но, перехватив ее взгляд, Мишка уловил заинтересованность. И сейчас, глядя, как ее крепкие загорелые ноги ловко прыгают через резиночку, Мишка обратил внимание, что она поминутно кидает на него быстрые взгляды. Еще не совсем зная, что он будет делать, Мишка подъехал ближе. Помимо Маши и Надьки здесь были Светка и Людка. Еще Маринка с Зинкой, но эти совсем малявки. Девочки прервали игру и дружно поздоровались. А Машка смотрит прямо в глаза, не отводя взор. Ну и ну. Мишка совсем потерялся, а потому сразу брякнул, о чем думал:

— Хочешь покататься?

Предложить покататься вот так, открыто, при всех. Он заметил, что Светка с Людкой отвернулись, пряча улыбки, а у Надьки от удивления глаза округлились. Ему сразу представилась картина, как малявки будут на них показывать пальцами и дразнить: "Жених..."

— Хочу, — спокойно ответила Маша, по-прежнему не отрывая взгляда.

"...и невеста", — машинально закончил мысль Мишка. Под пристальные взгляды подруг она села на раму, и он аккуратно оттолкнулся от бордюра.

Мишка с трудом управлял непривычно потяжелевшим велосипедом. А близость девушки, тепло ее тела, приятный запах, идущий от волос, буквально сковали его мышцы. Но, проехав несколько кварталов, Мишка освоился. К тому же он вспомнил одну историю, которую рассказал Клюв; кажется, самое время попробовать.

Доехав до улицы Пограничников, Мишка свернул в Домашний переулок. Здесь метров через двадцать начинался длинный крутой спуск к каналу.

Когда велосипед стал быстро набирать скорость, Машкино тело стало твердым, как камень, и, подавшись назад, вдавилось в Мишку. "Не бойся", — спокойно приказал он, отнимая правую руку от руля и обнимая девушку. Клюв рассказывал, что в подобной ситуации он использовал обе руки, управляя ногами, но на это Мишка не решился. Он и так настолько был переполнен восторгом, что ежесекундно боялся упасть. По мере того как они спускались, все убыстряя ход, Машкино тело сжималось все больше, крепче прижимаясь к нему. Мельком взглянув на ее руки, вцепившиеся в руль, Мишка увидел, что костяшки пальцев побелели.

На маленьком пятачке спуска, когда Мишка резко затормозил и вывернул руль (одной рукой!), разворачиваясь, девушка пронзительно завизжала и попыталась соскочить. Удерживая ее, он изо всех сил напряг руку, прижимая девушку к себе, на секунду утопив лицо в густых черных волосах...

Велосипед стоял, наклонившись на левый бок, поддерживаемый Мишкой, успевшим вовремя соскочить. Маша продолжала сидеть на раме. Ее грудь, обтянутая ярко-желтой майкой, глубоко и часто поднималась. Наконец вдохи и выдохи стали реже, и она сделала слабое, даже скорее неохотное движение телом: "Пусти". В этом "Пусти" не было обиды. Была усталость пережитого волнения, и, возможно, присутствовала толика грусти. Но, видимо, опасаясь, что он все-таки обидится, девушка мягко коснулась пальцами его локтя: "Спасибо", и посмотрела прямо в глаза. Мишке показалось, что она ждет еще что-то, но ничего в голову не приходило, поэтому они просто сели на "Верного" и поехали обратно.

Когда они вернулись, девчонки продолжали играть в резиночку. Она слезла снова. Как бы невзначай коснувшись его руки и не оборачиваясь, пошла к подругам. А Мишка поехал в парк, где выбрал скамейку поукромнее, прислонил "Верного" к дереву, а сам лег на спину и устремил мечтательный взгляд на небо, где неторопливо бежали белые клубы облаков.

— Сегодня днем отдыхай, — объявил в субботу приехавший Клюв. — А вечером в пять захвати полкило картошки, больше не надо, кулек покрепче; на сходку поедем.

— Хорошо, — кивнул Мишка.

Глава IV

О веллеровских сходках Мишка почти ничего не знал. Клюв бросил как-то мимоходом, что давно сходки не было, уже больше года, и замолчал. Мишка тогда не стал его расспрашивать. Не стал и сейчас, зная по опыту, что если Клюв хочет рассказать, он сам все выкладывает. Если нет — по капле будешь щипцами тянуть, ничего не узнаешь. Поэтому он предпочел набраться терпения и ждать вечера. Дома никого не было, и он решил не есть, а завалился, не раздеваясь, на диван, вспоминая, что же ему все-таки известно о сходке.

В школе им представляли все это вроде шабаша ведьм, где пьяные, наколотые веллеры творили всевозможные мерзости при свете подожженных грузовиков. Но так как сами веллеры оказались совсем не такими, как их рисовали в школе, по крайней мере Клюв, то, скорее всего, и сходка была чем-то иным. С другой стороны, а что вообще может делать группа молодых ребят, собравшись вместе? Печь картошку?

Промучавшись полчаса и не придумав ничего, Мишка переключил мысли на другое: пять часов. Пока доберутся — шесть.

Часа два там, и час обратно — девять. Это без задержек. Надо что-то придумать родителям, а что? Он решил, что в полпятого сходит к Клюву и спросит совета. Но все решилось проще. В три, когда он сел обедать, зазвонил телефон.

— Здравствуйте (Машка звонит), а Мишу можно?

— Угу (рот у него как раз был забит картошкой, тефтелей и хлебом).

— Это ты, что ли?

— Ага.

— Как дела?

— Аашо.

— Ты что, кушаешь?

— Да.

— Ну, проживуй, а я подожду.

— Я уже прожевал, — он героически сглотнул огромный непережеванный ком.

— Мы с Надькой в кино собрались на восемь, пойдешь?

— Хочу, но вечером не могу, — вздохнул Мишка.

— Понятно (кажется, огорчилась).

— Давай завтра.

— Завтра только утренний сеанс.

— А что, ты утром не можешь?

— Могу...

— Так договорились?

— А сегодня ты никак?

(Далось ей это сегодня.)

— Нет, мы с Кловом уезжаем.

— Понятно. Хорошо, мы сегодня на другое пойдем. Ну давай, завтра в девять выходи.

— Хорошо. Стой! — Мишку вдруг осенило. — А ты не можешь сказать, если мои спросят, что я с вами сегодня в кино ходил?

— Могу, но это поздний сеанс, мы к одиннадцати вернемся.

— Это то, что надо.

— Тогда договорились, пока.

— Пока.

Ну, вот все само и разрешилось. Сейчас только надо будет велосипед вынести и куда-нибудь поставить. Лучше всего в гараж к Клову. А родителям сказать, что отнес подшипники смазать.

Ровно без пяти шесть Мишка вышел во двор, где на колесах его уже поджидал Клов.

— Что такой нарядный? И чего без картошки? — поинтересовался он.

Мишка быстро объяснил, что он отпросился в кино, вот мать его и вырядила, а картошку не было никакой возможности взять — мать на кухне все время вертелась. Только кулек хороший прихватил.

— Понятно. Но нет худа без добра. Деньги на билет дали?

— Ага, — Мишка вытащил из нагрудного кармана новенькую хрустящую бумажку.

— Отлично. Съездим к деду Пантелею, купим овощей, а картошки, я думаю, и так будет с избытком.

Они пошли к гаражу, где, прислоненные друг к другу, стояли "Верный" со спортивным "ТРЕСК'ом" Клова.

— Так, ну штаны мы тебе прищепками зацепим, — критически осмотрел его Клов, — а вот туфли спадут по дороге. Кажется, у меня где-то здесь завалились старые кроссовки. Даже твоего размера.

Он порывлся на верхней полке, где стояла стопка пожелтевших газет.

— Отлично, вот они, — Клов протянул ему кулек с потертыми, но еще крепкими "Adidas'ами".

— Не жмут?

Кроссовки жали, но не сильно.

— Знаешь, что? — прищурился Клов. — Наверное, ты совсем переоденься. А то испачкаешься, будешь потом выдумывать что-то и заврешься. Держи, — и он достал второй кулек, где были спортивные куртка и штаны.

Мишка охотно переоделся.

— Да, вот еще держи, — Клов протянул ему небольшой желтый ключ.

— Что это?

— От гаража. Мало ли когда тебе велик понадобится поставить.

— Хорошо, спасибо.

Было уже около шести, когда они подъезжали к огородам. Солнце начинало менять цвет с желтого на оранжево-красный. Их встретили оглушительным лаем две серые шавки, явно одного выводка. На шум из будки вышел дед.

— Поздненько вы сегодня.

— На сход едем, дядя Пантелей, хотели овощей взять.

— Хорошее дело. Что именно?

— Лук, помидоры, огурцы.

— А картошку?

— Картошки будет валом, все берут.

— Дело хозяйское, да запас карман не тянет.

— Ну ладно, — сдался Клов, — штук восемь положите.

— Добре, три шестьдесят, — вынес старик ставший объемным Мишкин кулек.

— Расплачивайся, напарник, — хлопнул Клов Мишку по плечу.

Мишка вздохнул, думая, что рубля сорока хватит только на один билет. Придется у отца просить потихоньку. Или у Машки будет?

— Ну, с богом, — перекрестил их старик на прощанье, и ребята, махнув руками, поехали, сопровождаемыми лохматыми сторожами.

Сходка была назначена недалеко от карьера, километрах в пяти. В густой дубовой роще спряталась широкая поляна, посреди которой была выкопана широкая яма, в метр глубиной. Сразу за ямой поднимались высокие насыпные холмы. Мишка прикинул, что самый высо-

кий будет, наверное, метров восемь. По отполированным тропинкам, избороздившим холмы, он догадался, что это одно из излюбленных мест веллеров.

Недалеко от ямы уже собралась кучка ребят. Велосипеды лежали в стороне. "Вот и Клюв приехал", — раздался чей-то веселый голос. Они спешили и подошли к остальным. Ребята в основном были его возраста, но были и старше, как Клюв, а двое совсем молодые, лет двенадцати. Клюва здесь хорошо знали и любили. Во всяком случае, толпа оживилась. После долгих приветствий к ним пробился крепкий коротко стриженный парень лет шестнадцати.

— Смену готовишь?

— Приходится, Вова.

— Давно на трассе?

— С месяц.

— Салага.

— Молод, да не промах, — в словах Клюва послышалось самодовольство. — Мы с ним только на Лесной не были.

— Понятно, — протянул Вова. — Ну, салажонок, бери двух молодых, — он показал на ребят, стоявших особняком, — и начинайте сушняк собирать. А то скоро солнце сядет, ничего не увидите в темноте.

Их звали Толик и Саша. Толика учил неизвестный ему Худо, а Сашу — Вова. Толик уже полгода как вышел на дорогу, а Саша катался месяца четыре. Но ни один из них еще не был в карьере. С чувством собственного превосходства Мишка важно сказал, что "Ничего страшного там нет, просто голову не терять, и все". Но потом в нем заговорила совесть, и он рассказал, как сам чуть не грохнулся с обрыва. Ребята аж рты поразевали.

Когда они притащили три большущих кучи сушняка, остальные уже вырыли неглубокую, но достаточно широкую круглую яму. Скоро в ней запылал сильный огонь. "Ну что, Худо покашеварит, а мы на "Восьмерку", — предложил крепыш Вова. Все, кроме длинного худого парня, с готовностью встали и пошли к велосипедам. Собравшись на вершинах холмов, стали с гиканьем и свистом съезжать вниз в яму и заезжать на противоположную гору, выписывая по дороге всевозможные петли. Теперь Мишка понял, почему место называется "Восьмерка". Сам он немного трусил съехать с такой кручи, но, сделав это однажды, почувствовал, что страх уступил место восторгу.

Через полчаса азарт поутих, и веллеры по одному стали возвращаться к костру, где Худо уже закопал в красноватые пышущие жаром угли картошку.

— Рано вернулись, — лениво объяснил он. — Еще минут двадцать, минимум.

— А мы пока посмотрим на аса, — хлопнул его по плечу Вовчик. — Давай, а то подумают, что ты и не веллер вовсе.

Худо усмехнулся и все так же лениво поднялся. Теперь Мишка мог его рассмотреть получше. На вид ему было лет шестнадцать, как Клюву. Неимоверно высокий, под два метра, он все время сутулился. Движения медленные, неловкие, и в то же время осторожные, как будто он боялся что-то разбить.

Худо сел на велосипед, у которого сиденье и руль были удлинены минимум на метр, и поехал к "Восьмерке". Забравшись на самый высокий холм, он постоял секунд двадцать, как бы раздумывая, а затем быстро съехал и поднялся на одном колесе. Среди ребят пронесся восхищенный шепот. Затем поехал вниз и перед самой ямой рванулся вверх и прыгнул на соседний холм. Приземлившись, развернулся и лег на правый бок, чтобы не упасть в яму. Затем поднялся наверх и быстро съехал задом наперед, не оглядываясь и развернувшись в яме, прямо перед самой стенкой. Мишка замер в немом восхищении.

— Вот этот трюк кроме него только Дилия может, — тихонько сказал Мишке незаметно подошедший Клюв.

На этом упражнении Худо решил закончить и по-прежнему неторопливо вернулся к костру.

Солнце коснулось нижней кромкой верхушек деревьев. В воздухе летали ласточки, гоняясь за мошкаррой. Ветра почти не было. Уставшие ребята сидели, полулежали, а кто и лежал возле едва тлеющих углей. То один, то другой поглядывал на главного кашевара Худо, но он молчал и лишь каждые две минуты срывал новую травинку и начинал жевать.

— А что Дилия не приехал? — нарушил всеобщее молчание Клюв.

Мишка заметил, что Вовчик при этих словах опустил голову, а Худо со злостью выплюнул пожеванный кусочек травинки. Все молчали.

— Нету Дили, — наконец поднял голову Вовчик. — Три дня как похоронили.

Мишка обратил внимание, что Клюв зло прищурил левый глаз, а правый стал часто подрагивать.

— Как рассказывают, — продолжал Вовчик, — он от двух МАКов уходил. Классически стал между ними и затормозил. А один МАК был трейлер. Контейнер вильнуло, и задней частью по голове.

Все подавленно молчали.

— Да, — наконец нарушил молчание Вовчик, — помните, ребята, что такое может с каждым из нас случиться. Будь ты хоть асом, хоть суперасом, а один раз удача отвернется, и... А ведь в каких он переделках был, и всегда цел и невредим. Это он с тобой, Клюв, под брюхом у МАКа прошел?

— Со мной, — нехотя ответил тот. Помолчал немного, затем тихо продолжил: — Я совсем тогда салагой был, год как на трассе. И на тоннеле нас догнали три МАКа. Выстроились в ряд и идут, как стена, промежуток между ними пару метров, не втиснешься. Так он меня к обочине прижал, а сам на центр. И вот когда правый МАК уже был метрах в трех, он велосипед положил и прошел под брюхом. МАК даже среагировать не успел, вильнул уже метров через двадцать.

— Покажи, Клюв, — а то они не знают, что это такое, "положить".

Клюв поднялся, несколькими отрывистыми движениями стряхнул со штангин пыль и направился к велосипеду. Вот он поехал, набирая скорость. Привстал на педалях и начал раскачиваться из стороны в сторону. Амплитуда становилась все больше и больше, как вдруг в одно из глубоких качаний велосипед не пошел обратно, а мягко лег на траву. Ноги Клюв с педалей не снимал, и потому сам тоже оказался на земле. Через несколько секунд сильным рывком поднялся вместе с велосипедом и поехал обратно. Все заплодировали.

— Да это на земле, — спокойно сказал Клюв, когда шум прекратился, — а он на асфальте, в полной скорости, да еще когда МАК в спину дышит. Талант большой был, очень.

— Можешь записать номер, Клюв, — сказал сидящий рядом с ним парень с черными, немного выющимися волосами. Кажется, его называли Куцый. — 601 и 353 региона А.

— Точно?

— Обижаешь, я салагу в бар на карьер посылал. Водилы хвастались, как веллера сбили. Подтверди, — кивнул он высокому худому парню, сидящему слева.

— Да, — тихо ответил тот, — я два часа с ними сидел, запоминал.

— Хорошо, — Клюв снова зло прищурил глаз, — запомню, может, встретимся.

В этот момент Мишка заметил, что Худо уже разгреб угли и разложил черную потрескавшуюся картошку на газету.

— Пробуй, — громко сказал он Вовчику.

— Да верю, — отозвался тот.

— Давай, давай.

— Ладно.

Вовчик потянулся за тонким прутиком. Заостренный конец без труда вошел в мягкое тельце.

— Разбирай, — торжественно провозгласил Вовчик и сам тут же начал очищать горелую кожуру.

Через полчаса сытый и разморенный Мишка полулежал, оперев голову о локоть и слушая несмолкающий гул разговоров. А послушать было что. Вот Худо, не вынимая травинки изо рта, рассказывает, как, спасаясь от разъяренного МАКа на Лесной, был вынужден прыгнуть на разделительный бордюр. А вот Вовчик вспоминает, как он прыгал в карьере:

— Метров пять, наверное, было, не меньше. Заднее колесо в такую восьмерку согнуло, пришлось новое покупать.

Внимание Мишки привлек разговор Куцего и Клюва.

— Так что, — склонившись над лежащим на спине Клювом, спрашивал Куцый, — суббота завтра. Поехали на море.

— За сто пятьдесят километров? Два часа в электричке? Никогда.

— Полтора, — качал головой Куцый. — Шурка рада будет.

— Шурка-то конечно, а мне в воскресенье на вторую смену. Нет, мы на лиман поедem, — он решительно сел и расправил плечи. — Двадцать минут сабеем.

— От тоски вдвоем подохните.

— А я салагу возьму, — повернулся Клюв к Мишке. — Поедешь на лиман?

— Нет, — Мишка качает головой, — я на завтра в кино договорился.

— С этими своими обормотами?

— Нет, с Машкой.

— С какой Машкой?

— Со Светиной.

Клюв прищурился и смотрит на него, как будто видит впервые:

— А у тебя губа не дура. Машка Светина... Так бери ее на лиман.

— Договорились же в кино.

— Так кто у вас командует парадом? Скажи, лиман, солнце, вода, теплые гольшики...

— Не знаю, — вздыхает Мишка.

— Ну, смотри, предложи ей. Должна согласиться. Сейчас днем жара, чего в кино париться.

Мишка сомневается. Единственное, что ему в этом предложении нравится, так что на двадцать копеек сабвея у него хватит.

В девять стало совсем темно. Зажужжали комары. Все чаще и чаще слышались хлопки ладоней о тело.

— Ну что, пора? — посмотрел Вовчик на Худо.

Тот молча кивнул. Вовчик перевел взгляд на Клюва.

— Конечно, комары сейчас съедят.

— Ну, значит, все. Убрали мусор, Худо?

— Да.

— Тогда по коням!

Послышались стоны, кряхтенье. Через некоторое время в темноте замелькали фонарики. А еще через несколько минут на поляне можно было услышать лишь писк комаров.

Глава V

Маша удивленно смотрит на Мишу.

— На лиман?

— Ага, — кивает он. — Солнце, море, теплые голышки, — он говорит все это таким упавшим голосом, что она невольно смеется.

— Да ты голодную собаку не уговоришь съесть кусок мяса. Честно говоря, мы сегодня с Надькой на пляж собирались, потому я так хотела в кино вчера пойти. А сейчас возвращаться неохота, мои начнут расспрашивать, что да почему.

Мишка молчал.

— Давай подождем, пока они на базар пойдут, — наконец сдается она.

— А я напишу записку, что передумала, идет?

— Идет.

Они отошли к его дому и сели на скамейку. Машкина парадная была как на ладони. Ждать пришлось недолго. Минут через десять появилась мама — высокая стройная женщина с густыми черными волосами (у Машки такие же), а через минуту выбежал и отец с двумя большими сумками. Громко разговаривая, они направились в сторону базара.

Тогда Машка встала.

— Ну, что, я к себе, и ты к себе, встречаемся через десять минут.

— Идет.

Мать совсем не удивилась, что он с Машей решили поехать на лиман.

— Правильно, чего в городе париться?

Мишка быстро переоделся, взял приготовленный матерью кулек с подстилкой, плавками и полотенцем и пошел к двери.

— Постой, — остановила его мать, — А деньги чего не берешь?

Мишка смутился — не мог же он сказать, что он не ходил вчера в кино, и у него осталась сдача.

— Забыл?

— Угу, — облегченно кивнул он.

— Ну вот, просил бы у девочки. Держи, — и она протянула три рублевых бумажки.

Клюв ждал их, где и условились — внизу от конечной сабвея. Рядом с ним стояла невысокая полная девушка, вся сплошь покрытая веснушками.

— Здравствуйте, соседи, как добрались? — радушно приветствовал их Клюв.

— Отлично, — весело ответила Машка.

Они спустились к воде, разделись и сели на широкую подстилку Клюва.

— Ну, что, девчата, — встал Клюв уже через десять минут, — ложитесь, принимайте солнечные ванны, а мы сходим, осмотрим окрестности. Так, — сказал он, когда они обошли маленький пляж и возвращались обратно, — все есть: и мороженое, и пиво, а вот с водой будут проблемы.

— У Маши есть литровая бутылка с чаем, — ответил Мишка.

— Да? Молодец, подумала. Ну, тогда беспокоиться не о чем.

— Ну, что, купаться? — сразу предложил Клюв, сядя на камни рядом с Шурой, кладя руки на плечи девушке.

— Костик, вода еще не нагрелась, — надула губы Шура.

Через секунду она дико визжала, пытаясь вырваться из рук Клюва, который, не обращая внимания на протесты, донес ее до воды, поднял повыше и скинул вниз. Фонтан брызг достал аж до подстилки. Машка засмеялась, вскочила и побежала к ним.

Сначала они с Клювом кидали девочек с рук. Визг стоял на весь пляж. Затем Клюв посадил Шуру на спину, а Мишка — Машу. Начались конные бои. Клюв крепко стоял на ногах, нанося точные мощные удары тяжелой Шурой. Лишь в самой последней схватке Мишке удалось обойти его сзади и свалить. Уставшие, но довольные, они упали на подстилку и открыли Машкин термос.

— Только лимона не хватает, а так что надо, — крикнул Клюв, когда кружка дошла до него.

— Я хотела, но времени мало было, — отозвалась Машка. — Вообще, все так внезапно.

— Думаю, ты не пожалела.

— Нет, конечно, здесь здорово.

После этих слов Машка легла на спину. Глаза сразу ослепило яркое солнце. Девушка попробовала закрыться рукой, но, убедившись, что это бесполезно, перевернулась на живот. Сразу за ней легла и Шура. Мишка остался сидеть. Сидел и Клов, перебирая гальку и складывая отдельно в кучу сердолики. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим плеском волн и отдаленным шумом отдыхающих.

— А ведь вы так сгорите, — неожиданно сказал Клов, бросая камень в довольно большую кучу сердоликов. — А ну, Мишук, дай-ка мне тот серый пакет.

Порывшись в вещах, он скоро извлек наружу маленькую стеклянную баночку темно-синего цвета.

— Все, Шура, буду тебя спасать.

Шура не возражала. Отвинтив крышку, Клов двумя пальцами зацепил крупный белый сгусток мази и, подсев к девушке вплотную, стал размазывать белую массу по спине. Мишка с интересом смотрел, как ловко работают его тонкие длинные пальцы. Вдруг они остановились.

— А ты чего смотришь? — обратился Клов к нему. — Или хочешь оставить свою мамзель на съедение этому пеклу?

Мишка помедлил, ожидая, что Маша начнет возражать, но она молчала. Тогда он осторожно захватил немного мази, которая оказалась довольно холодной на ощупь, и опустил руки на белую, совсем не тронутую загаром спину девушки. Затем медленно и аккуратно стал делать круговые движения, втирая крем.

— Нет, Мишук, — в голосе у Клова прозвучала неприкрытая насмешка, — так работают, если у человека ожог минимум третьей степени. Смотри, — и он начал энергично растирать лоснившуюся от мази Шуркину спину.

— Ой, Костик, ты, что? — запротестовала Шура. — Ты же кожу сдерешь.

— Это вряд ли, — скептически отозвался Клов, сосредоточенно продолжая втирать крем, но натиск ослабил. — Ну, что понял? — это уже Мишке.

Мишка кивнул и стал давить сильнее. Поминутно скашивая глаза вбок на Машу, он старался прочитать по ее лицу, нравится ей или нет. Но лицо, как маска, казалось, лишено каких-либо эмоций. Сам он чувствовал себя ужасно неловко, и хотя через некоторое время робость прошла, что-то мешало ему чувствовать себя так же свободно, как тогда на спуске. Возможно потому, что тогда Маша была испугана и инстинктно жалась к нему, ища защиты. Возможно. Но вот Клов хлопнул Шуру по спине:

— Хватит с тебя.

Мишка растирал еще минуту и тоже закончил. Они еще раз искупались, съели по мороженому и в три часа начали собираться домой.

— Ну, до завтра, — попрощался с ними Клов на остановке.

— А вы не с нами? — удивилась Маша.

— Нет, Шура рядом живет, мы пешочком.

На следующий день они выехали раньше — Клову надо было успеть на вторую смену. Он был доволен, как они провели выходной, и в следующие выходные снова приглашал на лиман. Возле развилки остановились. Можно поехать в тоннель пощекотать нервы, а можно и на Лесную. Право выбора он предоставил Мишке. Мишка решил, что надо на Лесную — он там еще не был.

— Хорошо, — охотно согласился Клов. — Там сейчас почти никого не бывает.

Перед тем как начать движение, Клов вздохнул:

— Эх, последний год развлекаюсь, хорошо, хоть тебя подготовил.

— Почему? — удивился Мишка.

— А ты думаешь, мы до старости на дорогах гоняем? Нет, шестнадцать, восемнадцать — предел, редко кто до двадцати. Тем более что дальше работа, учеба. А если узнают, можешь на себе крест ставить — считай, всю жизнь будешь мусором заведовать.

Мишка об этом не задумывался.

— Да тебе и рано еще, — усмехнулся Клов. — Да и работать в шестнадцать не стоит, это у меня большого выбора не было. Отучишься в школе до упора, пойдешь в институт, это нормально.

Он уже занес ногу над велосипедом, собираясь садиться, но внезапно передумал.

— Самое интересное, — засмеялся он, — что своего сына драть буду, если захочет покатиться по веллерской дорожке.

— Почему?

— Да потому что кому хочется, чтобы его ребенок оказался под колесами?

Мишка нахмурился:

— А мы ради чего?

— Это ты меня спрашиваешь? Каждый по своей собственной причине. Я, например, ненавижу, когда мне приказывают, что мне делать, а что нет. Почему дорога только для машин? Ну, а ты сам должен знать, почему ты здесь, а то раздавят в один прекрасный момент непонятно за что.

После этих слов он быстро сел в седло и, сильно оттолкнувшись, выехал на дорогу. Мишка последовал за ним.

Первые двадцать минут, сосредоточенно крутя педалями, Мишка старался понять, почему же он стал веллером. Ни до чего определенного не додумавшись, он подошел к проблеме с другого конца: а что будет, если он перестанет кататься? Перед ним встала мрачная картина: а что он будет делать? Ходить к бабушке? Играть во дворе с ребятами? Сейчас это все казалось глубоким далеким детством. Единственная светлая перспектива — это встречаться с Машей. Здесь предстоят открытия, от которых сладко замирает сердце, но лишиться Клова и всех замечательных ребят, с которыми он познакомился на сходке?

— А почему лишиться? — спросил внутренний голос. — Ты же можешь ходить с Кловом на пляж, на море, в кино...

Да, все это так, но трудно объяснить — здесь, на дороге, Клов совсем иной. Сосредоточенный, хладнокровный. В нем столько силы чувствует-ся... И — Мишка был в этом уверен — все это он приобрел здесь. И он тоже хочет стать таким. А кроме того, он это только сейчас осознал с такой отчетливостью, его манила трасса, эта темная полоса, убегаящая вдаль и сужающаяся к горизонту. А какая природа за городом! Если бы не МАКи, Мишка взял бы у Клова велосипед, посадил бы на него Машку, и поехали бы они на Лесную или на "Восьмерку". Места какие замечательные...

— Не зевай, — раздался строгий окрик Клова.

Он оглянулся, еще не успев ничего увидеть, услышал характерный нарастающий гул приближающегося МАКа.

— Веером пойдем! — крикнул Клов.

Мишка кивнул. Подпустив МАК поближе, они резко ушли в разные стороны. Грузовик успел лишь дернуться в Мишкину сторону, но слишком поздно. Через минуту белая громада грузовика скрылась за поворотом.

— Тут поосторожней надо, — сказал Клов, когда они приблизились к повороту. — Случалось, МАКи разворачивались за поворотом и ждали. Ты слушаешь — все тихо. А потом он прямо тебе навстречу вылетает.

Они замедлили ход и метров за пятьдесят до поворота съехали с трассы и проехали поворот обочиной.

— Нет, все тихо, — успокоился Клов. — Вон за той рощей, — он вытянул правую руку вперед, указывая на узкую зеленую полосу, дотягивающуюся до самой дороги, — мы раньше сходку делали. Отличное место.

— А чего теперь на "Восьмерке"?

— А многие в новом Южном районе живут, так им получается шесть-десять километров пилить...

Услышав рев двигателя, оба одновременно вскинули головы. Из-за рощи, до которой оставалось каких-нибудь сорок метров, стремительно вылетел обогнавший их белый МАК и ринулся прямо на них. Мишка резко свернул вправо на обочину, успев заметить краем глаза, что Клов пошел за ним. МАК, не выезжая на трассу, шел наперерез.

Он проскочил в каком-то метре от трясущейся на ухабах, пышущей жаром машины. И через секунду услышал хруст и крик.

МАК давно уехал, а Мишка не мог заставить себя подойти к лежащему на траве Клову.

— А может, жив? — в который раз приходила в голову настойчивая мысль.

Но он знал, что это не так. Грузовик практически передувил тело пополам, оставив месиво из крови, костей и одежды. От живота ничего не осталось, чего не скажешь о лице. Не тронутое ни единой царапиной и даже гримасой (он что, и боли не успел почувствовать?), оно хранило спокойное, сосредоточенное выражение.

— Не люблю, когда мне приказывают, что мне делать, а что нет, — вспомнил Мишка их недавний разговор.

Вдали послышался вой сирены.

Глава VI

Дома был жуткий скандал. "Верного" заперли в кладовке и пообещали в следующее воскресенье продать. Мать больше плакала, отец молчал. Когда она выдохлась, он забрал Мишку к нему в комнату. Здесь он вытащил из кармана старую, выцветшую до желтизны газету и молча протянул сыну. На последней странице он нашел: "Ежегодный марафонский заезд велосипедистов". Фамилии участников: Волчин, Сабич... Векшин — отец. В шлеме и не узнать. Мишка вопросительно посмотрел на отца. Тот отвел глаза и стал рассказывать, что раньше велосипеды были почти у всех. Предлагали даже отменить транспорт, кроме дальних рейсов, и ездить на них. Но ничего не получилось, неважно почему, и сейчас... Он не объяснил что сейчас, а замолчал надолго, опустив низко голову. А когда поднял, в глазах стояли слезы.

— Ты хоть представляешь, что бы с нами было, если бы ты оказался под колесами?!

Мишка всхлипнул (вот где его прорвало) и уткнулся в отцовское плечо...

Через два дня он пошел в школу. Там его ждал очередной сюрприз. На первом уроке старая Зоя Петровна взяла его за руку и вывела на середину класса.

— Посмотрите, — громко начала она, — перед вами веллер!

Слово "веллер" было произнесено таким зловещим тоном, что Мишка сам содрогнулся. И началось... Выступали Зоя Петровна, Демина, Зина и Лора. Как это он не замечал раньше, что Демина и Зина на Зою работают? Она, наверное, и речь им написала: "Позор школы, предал коллектив, подумал бы о родителях". Правда, про Лору этого не скажешь. Человек искренне верит, что искореняет зло. Собственно, три месяца назад он думал точно как она. Взгляды у всех уничтожающие. Кроме Маши. Тем и вытерпел: посмотрит на нее — "Держись, Мишка", говорит Машкин взгляд, — и сразу силы появляются. Через час все закончилось. Мишка был осужден. Правда, его обещание "исправиться" было благосклонно принято, но дали испытательный срок два месяца. Под Машкино наблюдение. Интересно, как это она устроила?

Уроков в тот день не было, только расписание дали и отпустили. Усталый и потерянный шел Мишка домой, даже ноги сил поднять не было. На душе очень гадко было. Ведь неправда все от начала до конца. И что Клюв поскользнулся, и что водитель не успел отвернуть... Его размышления прервала Машка — она на углу ждала.

— Тяжело?

— Угу, — кивнул Мишка и неожиданно для самого себя предложил: — Пошли на поле?

Здесь они и легли на зеленой, еще не выгоревшей траве.

— Ты знаешь, что такое отчаяние? — спросил Мишка.

Она привстала на локтях:

— Знаю, Миша. Я ведь с шестого класса люблю тебя, как ты к нам перешел.

Мишка повернул голову — ну и лицо у нее, аж страшно!

— Как сейчас помню, стоим мы со Светкой на перемене, а она мне все уши о Славке прожужжала, как же — первый красавец! Ну, а я ей полуискренно, наполовину чтобы досадить, говорю: "Да ладно, Славик красивый, конечно, но очень себя любит. Мишка, например, гораздо его лучше". Она в ответ: "Ну, Мишка же некрасивый". А я смотрю на тебя, ты как раз у окна стоял, с Генкой разговаривал и улыбался. И такое у тебя счастливое в тот момент лицо было, что я как будто в первый раз тебя увидела. И все ждала — когда же ты заметишь. А ты... Ты маленький еще был. Ну вот, теперь, кажется, дождалась.

Теперь Мишка вспомнил много, точнее, переосмыслил. И как он дол-

жен был играть Ромео, а она Джульетту, и когда он заболел, Машка отказалась играть. И мимолетные взгляды, ожидающие от него чего-то. Да, он не понимал.

Выговорившись, они стали играть в "терпелку". Машка вслух читала "Экзаменатор по физике", а Мишка щекотал ее травинкой. Ей должно было быть очень щекотно, но по ровному спокойному голосу этого никак нельзя было определить. Она бы, наверное, выиграла, но он сжульничал, прикоснувшись губами к розовому из-под облезающей кожи уху...

— У тебя есть двадцать рублей? — спросил Мишка, когда они шли домой.

— Да, а зачем тебе?

— Не хочу велосипед продавать, а родители просят показать деньги.

— Ты что, собираешься ездить? — Машка не на шутку испугалась.

— Да.

— Миша, а если тебя, как Костю? Я понимаю — это случайность, что он поскользнулся, а вдруг?

Мишка потер нос и рассказал, как грузовик притаился в роще, подпустил их и настиг на обочине. Она слушала, открыв рот, с расширившимися от удивления глазами.

— Но почему? — только и смогла спросить девушка, когда он закончил.

— Не знаю, — опять вздохнул Мишка, — какая-то жестокая борьба идет между нами и машинами, но причин я не знаю.

— Ну а что со мной будет, если тебя?..

— Ну, Шура...

— Мне наплевать на Шуру, я о себе думаю!

— Я буду, осторожен, — он примиряющее погладил мягкие волосы, — очень.

Через месяц, в воскресенье, Мишка вышел из дома и направился к Машкиному дому. Она ждала у подъезда. Для всех они направились гулять, а на деле — они расстались у гаража Клюва. Он сел на "Верного", привычно чмокнул Машку в щеку и покатил на трассу. А она пошла в библиотеку — подругам не доверяла. Возле детского сада он встретил Шуру, с каким-то долговязым парнем. Она отвернулась, сделала вид, что не заметила. Зря, Мишка видел их не первый раз и уже привык. Проезжая бочку с квасом, заметил парня на велосипеде и не сразу вспомнил, где его видел. Уже метров через сто хлопнул себя по лбу и остановился: это же Димка, он переехал с родителями недели две назад в квартиру Клюва. Ни когда бы не подумал, что у него есть велосипед. Мишка развернулся и по-

ехал обратно. Димка уже ехал по направлению к дому. Мишка обогнал его и резко затормозил — молодец, реакция есть, успел затормозить.

— Куда едешь?

Димка помедлил, видно пытался понять, к чему это остановка и вопросы.

— Домой, — наконец ответил он.

— А чего не в парк?

— Скучно там.

— Ясно. А во дворе?

— Никого не было. Может, сейчас вышли.

— Ясно.

Мишка испытующе посмотрел на парня.

— А хочешь на трассу?

— Хочу.

Твердо сказал и паузу сделал, значит, знает, о чем речь идет, говорили им в школе.

— Ну, поехали, — Мишка улыбнулся. — Сначала твой драндулет приведем в чувство.

— Это не драндулет, — твердо сказал Димка.

Серьезный парень!

— Ну, извини, — примиряюще сказал Мишка.

Через час на Ивановской улице Мишка еще раз внимательно посмотрел на новоявленного ученика:

— Ты пойдешь первым. Дорога сначала будет узкой, потом расширяться будет. Посмотришь вверх — увидишь светофор...

Из статьи А. Мухина "Несколько страниц истории"

Когда в 2089 г. разразился "Экологический скандал", казалось, что партии "Зеленых" и "Медиков" смогут сыграть значительную роль в его решении. Им удалось представить серьезную программу, одними из основных пунктов которой были — частичный запрет всех видов деятельности, связанных со сжиганием топлива, и постепенный переход на экологически чистые виды механизмов. Их программу поддерживало значительное число ученых. Но Нефтегазовым компаниям после объединения в "Единый Концерн" удалось завоевать большинство во время Второго Всемирного голосования, хотя им пришлось пойти на крупные уступки, как, например, запрет частных машин. Когда большинство проголосовало за умеренную

программу, вряд ли кто догадывался, насколько широкие полномочия она дала "Единому Концерну". Результатом стала диктатура, длившаяся сорок девять лет. За эти годы от партий "Зеленых" и "Медиков" осталась лишь формальная видимость оппозиции. Программа перехода на экологически чистые виды производства была замедлена настолько, что, по подсчетам специалистов, должна была завершиться через сто двадцать лет! (К тому времени обещали истощиться природные ресурсы газа). Об искажении истории, чудовищной школьной программе и Службе бдительности писали слишком много, чтобы сейчас останавливаться подробно.

В этих условиях вакуума правды реальной единственной силой, противопоставившей себя Деспотии "Концерна", стали движения Молодых ученых и Веллеров. Никак не связанные между собой внешними связями, они не были похожи и внутренне. Движение "Молодые ученые" было организовано в 2095 г. Самуэлем Керро. Члены организации прекрасно понимали обстановку, сложившуюся в мире, выработали способы противостояния и конечную цель. Основным недостатком ее была оторванность от масс. Девяносто девять процентов населения просто не знало об их существовании.

Движение Веллеров, напротив, было изначально стихийным и таким осталось. Никто не знает, когда оно было основано и кем. Конкретных целей и задач не было. Но именно оно сумело стать той кузницей, которая выковала оппозицию существующему порядку. О "Веллерах" знали все. Каждый двадцатый мальчишка возраста до шестнадцати лет был веллером. Их, и именно их, справедливо боялся "Концерн". Чего стоит, например тот факт, что секретным предписанием всем водителям было поставлено в обязанность "сбивать хулиганов, заполнивших дороги...". А то, что из семидесяти членов группы "Противостояние" шестьдесят один человек в прошлом был веллером!

Будем откровенны, движение Веллеров вело настоящую войну. Приведу цифры ужасающей статистики: с 2089 по 2138 гг. погибло двадцать семь тысяч ребят, средний возраст которых — четырнадцать лет...

Пойте, пташечки!

— Мусечка, солнышко, шо вы ничего не едите? Ну, возьмите салатик с крабами?.. Вы поглядите, какой салатик!.. Тогда язычка под сметанкой с хреном? Язычок сам в ротик так и мечтает... Самую малость! А холодец? Свеженький... из девственной курочки с медовой морковочкой и клю-ю-юковкой для кислинки... Шо, совсем ничего? М-м-м... Может, паштетику?.. Для мово удовольствия!.. Легкий, как туманчик, и нежный, как мороженое... Мороженого?.. Как скажете, моя прелесть! Сейчас похлопочу-похлопочу... и мороженого моей Мусечке принесу-принесу-у-у...

Тонкие пружинки завитых волосков подрагивают на большой голове Антонины Евлампьевны. Она прытко семенит на кухню. Хлопает дверь холодильника, ложка со звоном падает на пол... И вновь сиплое дыхание хозяйки и улыбка меж дряблых щек, когда, придерживая ногой дверь, она поворачивается с подносом в руках к госте.

— А мы для Мусеньки так старались, так старались... так ручками работали... ножками стояли и ножиком тук-тук-тук... тук-тук-тук... А вы даже не попробовали! Обижаете! Ну, да неволить не стану... Вот вам, моя ненаглядная, мороженое с миндалечком, а сверху сиропчик малиновый и хрустик итальянский... Ешьте, моя хорошая! Ешьте, моя светлая, и рассказывайте, как живете-поживаете... Шо Пал Прокопыч? На работе днями и ночами? Ай-яй-яй! Не бережет себя совсем!.. Шобы я догадалась? Ну-у, уж не знаю, Мусенька. Раз позвонили — значит неспроста... Может, соскучились?.. Ах, лифики пошить! Об чем речь! С превеликим удовольствием! Один, два? Два! Из чего желаете?.. Само собой! Фасончик прежний?.. Шо вы?.. Какие дела? Все отложу, а для Мусечки Петровны выложусь поперек всех сроков! О деньгах не смейте даже думать!.. Будет вам меня благодарить... Чай, не чужие! Покойный мой Сан Саныч бывало говорил: "Мусенька нам вторая дочка!". Да-а-а... Царствие ему небесное... Я?.. Да шо я?.. Наше житье-бытье обычное... То о Зинке беспокоюсь, то о внуке... Витек вот купил новую вольву, так проблема с гаражиком! Сунул за разрешением в мэрию, а ему: "запрещено постановлением". Вы же знаете, зятек мой мужик обстоятельный... Ну, пошел к одному, к другому... Так не поверите... Слушать не хотят... Напуганы вусмерть после Демова... Как же не переживать? Витек по ночам не спит. Все машину выглядывает через окно. Давление у него подскочило... Вы поможете?.. Через Пал Прокопыча? Вроде неловко... по такому пустяку губернатору голову

морочить... Ой, как вы здорово придумали, Мусечка! Я вам так благодарна... А Витек на седьмом небе будет... Он сегодня же позвонит вам... Мерочку снимем сразу или подождем? Чудненько! Сейчас только сантиметрик прихвачу... А чайку с торгом? Совсем забыла! Сама пекла... с абрикосовым джемом... Тогда я вам домой заверну!.. Витек? Ну, а где ж ему быть? Так и сидит в магазине... Да, приватизировал... Спасибо! В отпуск с Зинкой собирается... Говорит, замаялся... Вроде в Швецию... Потревожу ручечку... Так... Сначала мерочку спереди... Ага... Тесемочку такой же ширины? А хотите, кружавчики по оборочке пустим, как в журнальцах? Уже договорились! Здесь чуток добавим, шоб посвободнее... Не знаете, как начать шо? Неудобно? Мусечка Петровна, мы же свои люди! Все, шо нужно... Витек для вас с дорогой душой... Как?.. Унитазы с подогревом? Это ж где такое чудо делают? Япо-о-онские!.. Хм... Ну, раз есть — значит будут! Он вам такие унитазики достанет — объедение! Об чем речь? Это он должен благодарить вас за гаражик! Голубого цвета... три штуки... Понято! На скольких крючочках делаем? Так и запишем... А, может, на пуговках? Значит, крючочки... Чудненько! Высоту такую же? А вырез сделать покруче... Я вам под левую вместо паралону воздушную прокладку... Из Сингапуру... Да уж! Мы лапотные тоже в ногу со временем... Время?.. Так щас только коло двух... Уже должны бежать? А я, старая, мечтала, шо мы с вами посидим-побалакаем... Как когда-то... вы еще студенточкой... помните, мы на веранде любили посудачить втроем с Сан Санычем?.. И после, когда уже съехали от нас... Да-а... двадцать четыре годка пробежало... В то же лето, шо вы за Пал Прокопыча, и Зинка моя за Витька... Витальке уже двадцать три! Как же! Конечно, помню! Я еще нагадала, шо выйдете за партийного короля! Смеетесь! Тогда Пал Прокопыч в райкоме начинал, но я по картам все видала... А хотите, погадаю, как раньше? Так присядьте... Успеется... Шо вы все бежать? Садитесь-садитесь... Сейчас пораскину и всю правду... А не боитесь?.. То-то! Ну-ка снимите... еще разок... Та-ак... Шо же они тут нам?.. Хм-хм-хм... Вижу печаль на сердце и хлопоты... Неприятности в доме... Имен не видать... Карты не называют... Похоже, Анжелочка замуж собирается?.. И вам предстоят перемены!.. Ха! Король, Мусечка! Новый король вам выпадает!.. Никак есть у вас кто? Нету! Карты не врут... Стало быть, еще не время... Как это, "не может быть"? Очень даже может... Глядите, вот десятка треф, а за нею ложится валет бубновый, а за валетом падает шестерка пик, потом идут дама и король... Только он не вашей масти, Мусечка!.. Чернявый! Про короля?.. Это мы можем... Король свободный... самостоятельный... со средствами...

интерес до вас имеет особый... Зря смеетесь... По картам вы сходитесь... Пал Прокопыч?... Па-ал Про-ко-пыч... Шо-то не пойму... Дамочка червей под него копает... Казенный дом ему светит... Нет, не сойдутся... Шо вы расплакались, Мусечка? Уже знаете про нее? Ой, Боже мой! Буфетчица!.. Святые крестители!.. Ну, а вы?.. Не станете вмешиваться?.. Не пойму я вас, Мусенька Петровна... Вам шо, все равно, с кем муж?.. Ждет ребенка от Пал Прокопыча?.. О-хо-хо!.. И шантажирует?.. Кого, его или вас?.. Вот стерва! Ах, Мусенька, мне вас так жаль! Плачьте, моя сладкая, плачьте... Слезы облегчат... Квартиру ей с паркетом?.. Так унитазики для нее?.. Для вас?.. Как, новый дом строите? А я ничего не знала... А старый Анжелочке?.. Почему отберут?.. Описали?.. Господи! Вот беда! Вам развод на прошлой неделе?.. Силы небесные! Под следствием?.. Ну и шо, шо ракеты? Кому продавали? А, этим... И всех полковников?.. Да уж... Не повезло... Кто ж их так подставил? Вице?.. От сморчок!.. Не приведи Господь! От чудовище!.. Шо за люди на свете живут? Ни себе, ни другим!.. Чисто паскуда! Хочет в Пал Прокопыча кресло?.. Ничего-ничего... Найдется и для него лужа утопнуть! Шо ж он, неживой? А раз живой, стало быть, грешит! Кому надо — наскребуть!.. Я от думаю, при нынешних-то делах Пал Прокопычу не до гаражика будет... Как так, без него обойдетесь?.. Сами на его бланке?.. Ну, Мусенька Петровна, вы даете!.. Ну, даете... Огонь-баба! Мы за это по рюмочке голландского ликерчику... Забыла, как называется... Байля или Буйля... на "б", одним словом... Ха-ха... За ваш домик, Мусенька!.. Виталька? А шо Виталька? Красавчик вымахал! От девок отбою нет... Не-е... со шпаной покончил... Он, можно сказать, без пяти минут доктор... Витек его через своих пристроит в глазной центр... Как диплом получит, так сразу на хирурга станет... Анжелочку познакомить?.. Чего ж? Токо обставить надо понатуральней. Шибко он фасонистый... А у Анжелочки никого нет? С кем встречается?.. С армяшкой?.. Вы серьезно?.. Шо, других нет? Хоть из деловой семьи?.. Сирота?.. Надо же, девку так окрутил! Кем будет?.. Актеришкой?.. Так это ж курам на смех! Шо ж ему светит в этой жизни? Вы хоть ей объясните!.. Ну и шо, шо умный мальчик? Побойтесь Бога, Мусечка! Ничего... ничего... Для такой хорошей девочки мы шо-нибудь обязательно придумаем... Уже бежите? А-а-а... Обои забрать?.. Испанские?.. Тогда понимаю... Непременно, моя хорошая, как приготовлю, сразу и позвоню... А тортик я все равно заверну... Только на кухню сбегаяю... Один моментик...

— Ну, вот, моя драгоценная, держите за ушки... Теперь давайте-ка я вас обниму. Носик не вешайте! Увидите — все обойдется! Не впервой пу-

ганы... И по картам вам выходит удача... От вы и улыгнулись, родная моя... Будьте здоровы! А унитазики за нами не заржавеют... Хе-хе...

Антонина Евлампьевна затворила за гостьей входную дверь, подошла к большому зеркалу, похлопала ладонями по провисшим щекам, мизинцем обтерла уголки рта. Уже в гостиной закурила тонкую коричневую сигарету. После нескольких затяжек подхватила телефон и села в кресло рядом с клеткой. Канарейки заволновались, застрекотали и разом метнулись на другую сторону.

— Витек, ты, шо ли? Муська только отчалила... Ты был прав... Развелись-таки... Ну да, шоб барахло сберечь... Гараж тебе будет! Погоди целовать!.. Ты лучше Зинку целуй, а то она плачется, шо второй месяц до нее не дотрагиваешься... Смотри у меня... Если с кем завел... Плевать, шо не телефонный... Да... А как же?.. Три унитаза... с подогревом... Голубого... Японские... Не знаю, где!.. В Токию езжай!.. Шо ты меня досташь?.. Спроси Прокофьева... Он, говняк, со мной до сих пор не рассчитался за свою кралю... Грачеву позвони! Ему многие должны... Где-то же Муська их видела... Когда заскочишь? После сауны?.. Небось, подпитый будешь? Ладно. Жду... Да... шоб не обедал... Черт, уже повесил!

— О-хо-хо! Шо же вы, мои пташечки, приуныли?.. Дыму Тонька на вас напустила! Ай-ай-ай!.. А может, наслушались чего смрадного?.. Так не берите в свои птичьи головы... не берите... для вашего же благу... Пойте, мои сладкие! Ишь, пригорюнились! Никак, Муську жалко? Так она из нержавеющей стали! Не пропадет! Я вот сейчас вам сахарку дам и балкончик открою для свежего воздуха... Тонька вас лю-юбит... лю-юбит... золотые вы мои... Не унывайте, пташечки-канареечки! Все у нас будет хорошо! Ну, пойте же!

Лос-Анджелес

Скоро я притопаю в Одессу...

Судно тяжело качало. Сашка спал, лежа на животе. От качки тело его двигалось из стороны в сторону. Упираясь ногами и локтями в переборку и в коечное заграждение, старался во сне удержаться от изматывающего ерзанья и не упасть с кровати.

Хлопнула дверь, вошел вахтенный.

— Саша! Три часа! — и потряс за плечо.

— Угу, — промычал Сашка.

Вахтенный ушел. Открывать глаза не хотелось. Но надо было вставать, умываться, завтракать и идти к четырем на вахту. Рывком поднялся. Каюта куда-то падала. Тело становилось легким, казалось, еще немного — и взлетит. Схватился за умывальник, глянул в зеркало. На него смотрела усталое лицо с трехдневной щетиной. Провел рукой по подбородку.

— Ладно, побреемся после шторма, — сказал в зеркало.

Старательно почистил зубы, умылся. Привычно балансируя на уходящей палубе, оделся. Вышел в коридор. Хватаясь за поручень, пошел в столовую. Бортики столов были подняты. На мокрой скатерти (чтобы не скользила посуда) стоял обычный завтрак: чай, хлеб с маслом и сыром, героически приготовленная дежурная каша. Обычный судовой завтрак в любую погоду. Мастерство морского повара заключается в том, чтобы еда была нормальной всегда, невзирая на шторм.

Покончив с завтраком, направился на мостик. Ровно в три пятьдесят пять спросил разрешения и вошел в рубку. Шторм штормом, а на вахту нужно выходить вовремя.

Была ранняя весна. Дул обычный в это время года восьмibalльный зюйд-ост. В ясном небе ярко светило солнце, отражаясь в каждой капле. Зеленовато-белесые гребни волн, покрытые сеткой пены, пронизанные солнечными лучами, казались прозрачными.

С полным грузом судно накрывала почти каждая волна, высоко вздымаясь по сторонам форштевня. Гребень ее с шумом прокатывался по грузовой палубе, клокача и завихряясь у расширителей. Ветер подхватывал густые, тяжелые брызги и с силой бросал их в надстройку, в стекла рубки, на какое-то мгновение закрывая обзор. Создавалось впечатление, что судно идет под водой. Взбираясь на очередную волну, корпус скрипел и дрожал от напряжения. В груди в такт качке что-то сжималось и отпускало.

Сашка внимательно осмотрел горизонт. Спросил "добро на руль". По-

дошел к рулевому. Тот назвал курс, Сашка повторил его и взял штурвал. Шли на ручном управлении. На такой волне авторулевой не держал. Сверила магнитный с гирокомпасом. Приноровился к размаху катушки на волне и умелыми руками удерживал так, чтобы, взбираясь на волну или падая с нее, судно как можно меньше бросалось из стороны в сторону. Как говорят моряки, "меньше рыскало". Хороший рулевой должен чувствовать заранее, куда и когда кинется судно, чтобы успеть переложить руль и удержать судно. Для этого, кроме хорошей практики, надо иметь особые способности или, если хотите, талант. Матрос, обладающий этими качествами в большей степени, чем другие, назначается старшим рулевым. Он стоит на руле при проходе проливами, каналами, при заходе и выходе из порта и в других случаях, когда этого требует навигационная обстановка. В остальном он несет вахту, как все. Александр был старшим рулевым.

Освоившись с обстановкой, начал мечтать о том, что через три дня — Одесса, в которой не был три месяца. Радовала будущая свобода в городе, который стал для него родным, в котором можно расслабиться и чувствовать себя как дома. Родственников у Сашки в Одессе не было. Его никто не ждал. Родом он был из Анапы, там жила мать. Но все равно Одесса — родной порт. Дерibasовская, полная красивых женщин. Приветливые к морякам за щедрые чаевые официантки и буфетчицы. Проститутки, для которых моряки были лучшими клиентами. За короткую стоянку в порту амур разводить некогда. С женщинами "легкого поведения" всегда проще и честнее. А часы, проведенные вместе, были как бы игрой в настоящее. Одесса — город любви. Как пел Окуджава:

Кричат над городом сирены,
и птицы крыльями шуршат,
и припортовые царевны
к ребятам временным спешат...

От этих мыслей сладкая истома и жар желания растекались по телу. Сашка потянулся, как мартовский кот, до хруста в костях: "Скоро, скоро все будет моим". И в первую очередь конец судовой жратве. Теперь уже недолго. Ресторан с вкусной едой и выпивкой, женщина рядом. "Хоть ненадолго, но моя". Он потихоньку замурлыкал:

Скоро я притопаю в Одессу,
Обниму я там свою принцессу...

Босфор встретил хорошей весенней погодой. Сашка с удовольствием отстоял на руле пролив. Вышли в родное Черное море. На судне царил предпраздничная суета. Погода была вполне приличной. Ветер уже был родным. Судно, слегка покачиваясь, вздрагивало от высоких оборотов двигателя, спешило в родной порт. Механики крутили вовсю. Капитан хотел прийти с рассветом.

Восток начал светлеть. В туманной дымке ожидаемого берега вдруг белым огнем блеснул Одесский маяк на мысе Большой Фонтан. После поворота показался красный свет Воронцовского. Капитан говорил с портом по радиотелефону. Нам обещали сходу лоцмана и причал.

Подожли к рейду. Брызнули первые лучи солнца. Из ворот порта показался лоцманский катер и направился к нам. Мы шли навстречу "самым малым". Матросы спустили лоцманский трап. Катер поравнялся, затем круто повернул и полным ходом пошел к борту. Лоцман стоял на палубе, держась за поручень. Катер уже шел параллельно судну, медленно приближаясь к борту, к тому месту, где висел трап. Коснулся борта. Лоцман ухватился за трап и стал взбираться. Как только он показался над палубой, третий помощник помог ему подняться и повел на мостик. Распахнув дверь рубки, пропустил лоцмана, вошел следом и, указывая рукой, сказал: "Наш капитан". Лоцман подошел и поздоровался. Они перекинулись несколькими словами, характеризующими судно. Затем капитан громко сказал: "Слушать команды лоцмана!" — и уступил место у центрального окна. Лоцман скомандовал: "Малый вперед!" — и, указав Сашке дом на берегу, на который надо держать, сам начал вести переговоры по УКВ с буксирами и постом. После переговоров сказал капитану номер причала и названия буксиров. Судно легло на створы и входило в канал. Обстановка на мостике была напряженной. Тишина нарушалась командами лоцмана на руль и буксирам по УКВ. Лицо капитана было сосредоточенным. Еще немного — и он может доложить, что рейс прошел благополучно. Вот судно, подхваченное буксирами, втягивается в ворота нефтегавани. Напряжение на мостике достигает предела. И вдруг капитан начинает рассказывать лоцману какую-то ерунду, которая была в рейсе. Это сработала защитная реакция организма. Нервное напряжение достигло предела. Лоцман в такт разговора кивал головой, одновременно глаза его сосредоточенно мерили расстояние до брекватера, до причала, он следил, как вписывается судно в поворот. А в промежутках между командами автоматически повторял нараспев: "Так, отлично, хорошо, хорошо". Этим он ста-

рался снять напряжение с капитана. Швартовка прошла спокойно. Концы закреплены, поставлен трап, буксиры свободны. Лоцман повернулся к капитану, широко улыбнулся и протянул руку.

— С благополучным окончанием рейса, капитан!

Тот пожал руку и вручил лоцману сверток, в котором была бутылка виски — традиционный презент для лоцмана во всем мире. Третий помощник проводил лоцмана к трапу. Все ушли с мостика.

Сашка выключил рулевую, замкнул мостик, спустился к трапу. Вахта еще продолжалась. На борт поднялись пограничники и таможня. Через несколько минут по трансляции раздалось: "Судно к досмотру изготовить!". Досматривали нас около трех часов. В иностранных портах эта процедура занимает не более двадцати-тридцати минут. Все закончилось благополучно. Пришли шланговщики. Присоединили шланги. Началась выгрузка — слив груза. Главное — не допустить его разлива. День клонился к вечеру. Боцман расписал вахты. Сашка попал в рабочую бригаду на обеспечение выгрузки. Ужинать не стал. Мотнулся в душ, переоделся. Брюки хаки, голубая сингапурская репсовая рубашка, легкая светлая куртка, на ногах сингапурские же сандалеты и яркие нейлоновые носки. Друг его, Миша-токарь, одет был приблизительно так же. В общем, все моряки практически одевались одинаково.

Зарплату за рейс получили у третьего помощника. Положили в карманы по паре пачек американских сигарет. Прихватив небольшой сверток, в котором было несколько пар носков и косянок, купленных за границей, сошли на берег. Солнце клонилось к закату. Вышли из проходной. Воздух был пропитан запахом цветущей акации. Остановились, закурили, жадно затянулись, медленно выпуская дым, увидели, как таксист машет рукой. Сели в машину. С любопытством разглядывая изменения, происшедшие в городе после последнего захода, покатали в центр. Центр в Одессе совершенно конкретный: это угол Дерибасовской и Екатерининской, а точнее — у кафе "Алые паруса". Они вышли из машины на Гаванной у ресторана "Волна". В ресторан было рано. Нужно все-таки выйти на центральный угол. Весь рейс мечтали об этом. И вот они здесь. Цель достигнута. Охватила даже некоторая растерянность.

Пришли, остановились, закурили, распространяя приятный запах американских сигарет. Их тропический загар и этот запах как бы говорили — мы только из рейса. Начали подходить знакомые моряки. Несколько раз зашли в кафе "Минутка". У стойки выпили по рюмке коньяка и по чашке кофе. Оживленный разговор о товарищах, пароходах, женщинах.

Начало темнеть. Зажглись фонари, осветились витрины. Народу стало больше. Появились гуляющие. Много красивых женщин. Друзья, уже слегка поддатые, жаждали приключений. Моряки считали, что на берегу надо все начинать с ресторана: там музыка, танцы, водка, придающая решительность, и женщины, которых можно пригласить. Вернулись к популярному среди моряков ресторану "Волна". У входа толпились желающие попасть сюда. Моряков пропустили без разговоров. Одесситы уважали их и пропускали без очереди в кино, ресторан, магазин. Вошли. Зал был полон. Громко играл оркестр. За столами шумно разговаривали, перекрикивали музыку.

На пятачке около эстрады в сизом табачном дыму танцевали пары. Подошла толстая официантка неопределенного возраста:

— Мальчики! Идемте, я вас посажу!

Протискиваясь между сидящими, она подвела к столику у танцевального круга, за которым уже сидели два парня.

— Что будем заказывать?

— Бутылку водки, "Куяльник" и закуску какую-нибудь.

— На горячее бризоль? — спросила она.

— Да!

— А что у вас есть?

Она имела в виду товар на продажу.

— Давайте, покажу девочкам.

Они отдали сверток. Через пятнадцать минут принесла водку и закуску. Назвала сумму за товар. Цена была в два раза ниже, но они согласились. Официантка знала, что они согласятся. Деньги она даст, когда будут уходить, за минусом счета. Это обычный вариант.

Моряки опрокинули по рюмке, налили по второй. По телу разлилась приятная истома. Как говорят, — "захорошило". Настроение стало прекрасным. Начали рассматривать посетителей, в первую очередь женщин. Старались поймать взгляд тех, которые сидели за соседними столиками, и перемигнуться. С каждой рюмкой женщины становились все интересней и интересней. К некоторым подходили и приглашали танцевать. Некоторые шли, другие отказывали. Хмель и окружающая атмосфера все больше и больше туманили голову. Время подходило к одиннадцати. До закрытия оставался один час. Своих женщин у моряков все еще не было. Надо торопиться. Сашка пригласил танцевать девушку, сидевшую за соседним столом, которая, как показалось ему, смотрела на него приветливо. Он прильнул к ее щеке, рука с растопыренными пальцами опустилась

ниже талии, и горячим шепотом на ухо понес всякую чушь. Увлечшись монологом, не замечал ничего кругом. Вдруг его дернули за плечо. Он обернулся, крепкий удар пришелся прямо в левый глаз. Автоматически нанес ответный. Их было больше. Друзья отступали к выходу. Получив несколько хороших ударов, выскочили на улицу и рванули за угол, на Гаванную. В полутьме налетели на двух женщин.

— Мальчики! Вот здесь такси! — кричали они, держа моряков. Ринулись в машину. Женщины за ними. Хлопнули дверцы, таксист, понимая обстановку, рванул полным. Мозги от спиртного и нескольких ударов соображали плохо. Ехали минут пятнадцать. Голова потихоньку приходила в себя. Попутчицы что-то щебетали о том, как у них хорошо и уютно. Потом машина остановилась. Мишка и одна из женщин вышли. Проехали еще немного.

— Заплати шоферу. Мы приехали, — сказала она. Сашка рассчитался, вышли. Краина города. Темно, фонарей не видно. Они стояли перед каким-то баром.

— У тебя деньги есть? Нужно заплатить хозяйке.

Сашка нащупал в кармане несколько купюр, протянул ей. Она взяла его за руку и повела по длинному темному коридору. Наощупь открыла дверь. Вошли в комнату, чуть освещенную лунным светом, падающим сквозь тюлевую занавеску.

— Не будем зажигать свет? — попросила она.

Сашка промолчал. Она подошла к постели и в несколько движений расстелила ее. Он схватил ее сзади.

— погоди, сейчас, сейчас, — прошептала она. Повернулась к Сашке и стала снимать с него рубашку. Он быстро сорвал с себя одежду.

— Ложись, — и накрыла его одеялом.

Сама раздевалась не спеша, аккуратно складывая вещи. Желание сжигало его. Он схватил рукой за талию ее худую невысокую фигуру, едва различимую в темноте, и рывком перекинул через себя под стенку. Почувствовав женское тело, подмял под себя и начал творить такое, что может творить здоровый, сильный мужчина в расцвете сил, у которого три месяца не было женщины. Этой буре не было конца. Она тяжело дышала, иногда постанывала, но не от страсти, а от тяжелой физической работы. Он этого не замечал. Его ум был залит пеленой неудовлетворенной страсти. Перерывов не было. Не пускал ее даже умыться. Алкоголь затягивал время. Сашка тискал и заламывал ее сильными руками, как тряпичную куклу, и наваливался тяжелым мускулистым телом. У нее уже не было сил.

Заснул за полночь, сразу и глубоко.

Проснулся на рассвете, как на вахту. Голова раскалывалась. Мышцы ныли, как будто разгрузил вагон угля. Во рту сухо и неприятно. Окинул взглядом комнату. У двери стояло ведро, накрытое фанеркой, с кружкой на ней. Жадно напился. Поставил кружку. Огляделся повнимательней. Комната была очень бедная. На вешалке висело несколько детских вещей. На столе у окна — школьные учебники. В постели глубоким усталым сном спала пожилая женщина с худым изможденным лицом, положив под щеку натруженную руку с вздувшимися венами. Волосы, окрашенные в белый цвет, у корней были с сильной проседью. Грудь, видневшаяся из-под одеяла, была пустой, обвисшей, с впалыми сморщенными сосками.

Сашке вдруг стало стыдно. Захотелось скорее уйти. Он торопливо оделся, пошарил по карманам. Мореходка на месте. Достал несколько мятых купюр. Оставил на такси, остальное бросил на стол. Тихо вышел из комнаты и быстро пошел по коридору.

Такси поймал сразу. Видавший виды таксист задержал взгляд на Сашкиной физиономии, покачал головой, дымя приклеенным в уголке рта окурком, спросил:

— В порт?

— На нефтегавань.

И тяжело опустился на сидение. Состояние было отвратительным. Хотелось распахнуть душу и плюнуть в нее. На трапе вахтенный взглянул на Сашку, уважительно сказал: "Ого!". Сашка быстро прошел в каюту и сразу к умывальнику. В зеркале отразилась отечная рожа с красными глазами. Левый наполовину закрывала солидная багровая опухоль. Губы, как после лихорадки, запеклись и потрескались. Отпрянул от зеркала и быстро стал раздеваться. Обернулся полотенцем, старательно почистил зубы и рысью в душ. Горячие струи воды успокаивали тело и душу. Залпом выпил полбутылки боржоми. Надел чистое рабочее и повалился на диван. О прошедшем вечере и ночи не хотелось вспоминать, но мысли упорно лезли в голову.

Сашка в разговорах слышал о таких проститутках. Это низшая ступень их касты. Такие уже не рискуют показываться при свете. Вряд ли кто на трезвую голову остановит взгляд на них. Они ловят в темноте пьяных моряков, которым уже все равно, лишь бы. Это у них, конечно, не от любви к "профессии", а от необходимости приработать к ничтожной зарплате, чтобы как-то кормить детей, помогать еще более бедным родителям. Как правило, это матери-одиночки. На жаргоне их зовут "дешевками".

Надо было идти завтракать. Надел темные очки и вышел из каюты. В коридоре столкнулся с боцманом.

— Здравствуйте, Михалыч! — поздоровался Сашка.

— Стой, стой, стой! А ну сними очки!

Сашка снял.

— Дааа! — пропел боцман. — Что? Плохо тебе. А ну, иди за мной, — и повел к себе в каюту. За столом сидела кругленькая симпатичная боцманша. Стол уставлен различными одесскими яствами. Сашка поздоровался. Боцман налил полстакана водки, наколол соленый огурчик и все это протянул Сашке.

— Давай! Поправь голову.

Сашка помялся из вежливости и с трудом выпил.

— А теперь иди завтракай.

В столовой ребята, понимая, в чем дело, подначивали. Просили снять очки и добродушно смеялись. После завтрака, на разводе, боцман, глянув на Сашку, сказал:

— На берег тебе уже незачем. Ты свое "удовольствие" получил. Сменишь на вахте Петренко, пусть сходит на берег и тоже получит свое "удовольствие".

Кивнул на Сашкин подбитый глаз и направился в подшкиперскую.

Пасмурное утро. Накапывает теплый весенний дождь. Выгрузка закончена. Жены уходят. Несут сонных детей, тащат сумки с покупками, сделанными мужьями за границей. Они их продадут, и на эти деньги будет жить семья, будут помогать близким, и так до следующего раза. Прибыли таможенники с пограничниками. Два часа трусили и обшаривали судно от киля до клотика. Слава Богу! Ничего не нашли. Пришел лоцман — ушла комиссия. Аврал. Экипаж разошелся по местам. Буксиры медленно отводят судно от причала. Продолжает моросить дождь. На берегу жены, дети, родители прощально машут. Развернули на выход, отдали буксиры. Звякнул телеграф, заработала машина, задрожала палуба под ногами. Старший рулевой держит на выход между буями канала. Видимость ограничена. Вот Воронцовский. Тревожно гудит сирена. Катер снял лоцмана. Отбой аврала. Сашка передал руль и вышел на крыло. Перед тем как спуститься, долго смотрел на уходящий порт.

Машина набирала обороты, росла скорость. Судно потихоньку покачивала мертвая зыбь. За кормой стелился широкий пенистый след от чуть оголенного винта. Над ключьями пены с криком вились чайки, хватили мелкую рыбешку. Город таял в сетке дождя.

О художниках

Чистый холст, или Прощальное письмо

Она писала ему прощальное. Не нашла места лучше, чем аэропорт. Она его не искала, просто Ей страшно было лететь в никуда. Кончилась эра Ее семьи. Черные буковки на бумаге слились в слова. А после? А после фразы смыслом обросли:

"Чем кончилась эра нашей любви?

Чем не вопрос: от счастья отказаться или от себя?

А зачем себе отказывать, когда я сама безотказная. Здравствуй, счастье, скажу я ему, когда встретимся. Да нет, не ему, а счастью. Тебе это не понять, ты художник. Ты говоришь, что умеешь рисовать счастье. А еще ты умеешь рисовать "в никуда", "в нигде", "в незачем".

Глупо, грустно, грязно. Прав нет на самодеятельность. Но только с нее творчество и начинается.

Мне страшно лететь в никуда.

Кончилась эра нашей семьи...

Чем кончилась эра нашей семьи? Чистым холстом: ты еще не начал рисовать, а я уже все стерла. Я глупая, ты это утверждаешь. Я смелая, я это утверждаю. На грани между моей смелостью и моей глупостью родилось мое творчество. Я тоже художник. Ты знаешь, аэропорт похож на меня: люди здесь прилетают, улетают и ожидают одновременно. Знаешь, я умею быть одновременной.

Ах, Вам это не понятно. (Давай перейдем на "Вы"). Вам грустно от счастья несостоявшегося? Мне... и нет, и да — одновременно. Я уединяюсь и распространяюсь — одновременно. Кто-то весь в себе, я в себе на людях. Не мудрено быть мудреной, но я таковой не являюсь. Я простая и глупая, и далекая, и близкая, и легкая, и тяжелая, и веселая, и грустная, и пьяная, и трезвая, и резвая, и зажмуренная, и с Вами, и без Вас. И с собой, и без себя. Меня не жалеть надо и надо жалеть, потому что я — чистый холст.

Много! Да! Много! Даже для меня! Поэтому я улетаю... от Вас... и от себя. Прощай, любимый. Прощай, любимая".

Всех пригласили на посадку. Она положила блокнот в сумочку и слилась с толпой. Ее мужа всегда раздражало, что она умела сливаться с толпой. Он

был одиноличником и презирал тех людей, которые его не выделяют из толпы. Место ей досталось у окна. Самолет дрожал от нетерпения оторваться от земли. Она тоже дрожала от нетерпения дописать. Она писала прощальное:

"Любое прощание — это радость, это ожидание новой встречи. Это чистый холст для художника. Ты увидишь, через год я буду совсем другая. Потому что будет другой художник. Он нарисует мне счастье. А ты продолжай рисовать "в никуда", "в нигде", "в незачем". Я не злюсь, я предвижу. Я предвижу и немножечко злюсь. Я предвижу и злюсь на себя. Если б я смогла смириться с тем, что ты не простил мне мой успех. Если б я совсем смогла отказаться от успеха. "Каждый человек — это миф, который создает он сам". О тебе миф создавала я. Не бойсь, я найду в себе силы не развенчать тебя. Хотя ты... обыкновенный. Обыкновенный ремесленник. Особенно в постели. Прилежно учился. Технически грамотен, но... однообразен. Пусть бы мы даже с тобой никогда и не встретимся: оно и к лучшему. Если б ты узнал, куда я улетаю в своих фантазиях. Талант и фантазии — это, конечно, не одно и то же, но общего у них много. А твоих фантазий только и хватает на то, чтоб причмокивать каждый раз, когда ты рисуешь голых теток. А с недавних пор у тебя стали брюки вздуваться. Стареешь. На молодых потянуло. Так тебе и надо. Они все равно на тебя не позарятся. "Ню и ню! — хочется мне каждый раз сказать, когда я вижу твою новую картину. — Какая бездарность". Но зачем? Зачем так много "но" в нашей жизни? Наверное, потому что мы оба художники.

Я не писала картины двадцать лет. Я зарабатывала деньги, чтоб ты мог писать, что хочешь. И что у Вас получилось? (Давай перейдем на "Вы".) Получилось... сомнение на чистом холсте. Ваш чистый холст — это я, не забыли. Ах, ну что Вы, Вам об этом не доложили. Уже два года как не доложили. А я уже два года живу с музой. Вам перестало быть со мной интересно? Вы меня не понимаете? Ваша фигура, далекая от совершенства, не запечатлена на моих полотнах. Да, этого вы мне не простите никогда. И не надо. Я улетаю в никуда. Мне страшно и не страшно, ведь я одновременная, как аэропорт..."

Аэропорт был маленький и наспех отремонтированный. Это раздражало ее и таможенника, который распотрошил ее сумку, пытаясь найти в ней то, чего там никогда не было. С трудом, вернее, с таможенником, она закрыла эту сумку. Выйдя "на волю" она улыбнулась всем таксистам сразу, объявив, что их услуги не понадобятся, и бросилась на шею тому, кому писала свое прощальное письмо:

— Я так соскучилась, — поцеловала она его руку. — Ты знаешь, прода-лась всего одна твоя картина.

— Ничего, — снисходительно улыбнулся ей муж, ты еще поймешь, что продавать картины не самое главное. Кстати, откуда у тебя эта новая шуба?

— Я случайно продала свою картину тоже.

— Ты что, решилась выставить свою мазню? Почему ты не посовето-валась со мной? Я же с тобой всегда советуюсь.

— Прости, это случайность.

— Ты думаешь, я дурак? За одну картину такую шубу не купишь.

— Я случайно продала одну свою картину, а потом и все остальные. А ты их всегда только ругал, хотя другие хвалили.

— Просто ты себя окружила теми людьми, которые тебе поддакивают. Так вот, не дожدهшься, я всегда буду говорить тебе правду, несмотря на эту случайность с продажей картин.

— А я и не жду. Я просто очень тебя люблю, но больше не верю в твою исключительность.

Через полгода она отдала мужу свое прощальное... на прощанье. А он ей на прощанье сказал:

— Я тебя больше не понимаю. Не твое это дело марать бумагу.

Сказка о воробье

Друзья — это те, с кем запросто.

Встречи — это частности нашей жизни, требующие напряжения и перена-пряжения. Пусть встречи останутся безымянными, а с друзьями это сложно.

Я чувствую иногда душевный голод от недостатка простоты и от из-бытка напряжения, и тогда я иду к тем, с кем запросто. "Здравствуй!" — говорю я одному из них. И непременно эта встреча рождает сказку, на-пример, такую, как эта история о волшебных ракушках. А при чем здесь воробей? Самой интересно. Вот и попробую выяснить.

Когда-то "давным-давно" море было хитрым-хитрым, не то, что сейчас, и спрятало волшебные ракушки среди других обыкновенных ракушек на собачьем пляже. Ну и местечко нашло это море. А чего? Ну, кто их станет искать в грязном песке. Собаки, конечно, чего-то чувят, вот и роют ямки постоянно. А люди думают, что они просто так. А просто ничего даже у со-бак не бывает, разве что любовь к хозяину. Ну, да ладно, не в собаках дело,

а в волнах, которые любят посплетничать не меньше, чем люди. Вот я и бе-гаю к ним обсудить кое-чего и даже кое-кого. Пошепчемся, пошепчемся — и в разные стороны. Не дай Бог, заподозрят нас или подслушают, что еще хуже. У меня даже подружка появилась — маленькая волна, похожая на большую медузу. Привязалась ко мне, бегает за мной по всему побережью. Быстрая такая, игривая, красивая. Вот я и заказала ее портрет своему дру-гу, Володе Прохорову. Он деликатный такой, воспитанный, отказать не ре-шился. Однажды на берег пришел и стал у волн спрашивать:

— Хотите, я вас нарисую?

Волны стали набегать и отталкивать друг друга. Вы знаете, что волны, как и люди, считают себя очень красивыми и почти все свою красоту уве-ковечить хотят.

— Не суетитесь, — проворчал художник, — я нарисую самую малень-кую из вас, похожую на большую медузу.

Робко на берег выползла маленькая волна:

— Нарисуйте меня, нарисуйте, пожалуйста.

— Ой, какая Вы прозрачная, — улыбнулся художник. — Хорошо, голу-бушка, я нарисую Вас, только Вы, пожалуйста, не трогайте камешки и ра-кушки. Они так красиво лежат!

Пока художник рисовал, волна ему рассказывала морские сказки и были и даже, увидев набросок, от избытка чувств проговорила о вол-шебных ракушках.

Художник прищурил левый глаз:

— Скажите, голубушка, как может обыкновенный человек отличить волшебную ракушку от простой?

В ответ волна прошуршала:

— Это под силу только тому, кто видит мир таким, какой он есть.

— Да это абсолютно все!

— Ты ошибаешься, художник. Мир ломается в глазах людей, и они его видят таким, каким хотят его видеть.

— Тогда это никому не под силу?!

— А ты попробуй, — улыбнулась волна, отчего камешки покатались в разные стороны, а из-под них выпрыгнули ракушки. Художник выхватил одну из них и прошептал:

— Волшебная... Вот уж глазам не верю. Вот уж не может быть.

Волна расхохоталась, набрав при этом полный рот гальки, и утащила ее в море.

Художник стал собирать волшебные ракушки в майку, завязав ее с од-

ной стороны узлом. Он принес их домой и разложил на старой газете. Жена позвала его ужинать. Ракушки немного подсохли и стали подпрыгивать вверх, чтобы посмотреть, как художник нарисовал маленькую волну, похожую на большую медузу. Увидев, они тут же облепили картину со всех сторон. Некоторым из них захотелось искупаться, и они прыгнули в воду. Художник вернулся в мастерскую вместе с женой, чтобы показать ей портрет маленькой волны и волшебные ракушки.

— Голубушка, Вам эти ракушки к лицу, — сказал он, обращаясь к маленькой волне, потому что был очень, очень деликатный.

— Какая я счастливая, — сказала жена и почему-то побежала за соседкой.

— Какая я счастливая, — сказала соседка и почему-то посмотрела на художника.

— Я тоже счастлив, потому что могу показать людям мир таким, какой он есть, — улыбался художник.

В это время в комнату влетел воробей. Он метался между людьми и, наконец, сел на картину.

— Чири-чири-чирищур я счастливый! — прочирикал воробей и перепрыгнул с края картины на камень, что торчал из воды в правом верхнем углу, да так там и остался.

С того самого "давным-давно", когда все это и случилось, все люди, которым посчастливилось увидеть картину, стали говорить, что они счастливые. Но больше всего повезло мне, потому что картина висит у меня дома, и волшебные ракушки рассказывают мне сказки, а воробей иногда летает по квартире и поет песню о том, что он — самая прекрасная муза на свете. И тогда я сама начинаю придумывать сказки и песни. А это — мое счастье, подаренное мне художником.

Это — Дракула!

Как он мог вернуться к ней после всего, что между ними было?

Одни считают, что это та самая любовь, которая, как говорится, глаза застит. Другие придерживаются мнения, что он просто олух Царя Небесного. Иммигрант из Одессы, приехал в Нью-Йорк с женой лет 25 назад, днем работал, вечером учился, сперва грыз гранит английского, потом мрамор юриспруденции, подсиживал одних, водил в ресторан других, короче, лез вон из шкуры, пока не докарабкался до должности в роскошной юридической фирме, бешеной зарплаты, 60-летия. Но третьи утверждают, что на самом деле Леон, Ленья Аппельбаум, просто отомстил бывшей любовнице самым жестоким из всех возможных способов — заставив жить с ним.

Ну хорошо, давайте попробуем разобраться сами.

В ветреный февральский вечер Леон заходит в стриптиз-клуб на Вест 36-й стрит, где знакомится с танцовщицей Линн Кроссбин. Она приехала в Нью-Йорк из Женевы по студенческому обмену. Ей — 22 года. Сначала она хотела учиться, но потом оказалось, что она уже многое умеет безо всякого колледжа. От стойки бара они переходят в отдельный кабинет, где Леон за каких-то 250 баксов переживает оргазм десятилетия. А может быть, и всей жизни. Он потрясен до основ.

Красива ли его новая любовь, нет ли — вопрос спорный. Кому что нравится. У нее большая грудь, великолепные ноги, голубые глаза, черные, как смоль, волосы и настоящий талант к тому роду деятельности, которая на данном этапе жизни интересует Леона больше всего на свете. Тут главное: не изображать непонимания на лице. Жена, с которой прожито 30 с лишним лет. Дети, постоянно забывающие поздравить тебя с днем рождения. Что там еще? Один взгляд в зеркало — и испорченное на целый день настроение. Вам это незнакомо?

Аппельбаум, чьи доходы исчисляются в последние годы миллионами, легко снимает Линн квартиру в одной из стеклянных башен Верхнего Ист-Сайда и заваливает подарками. Они ужинают в "Ла Мадри" и "Бабо", купаются в Майами, слушают в Метрополитене вердиевский "Реквием", когда оркестром дирижирует модный в том сезоне Гергиев, а в труппе певцов — бесподобная Рине Флеминг. Линн старается скрыть зевоту, публика в вечерних нарядах привлекает ее куда больше происходящего на сцене.

ной стороны узлом. Он принес их домой и разложил на старой газете. Жена позвала его ужинать. Ракушки немного подсохли и стали подпрыгивать вверх, чтобы посмотреть, как художник нарисовал маленькую волну, похожую на большую медузу. Увидев, они тут же облепили картину со всех сторон. Некоторым из них захотелось искупаться, и они прыгнули в воду. Художник вернулся в мастерскую вместе с женой, чтобы показать ей портрет маленькой волны и волшебные ракушки.

— Голубушка, Вам эти ракушки к лицу, — сказал он, обращаясь к маленькой волне, потому что был очень, очень деликатный.

— Какая я счастливая, — сказала жена и почему-то побежала за соседкой.

— Какая я счастливая, — сказала соседка и почему-то посмотрела на художника.

— Я тоже счастлив, потому что могу показать людям мир таким, какой он есть, — улыбался художник.

В это время в комнату влетел воробей. Он метался между людьми и, наконец, сел на картину.

— Чири-чири-чирищур я счастливый! — прочирикал воробей и перепрыгнул с края картины на камень, что торчал из воды в правом верхнем углу, да так там и остался.

С того самого "давным-давно", когда все это и случилось, все люди, которым посчастливилось увидеть картину, стали говорить, что они счастливые. Но больше всего повезло мне, потому что картина висит у меня дома, и волшебные ракушки рассказывают мне сказки, а воробей иногда летает по квартире и поет песню о том, что он — самая прекрасная муза на свете. И тогда я сама начинаю придумывать сказки и песни. А это — мое счастье, подаренное мне художником.

Это — Дракула!

Как он мог вернуться к ней после всего, что между ними было?

Одни считают, что это та самая любовь, которая, как говорится, глаза застит. Другие придерживаются мнения, что он просто олух Царя Небесного. Иммигрант из Одессы, приехал в Нью-Йорк с женой лет 25 назад, днем работал, вечером учился, сперва грыз гранит английского, потом мрамор юриспруденции, подсиживал одних, водил в ресторан других, короче, лез вон из шкуры, пока не докарабкался до должности в роскошной юридической фирме, бешеной зарплаты, 60-летия. Но третьи утверждают, что на самом деле Леон, Ленья Аппельбаум, просто отомстил бывшей любовнице самым жестоким из всех возможных способов — заставив жить с ним.

Ну хорошо, давайте попробуем разобраться сами.

В ветреный февральский вечер Леон заходит в стриптиз-клуб на Вест 36-й стрит, где знакомится с танцовщицей Линн Кроссбин. Она приехала в Нью-Йорк из Женевы по студенческому обмену. Ей — 22 года. Сначала она хотела учиться, но потом оказалось, что она уже многое умеет безо всякого колледжа. От стойки бара они переходят в отдельный кабинет, где Леон за каких-то 250 баксов переживает оргазм десятилетия. А может быть, и всей жизни. Он потрясен до основ.

Красива ли его новая любовь, нет ли — вопрос спорный. Кому что нравится. У нее большая грудь, великолепные ноги, голубые глаза, черные, как смоль, волосы и настоящий талант к тому роду деятельности, которая на данном этапе жизни интересует Леона больше всего на свете. Тут главное: не изображать непонимания на лице. Жена, с которой прожито 30 с лишним лет. Дети, постоянно забывающие поздравить тебя с днем рождения. Что там еще? Один взгляд в зеркало — и испорченное на целый день настроение. Вам это незнакомо?

Аппельбаум, чьи доходы исчисляются в последние годы миллионами, легко снимает Линн квартиру в одной из стеклянных башен Верхнего Ист-Сайда и заваливает подарками. Они ужинают в "Ла Мадри" и "Бабо", купаются в Майами, слушают в Метрополитене вердиевский "Реквием", когда оркестром дирижирует модный в том сезоне Гергиев, а в труппе певцов — бесподобная Рине Флеминг. Линн старается скрыть зевоту, публика в вечерних нарядах привлекает ее куда больше происходящего на сцене.

Семейная жизнь катится в тартарары. Мадам Аппельбаум с подозрительной легкостью соглашается на развод. Конечно, если бы у нее был какой-то компромат на предателя, в суде она бы смогла урвать максимум. Ее разбитая жизнь стоит денег. Но где взять этот компромат?

Очень скоро она получит ответ на свой вопрос, но до этого мы должны ввести в нашу историю 25-летнего Вашингтона Нелсона. Он, пока это секрет, любовник любовницы ее мужа. Нелсон тоже танцор. Он работает в клубе для женщин, где счастье подержаться за красивое мужское тело стоит двадцатку. Сложенную вдоль купюру аккуратно вкладывают под резинку плавок танцора.

Нелсон нужен Линн для удовлетворения тех потребностей, которые ее пожилой друг удовлетворить не в состоянии. Она любит это дело. Она всегда хочет еще. По молодости и простоте она, конечно, не пользуется словом "потребности". Для нее это — романтика. Тайная игра, которая украшает ее серые будни с нудным стариканом. Она стоит в одних туфлях у окна спальни и смотрит на разноцветные коробочки автомашин, ползущих по дну ущелья под ее ногами. Скоро-скоро у входа в ее дом должен появиться парень в желтой куртке. С высоты, где она находится, он будет похож на желтую булавочную головку на черной после утренней поливки мостовой. Нелсон.

Ничего не поделаешь, содержание молодой женщины в некоторых случаях включает оплату услуг помощника, который поддерживает тонус подруги так же, как спортивный "Мерс" красного цвета, платиновый браслет с четырехкратной россыпью бриллиантов или новые туфли от Маноло Бланика.

Занятно, что перечисленные вещи рядоположны для Линн в плане стоимости. Ведь для их приобретения она пользуется одной и той же кредитной карточкой, полученной от своего плешивого сожителя. Да, он лысоват. В смысле лыс, как колено, но более морщинист. Чем колено, я имею в виду.

Как утверждают некоторые постаревшие, но успевшие много повидать женщины, все мужики — одинаковы. Отчасти они правы. Казалось бы, что общего у юриста, разбирающего миллиардные корпоративные тяжбы, и стриптизера, которому природа не дала ровным счетом ничего, кроме здорового и красивого тела? Что?! Одна и та же тяга к этим мягким губам, к этой наливной груди, круглой и твердой, как два круга швейцарского сыра! О, этот сыр! У меня у самого при одной мысли о нем начинается обильное слюновыделение!

Вторая общая черта — тяга к деньгам.

И все же разница между ними есть. Работа дает малообразованному парню из Гарлема практически неограниченный доступ к женской плоти. Он может выбирать из тех, кто мечтает быть с ним. Другое дело — деньги! Для их добычи ему уже надо предпринимать дополнительные усилия, и вот тут ему остается только полагаться на везение.

Пожилой юрист с Вест-Сайда получает большие деньги благодаря своей работе, но с женщинами — все иначе! В поиске нужной ему он может рассчитывать все на то же везение.

Вы поняли мою мысль? Оказываясь в ситуациях, где их профессиональная квалификация неприменима, оба напарываются на большие неприятности. Любовную историю Аппельбаума не отнести к числу житейских удач. Равно и попытка Нелсона заработать пару-другую баксов терпит крах.

План молодых любовников сводится к тому, что Нелсон должен убить мадам Аппельбаум, оставив возле мертвого тела очки ее мужа. Очки, переданные ему Линн, станут смертельной уликой, которая отправит влюбленного старика за решетку, а его молодую любовницу сделает распорядительницей состояния. Линн даже не сомневается, что за право раз в полгода увидеть ее через стеклянную переборку он отдаст ей все, что имеет.

Однако в последний момент Нелсон отказывается следовать предельно простой схеме. Веселый танцор, кареглазый соблазнитель, любитель беззаботной жизни, нет, ну скажите, зачем ему кого-то убивать? В отличие от своего родного папы, он не искал ночлега на теплой платформе сабвея, в отличие от мамы, не жил на чек по нетрудоспособности, в отличие от сестер, не воспитывал кагал детей от многочисленных мужей и любовников. У него было все, но, как уже говорилось, он был не прочь урвать от жизни еще немножко.

Поглаживая приникшую к его груди Линн, он вполуха слушает знакомую песню о том, как они будут потом жить в шато на берегу горного озера.

— Там так красиво, ты даже не представляешь.

— Ага, — соглашается он.

Отказавшись от убийства, Нелсон не отказывается от намерения заработать. Связавшись с мадам Аппельбаум по телефону, он предлагает ей купить у него фотографии ее мужа в обществе любовницы. Чисто теоретически сделать такие снимки несложно, установив в квартире, где он постоянно бывает, камеру.

— Вы можете достать такие снимки? — Нелли (так зовут мадам Аппельбаум) придавливает ладонью разволновавшееся сердце.

— Да. Это будет стоить 25 тысяч баксов.
— Очень много, давайте сойдемся на десяти.
— Это не так просто, как вы думаете. И вопрос я решаю не один.
— Частный детектив сделает нужные снимки за меньшую сумму.
— Я сам частный детектив, поэтому я вам говорю, что завтра вам такие снимки по заказу не сделает никто. Это требует времени. И потом, вы можете их спугнуть. А я этими снимками располагаю уже.
— Хорошо, я могу поднять сумму, но ненамного.

Удача сама идет в руки Нелли. Нежданно-негаданно она получает возможность реализовать идею, которая еще совсем недавно казалась ей несбыточной мечтой. В конечном итоге, что эти 25 тысяч в предстоящей битве за миллионы? Семечки! Выяснить бы только, не аферист ли этот фотолюбитель.

Но как уверенно этот парень говорит по телефону! Какой у него завораживающий тембр голоса! Артист! Но одно дело болтать в трубку, лежа на итальянском кожаном диване, другое — установить камеру или найти человека, который это сделает быстро и незаметно для хозяев дома. Например, пока он выйдет с ней на ланч. Но у него нет ключа от ее квартиры. Она всегда открывает ему сама. Значит, надо сделать второй ключ, потом войти в дом с этим специалистом, потом уговорить ее выйти, чтобы специалист тем временем вошел и установил все, что надо. А если придет Леон? Проклятье, как все сложно! При этом старая вешалка постоянно торопит его и, кажется, готова заплатить всю сумму.

Короче говоря, пока бестолковый танцор просит у Нелли еще несколько дней, чтобы окончательно согласовать вопрос цены, Леон включает установленный в квартире любовницы компьютер, чтобы проверить что-то на интернете. Допустим, освежить в памяти данные интересующей его тяжбы в интернетовском архиве Верховного суда штата. Он включает компьютер и видит, что в электронном почтовом ящике появилось письмо. Интересно, от кого оно? Так он открывает переписку Линн с молодым любовником и узнает о заговоре.

Его первая реакция — потенциального убийцу надо немедленно остановить, и он вызывает полицию. Он ждет чего угодно, но не этого: Линн в наручниках отправляют для допроса в полицию, а затем — за решетку, где она проведет несколько месяцев в ожидании суда. Но не коварная измена заставляет Леона рыдать всю ночь напролет в пустой квартире, а то, что он оказывается отвратителен той, которая столько раз клялась ему в любви! О лгуня! Кусок дерьма! Еханная сука! Настолько, насколько он бого-

творит ее тело, настолько его — вызывает у нее гадливость. Он размазывает соленые слезы по тронутым седой щетиной щекам. За окнами погруженной во мрак квартиры мерцают огни города, где он так безуспешно пытался найти счастье.

Нелсон, арестованный следом за Кроссбин, тут же соглашается сотрудничать со следствием, и детективы располагают всей историей болезни любовно-финансового треугольника еще до того, как Леон нанимает коллегу-адвоката для защиты любимой.

Да, пусть все смеются над ним! Пусть хохочут светские хроникеры "Нью-Йорк пост" и "Дейли ньюс", весь белый свет. Он не может, он не хочет и он не будет жить без запаха ее тела, без ее сладких губ, без ее... Ах, что толку перечислять детали! Без нее.

Как меняет человека тюрьма! Всего две недели в камере, и вот уже изменница молит простить ее и целует ему руки. В комнате для свиданий она плачет, как малое дитя. И он тоже не в состоянии сдержать слез обиды, благодарности, любви. И вот этих слез уже становится так много, что когда я ударяю по клавиатуре, они просто так и брызжут из-под пальцев! Нет, если мои герои будут так много плакать, мне точно придется работать в галошах! Скорей бы конец этой мыльной опере.

Короче, через несколько месяцев и сот тысяч долларов Линн Кроссбин освобождают условно-досрочно, и они расписываются.

Леон больше не будет работать. Работа отнимает столько сил и времени. А он хочет ежеминутно быть со своим сокровищем. После дележа имущества и развода он решил покинуть Нью-Йорк. Они будут жить полгода в Майами, а остальное время в шато, которое он купил на берегу озера недалеко от Женевы. Прекрасное место, чтобы растить детей. А медовый месяц они проведут на его яхте в Карибском море. Когда-то они были на этой яхте украдкой от мадам Аппельбаум, но сейчас по итогам раздела имущества яхта принадлежит всецело им.

Что до Нелли, то она сейчас пытается утопить пережитое в бокале рихи, который ей подали в тенистом садике ее любимого севильского ресторана "Кораль дель аква". Оставшись одна, она стала тем, кем хотела быть всю жизнь — путешественницей. Она отправилась в неторопливое турне по всем тем местам, которые приглянулись ей за последние 20 лет стремительных — галопом по европам — отпусков с мужем. Бывшим мужем. Она двинулась по карте воспоминаний, даже не предполагая, что маршрут оборвется всего через месяц в ее родной Одессе. Она купит старую квартиру родителей у новых владельцев, узнав, что неизлечимо боль-

на, а лечиться — только продлевать агонию. Мысль о том, что она уйдет из жизни там, где пришла в нее, успокоит ее. Ее постель будет стоять у окна, выходящего во двор с акациями. Она будет слушать голоса соседей, шум воды в дворовом кране, крадущиеся шаги голубей по карнизу. Но почему, почему судьба оказалась так несправедлива к ней? Не спрашивайте.

Но пока она еще ничего не знает. Время от времени мучающую ее тошноту и головную боль списывает на стресс, пережитый перед разводом и во время самого развода. Подонок! Он готов был отдать ей все, чтобы только больше не видеть ее, не слышать ее голоса. И ради кого?!

— Мадам будет десерт? — официант нависает над ней, как торсдор над быком.

— Да. Сделайте мне мороженое с фидами.

Кого уже интересуют эти калории, холестерин, сахар, талия, бедра? Не ее!

— И рюмку амаретто ди сарроне! — добавляет она.

Старуха Мизлинг, живущая со мной на одной лестничной площадке и ежедневно прочитывающая от корки до корки "Нью-Йорк пост", со знанием дела заявляет:

— Леон — юрист самой высокой квалификации. Эти люди не такие простые, как вы думаете. Он мог спокойно засадить эту мерзавку на всю оставшуюся жизнь, а потом найти себе новую подружку. Мало ли таких стервятниц ежедневно слетается в Нью-Йорк? И он мог бы еще выбирать: японку, русскую, немку! Послушайте меня: он прекрасно знал, что жизнь с ним будет для нее хуже любой тюрьмы! И он наверняка составил брачный контракт так, что в случае малейшей провинности она прямым ходом отправится на нары!

Старуха Мизлинг тычет суставчатым пальцем правой руки в раскрытую ладонь левой.

— Малейшей провинности!

— Какой, например? — интересуюсь я.

— Не-вы-пол-не-ния су-пру-же-ских обя-зан-ностей! — неистовствует моя соседка. — Как вы не понимаете, это самая настоящая месть! Он прекрасно знал, что следующая молодка отколет точно такой же номер, поэтому решил ограничить свои хлопоты возней с одной!

В отличие от старухи Мизлинг я не в курсе светских сплетен и склонен больше доверять логике образа. А она подсказывает совершенно другое. Вы видели их, вышедших на яркое флоридское солнце после росписи, ослепленных вспышками наглых фоторепортеров? Точеную статуэтку на высоких каблучках, прикрывающую детской ладошкой растерянное

жабье личико? Его, крюконосого, вжимающего лысую в коричневых пятнах голову в плечи громоздкого пиджака, не слышащего из-за праздничного звона в ушах обращенных к нему вопросов, дрожащей рукой освобождающего проход к лимузину.

На этом репортаж из Майами завершился, диктор объявил новую тему. Сенатор-демократ Джон Эдвардс из Северной Каролины принял решение избираться в президенты. Как говорила моя бабушка: у каждого Абрама — своя программа!

Но я предлагаю продолжить майамский репортаж мысленно. Представим себе, что включается камера, установленная в салоне лимузина.

— Боже, какая жара! — Леон наклоняет плечи вперед и отводит руки, давая пиджаку соскользнуть на сиденье. Обтянутый белой рубашкой живот тяжело накатывает на колени, подмышками юриста — темные пятна. Невеста сбрасывает фату и просит что-нибудь выпить.

— Сейчас, моя королева, — молодожен достает из холодильника бутылку "Кристалла". Хлопает пробка. Белая пена торопится к высоким хрустальным краям. Леон отпивает из своего и тяжело соскальзывает с сиденья. Обняв любимые ноги, покрывает их поцелуями, бережно снимает остроносые стилеты от Маноло Бланика, освобождает маленькие пальчики с красными, просто игрушечными, ноготками. Как он любит их! Каждый в отдельности и все вместе! Он осторожно наклоняет бокал, поливая их шампанским, потом старательно слизывает, слизывает, слизывает, пока вкус вина не уступает место знакомому до слез, до сердечного спазма запаху ее кожи.

Мама моя родная, нет, это меня, кажется, сильно занесло! Давайте представим картину поспокойней. Пospoкойнее. Пусть шампанское откроет поджидавшая их в лимузине мать Линн, специально прилетевшая на свадьбу из Женевы мадам Б.

— Я так счастлива за вас, — говорит она с этим гадким французским акцентом, за который ее хочется задушить. Хотя, будь на то воля Леона, он задушил бы ее за то, что она дожила до возраста его старой жены, что само по себе является преступлением против человечности.

— Я пью за то, чтобы у вас теперь было все только хорошо! — поднимает тост мадам Б. — Да благословит вас Господь! God bless!

Выпив и аккуратно устроив пустой бокал на специальной полочке в дверце машины, Леон берет белоснежную ручку Линн своими большими, с блестящими от маникюра ногтями, прижимает к губам.

— Действительно, Господи, — думает он. — Хотя бы на этот раз все бы-

ло хорошо. Ты слышишь меня, Господи? Ни о чем больше не прошу, Ты слышишь меня?

Нет, вы как хотите, но сказать, что Леон мстит вытащенной им из тюрьмы Линн Кроссбин, все равно, что сказать, что князь Дракула мстил своей любовнице! Отбери у него этот волнующий изгиб женской шеи, эту белоснежную кожу с пульсирующей на ней голубой жилкой, эту молодую кровь, что останется старому упырю, кроме сырой земли да дикого воя зимнего ветра над его могильной плитой?

Нью-Йорк

Ассамблея

Я анатомирую курицу. Делаю это с уверенностью квалифицированного хирурга, ибо тренируюсь трижды в неделю, когда варю бульон своему шестимесячному чаду.

Мама и журнал "Здоровье" утверждают, что куриный бульон укрепляет младенческие кости. Я с готовностью принимаю эту аксиому, еще не задаваясь вопросом, почему столь неоспоримый друг нашего детства становится столь же коварным врагом нашей старости.

Я анатомирую курицу под мажорный аккомпанемент радиоточки, вещающей о непрерывно снижающейся себестоимости за счет не менее непрерывно повышающейся производительности. Завораживающее ее сладкозвучие не нарушает моей сосредоточенности, тем не менее, заставляет производить подсчеты, из коих следует, что восьмирублевый мой цыпленок давно бы должен достаться мне бесплатно. Мама говорит, что я слишком многого хочу, и что восемь рублей — это тоже даром.

Тем временем вспоротая и распятая тушка обнажает свои внутренности и среди них белесую, непропорционально раздутую печень.

Мама ахает: "Это — цирроз!".

— Да, — предполагаю я. — У цыпленка, наверно, был пьющий хозяин.

— Сколько печенки! — прыгает от радости старший мой отпрыск, шестилетняя Ринка, и требует немедленно пожарить ей сей деликатес. Мама шумит по поводу халтурной ветслужбы на Привозе, а я трепетно вычитаю из суммы в шкатулке еще восемь рублей на нового цыпленка и в страхе делю остаток на дни до полочки.

Из парализующего арифметического транса меня выводит все тот же аккомпанемент радиоточки, сменившей на сей раз свои солнечные интонации на предгрозовую глас.

Еще неосознанное будоражащее чувство овладевает мной при сих торжественных звуках. В глазах у мамы испуганное недоумение.

"...Куда зовет их Голда Меир? — рокошет глас. — Домой? На землю обетованную? Своими ядовитыми щупальцами сионистский спрут надеется отравить сознание советского человека!.."

Мама тревожно вздыхает. Между тем наш зловеющий защитник требует воздвигнуть заслон "проискам махрового империализма и мирового сионизма".

Придавленная всем услышанным, я рассеянно обращаюсь к маме: "Сионизм — это что?".

ло хорошо. Ты слышишь меня, Господи? Ни о чем больше не прошу, Ты слышишь меня?

Нет, вы как хотите, но сказать, что Леон мстит вытащенной им из тюрьмы Линн Кроссбин, все равно, что сказать, что князь Дракула мстил своей любовнице! Отбери у него этот волнующий изгиб женской шеи, эту белоснежную кожу с пульсирующей на ней голубой жилкой, эту молодую кровь, что останется старому упырю, кроме сырой земли да дикого воя зимнего ветра над его могильной плитой?

Нью-Йорк

Ассамблея

Я анатомирую курицу. Делаю это с уверенностью квалифицированно-го хирурга, ибо тренируюсь трижды в неделю, когда варю бульон своему шестимесячному чаду.

Мама и журнал "Здоровье" утверждают, что куриный бульон укрепляет младенческие кости. Я с готовностью принимаю эту аксиому, еще не задаваясь вопросом, почему столь неоспоримый друг нашего детства становится столь же коварным врагом нашей старости.

Я анатомирую курицу под мажорный аккомпанемент радиоточки, вещающей о непрерывно снижающейся себестоимости за счет не менее непрерывно повышающейся производительности. Завораживающее ее сладкозвучие не нарушает моей сосредоточенности, тем не менее, заставляет производить подсчеты, из коих следует, что восьмирублевый мой цыпленок давно бы должен достаться мне бесплатно. Мама говорит, что я слишком многого хочу, и что восемь рублей — это тоже даром.

Тем временем вспоротая и распятая тушка обнажает свои внутренности и среди них белесую, непропорционально раздутую печень.

Мама ахает: "Это — цирроз!".

— Да, — предполагаю я. — У цыпленка, наверно, был пьющий хозяин.

— Сколько печенки! — прыгает от радости старший мой отпрыск, шестилетняя Ринка, и требует немедленно пожарить ей сей деликатес. Мама шумит по поводу халтурной ветслужбы на Привозе, а я трепетно вычитаю из суммы в шкатулке еще восемь рублей на нового цыпленка и в страхе делю остаток на дни до полочки.

Из парализующего арифметического транса меня выводит все тот же аккомпанемент радиоточки, сменившей на сей раз свои солнечные интонации на предгрозовую глас.

Еще неосознанное будоражащее чувство овладевает мной при сих торжественных звуках. В глазах у мамы испуганное недоумение.

"...Куда зовет их Голда Меир? — рокошет глас. — Домой? На землю обетованную? Своими ядовитыми щупальцами сионистский спрут надеется отравить сознание советского человека!.."

Мама тревожно вздыхает. Между тем наш зловеющий защитник требует воздвигнуть заслон "проискам махрового империализма и мирового сионизма".

Придавленная всем услышанным, я рассеянно обращаюсь к маме: "Сионизм — это что?".

Мама начинает мучительно блуждать по закоулкам памяти и далеко на ее периферии находит следующее: "Сионисты — это жители города Сиона, который в древние времена находился где-то в Иудее у подножия одноименной горы".

— Ну и что? — недоумеваю я. Мама снова углубляется в мозговой лабиринт и возвращается оттуда не без добычи: "Кажется, в этом городе было много мудрецов".

Я пожимаю плечами: "Но разве это плохо?". Мама неопределенно кивает. Резкий звонок в дверь обрывает нашу начавшуюся было дискуссию.

— С Рождеством Христовым вас! Чтоб он был здоров! Придумал же родиться в такой мороз!

Квартиру наполняет неунывающий голос тети Эти, нашей соседки по двору, уже почти родни по стажу многолетнего дружественного сосуществования. Тетя Этя, потомственное дитя еврейской Молдаванки, что само собой подразумевает жаркий темперамент и национальное самосознание, которое, впрочем, не мешает ей состоять в благополучном браке с дядей Толей, добродушным мужичком, влюбленным в нее даже сейчас, на склоне лет.

— Мой уже нахлопался ради светлого праздничка, — беззлобно объявляет тетя Этя. Надо сказать, к слабости мужа она относится весьма снисходительно, считая ее, видимо, неотъемлемой принадлежностью русского человека. Она достает из кошелки заветную, обожаемую мной кутью и весело приглашает нас угощаться "заради Господа Христа ихнего". Удивительно, как одинаково свято и радостно чтит эта женщина христианские, иудейские и советские праздники. Если учесть к тому же все дни рождения ее потомков во втором и третьем колене, то нетрудно понять, что вкусное веселье в ее доме никогда не кончается.

Мама растроганно благодарит тетю Этию и грустно вздыхает.

— Что такое, Берта? — резонно удивляется тетя Этя. — Какие мешки вам спину дают?

Мама кивает на радиоточку: "Вы слышали?".

— Или! Чтоб им не дождать! — Этя на мгновение задумывается. — Но, между прочим, Берта, я ее не понимаю.

— Кого? — недоумевает мама.

— Голду Меир, кого же еще! Она себе зовет нас домой! Как будто это сесть и поехать в Бердычев! Или до нее не доходит, что даже за подумать об поехать пошлют совсем в другую сторону!

— Тетя Этя, а что такое сионизм? — неожиданно вступаю я в разговор.

— Сионизм? — пожимает она плечами. — Понятия не имею! Но, чтоб

мне с этого места не встать, ОНИ, — ее указательный палец выразительно устремляется вверх, — они этого тоже не знают. Скажу тебе одно, детка. Раз его шьют евреям, хорошего тут ничего быть не может.

И вдруг, встрепенувшись: "А тебе на что? Не бери дурное в голову. У тебя дети, которых, между прочим, нельзя кормить вот этой отравой, — она указала на печенку. — Выкинь ее на помойку вместе с цыпленком".

— Нет, нет, — протестует мама. — Это надо отнести им и показать, на что они ставят печать годности!

— Берта, вы меня удивляете! Что вам дороже: год здоровья или кг курицы?

— Но надо же их проучить! — не унимается мама.

Этя меряет ее снисходительным взглядом: "Ну, тогда заверьте эту печать у нотариуса и пошлите птичку заказной бандеролью в прокуратуру!".

В дверь снова звонят. На пороге Этина ближайшая соседка Анна Петровна, Нюрка, как уменьшительно ласково называет ее мама по праву старшего, хотя Нюрке уже тоже весьма за сорок!

— Ну, ну, — с деланным возмущением обращается та к тете Эте. — Тolia ее уже час ищет, а она вон где прохлаждается!

— Опохмелиться нечем? — скептически усмехается Этя.

— Не переживай, у меня опохмелился.

Нюрка — добрейшее существо, хотя и с ярко выраженным скандально-блатным налетом. Налет этот в сочетании с жадой общественной деятельности, не нашедшей официального воплощения, сделал ее душой всех дворов нашего квартала, единодушно признанной "предводительницей дворянства".

Ни один акт гражданского состояния, ни один внутри- или междворовой конфликт немислим без ее самого горячего, родственного участия. Курит и матерится она по-черному, скандалит виртуозно, но неизменно первой приходит на помощь к любому, кто в этом нуждается. Действует в такой ситуации быстро, активно и безапелляционно, не оставляя у объекта и шага к отступлению. Нетрудно поэтому догадаться, что двери каждого дома нескольких близлежащих кварталов всегда широко открыты для нее. И мы в этом смысле не исключение.

К слову будь сказано, мама в нашей округе пользуется не меньшей популярностью, выступая, правда, в несколько иных ипостасях — как искусный спаситель от зубных болей и безотказный заговариватель зубов, то бишь целитель болей душевных.

Ибо каждый ее пациент открывает и закрывает рот не только по врачебной команде, но и для сокровенных излияний, коим мама большой

мастер сопереживать. Возможно, и поэтому десятилетиями верны ей признательные больные, несмотря на всю непримиримость советской власти к частнику-мироеду.

Судя по прижатой к щеке ладони, Нюрку привело к нам не только Рождество.

Осмотр пациентки производится тут же, на кухне — без рук и без инструментов — путем заглядывания в старательно распахнутый рот. Диагноз ставится немедленно и убежденно, после чего происходит метаморфоза превращения кухарки в жреца Гиппократ. Облаченная в белый халат, мама величественным, бесконечно далеким от суетных движений жестом приглашает больную: "Прошу!" и удаляется с ней в стерильно-лекарственный, бормашинно-жутковатый мир, откуда обе через полчаса возвращаются с чувством полного удовлетворения. Счастливая избавлением от изнуряющих мук Нюрка с удовольствием присоединяется к приятной компании, вступая в "оркестр" со свойственной ей активностью:

— Вы слышали? — с возмущением кивает она на радиоточку. — Израиль хочет сманить до себя наших евреев!

— Что значит "сманить"? — настораживается мама с болезненной остротой, свойственной любому еврею, когда "гой", даже самый дружественный, касается больного вопроса. — Почему "сманить"? Они зовут нас на землю предков, домой зовут, понимаешь?

Нет, Нюрка не понимает. Не понимает, а посему продолжает с возмущением: "За какой дом вы говорите, Берта? Или ваш дом не в нашем дворе? Или есть на Молдаванке такой зуб, с которым вы не знакомы лично? Такая скамейка в Одессе, где вы не как возле своих ворот?

— И то правда... — вздыхает мама. В словах ее горькая недоговоренность. Я слышу ее. А Нюрка? Нет, Нюрка не слышит. Ей, чутко созвучной чужим болям, эту услышать не дано. А посему снова звучит ее воинственно-мажорный аккорд: "Так за каким чертом те сионисты вам душу буравят?"

— Слушай, а кто они вообще такие, эти сионисты? — вскидывается тетя Этя.

Нюрка обводит всех недоверчивым взглядом, но, не обнаружив подвоха, снова лихо бросает ногу в стремя: "Бандиты, кто же еще?"

— Где ты видела бандитов среди евреев?!

— Нет, вы только посмотрите на нее! Сейчас она мне скажет, что Мишка Япончик был раввином!

Этина карта, кажется, бита. Но не в ее характере оставлять за кем-либо последнее слово: "Бедный Мишка! — ухмыляется она. — Не дожил, чтоб узнать, что он — сионист!"

— Ничего, у него остались потомки.

При этих словах мы умолкаем. Спорить с Нюркой о мире одесской малины бессмысленно, ибо именно туда, как вглубь, так и вишьрь уходят все ее корни. Энциклопедичность ее познаний в этой сфере неоспорима. Мама только робко решается уточнить, приняли ли внуки по наследству славную корону деда.

На удивление, категорически утверждать этого Нюрка не может, а посему уклончиво кивает на кухонный стол: "Не всякий цыпленок успевает стать петушком". Взгляд ее при этом задерживается на белесой печени и немедленно взрывается искрами: "Какой фармазон всучил вам эту болячку?". Поворот разговора столь крут и решителен, что через минуту мы уже почти убеждены: сие возмутительное куриное безобразие куда горячее сионистской опасности.

— Подсунули на базаре, — уныло оправдываюсь я, — с печатью, между прочим.

— Ах, твари! Паштет бы им на хлеб из этой хворобы!

Паштет вызывается сделать тетя Этя. Остается решить: кто пойдет угощать им? Когда? А главное: кого и как?

К сожалению, авторитет Нюрки, как верховного жреца справедливости, не выходит за пределы нашего квартала. Так что, хоть мы все и негодуем, но тактики мщения никто предложить не может. Этя, несмотря на весь свой боевой дух, по-прежнему остается на позициях непротivления злу ("Когда идет дождь, берут зонтик, а не ругаются с Богом"). Мама готова писать в газету, а Нюрка... Нюрка вдруг стремительно направляется на веранду и оглашает двор привычным для нее трубным гласом:

— Кира...а...а...!!

Кира — друг и единомышленник Нюрки, ее оруженосец, ее верный Санчо Панса.

И Нюрка уверена, что даже в этот рождественский мороз та непременно окажется где-то рядом и явится по первому же ее зову. Нюрка не ошибается. На Кирыном крыльце уже скрипит дверь вперемежку с ворчливым, но немедленным откликом: "Ша! Где тебе уже горит?"

— Зайди до меня, возьми в холодильнике цыпленка и неси его сюда.

Через три минуты Кира уже стоит на нашем пороге с желтеньким цыпленком в руке.

— Ни поспать через нее, ни поесть! — за деланным возмущением проглядывает искреннее желание войти в уютный круг.

— Вот поесть-то как раз есть чего! — всплеснув руками, вспоминает о

своей пузатой сумке Нюрка и начинает опорожнять ее. — Или я до вас только зубы рвать пришла! А ну, Инночка, неси рюмки! — через пять минут стол приобретает вполне именинный вид.

— Ну, будем здоровы! — решительно поднимает она бокал.

— Лехаим, — подтверждает тетя Этя, и все мы дружно чокаемся во славу Рождества Христова.

— Все это хорошо, — после минутной паузы вопрошает Кира, деловито закусывая. — Но причем тут цыпленок? — вместо ответа Нюрка кивает мне, указывая на свою похудевшую сумку: "Заверни-ка мне своего паралитика".

Кира переводит взгляд на "паралитика" и соболезнующе качает головой: "И рождается же такое! Ни тебе для жизни, ни тебе для бульона".

Кира склонна к философии, что, по всей вероятности, и привлекает к ней Нюрку, которая иногда нуждается в осмыслении своих спонтанных действий.

— Нюра, извини за выражение, — Кира любит интеллигентные обороты. — Для чего тебе этот недоносок?

— Заработать хочу.

— Болячку в бок, — уточняет тетя Этя.

Я спохватываюсь: "Сколько с меня за вашего цыпленка?!".

— Я тебе еще додачу принесу, — уверенно отмахивается Нюрка и швыряет сверток в сумку. Мама, позабыв о жажде мщения, дает задний ход: "Может, не надо? Этот цыпленок того не стоит".

— А мы? — сверкает возмущенно Нюрка. — Чего мы стоим? Или такое барахло, что стерпим это?

— Ша, — спешит остудить ее Этя, — садись. Или сегодня не светлый праздник?

— Завтра к открытию Привоза мы там, — решительно, как о само собой разумеющемся, заявляет о своем участии Кира и помогает усадить Нюрку. Считая вопрос решенным, она уверенно переворачивает пластинку: "Как вам нравится эта Голда Меир? Вы слышали?".

— Еще бы! Дундят с утра до ночи. А ты что, — настораживается Нюрка, — надумала ехать до нее?!

— Я? Или она тебе говорила, что приглашает меня?

— А кого же еще? — усмехается тетя Этя.

— Я так поняла, что сионистов.

— Тетя Кира, — ловлю я ее на слове, — а что это такое: сионист?

— По-моему, — раскидывает мозгами Кира, — это еврей, который умеет хорошо заработать.

— Ты это только что придумала? — саркастически вопрошает тетя Этя.

— А иначе, почему на тех сионистов так горит наша мелиха?!

Железная логика Киры неоспорима. Однако Этю не так легко одолеть.

— А на кого она не горит? Или мой Толя ей не поперек горла? Так что?

— Но разве Толя столько зарабатывает?

Ответ вопросом на вопрос — излюбленный метод спора философствующей Киры. Способ, почти безотказно укладывающий противника на обе лопатки. Тем не менее, Этя не сдается.

К дискуссии подключается Нюрка, затем мама. Представительная ассамблея выходит на новый виток. Но я уже их не слышу. Я схожу с орбиты. Точнее, перехожу на свою, где ждет меня бульон в неразрезанном виде, где неумолимый бег стрелок грозит взорваться голодным плачем ребенка.

А утолить его не сможет ни одно, даже самое неожиданное, толкование загадочного зловещего слова.

Ложка прозрачного маминого бульона сегодня единственная живительная, непреложная истина для младенца.

Дар

Повезло мне или нет? Кто может ответить...

...Безответная любовь. Красиво звучит. Ах, Данте, Петрарка, кто там еще? Я стала жертвой безответной любви. Меня любили, а я нет. И могу сказать искренне — это горе.

...Он перешел в нашу школу в шестом классе. Маленький глазастый мальчик. Поначалу тихий и незаметный, со временем он стал одной из самых обсуждаемых школьных личностей. И главной темой обсуждения стала его любовь ко мне. В этом чувстве проявился весь характер — страстный, напористый, агрессивный. Вся школа, не исключая учителей, затаив дыхание, следила за развитием событий.

Я хорошо помню, как увидела его впервые. После уроков искала свое пальто в раздевалке, но вещей было слишком много, и мои поиски затянулись. И вдруг тихий голос: "Вот оно". Я удивленно обернулась. Незнакомый мне мальчик протягивал действительно мое пальто. Откуда он знал, какое пальто мое? "Как откуда! Он же глаз с тебя не сводит, с тех пор как к нам в школу перешел. Уже все про тебя выпросил у наших мальчишек", — посмеялись надо мной одноклассницы.

Удивительно, почему я ничего не замечала? Женское чутье во мне было развито не по годам. Начитанная не в меру и не по возрасту, я не витала в облаках, мечтая о принце, как большинство таких же "книжных" барышень, а быстро научилась применять полученные знания на практике. Однажды, прочитав в каком-то романе о том, что "настоящая женщина может остановить мужчину взмахом ресниц, поворотом головы, чуть заметной улыбкой", я тут же решила проверить это. Просто улыбнулась выходящему из школы мальчику. Бедный... Все ступеньки крыльца пересчитал. После этого две недели звонил мне в дверь и спешно убегал. А чего стоили мои иронические замечания в виде цитат? Парировать ума не хватало (да и слова такого — "парировать", в общем-то, не знали), потому отвечали страстным почитанием. И к 12-ти годам я четко и безошибочно определяла очередного поклонника, сканируя испуганный взгляд и пылающие уши. Как же я проглядела этого?

Та встреча в раздевалке стала точкой отсчета. Прямое столкновение с объектом почитания, видимо, придало сил. А для меня начался кошмар, который, спустя пятнадцать лет, вспоминаю с дрожью. Из объекта почитания я стала объектом охоты. Подруги целыми днями уговаривали меня

просто поздороваться с ним. Я не понимала, в чем дело, пока одна просто-душно не призналась, что он пообещал за мое "здрасьте" пять рублей. Потом он подкупал подруг сигаретами (не пачками, а блоками!), и они звали меня на прогулку, где мы — совершенно случайно — встречали этого охотника. Свою плохую успеваемость он объяснял — в душевном разговоре наедине с классной руководительницей — безответным чувством ко мне. Проникнувшаяся столь отчаянным положением бедного мальчика, учительница вела со мной столь же проникновенные беседы. Он дарил мне подарки, причем, совсем не детские: французские духи, ручку с золотым пером, букеты из 50-ти гвоздик. Эти подношения пугали мою маму дороговизной и, в то же время, вызывали в ней восхищение. И в какой-то момент мама... тоже стала на меня давить. "Однажды кто-то и тебя так же отвергнет, как ты его". Я оказалась в окружении, и все это силой чувства всего одного маленького, глазастого мальчика.

Спротивлялась я не из упрямства, а по честности. Ну, не чувствовала я ничего! И потому не понимала, чего же все от меня хотят. Неинтересно было мне "с кем-то ходить" или "встречаться". Я не чувствовала за собой вины — ведь увидел он меня в первый раз случайно, просто ошибся классом, когда впервые пришел в нашу школу. И наткнулся на меня взглядом. Я и не подозревала об этом. Так почему же все смотрят на меня с укором? В чем же моя вина — в том, что я просто существую?

И все же я была виновата. Потому что прав всегда тот, кто чувствует. Я старалась. Очень. Я ходила с ним на прогулки. Поздравляла с праздниками, познакомилась с его мамой. И все время прислушивалась к себе. НИЧЕГО. Ни звука, ни отголоска. Пусто. Совершенно пусто внутри. Ах, как это больно... "Мисс, вы деревяшка". Я чувствовала себя кем и чем угодно — льдом, деревом, сволочью. Ничего не помогало. Без ответа. Я не смогла.

...Развязка наступила через три года. После восьмого класса он собрался в Москву, поступать в Суворовское училище. Туда ему была и дорога, с таким-то талантом стратега и тактика. Услышав эту новость, я была вне себя от счастья. Я пообещала писать ему каждый день, подарить фотографию, поцеловать на прощанье. Все, что угодно, лишь бы уехал, и снова можно было бы дышать, освободиться от постоянно следящего за мной взгляда. Воодушевленный моими обещаниями, он отправился в столицу. И вернулся спустя три месяца. К моему счастью, продолжил учиться в другой школе. И все же был все время рядом. Мы росли, нам было уже по шестнадцать. Постепенно чувства приобретали все более земной

ПОЭЗИЯ

характер. Как поступают настоящие мужчины со строптивыми бабами? Бьют. Так он и сделал. Ударил меня, когда я не поздравила его с 23 февраля. Стоит ли продолжать историю...

С тех пор я видела его лишь один раз. Случайно столкнулась в магазине. И все вдруг нахлынуло — и предательство подруг, и давление взрослых, и тот злополучный удар. У меня перехватило горло, и я бросилась прочь от этого жалобного взгляда.

Прошло много лет, и сейчас я часто думаю обо всем произошедшем. И понимаю, что это был урок — жесткий и жестокий, но так мне необходимый. После этой истории я больше всего боялась, что я не могу любить. Мне трудно было забыть ту боль внутренней пустоты. Все мои сверстницы хотели быть любимыми, а я хотела влюбиться. Мне не нужны были подтверждения своей значимости в глазах поклонников. Наоборот, я пристально следила за всеми случайно брошенными на меня взглядами и ментально пресекала возможные симпатии, если с моей стороны не было отклика. Слишком была напугана. Я отвыкла кокетничать. Да и сейчас включаюсь в эту игру лишь по необходимости — для иных мужчин "женщина некокетливая" синоним "невоспитанной". Я ждала любви, как Божьего дара. И небо меня благословило. Я смогла. В 17 лет я влюбилась.

...Я до сих пор воспринимаю пришедшую ко мне любовь как Божье благословение. Может, потому иногда поступаю безнравственно. Но чего стоят все моральные и этические устои и правила, если там, внутри меня, уже кто-то чиркнул спичкой, и зажегся огонь свечи?..

Олег ГУБАРЬ	
Таинственный остов	182
Татьяна ПАРТИНА	
Здесь холодно, мой друг, не приезжай!.....	187
Александр МАРДАНЬ	
Атипичная любовь	189
Вера ЗУБАРЕВА	
Из цикла "Эмиграция"	191
Юлия МЕЛЬНИК	
Мгновенье — мимо — осенним листком.....	196
Елена ЛУКЬЯНЧУК	
Куда исчезают забытые сны?	197
Елена ГАССИЙ	
Внезапно время медленнее стало.....	200
Шимус ХИНИ	
Одесса	206

Таинственный остов

Как та мезозойская гадина,
совсем не понятная мне,
лежит Марианская впадина
на самом на Горьковском дне.

И будто над кем потешается
из темного как бы угла.
Почто она там ошивается?
Зачем она там залегла?

Вот, скажем, гора возвышается,
до неба задрала свой круп.
На бюст сей народ покушается —
вскарабкался всяк, кто не глуп.

А эта, ну, будто бы, строгая, —
незнамо, какого рожна! —
лежит и лежит недотрогою,
совсем как чужая жена.

Возвышенность страсти нам дадена,
к вершинам взлетает душа.
Но... Есть Марианская впадина.
Ах, чем же она хороша?..

Портвейн "Приморский"

Он память о себе оставил безусловно,
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся горлышком и бюстом бесподобным:
Взирает приземленная толпа.

Нет, весь не выпит он — под новой этикеткой
Забвенья не найдет напиток славный наш —
Востребован, доколь с авоськой-сеткой
За ним припрется хоть один алкаш.

Он друг степей, хотя бы и "Приморский",
И примиряет всех, не требуя венца:
Сван гордый и чухонец белозерский,
Отринув суету, отведают винца.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Похмелья не страшась, закуску не кляня,
Мадеру с хересом приемли равнодушно,
И не оспаривай меня.

Зависть

Михаилу Жванецкому

Небозрение старинной
тихострасти голубиной,
что устроила покой
поднебесно-неземной.

Это эльф впорхнул пугливый
с трепыханьем крыл недлинных,
свой оставивши пленэр?
Самой худшей из фанер

крыта крыша голубятни.
Не становится понятней
это пламенное ЧТО?
Будто потный конь в пальто,

по ступенькам хлипким, шатким
поднимаешься над шахтой,
где по кругу, цугом, в дом
и из дома ходит гном.

Сизари и тучерезы
(уготованы обрезы
тем, кто в воздухе парит,
о манде не говорит),

что за выводок, не просто
смоляной и белохвостый,
а такой, что день-деньской
не присядет на покой.

Прямо выбрык партизанский
на окраине мещанской —
там, где кобчики в цене
попадают одне.

Дуралей глядит в гляделки,
наблюдает, как там Белки
(Смурый давеча "сгорел" —
кот Матвей бедняжку съел).

Наплевать! Задрав ланиты,
устремляется к зениту
старый мальчик, Мелкий Бес.
Я б за ним туда полез.

Но не те — увы! — манеры.
Пролетая как фанера,
шлю привет вам, гоп-цаца,
прямо из Череповца.

Фактура

Флейц фиксирует фонарный:
мир фигни идет на слом!
Фыркнет ус фиксатуарный
напомаженным крылом.

Флейты, фижмы, франкмасоны,
филигранное фуфло,
фаэтоны, "моветоны"
(то ж, что ныне — "западло").

Фишки, фибулы и фляжки
плюс "Фармана" фюзеляж —
шнеком кофемолки фряжской
перемалывает в фарш.

Флёр на форзац ёлкий-палкий
сфальцевал фиговый лист.
"Ни фига себе, фиалки!" —
воскликает фактурист.

.....

Что пройдет, то будет мило
(фрески, фески, фрикасе).
Фрайернулись факсимиле —
дефилешки на песке.

1 сентября

Шевеленье школьных штолен,
по углам гуляет пыль,
шабрит ветошь пол раздольно,
загогулины перил.

Шепоток. Шесток бездарный.
Шито-крыто. "Дыр-дыра!..
За окошком — щит пожарный
без лопаты и ведра.

Мы шагаем жечь глаголы
и стишки садить в горшке
(твой берет широкополый
шампиньоном на башке),

грызть гурьбой гранит науки —
стоматологов спасать —
и от скуки и до муки
лед на палочке кусать.

Сова

На кустах чертополоха,
анонимкою, ничьей,
пореветь не так уж плохо
в тусклом мареве свечей.

Стебли крохкие, сухие —
режет кромка, ранит штырь.
Ночь накрыл епитрахилью
шелестящей нетопырь.

Мшистых тучек провисанье,
причитанье наверху.
Звуконосное касанье
с написаньем: "Ух-ху-ху".

Плач порочный, червоточный,
прогрызающий дыру,
плач полночный, внеурочный, —
потому что я умру.

И спросонья, в полудреме,
исповеданной виной,
от Фомы и до Еремы
явь стоит передо мной.

Здесь холодно, мой друг, не приезжай...

* * *

Затих январь и ночи хороши —
Молчат петарды, спят давно ракеты,
Не пьют в парадной юные эстеты,
Да и в округе спящей — ни души.
Хотя... Ползет замерзший господин
Сквозь ночь, а день к нему идет с востока.
Не так уж в этом мире одиноко
Бывает, даже если ты один.
А тяжело ходить по одному
В эпоху потрясений, драк, попоек.
Проходит век, но миг чего-то стоит,
Когда мы аплодируем ему.
Проходит шоу, вопреки словам,
Но жизнь течет, на миг не прерываясь,
И граждане, от дворников скрываясь,
Выбрасывают елки по ночам.

* * *

Мы молоды еще, но так силен
В нас страх судьбы: мороз идет по коже.
И потихоньку прошлое дороже
Становится всех будущих времен.
Полжизни прожито, но жизнь еще идет
И ветер, подгоняя, дует в спину.
Возможно все, но эту половину
Никто уже у нас не отберет.

грызть гурьбой гранит науки —
стоматологов спасать —
и от скуки и до муки
лед на палочке кусать.

Сова

На кустах чертополоха,
анонимкою, ничьей,
пореветь не так уж плохо
в тусклом мареве свечей.

Стебли крохкие, сухие —
режет кромка, ранит штырь.
Ночь накрыл епитрахилью
шелестящей нетопырь.

Мшистых тучек провисанье,
причитанье наверху.
Звуконосное касанье
с написаньем: "Ух-ху-ху".

Плач порочный, червоточный,
прогрызающий дыру,
плач полночный, внеурочный, —
потому что я умру.

И спросонья, в полудреме,
исповеданной виной,
от Фомы и до Еремы
явь стоит передо мной.

Здесь холодно, мой друг, не приезжай...

* * *

Затих январь и ночи хороши —
Молчат петарды, спят давно ракеты,
Не пьют в парадной юные эстеты,
Да и в округе спящей — ни души.
Хотя... Ползет замерзший господин
Сквозь ночь, а день к нему идет с востока.
Не так уж в этом мире одиноко
Бывает, даже если ты один.
А тяжело ходить по одному
В эпоху потрясений, драк, попок.
Проходит век, но миг чего-то стоит,
Когда мы аплодируем ему.
Проходит шоу, вопреки словам,
Но жизнь течет, на миг не прерываясь,
И граждане, от дворников скрываясь,
Выбрасывают елки по ночам.

* * *

Мы молоды еще, но так силен
В нас страх судьбы: мороз идет по коже.
И потихоньку прошлое дороже
Становится всех будущих времен.
Полжизни прожито, но жизнь еще идет
И ветер, подгоняя, дует в спину.
Возможно все, но эту половину
Никто уже у нас не отберет.

* * *

Здесь холодно, мой друг, не приезжай —
Темнеет в пять, светает в семь иль в восемь;
Здесь с октября по март — зима и осень;
Из всех желаний — разве только чай.
Здесь путеводной нет у прохожа.
Вот он лежит под прессом снежной глыбы.
В обледеневшем небе тают рыбы,
Похожие слегка на облака.
И сушатся пеленки на ветру,
А это значит — женщины рожают.
Они ни сил, ни денег не считают,
Поскольку знают, что они умрут.
И плачут без обиды и вины...
Но жизнь идет, и все не так уж плохо.
Здесь даже свет порой бывает в окнах
Поскольку, к счастью, не было войны.

* * *

Вот старуха — одна на свете,
Из своих сорока рублей,
Позабыв о своей диете,
Кормит кошек и голубей.
Обездоленный голубь мира —
Белокурый крылатый сноб,
Очерстевшим кусочком сыра
Набивает голодный зоб.
Отшумела его эпоха,
А ему все — до фонаря...
Ничего не бывает плохо,
Ничего не бывает зря.

Атипичная любовь

Губы губы погубили,
Целовав их просто так.
Про любовь не говорили
После водки натошак.

Что-то дерзкое шептали,
От помады покраснев,
И дыханье выпускали,
Насладиться не успев.

Обнимая папиросы,
Дым выпускали неспеша
И на глупые вопросы
Отвечали чуть дыша.

Потом снова целовали,
Только суше и быстрее,
Словно их давно уж ждали
У чужих, с замком, дверей.

Чуть-чуть треснули испившись,
Как иссохшие года,
Чмокнув в щеку и простившись,
Обманули навсегда...

Новый класс

Я ненависть с жалостью слил в бокал
И выпил залпом — за номенклатуру,
А завистью закусывать не стал,
Чтобы не портить питья культуру.

* * *

Здесь холодно, мой друг, не приезжай —
Темнеет в пять, светает в семь иль в восемь;
Здесь с октября по март — зима и осень;
Из всех желаний — разве только чай.
Здесь путеводной нет у дорожки.
Вот он лежит под прессом снежной глыбы.
В обледеневшем небе тают рыбы,
Похожие слегка на облака.
И сушатся пеленки на ветру,
А это значит — женщины рожают.
Они ни сил, ни денег не считают,
Поскольку знают, что они умрут.
И плачут без обиды и вины...
Но жизнь идет, и все не так уж плохо.
Здесь даже свет порой бывает в окнах
Поскольку, к счастью, не было войны.

* * *

Вот старуха — одна на свете,
Из своих сорока рублей,
Позабыв о своей диете,
Кормит кошек и голубей.
Обездоленный голубь мира —
Белокурый крылатый сноб,
Очерстевшим кусочком сыра
Набивает голодный зоб.
Отшумела его эпоха,
А ему все — до фонаря...
Ничего не бывает плохо,
Ничего не бывает зря.

Атипичная любовь

Губы губы погубили,
Целовав их просто так.
Про любовь не говорили
После водки натошак.

Что-то дерзкое шептали,
От помады покраснев,
И дыханье выпускали,
Насладиться не успев.

Обнимая папиросы,
Дым выпускали неспеша
И на глупые вопросы
Отвечали чуть дыша.

Потом снова целовали,
Только суше и быстрее,
Словно их давно уж ждали
У чужих, с замком, дверей.

Чуть-чуть треснули испившись,
Как иссохшие года,
Чмокнув в щеку и простившись,
Обманули навсегда...

Новый класс

Я ненависть с жалостью слил в бокал
И выпил залпом — за номенклатуру,
А завистью закусывать не стал,
Чтобы не портить питья культуру.

Одному повезло, он всю жизнь смотрел на тех, кто ниже его,
и был счастлив.
Другой — всегда смотрел на тех, кто выше, и страдал.
Третий интересовался лишь теми, кто был одного с ним роста,
и прожил жизнь, вглядываясь в зеркало...

Строки из летописи

"Люблю отчизну я, но странною любовью..."
М.Ю. Лермонтов.

Странна́ страна моя, странны ее дороги,
Странны ее князья, и на иконах боги
Похожи не на тех, кто крестится на них,
И мертвые, как встарь, живее всех живых.

Странна страна моя, странны ее налоги,
И мытари странны, возведшие чертоги,
Рождающие зависть нынешних господ,
И население — по прозвищу народ...

Странна страна моя, и я зеркально странен.
Мир предпочтя войне, я не убит, не ранен,
Но в плену, как будто, благостных желаний
Понять страну, где меньше жителей, чем граней.

Из цикла "Эмиграция"

Утро

— 1 —

Я в замке одна.
Никого, никого.
Холодное утро блестит за окном.
Забыта дорога,
Забыто родство,
Лишь думаю я
И пишу — на родном.

— 2 —

Пустой коридор за дверями притих.
Он ждет, он готов увеличить в сто крат
Значенье шагов ординарных моих
И слушать мистический этот парад.

— 3 —

Я в замке одна.
Я осталась за всех.
И жду неизвестно кого и чего.
Кусочек австрийского утра поверх
Моей головы, позабывшей родство.
И ночь проплясавший цыганский талант
Чужими шелками
Украсил мой век —
Сосед эмигрант отъезжал словно гранд,
И замком держался грошовый ночлег.

Одному повезло, он всю жизнь смотрел на тех, кто ниже его,
и был счастлив.
Другой — всегда смотрел на тех, кто выше, и страдал.
Третий интересовался лишь теми, кто был одного с ним роста,
и прожил жизнь, вглядываясь в зеркало...

Строки из летописи

"Люблю отчизну я, но странною любовью..."
М.Ю. Лермонтов.

Странна́ страна моя, странны ее дороги,
Странны ее князья, и на иконах боги
Похожи не на тех, кто крестится на них,
И мертвые, как встарь, живее всех живых.

Странна страна моя, странны ее налоги,
И мытари странны, возведшие чертоги,
Рождающие зависть нынешних господ,
И население — по прозвищу народ...

Странна страна моя, и я зеркально странен.
Мир предпочтя войне, я не убит, не ранен,
Но в плену, как будто, благостных желаний
Понять страну, где меньше жителей, чем граней.

Из цикла "Эмиграция"

Утро

— 1 —

Я в замке одна.
Никого, никого.
Холодное утро блестит за окном.
Забываю дорога,
Забываю родство,
Лишь думаю я
И пишу — на родном.

— 2 —

Пустой коридор за дверями притих.
Он ждет, он готов увеличить в сто крат
Значенье шагов ординарных моих
И слушать мистический этот парад.

— 3 —

Я в замке одна.
Я осталась за всех.
И жду неизвестно кого и чего.
Кусочек австрийского утра поверх
Моей головы, позабывшей родство.
И ночь проплясавший цыганский талант
Чужими шелками
Украсил мой век —
Сосед эмигрант отъезжал словно гранд,
И замком держался грошовый ночлег.

— 4 —

Дороги отсюда
Уводят в Рим.
Разъехались все.
Я, наверно, должна
Придумывать судьбы счастливые им.
За этим я в замке осталась одна.

— 5 —

Так тихо, как будто все в мире грехи
Замолены кем-то, имеющим дом.
И можно еще наболтать чепухи,
И всласть помечтать,
И писать — на родном.

Небо Италии

— 1 —

Страшно не то, что оставлен дом
И роздано прошлое неизвестно на чью потребу,
А то, что чувствую себя как фантом
Меж созвездий, расставленных по новому небу.

— 2 —

Каждый мой
Последующий шаг
Все дальше уводит от привычного ориентира.
А инакомыслящий Зодиак
Переворачивает основы мира.

— 3 —

Закрываю глаза, представляю себе небосвод
Со звездой, у которой теперь уже нет назначения.

Ночью небо России похоже на дом сирот,
Коль от каждой звезды отлучают гения.

— 4 —

Итальянское небо, в котором себя не найти,
Хоть возьми телескоп
и обследуй квадрат за квадратом...
Так умерший, проплавав еще в бытии,
Не поняв, что к чему,
не распавшись на клетку, на атом,
Наконец-то умрет, потрясенный, возле белых зеркал.
Белых-белых, как шок отразившихся близких.

Так и я,
Здрав подбородок, чтоб исполнить вокал,
В этом зеркале жизни
Не вижу самой вокалистки.

А. Г.

В Италии

— Где загорали вы? — В Италии,
На склоне года, в ноябре,
В предместье Рима, в той дыре,
Что и названия не слышали вы,
Что и на карте не искали вы,
В такой невиданной мечтании
Я загорала в ноябре.

Сияли глянцами магнолии.
Все было так, как говорю.
И тосковала я не более,
Чем принято в сием краю.
И восхищалась я: в Италии,

На этом самом берегу
Я ль очутилась, я ли, я ли? Я?..
И плыл, обернутый в фольгу
Кусочек жизни в поднебесье
Туда, где нет уже тепла,
Где я была, где быть могла —
К далекой, дорогой... К Одессе...

* * *

К.

Что нынче творится в дремучем лесу?
Наверное, холод — зима на носу,
Наверно, сверкает земля по утрам,
И веет этюдами вьюги от рам.
Прорваться хотя бы на миг из тепла
Туда, где сидит человек у стола
И чистит ружье, и глядит на огонь.
Ему на плечо положу я ладонь.
Потрется щекой о мое колдовство,
И скажет тихонько: здесь нет никого.
И как-то внезапно закончится день,
И вьюга на стекла надует мишень.
Он примется снова за чистку ружья,
И жаль, что добычею стану не я.

К Венеции

— 1 —

Зимний воздух работы венецианских мастеров
Переливается в обрамлении кварталов.

Иллюзией двойственности миров
Наполнены кладези каналов:

Там колыхнется роскошь зацветших илом дворов.
И плещущая о стены праматерь Хаоса
Сочленяет отражения и объекты, как сиамских близнецов,
Этажами нижнего яруса.

— 2 —

Гондола со статуэткой гондольера
Покачивается в лужице золота.

Детали собора, где для полноты интерьера
Не хватает только серпа и молота,
Веселятся и утверждают собственные каноны.
Спертые кони и фиктивные колонны
Разрастаются на солнце, будто в них подмешали дрожжи.

— 3 —

Над этими водами носился Дух Божий!

— 4 —

Венеция, ты будешь сниться всегда
Той, что смотрелась в твои каналы,
И печалилась, что не оставила ни следа,
И о будущем ничего не знала.
Снись ей,
Как страннику снится Кров,
Чтобы не шел в бездуховном унынии,
Снись — вместо вытатуированных снов
На мозга исколотой половине,
Когда имя, написанное по-латыни,
Отчуждается от его родослов,
И когда шлагбаум опускается под стать гильотине —
Снись!

Одесса — США

Мгновенье — мимо — осенним листком...

* * *

На песке — ненужные ракушки.
 На песке — забытые следы.
 И подслеповатые старушки —
 Звезды — наблюдают с высоты,

Как по зыбкой ниточке прибою,
 Оставляя неглубокий след,
 Я иду, как будто бы с тобою,
 Но тебя на самом деле нет.

Оттого-то я глаза не прячу,
 И моя рука — в руке твоей...
 А старушки в небесах судачат
 О печальной выдумке моей.

* * *

Мгновенье — мимо — осенним листком,
 Как ветер в дверную щель...
 И ангел с чертом сидят за столом
 В одной уместясь душе.
 А осень такой заварила чай,
 Такой пирог испекла...
 И между ними дрожит свеча
 На самом краю стола.
 Черта все тянет пуститься в путь,
 На все отыскать ответ.
 А ангел, готовый вот-вот уснуть,
 Тихонько глядит на свет.
 И между ними нечеткий миг
 Помимо добра и зла.
 Их мирит в сердце дрожащий блик —
 Свеча на краю стола.

Куда исчезают забытые сны?

* * *

Куда исчезают забытые сны?
 Где прячутся звезды, упавшие с неба?
 Зачем превращаются грезы весны
 Осенней печалью в холодную небыль?

Кто дарит нам дерзкое право любить,
 Окутав рассудок волшебным дурманом,
 И как удержать путеводную нить,
 Столкнувшись с холодным презреньем обмана?

И тысячи мыслей несут в бесконечность
 Вопросы, что нам не дано разрешить.
 Из тысяч вопросов рождается Вечность
 С заглавным и вечным: "Быть или не быть?"

Усталого неба коснется закат,
 Украсив лиловыми бликами море,
 Деревья не шепчут, и камни молчат.
 Вечерние сумерки тонут в миноре.

Печальный, задумчивый, ласковый Сон,
 В спокойном величии серого цвета,
 Достанет из пыли седой патефон.

И тихая музыка вместо ответа,
 Войдя в незаметно открытую дверцу,
 Заполнит пустыню разбитого сердца.

Мгновенье — мимо — осенним листком...

* * *

На песке — ненужные ракушки.
 На песке — забытые следы.
 И подслеповатые старушки —
 Звезды — наблюдают с высоты,

Как по зыбкой ниточке прибою,
 Оставляя неглубокий след,
 Я иду, как будто бы с тобою,
 Но тебя на самом деле нет.

Оттого-то я глаза не прячу,
 И моя рука — в руке твоей...
 А старушки в небесах судачат
 О печальной выдумке моей.

* * *

Мгновенье — мимо — осенним листком,
 Как ветер в дверную щель...
 И ангел с чертом сидят за столом
 В одной уместясь душе.
 А осень такой заварила чай,
 Такой пирог испекла...
 И между ними дрожит свеча
 На самом краю стола.
 Черта все тянет пуститься в путь,
 На все отыскать ответ.
 А ангел, готовый вот-вот уснуть,
 Тихонько глядит на свет.
 И между ними нечеткий миг
 Помимо добра и зла.
 Их мирит в сердце дрожащий блик —
 Свеча на краю стола.

Куда исчезают забытые сны?

* * *

Куда исчезают забытые сны?
 Где прячутся звезды, упавшие с неба?
 Зачем превращаются грезы весны
 Осенней печалью в холодную небыль?

Кто дарит нам дерзкое право любить,
 Окутав рассудок волшебным дурманом,
 И как удержать путеводную нить,
 Столкнувшись с холодным презреньем обмана?

И тысячи мыслей несут в бесконечность
 Вопросы, что нам не дано разрешить.
 Из тысяч вопросов рождается Вечность
 С заглавным и вечным: "Быть или не быть?"

Усталого неба коснется закат,
 Украсив лиловыми бликами море,
 Деревья не шепчут, и камни молчат.
 Вечерние сумерки тонут в миноре.

Печальный, задумчивый, ласковый Сон,
 В спокойном величии серого цвета,
 Достанет из пыли седой патефон.

И тихая музыка вместо ответа,
 Войдя в незаметно открытую дверцу,
 Заполнит пустыню разбитого сердца.

Знакомство с художником

(выставка керамиста Олега Бугайцова)

В ритмах Планет — миллиарды точек,
Пластика линий — живой экстаз.
Странные знаки геномных строчек,
Пристальный взгляд обнаженных глаз.

Переплетенье кармических треков,
Перерождение космических снов,
Память встречает расцвет ацтеков,
Магия времени — миг веков.

Нитью суровой защиты срывы,
Преданно стиль бережет лицо,
Прячутся в масках души нарывы,
Тайну Вселенной хранит яйцо...

Расположись на ветвях сплетенных,
Дерево Жизни — земной оплот.
В мудром пространстве свечей бессонных
Мастер рождает заветный плод.

Мимо летящий просвет Зарницы
Вселит в дыханье рассветный сок,
Чтобы запели в картинах Птицы,
Жизненной силы даря глоток!

Яблочный трепет в холодной Рыбе —
Радует Птицу насущный корм...

Только Творец в придорожной глыбе
Видит простую Нетленность форм.

Колыбельная

Спи, моя радость, усни.
День был заботами сыт,
Спи. Мы погасим огни —
Нас темнота удивит.

Кошка, свернувшись клубком,
Тихо мурлычет пассаж.
Синим своим угольком
Ночь нарисует пейзаж.

Тень кружевных облаков
Город укутала в сон.
Дарит забвенье веков
Млечный небесный неон.

С моря, подкравшись, туман
Тихо, как призрак босой,
Прячась в зефирный саван
Ночь умывает росой.

В сетях кленовых ветвей
Прячется свет фонаря.
В далях туманных полей
Где-то скучает заря.

Ночь тихим голосом сна
Сказку поведает вновь.
Спи. Скоро будет Весна.
Скоро вернется Любовь...

Внезапно время медленнее стало...

В середине апреля 2002 года одесситка Лена Гассий умерла... Возможно, все ее творчество, как, впрочем, и некоторые особенности душевного склада, вроде пристального интереса к теме космических пришельцев, — это мучительная, так и не утоленная жажда общения, свойственная людям (не говоря уже о поэтах) во все времена.

Алексей КОРОЛЕВ
Москва

* * *

Я не люблю смех,
Если он сверху — вниз,
Я не люблю снег —
Летний люблю бриз.

Я не люблю рек,
Ила и дровосеков,
Моря люблю бег,
Теплый песок на веках.

* * *

Все энергичней стрелки на часах,
Веду себя чем старше, тем приличней.
Но зимний день не станет симпатичней
В моих не очень молодых глазах.

Мне не вернуть разбитого корыта,
Пригодного для корма голубей.
Земля не первым инеем укрыта,
И он уже не будет голубей.

* * *

Теперь понятно, что вслух — напрасно,
Земля квадратна, краснее Марса.
Метель взбесилась — и в глаз, и в бровь,

Мороз и сырость впитались в кровь.
Неподалеку — мой дом, тепло,
Дойти — морока, все замело.
Я околею. Прошу — пусти,
Мне до аллеи не добрести.
Ей так приятно, что я мала,
Земля квадратна, вблизи — бела.
Так нужно, старой, себя опять
Лазурным шаром осознавать.

* * *

Внезапно время медленнее стало,
И шторм некстати перестал шуметь.
Июль прошел печально и устало,
Но любо было на него смотреть.

Дорога к ночи кажется короче,
И август разгоняет облака...
Сюда еще бы море приурочить
И шторм, теплей парного молока.

* * *

Отражаются в рельсах
Светофор и Луна.
Остановка троллейбуса
Перенесена.
К ней дорога длиннее,
Чем любые года,
Но спокойней старею,
Чем старела всегда.
Полноты ощущений
Не хватает на грусть.
Кроме собственной тени
Ничего не боюсь.

* * *

Сам не знаешь, чего ты хочешь,
Может, в небо, да поскорее.
Я б тебе подсказала...
Впрочем, Не намного тебя мудрее.

Чем оправдываться уныло
И, тем более, не по делу, —
Если б я тебя не любила,
То давно бы тебя воспела.

Если б я тебя не любила,
Ты бы это и сам заметил
И мои последние силы
Не развеял бы, словно ветер.

* * *

Не хочу становиться больше
Ни добрее я и не злее,
Не хочу, чтобы стало горше,
Не хочу, чтобы — веселее.

Пустота бессонная ночи
Набирает темп, набирает,
Ничего, ничего не хочет,
Ни о ком ничего не знает.

Между будущим и небывшим
Ни предвидений, ни догадок.
Одиночество, в смысле высшем,
Почему-то пришло в упадок.

Утром будет намного легче,
Может быть, даже солнце выйдет,
Может быть, но оно далече
И совсем ничего не видит.

* * *

Я, конечно, раскаялась,
Только не успокоилась,
Жизнь такая не правилась,
А другая не строилась.
Выход есть, не один еще,
Но хорошие — так редки.
Скажем, прямо в чистилище
За повадки и выходы —
Вот где взгляды отважные,
Ни в кого не влюбленные,
Так точны и отлажены,
Как часы электронные.

* * *

Сказали: вернись.
Он вернулся, но старым.
Сказали: орлом, —
Но вернулся он волком.

Сказали; приснись.
Он приснился кошмаром.
Сказали; живи, —
Но он прожил недолго.

Потом говорили,
Что был он упрямым,
Потом говорили,
Что был он жестоким,
Потом говорили,
Что глупым и пьяным
Писал он свои
Непутевые строки...

* * *

Молодо вокруг и зелено,
Весело вокруг и чисто,
Я оглядываюсь медленно,
Отворачиваюсь быстро.

Говорят, нельзя раскаиваться,
Но должна признаться, братцы,
Все труднее успокаиваться,
Все нелепей просыпаться.

Провела так много месяцев,
И не месяцы, — а годы,
На площадке возле лестницы,
Слившей символом свободы.

* * *

Весна перебродила,
И снова морем веет.
Причал волной накрыло,
А тучи — небо греют.
От такой погоды
На свой скрипучий лад
Спасательные лодки
На привязи скулят.
А лодкам подвывают
Далекие собаки,
И звезды проступают,
Как водяные знаки.

* * *

Разумеется, привлек
Общее внимание
Взбаламученный поток
Твоего сознания.

...Нет, понять мне не дано
Дум твоих и чаяний,
С композитором Гуно
Спутанный нечаянно.

* * *

Лоб — в морщинах каких-то вычурных,
Драматических, ненормальных,
И показывать непривычно их,
Прятать — тоже ненатурально.

Хоть не тает стеклянное крошево
В темном сердце, бьющем на жалость,
Не осталось во мне хорошего,
Ну ни капельки не осталось.

* * *

Серая весна. Желтый суп приносят.
Видимо, десна витаминов просит.
Каменный забор, каменные лица,
Каменный дозор... Если что и снится —
Темные века, вырванные годы,
Тонут облака в омуте свободы...
Кто-то по привычке, кто-то сжился, сжался,
Но по фазе сдвиг навсегда остался
В сердце и в уме, в подлинности чувства.
Краше макраме не было искусства...
Вот и кушай суп, открывай консервы,
Сам себе не люб, — действуешь на нервы.
Нет, не образец силы и умения
Человек — творец своего забвенья.

Из альманаха "Предлог" (Москва)

Оденеск

Памяти Иосифа Бродского

Помнишь, Йозеф, под какой
ритм метрической стопой
Оден шел затакт и в такт,
проводя Йейтса так.

Оттого-то в этот день,
где мелькнула Йейтса тень,
(дважды смерть о той поре —
двадцать восемь, в январе)

в тот же путь иду опять
в стопах горе измерять.
Шаг, катрен, за шагом шаг,
как и следует в стихах.

Так — хорей, хорей, удар —
метры меряет беда.
Повторение — закон,
вызубрен со школы он.

Также в мире и в поэте —
повторенье хлада смерти.
Леденеет летный путь
в Дублине, и стынет грудь.

У Горация нет од,
чтоб разрушить этот лед.
Ни топор и ни катрен
не рубят этот плен.

Лед с архангельскими бликами
месяца двуликого.

Лед, как в Дантовом аду,
сердце вымерзло во льду.

Водку с перцем ты привез
в Массачусетс в злой мороз.
Сердце мне согрел и дух
перед общим чтеньем вслух.

Водка с перцем или без,
виски, аквавит, шартрез
не вернут крови щекам,
цвета шуткам и стихам.

Каламбур на грани фола —
шутки с сектой, секс-и-колой.
Вопреки всему всерьез
пил, курил, как паровоз.

Паровоз идет на Запад
по Финляндии. Азартно
хлещем рифмой — сто на сто,
словно картою — о стол.

Лясы точим. По жару
направляясь в Темпере.
(Словно Ленин, в свой черед,
только — задом наперед.)

Не вернуть тех дней, увы,
запрокинутой главы —
точно с крыши разум съехал
вспышкой разума и смеха.

Каламбуров не вернуть,
как и спешки в стихо-путь.
Стансов странствием гоним,
ты к вершинам шел по ним.

Носом вверх, стою в пол,
ты английский так завел,
как авто угнал бы ас
(с русским баком про запас).

Обожаемый язык
к смертной пыли не привык:
как ни верил ты словам,
тленный плен тебя сковал.

Земляные пироги
на пиру у мертвых — гимн
Гильгамешу — и завет
Одена: вкуси, поэт.

Электрический свет

Воск свечи застывал с разводами сажки от фитиля...
Сбитый ноготь большого пальца
с поверхностью выщербленного жемчуга

был в древних кварцевых морщинах.
Я впервые увидел электрический свет
в доме, где она сидела в шлепанцах на меху,

год-вздох, год-выдох, на том же стуле,
шептала голосом, громче которого был лишь шепот.
В ту ночь мы оба отчаялись, когда меня

оставили там, и я плакал и плакал
под одеждой, под напрасно горящей лампой
в спальне всю ночь. "Боже, ну что,

что болит у тебя, дитя?" Срочные
давние дальние боли, страшнее
пещерных вод. Ее беспомощность не помогла.

* * *

Возвращенье хрипа, дуновенье шепелявых согласных.
Всплески между судном и доком, куда,
animula, я со временем возвращаюсь живым,

с поворотом и плеском парома вниз по озеру Белфаст
к до краев застекленному транспорту поездов,
к самой сути "Вот — ты — где — где — ты?"

поэзии. Спины домов подобны ее спине.
Скотобойни и прессы во дворах, выходящих
к полустанкам морской Британии,

золотые поля пшеницы.
Я приехал в Саутворк, выйдя из пасти туннеля
на солнечный свет, где дышала Темза.

* * *

Если встать на стул с выгнутой спинкой, я мог дотянуться
до выключателя, мне разрешали, за мной наблюдали.
Касанием крошечной кнопки включить волшебство.

Повернуть их ручку без проводов, чтоб зажегся свет
на шкале. Мне разрешали, за мной наблюдали,
как я вольные волны ловил на всех станциях мира.

А потом все ушло. Завершились новости
И Биг Бен. Отключили радиосеть,
за исключением — тишина, кроме

тиканья спиц для вязанья и ветра
в дымоходе. Она сидела в шлепанцах на меху,
над нами сиял электрический свет, я боялся

грязного кремнеобразного излома ее ногтя.
Жесткий, блестящий, он, наверно, все еще там
среди бусин и позвонков в земле Лондондерри.

Из сумки

Из сумки Дока Керлина мы все.
Он приезжал с ней, исчезал в дверях
и появлялся снова, чтоб помыть

носатые пузатые свои
в тазу ладони. Открывалась нам
(цвет ушка спаниэля изнутри)

изнанкою зияющего рта
пустая сумка. Доктор, как факир,
разматывал нас, прятал инструмент,

перевязав и обернув его,
как фартуком, назад, в ее нутро;
затем он с пухлой сумкою в руках

в дверь уплывал ковчегом, спрятав киль...
До следующего раза, и опять
входил, укутан в мех воротника,

ссутулившись. Стерильный запах спирта,
голландский блеск сатиновой подкладки
его жилета, блики на пинцете.

И было важно приготовить воду —
Не кипятка, и не едва живую,
но дождевую, для него специально:

"Спасибо вам" — "Ну что вы, вам спасибо",
он быстро, жестко руки вытирал
и подставлял их резко под пальто

верблюжье с мягким шелком изнутри.
Однажды взгляд гиперборейских глаз
на мне остановился, точно две

замочных скважины, куда я всякий раз
смотрел, когда он был у нас. Фарфор,
лед с молоком и зябкой белизны

блестящий кафель, сталь крючков и хром
стерильных инструментов, на полу
в опилках — кровь густеющая. Вверх

смотреть — и вот уже младенца части
являются на свет: вот ножки, ручки,
лодыжки, локти, пальчики и пенис,

как розовый бутончик в бутоньерке.

II

Poeta doctus Петр Леви сказал:
святилища Асклепия (они же
асклепионы) были как больницы

в Элладе. Или Лурдские часовни,
как говорит poeta doctus Грейвс.
Я говорю, поэзией леченье.

Так в Эпидавре я внезапно понял,
что место это — тот же санаторий
с гимназиумом, ванными, театром,

площадка инкубации техничной
и ритуальной, означавшей сон,
когда случалось вам богоявление...

Бесшляпый, шаткий, собственной тенью
я с жертвенником шел по площадям —
то было в Лурде в '56.

И я едва не потерял сознание
от дыма и жары, потом еще раз,
когда нагнулся за пучком травы

и ясно вдруг увидел: доктор Керлин
стоит у запотевшего стекла
на кухне, достает огромным пальцем

мужчин с малюткой органа внизу
и женщин с точками грудей. Всем роздан
сосисочный набор из рук и ног,

и эти вскоре начинают бегать.
Потом их опускают в воду с пеной,
и чудо: крошка собран по частям,

в стерильных мыльных он плывет ладонях.
И я туда попал, слепой от пота,
дрожащий на безветренном свету.

III

Пучки травы сорвал я и отправил
тому, кто шел на химиотерапию,
но и тому, кто все уже прошел.

Я не хотел оттуда уходить.
Пол-день, пол-мая и дотуристический
свет солнца во владеньях Бога.

И там, где храм Асклепия стоял,
мне просто очень захотелось лечь,
в траву зарыться, чтобы посетила

меня при самом ярком свете дня
Хигея, дочь его, чье имя значит
небесный свет, каким она была.

IV

Та комната, откуда вышел я
и все мы, остается так реальна.
Я в ней стою один, она все спит

в принесенных для Дока простынях —
подарки к свадьбе, как они обычно
нужны при родах и похоронах.

Я здесь, где инкубация, у койки,
в нее вперяюсь взглядом, появляюсь —
она то смежит веки, то откроет,

то поплывет с далекою улыбкой.
И я вхожу в сии владенья взора,
чтобы помочь или услышать шепот

с триумфом пополам: "Ну, что ты скажешь
о милой крошке, что принес нам доктор,
всем нам, пока я здесь спала?"

Посещение больного

Помазанник и прочая, отец
напоминал мне Феликса Рандаля
у Хопкинса.

Затем он вырос
до "маленького в собственной одежде"
(как сам же говорил) —
реликт и призрак —

он призрачное нечто снял с себя,
ту часть, что так давно пустила корни
в нортумбрианство. Скованный теперь,
лет в восемнадцать с посохом бродил
по улицам Гексхэма он, имея
задачу: тело дяди привезти
домой паромом для скота.

Сперва — возница духов. Рулевой.

Ни одного из сбитых двух сандалий.

Твид цвета кизяка и бычьей крови кожа.

* * *

Глаза асессора и счетчик в голове
всей сволочи — кто, где, в каком году...
Прошло и это. И предосторожность.
То приоткрытой, то прикрытой щелью
двери его улыбка. Слабый свет.
За что мы скажем морфию спасибо.

Люпины

Они стояли. Так стоят за что-то.
Стояли, не сгибаясь. Там, на месте.
Наверняка. Почти бесповоротно.
Цветы ночей и зорь розовоперстых.

Сперва пакет лазурно-голубых
семян с их легким нервным ощущением:
люпинов стрелки с эротизмом в них,
глубокое земли приобретение.

О башенки пастельные, стручки
и конусы отстаивавших лето
растений, вылученные полки.
И как-то выше пониманья это.

Перевод с английского
Людмилы ХЕРСОНСКОЙ

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Алена ЯВОРСКАЯ
Ах, Александр Сердцевич... .216

Валентин МАКСИМЕНКО
Достоинство таланта .228

Александр КНЯЗИК
Философия и фантазия .237

Татьяна БАСАНЕЦ
"Самоубийцы" .239

Феликс КОХРИХТ
Юрий Кузнецов: "Мне есть кем
поделиться с одесситами" .246

Ах, Александр Сердцевич...

Жил-был художник один... Жил в Одессе в очень необычное время — расцвета левого искусства. Уже никто не вспомнит сейчас молодого Сандро... Сейчас нам это имя скорее напомнит героя Фазиля Искандера "Сандро из Чегема". А он был Сандро Фазини из Одессы. Сохранилась старая семейная фотография. Высокий стройный юноша с горящими глазами, гибкий, как клинок, словно готовый шагнуть из застывшего мира фотографии нам навстречу, в грядущее. Воспоминаний о нем не писали. Каким он был — уже никто никогда не скажет.

Впрочем, его младший брат, ему подражавший, даже в самые лютые и оборванные дни был похож на парижского франта — с таким не одесским изяществом носил он свою кепку и заштопанное кашне. Именно Александр Файнзильберг заразил Илью любовью к Франции, ее литературе, искусству, языку.

Молодой Александр, Сруль Файнзильберг, год рождения 1892-й. Так долгое время указывали в тех словарях, куда каким-то чудом попал забытый художник Сандро Фазини. Но, когда в декабре 2002 готовились отметить 110-летие со дня его рождения, выяснилось, что Сруль Арье родился 23 декабря 1892 (4 января 1893) в Киеве. Единственный из братьев

S. Fasini

Файнзильбергов, родившийся не в Одессе, он, как и младшие, детство и юность провел в Одессе. Окончил 2-е еврейское казенное училище. Рисовал, фотографировал — и чуть ли не с пятнадцати лет публиковал свои работы на страницах журналов.

Он родился художником, был просто обречен стать художником. И не в том дело, что учился в знаменитом Одесском художественном училище. Александру едва исполнилось восемнадцать лет, а одесский журнал "Крокодил", известный всей России, уже числит его своим сотрудником. И со второго номера появляются заставки, виньетки, обложки — то легкие, лаконичные, одним росчерком, то изощренные. Он еще играет псевдонимами: А. Ф., S. Fasini, S. F., С. Фазини. Уже будучи известным художником, поступает в художественное училище (ради "корочки", как сказали бы мы сегодня). Его карикатуры, остроумные, по-бердслеевски изысканные в "Крокодиле" 1911 года сменяются футуристическими на страницах журнала "Театр и кино" в 1916.

Альманахи стихов, положившие начало знаменитой одесской юго-западной школе выйдут с обложками его работы. "Серебряные трубы" — изысканы и немало вычурны.

"Мы знали все — нас встретят грубо.
Но все ж, сметая с улиц сплин,
Поют "Серебряные трубы"
За пыльным зеркалом витрин", —

писали молодые поэты в рекламе.

А затем были "Авто в облаках" ("Если у Маяковского — "Облако в штанах", почему бы в Одессе не быть "Авто в облаках"? — резонно вопрошали авторы) с яркой, авангардной обложкой и портретами, исполненными в манере кубистов. Портрет же Петра Сторицына из последнего, не

увидевшего свет альманаха, вполне можно принять за работу самого Пикассо. Именоваться альманах должен был "Смутная алчба". Но... наступили смутные времена. Смутные, но с неожиданно бурной культурной жизнью. И как символично, что Фазини примыкает к Обществу Независимых художников, или попросту Независимых.

Можно сказать, что если старик Фунт сидел при всех властях, то Фазини выставлялся при всех властях: австрийцах и французах, большевиках, добровольцах. Работы его

указаны в каталогах художественных выставок 1917-1919 гг.: "независимых" художников, в ноябре-декабре 1917, 1918, 1919; Первой народной выставки картин, плакатов, вывесок и детского творчества в июле 1919. В рецензиях его неодобительно называли "кубистом". Самая остроумная и ядовитая из газет того времени "Перо в спину" удостоила художника чести быть занесенным в "Галерею одесситов":

"По происхождению, конечно, итальянец. С разрешения Гершенфельда и Нюренберга — очень талантлив.

В детстве, по недосмотру няньки, ударился темечком о кубики и с тех пор страдает "плясом недоумелой свечки".

Прославился на шумевшим в свое время автопортретом — "Свет керосиновой лампочки" (обыгрывается название одной из его работ).

Наверное, в том же стиле было расписано и литературно-артистическое кабаре "Веселая канарейка" в подвале Крымской гостиницы, в доме № 1 по Сабанееву мосту. "Стены сплошь расписаны по эскизам лучших одесских и петербургских художников". "Подвал отделан по эскизам художников В.Н. Мюллера, С.С. Олесевиича, А.А. Фазини, С.С. Зальцера и др.". "В "Канарейку" будут пропускаться актеры, журналисты и художники. Остальная публика по исключительно высоким ценам". Ах, как там было весело. Но... сменилась власть, исчезли росписи со стен, да и дом не уцелел...

Ироничность, остроумие — родовая черта братьев Файнзильтберг. И неудивительно, что Сандро участвует и в сатирическом журнале "Бомба" 1917 года, и в разухабисто-веселой газете "Яблочко". Теплая компания там собралась: С. Олесевиич, Продаевич и Фазини. Они шутливо называли себя "ПОФ". Редакция ехидно обозначила их поэтами и беллетристами, а Э. Багрицкого, Ю. Олешу, Анатолия Фиолетова — художниками. Что ж, Фазини и впрямь стал поэтом. Он писал стихи, называя их "поззо-эксцессами":

Воззвание

Разве не тошно,
Что всякая повальная знаменитость,
Как, например, Максимилиан Волошин,
Когда вы уже злитесь,
Занимается уженьем грамотной рифмы?
Разве не приятней,
Что на каждой крыше трубы
Грубо квадратные
Вытягивают губы.
Боже мой,
Радуйтесь, что это я на валторне
Ухищряюсь ногой
Играть так проворно,
Что у каждой женщины рвутся прыщи любовные?
И разве не солнце
Взбучивает пузырями нервы?
И разве не немцы,

Не немцы первыми
Спасут революцию?
Так почему же носы у всех в трауре
И потные лица?
Ну где же амбиция?
Бейте же по мокрому,
Весело войте под окнами,
Вытирая слезы горбами: —
Это нужно для Революции.

Впрочем, писал он и вполне серьезно — о художнике Анри Руссо. Ах, Франция, Париж, Монмартр...

При большевиках работал в окнах ЮгРОСТА. Один из его товарищей, Арго, вспоминал: "Фазини, брат Ильфа, хороший график, переехавший в Париж, где живет и по сей день". Это опубликовано в 1965 году. Ах, если бы так...

Валентин Катаев в повести "Трава забвения" писал: "...громадный щит-плакат под Матисса работы художника Фазини — два революционных матроса в брюках клеш с маузерами на боку на фоне темно-синего моря с утюгами броненосцев", — Фазини верен себе при любой власти.

По рассказам старожилов, вроде бы в 23 году перебрался в Харьков, тогдашнюю столицу Украины, сотрудничал с ЛЕФом, а с 1924 — обосновался в Париже. Но это со слов — а словари единодушны — в Париже с 1922-го.

И действительно — в начале 1922 года Фазини эмигрировал. Надо сказать, продолжив семейную традицию: практически все родственники Арье Файнзильберга еще в конце девятнадцатого века перебрались из Америки. В конце двадцатого века тамошние Файнсилверы передали племяннице Сандро, А.И. Ильф, копию письма в Америку. Оно отправлено 23 апреля 1922 из Константинополя дяде Натану: "К сожалению, сейчас нельзя делать выбора, и выбирать Россию сейчас как поприще — значит выбирать смерть".

Ах, как хорошо, когда мечты сбываются. И даже лучше, что Сандро в Париже с 1922-го. Ведь впереди у него жизнь парижского художника, участие в таких салонах — Осеннем, Тюильри, Независимых (а характер-то остался тем же). В Одессе его называли кубистом, в Париже — сюрреалистом. В галерее Вавен-Распай висели рядом работы Фазини и Пикассо.

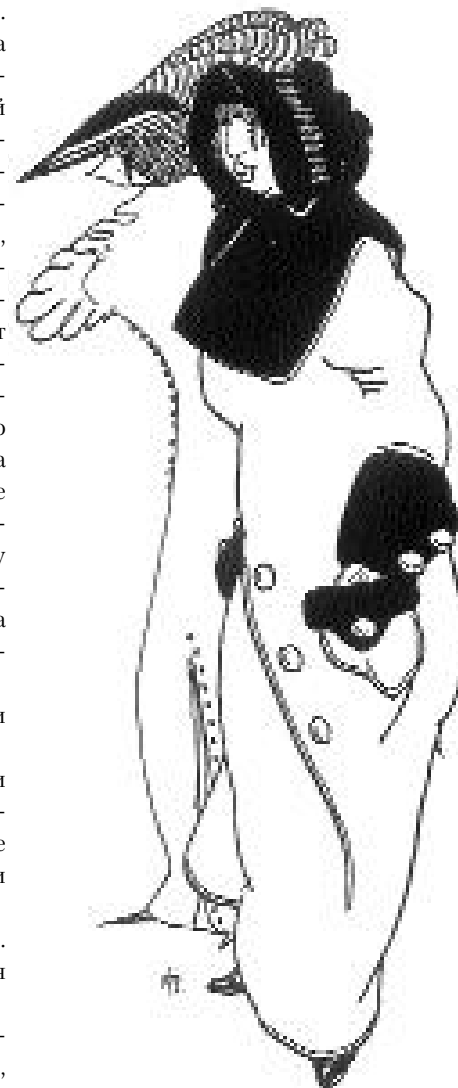
Но живописью особенно не зарабатываешь. А Сандро теперь — человек семейный. Его жена — одесситка Аза Канторович. Фазини занимается рекламной фотографией — пригodiлось второе увлечение. Но даже в снимках интерьеров и мебели угадывается ироничный взгляд (или, правильной, рука). Он снимает в Италии, Швейцарии, Испании, Бельгии. Приглашают его как "фотографа-модерниста". Занимается и художественной фотографией — его работы были представлены на Международной выставке 1937 года. Сохранились письма Фазини младшему брату Илье в Москву, во время поездки И. Ильфа и Е. Петрова во Францию, в 1933 году братья встретились.

Парижский художник и фотограф Сандро Фазини...

Пишет отцу и братьям, и все у всех так хорошо складывается. Ах, как хорошо все складывается у братьев — и во Франции, и в России.

Умирает Ильф — в 1937. Начинается Вторая мировая война — в 1939.

Горькая мудрость предков: если бог хочет покарать, он исполняет мечты. Как мечтал юный Сандро о Франции,

Париже, Монмартре. И жил он здесь двадцать лет. Но Мекка художников десятих годов обернулась Голгофой в сороковых.

20 июля 1942 года Сандро Фазини арестован. Концлагерь Дранси под Парижем, затем Освенцим-Аушвиц. В 1944 году казнен вместе с женой в Аушвице.

Как написал поэт, погибший в другом, сибирском концлагере на шесть лет раньше:

Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть.
Все, Александр Герцевич,
Заверчено давно.
Брось, Александр Сердцевич,
Чего там! Все равно.

В семейном архиве Александры Ильф сохранились письма Фазини. Два из них — дяде Натану Файнзильтбергу в США и Марии Николаевне Ильф печатаются с любезного разрешения А.И. Ильф.

Фазини — М.Н. Ильф

7 мая 1937

Дорогая Маруся

мы получили Ваше письмо и книгу почти одновременно. Если я сам до сих пор ничего не писал Вам, то это только потому, что я не находил нужных слов. Только с Вашим письмом я по-настоящему осознал весь ужас того, что произошло. О смерти Илья я узнал на другой же день, 14-го в половине второго дня, по радио. Я почти никогда не слушаю радио днем. В этот день я почему-то открыл его. Я услышал конец какой-то английской телеграммы и вслед за этим, немедленно, французский пост объявил о смерти Илья. Это было так внезапно, так оглушающе, что я даже не был в состоянии верить или сомневаться в том, что я услышал. В тот же день вечером я нашел заметки в газетах "Temps" и "Ce soir".

Я постоянно думал об Илье, а в последние дни особенно часто. Я мечтал о том, что он придет сюда, как когда-то мне обещал, с Вами, с ребенком. Такие люди, как Илья, никогда не уходят, не уезжают совсем. Они всюду ос-

тавляют по себе часть себя. Улицы, по которым мы с ним бродили, до сих пор насыщены им. Маленькое синема, что подле меня и в которое Илья так любил ходить, всякий раз, когда я прохожу мимо него, заставляет меня особенно интенсивно думать о нем.

Я мало знал Илью юношей. Я узнал его по-настоящему только здесь, в первый его приезд. Я Илью не только полюбил, я влюбился в него. В нем столько было очарования. Илья меня восхищал своим умом, совершенством своего характера, и если я когда-либо испытал настоящее чувство гордости, то именно в этот период нашей близости.

Уже в первый раз, когда он пришел ко мне, я отнесся с некоторой подозрительностью к румянцу на его щеках. Мне казалось, что я не помнил его таким, но он был так бодр, так весел и разговорчив, когда мы оставались одни, что я скоро перестал обращать на это внимание. Конечно, он иногда пугал меня своей нервозностью, вспышками какой-то чрезмерной нежности. Но это были мгновения. Во всяком случае, в течение этого месяца он ни разу не жаловался на свое здоровье, несмотря на то, что жизнь он здесь вел достаточно утомительную. Днем, в большинстве случаев, мы с ним бегали по городу. Вечером он всегда бывал куда-либо приглашен и приходил ко мне после 12 ночи. Оставался поздно и бесконечно рассказывал. Мне еще о стольком хотелось расспросить, о чем только он мне мог рассказать. Я все откладывал, все надеялся на то, что он придет на более продолжительный срок, и с Вами, что мы поедем к морю, где не будет никаких визитеров, ни беготни. Никак я не думал, что все это так быстро, так ужасно кончится.

Когда Илья вернулся из Америки, я пошел встречать его на вокзал. Я нашел, что он похудел, мрачноват, но не чрезмерно. Мне казалось, что он должен был все же устать от такого длительного путешествия. Я отвез его в отель, и так как мне нужно было забежать на минутку домой, то Илья попросил меня принести ему термометр. Я спросил его, не простужен ли он: "Не знаю, что-то нездоровится".

Когда я вернулся, мы отправились в ресторан. При сильном свете Илья мне показался гораздо более похудевшим и усталость его более острой, но весь вечер он был очень оживлен и много говорил об Америке.

Не помню, было ли это на другой день или через день, мы с Илей пошли погулять. Гуляли не дольше обыкновенного, и вдруг он помрачнел, стал жаловаться на усталость и захотел вернуться. Тогда мне показалось, что эта внезапная усталость была следствием небезосновательного испуга. А произошло вот что. Когда мы с Илей пересекали Тюильри, с проезжавшего

мимо нас грузовика сорвался огромный мешок угля и упал так близко у ног Или, что все прохожие испуганно шарахнулись в сторону. И было отчего — такой мешок несомненно весит пудов 7-8, и попади он на Илю, без сильного увечья не обошлось бы. При той впечатлительности, которой отличался Иля, этот случай не мог пройти для него незаметно.

Когда мы вернулись в отель, Иля прилег. Вечером они с Женей должны были куда-то пойти, но Иля отказался и не пошел. Лежал, все время измеряя температуру, которая у него была нормальная, но тут я впервые заметил, что Иля кашляет как-то нехорошо, частым суховатым кашлем. Настроение у него сделалось ужасное, все время возился с термометром, жаловался на усталость, боится, что у него туберкулез, что врачи в Нью-Йорке советовали прекратить путешествие.

Напугал он меня страшно, так как я понимал, что здесь дело не только во мнительности. Я умолял Илю остаться еще на несколько дней, отдохнуть, посоветоваться со здешними лучшими врачами-специалистами, успокаивал его как мог, зная, что здесь в лечении легочных больных сделали огромный прогресс. Иля ничего не хотел слушать. Ему страшно быть так далеко от Москвы без Вас, без Сашеньки. Все мои уговоры ни к чему не привели.

На другой день я обо всем этом очень серьезно говорил с Женей. Женя меня в течение двух часов уверял, что у Или никакого туберкулеза нет. Правда, первый врач в Америке (кажется, женщина), который Илю выслушивал, будто бы говорил об этом, но будто бы это предположение было опровергнуто радиографич. снимками второго врача, специалиста по легочным болезням.

Не знаю, дорогая Маруся, что обо всем этом думать, мне, как и вам, мало понятны соображения врачей, скрывающих правду. Может быть, здесь Илю и спасли бы. У меня не было никаких оснований не верить Жене, он меня так искренне уверял, что положение Или не опасно, но все же я остался с очень тягостным чувством и страхом за Илю.

Рассуждать об этом теперь уже более чем поздно, и все же мучительно рассуждаешь. Вы, так же как и я, знаете, что никакое утешение не даст Вам забыть Илю. У Вас есть Сашенька, берегите ее и себя. Вы приедете сюда с нею, возможно ли это?

**Письмо Фазини дяде Натану
в Северо-Американские Соединенные Штаты**

Прислано мне в 1992 году моей кузиной Франсис Файнсилвер-Блюментол, живущей в Хартфорде, штат Коннектикут.

А. И.

Constantinople

23 апреля 1922

Дорогой дядя Натан,

вчера, наконец, я получил Ваше письмо от 30 марта. Я очень обрадовался ему и прослушал его (к сожалению, я не знаю еврейского языка) с большим вниманием. Все то, что Вы говорите о жизни в Америке, мне очень понятно, и я думаю, что на многие из Ваших замечаний Вы уже, вероятно, нашли себе ответ в моем письме к Вам отсюда, которое, вероятно, уже получено Вами. Я себя нисколько не обманываю и прекрасно понимаю, что никому не может доставить удовольствия, когда ему на голову свалится человек, которого, как будто, надо будет содержать. Меньше всего я хочу этого. И если у меня не было бы уверенности в том, что я сам смогу себя прокормить, я не стал бы Вас беспокоить. Я достаточно взрослый человек, чтобы отдавать себе ясный отчет в том, что я собираюсь делать. К сожалению, сейчас нельзя делать выбора, и выбирать Россию сейчас как поприще — значит выбрать смерть. Вам, за отдаленностью от России, это, я думаю, трудно себе представить. Но представить себе, что такое Россия теперь, человеческому уму невозможно. Это нужно увидеть собственными глазами, и только тогда можно понять. Если бы я был один, это еще не страшно, я еще, может быть, протянул бы полгода или больше, но там мама, папа, братья, и при одной мысли, что их скоро ждет участь тех, которые уже умирали на виду у всех, без всякой помощи, эта мысль мне совершенно невыносима, и Вам тоже, я думаю, трудно будет помириться с тем, что Ваш брат умирает от того, что вот уже два года ему нечего есть, и что если я еще буду раздумывать, собираться что-либо сделать или ждать, пока в России можно будет жить, то этим я обрекаю своих родных на неминуемую смерть. Такое положение было полтора месяца тому назад. Я уехал, оставив родителей больных, крайне истощенных, преждевременно состарившихся от тяжелого, им непривычного труда. Оставил их без уверенности в том, что они проживут еще месяц. Поверьте, что это не слова, это самая ужасная правда. Вот почему я не мог выбирать или бояться тяжелой жизни в Америке.

Что в Америке жизнь трудна, что там идет жестокая, каждодневная борьба за существование, я знаю давно и к этому подготовлен. Будучи по профессии художником и зная хорошо это ремесло и испытав в течение многих лет тяжесть труда, я хочу надеяться, что сумею устроиться и в Америке. В России, в прошлые, конечно, годы, у меня была уверенность, и я зарабатывал большие деньги. В Америке, где на все большая конкуренция, такие деньги, конечно, сразу иметь трудно, но я никогда не был последним и всегда выделялся. Все это дает мне основание думать, что я не буду Вам в тягость. Конечно, на первое время мне трудно будет, вероятно, обойтись без Вашей помощи, но это только на самое короткое время, и Ваша помощь должна быть только временной. Мне трудно, конечно, выразить Вам мою благодарность за всю ту помощь, которую Вы мне оказываете и, я вижу по Вашему письму, искренне хотите оказать. Такие вещи трудно передаются словами, и я надеюсь при встрече с Вами и ближайшем знакомстве заслужить Вашу любовь и уважение.

Вчера я отправил Вам вторую телеграмму, в которой сообщаю, что нами уже получены визы. Так что Ваши хлопоты о нас для въезда в Америку значительно упростились. Здесь о нас хлопотали у американского консула видные представители английской колонии, которые нас хорошо знают, и, благодаря их хлопотам и поручительствам за нас, мы получили разрешение на въезд в Америку в более короткий срок, чем обычно на это уходит, если хлопочут из Америки. Так что Вам придется только удостовериться при нашей высадке в Нью-Йорке, что мы есть именно те, за которых мы себя выдаем, т. е. Ваши родственники, и что Вы за нас, в свою очередь, ручаетесь. Конечно, очень важно, чтобы Вы, дядя, или Ваши братья, или же, в крайнем случае, Котлов, встретили нас при приезде. Затем я Вам сообщаю в телеграмме, что высланные Вами мне деньги до сих пор еще не прибыли. К сожалению, это так, и совершенно не понятно, почему. Ни в Вашей телеграмме, ни в письме нет указаний, на какой банк Вы их выслали. Я несколько раз уже справлялся во всех тех банках, на которые обыкновенно переводят деньги из Америки, но никаких извещений там еще нет. Нет ничего также и в консульстве. Это все меня очень беспокоило, так как мне хотелось на эти деньги послать что-либо домой. Здесь узнать, почему деньги не прибыли, нет возможности, это можете узнать только Вы в том банке, через который послали.

Я и на этот раз просил Вас выслать деньги телеграфно, потому что здесь не следует задерживаться. Жизнь здесь очень дорогая, дороже, чем где бы то ни было, и время проходит совершенно бесплодно, так как зара-

ботков ... (нрзб. для ?) художников здесь никогда не было и нет. Такой уж это город.

Теперь относительно Альтермана. Ничего обязательного, конечно, в моей просьбе помочь и ему, для Вас, по-моему, нет. Если у Вас есть возможность сделать это и без большого труда, то я думаю, что Вы, дядя, сделаете это. Если же нет, то тоже в этом греха большого не будет. Как-нибудь вывернемся из этого положения. Если Вы можете выложить для него сумму, нужную на переезд — хорошо. Если же нет, я сам ликвидирую в Америке часть его вещей, о которых Вам уже писал, вышлю ему эти деньги, и тогда приедет и он. Помощи там на месте ему нет никакой, а в особенности, денежной. У него есть в Америке родственники, но он не знает их адреса. О его родственниках нужно узнать в Нью-Йорке — 441 Brooclyn, William's Av. Ева Френкель. Эта Френкель должна знать, где находится Миша Воскобойников, он (Альтермана) двоюродный брат. Альтерман Григорий (Гдаль) 32 лет, уроженец местечка Верба Дублинского уезда Волынской губернии. Я, Файнзильберг Александр (Саул) 30 л. Уроженец Киева. Это те сведения, которые нужны Вам для документов. Лучшее всего, конечно, было бы, если за нас обоих могли поручиться Вы, если Вы это только считаете возможным для себя. Вот, собственно говоря, кажется, все, что мне нужно было...

Окончания письма нет.

ДОСТОИНСТВО ТАЛАНТА

(штрихи к творческому портрету Р.М. Сергиенко)

Первый спектакль, увиденный мною в Ла Скала, — "Аида". Он принес и радость встречи с высоким искусством Оперы, и... удивление: Аиду пела хорошая певица, но наша Раиса Сергиенко не только ни в чем ей не уступала, — она была лучше! И красотой, и звучностью голоса, и эмоциональностью. В это трудно было поверить: ведь у нас "периферия", а там — Мекка вокального искусства... И тем не менее...

Пожалуй, не было в Одессе в 50-80-е годы недавно завершившегося столетия певицы более популярной, чем Сергиенко. Она — по праву таланта и вдохновенного труда — была первой (и, как потом оказалось, единственной) артисткой, удостоенной высшего почетного звания. И все-таки не это, по-моему, самое важное. Ее любили слушатели, ее чтили и продолжают чтить, несмотря на то, что прошло более полутора десятилетий после трагически преждевременного ухода певицы. Недавно мне прислали номер газеты "Одесский маяк" из Лос-Анджелеса со статьей о Раисе Михайловне. Ее поминают добрым словом и в Австралии, Канаде, Германии, Израиле — везде, где разбросаны судьбой люди, которым посчастливилось узнать и полюбить искусство замечательной певицы, имя которой по праву таланта и свершений вошло в историю украинского оперного искусства.

Сейчас модно искать свои "дворянские корни", говорить об элитарности искусства, снисходительно улыбаться, когда вспоминают формулу "искусство принадлежит народу"... Наверное, оно не должно никому "принадлежать", но без живой связи с демократической аудиторией искусство не может существовать... Если современные "мэтры" (и "сантимэтры") тешат себя рассуждениями о "парении в эмпиреях", то Чайковский, например, мечтал о том, чтобы его музыка стала "достоянием — при благоприятных условиях — всего народа". А Верди, Глинка, Пушкин, Толстой, Шаляпин, Баттистини, Руффо, Нежданова и многие другие деятели мировой культуры видели силу ее в единении с народом, о котором некоторые "прогрессисты" говорят сегодня если не с презрением, то снисходительно.

Раиса Сергиенко родилась в 1925 году в Новоукраинке, в семье, профессионально с музыкой не связанной. Родители любили музыку, участ-

вовали в художественной самодеятельности и привлекли к ней Раю, увлеченно внимавшую народной песне.

Впервые она услышала оперу, когда к ним приехал специальный железнодорожный вагон с одесскими артистами и декорациями "Паяцев". Спектакль произвел на девушку большое впечатление, но ей и в голову тогда не могло прийти, что спустя несколько лет она станет певицей, которой посчастливится петь в одних спектаклях с услышанными ею в тот день корифеями оперного искусства.

В то время Раиса Сергиенко готовилась стать педагогом-филологом. Чувствовала она себя не очень уютно: ее девичьи годы пришлось на оккупацию, это отбросило тень на все мироощущение, породило смутное чувство "вины". После окончания войны она вышла замуж за В.А. Стратонова, чья забота и энергия помогли ее становлению. Когда Раиса приехала в Одессу на смотр самодеятельности, В. А. добился прослушивания жены в консерватории. Сама профессор, народная артистка Украины О.Н. Благовидова благословила Сергиенко на поступление в вуз, который та окончит с отличием. Ее имя занесли на мраморную Доску почета, где оно соседствовало с именами Ойстраха, Гилельса, Гришко, Зака, Данькевича, Чавдар, Христич, Олейниченко, Поливановой (к сожалению, эта доска исчезла, судьба ее неизвестна).

Профессор Н.Д. Покровский, тогда главный дирижер Одесского театра оперы и балета, пригласил Сергиенко в труппу. Она блестяще дебютировала в партии Наташи в "Русалке" Даргомыжского. Ее партнерами были выдающиеся мастера одесской оперы И. Тоцкий (Мельник), Н. Топчий (Князь). Певицу приняли доброжелательно маститые коллеги, восторженно — зрители. Покровский оберегал молодую исполнительницу, заботясь о ее естественном, постепенном творческом развитии.

Сергиенко интенсивно осваивала новый репертуар. Работала щедро, пела всегда эмоционально, неизменно находя путь к сердцам слушателей. Природа одарила ее редким голосом — мощным и теплым лирико-драматическим сопрано полного диапазона, красивого тембра, сохранявшегося во всех регистрах. Его насыщенное звучание сочеталось с полетностью. Исполнение неизменно отличалось взволнованностью, искренностью. Е.К. Каткульская (знаменитая певица и педагог, к слову, уроженка Одессы) определяла пение как "повышенное душевное состояние". Эти слова по праву могли быть применены к искусству Сергиенко, которое захватывало с первых же звуков, спетых певицей, всегда создавало в зале приподнятое настроение.

Певцам с большими голосами нередко свойственно утрированное пение, пренебрежение авторскими указаниями. Сергиенко никогда не любила "звучком", не "ставила" фермат вопреки замыслу композитора, не пела "на публику": от этого ее надежно оберегал природный вкус, школа, полученная в классе С.И. Щавинской, ученицы знаменитого В.А. Селявина.

К.С. Станиславский призывал певцов петь не "голые ноты", а "ноты-мысли". Сергиенко, как мне думается, пела "ноты-чувства", из которых рождались мысли. Стихия ее дарования — глубокий, искренний лиризм, "истина страстей". Исполнение певицы отличалось не только верностью замыслу композитора, но и чутким вниманием к слову: она всегда бережно доносила до слушателей текст. У нее была чистая дикция: Р. М. уделяла большое внимание согласным, произнося их так же четко, как гласные, — искусство, редкое среди вокалистов.

Творческий метод Сергиенко-актрисы был основан на принципах корифеев русского и украинского театров. Следуя мудрому совету В.И. Немировича-Данченко в каждой роли исходить из самого себя, искать себя в каждом герое, Сергиенко на сцене (да и в жизни) была начисто чужда вычурности, манерности, формальной сложности. Ее отличала та высокая простота, "которая приходит лишь к артистам, бережно и бескорыстно преданным искусству, влюбленным в него до самозабвения" (Мария Заньковецкая). Она наследовала творческие достижения прославленных деятелей украинского театра Садовского, Саксаганского, Крушельницкой, Кипоренко-Доманского, Петрусенко, Гайдай...

Михаил Чехов говорил: "Слушайте голос и вы узнаете человека". Мне представляется, что секрет успеха Сергиенко заключался и в ее человеческих качествах, отражавшихся в сценических созданиях. Воспитанник нашей консерватории М. Гришко уже в ранге корифея украинской оперы писал о Сергиенко: "У нее подлинное профессиональное мастерство, теплота, душевность, все это очаровывает, трогает до глубины души. Она всегда украшение спектакля. Это настоящая певица, достойная большой сцены".

У Раисы Михайловны был обширный репертуар. Многие успехи Сергиенко связаны с музыкой Чайковского. Это, прежде всего, Иоланта, которая была у нее очень трогательна и обаятельна. Но Р. М. создавала образ не "бедняжки", которую "жестокая и злобная судьба дара драгоценного лишила", а молодой женщины, способной на глубокое чувство и самопожертвование ради любви.

Не знаю, была ли знакома Сергиенко со словами Чайковского о душе Татьяны, "полной чистой женственной красоты", но именно такой была ее героиня. В облике Лизы в "Пиковой даме" Раиса Михайловна, вслед за Держинской, подчеркивала не "демонические" страсти, а "теплоту и боль женского сердца". Она была замечательной Марией в "Мазепе". Вот уже сколько десятилетий прошло, а в памяти живет исполнение певицей колыбельной Марии в финале оперы.

С успехом пела Сергиенко Ольгу в "Псковитянке", Милитрису в "Сказке о царе Салтане". Ее большой удачей стала Ярославна в "Князе Игоре". В многогранном образе, созданном исполнительницей, лирические грани соседствовали с героическими. Впервые Р. М. спела Ярославну в день своего рождения 13 июля 1965 г. в гастрольном спектакле солиста Большого театра Ивана Петрова, исполнявшего Галицкого. В дневнике она запишет: "Успех был большой, много цветов... Иванов (Евгений Николаевич, известный бас, педагог — **В. М.**) меня очень хвалил... 13 лет не решалась спеть Ярославну, но, слава Богу, все благополучно".

Особо были близки Сергиенко персонажи в украинских операх. Тридцать(!) лет пела она Одарку. Впервые вышла на сцену в "Запорожце" через два года после гастролей на одесской сцене легендарного дуэта М. Литвиненко-Вольгемут и И. Паторжинского. И хотя трактовка Литвиненко представлялась идеально слившейся с музыкой и пьесой, Сергиенко удалось ни в чем не повторить предшественницу, создать свой образ: она акцентировала женское обаяние "молодыщи", смекалку, чувство юмора. С блеском проводила Р. М. знаменитый дуэт первого акта (ее первым партнером был Н.П. Савченко, а затем на долгие годы Е.Н. Иванов, любимый коллега, друг, и А.П. Рихтер), а с какой легкостью, удалью буквально пролетала по авансцене Одарка-Сергиенко в третьем акте!..

В 1954 году она впервые спела Наталку: "Люблю Наталку, по душе она мне... Пела премьеру очень-очень хорошо" (тоже запись из дневника; специально хочу подчеркнуть, что это беспощадный дневник, в нем отмечены все неудачи с редкой прямоотой, это следует иметь в виду, читая цитируемые фрагменты, где запечатлена радость исполнительницы). Конец 1975 года ознаменовался премьерой "Катерины" Аркаса: "Полюбила эту партию с первого урока... Успех большой... На все спектакли иду с удовольствием".

Да, славянская музыка была близка Сергиенко, но она показала себя мастером перевоплощения, когда обращалась к операм мировой классики, где уже не могла опираться на собственный опыт, на свою природу.

Одна из вершин Сергиенко, актрисы и певицы — Аида. Возможно, это связано с отмеченной Г. Ларошем особенностью оперы: "Музыка Верди в "Аиде" произвольно приняла несколько русский характер... На богатую почву его таланта пали кое-какие глинкинские семена".

Аида-Сергиенко не раба: гордый и благородный дух ее отражается во взгляде, который она прячет от соперницы, боясь выдать свои чувства. Но певица не подчеркивала и царственность героини. Венец и трон для нее менее важны, чем свобода, дающая право на любовь... Финал сцены на площади. Соперница торжествует, горе Аиды безмерно. Как передать его, если Верди написал великолепный, но такой плотный ансамбль, в котором заняты все герои, хор, оркестр? Голос Сергиенко пробивал мощный звуковой массив, ибо в нем билась боль, отчаяние сердца Аиды...

У Сергиенко никогда не было "пустых" мест. Даже если ее героиня молчала, она жила. Снова вспоминается сцена на площади. Возвращение триумфаторов. Аида в стороне, у подножия трона, все внимание постановщика отдано победителям. Но мы не можем не следить за героиней Сергиенко, оторваться от ее огромных лучистых глаз, передающих сложную гамму чувств...

Однажды увидев, невозможно было забыть слезы ее Аиды, Джоконды, Чио-Чио-сан, Манон, Тоски... Казалось, это о ней было сказано: "Над вымыслом слезами обольюсь". Ее слезы были искренни, но они не мешали пению. Зрители не могли не сопереживать героиням певицы. Многие плакали на ее спектаклях... Согласитесь, это не часто встречается на практике, а не в умозрительных публикациях.

Знала певица признание и больших профессионалов: А. Пирогова (они пели вместе в "Русалке"), А. Кривчени ("Запорожец"), Б. Гмыри, З. Анджапаридзе, К. Зариня, З. Бабия, В. Третьяка. Гордилась, когда Н. Покровский сказал, что она поет "большого Верди", когда ее одобрил Е. Иванов ("сам Женя меня хвалил"), когда приходили поздравлять с успехом Г. Проваторов, О. Благовидова, Я. Вощак, Г. Поливанова... (К слову, уже в ранге профессора, академика, народной артистки Украины Галина Анатольевна говорила мне, как в молодые годы она старалась не пропускать спектакли "Русалки" с участием Сергиенко и часто слушала ее из-за кулис.)

Знала она и официальное признание: вторая премия Всесоюзного конкурса 1956 года (первая у Г. Олейниченко, среди лауреатов третьей премии Б. Руденко, Г. Поливанова), звание заслуженной артистки в следующем году ("когда услышала по радио Указ, начала бегать по квартире,

плакать"), народной республики ("счастью нет предела, счастье захлестнуло"), народной Союза ("Я об этом думать боялась, а сбылось, плакала, рыдала... Нет, недаром отдаю театру всю жизнь... Господи, спасибо!").

Ее чтили самые взыскательные в театре люди — артисты хора и оркестра. Собинов писал: "Когда вместе с залом аплодируют и хор, и оркестр, и рабочие сцены, вот это значит, что искусство исполнило свою священную заповедь: оно дошло до человеческой души". На чествовании Сергиенко в связи с присвоением ей звания народной артистки страны прозвучало приветствие артистов хора и оркестра:

...За труд твой огромный спасибо, за радость работы с тобой,
За то, что ты просто товарищ, член нашей семьи трудовой...

...И пусть всегда на нашей сцене звучит прекрасный голос твой,
А что касается оркестра, ты пой, а мы всегда с тобой.

От солистов ее приветствовала отличная певица и прекрасный человек (позднее она трагически погибнет в автокатастрофе) Ася Глинкина:

Мы все хотим тебя поздравить
И искренне, сердечно пожелать
Всегда красивой быть, всегда звучать,
Прелестной ножкой сильный пол пленять
И никогда не унывать.

У Раисы Михайловны было много почитателей. В их числе профессор медицины, пианист, дирижер А.М. Сигал, педагог и скрипач А.М. Баренбойм, посвятивший певице талантливый акростих:

Смогли Вы воплотить в Елизавете
Единство чувства, мысли, красоты,
Роднят актрису с королевой эти
Гармонией рожденные черты.
И кто ж родству подобному не рад?
Едва ли есть удел на свете краше:
Надев опять свой будничный наряд,
Корону царскую вернув на склад, —
Остаться все ж властительницей нашей!

(Елизавета Валуа — героиня оперы Верди "Дон Карлос".)

Р. М. знала и международное признание. Один из "пиков" — гастроль на сцене Бухарестской оперы, где она пела Аиду со всемирно известными вокалистами З. Палли (Амнерис) и Г. Зобианом (Радамес). Из рецензии: "В заглавной роли певица Сергиенко пленила слушателей теплым голосом прекрасной красоты, мастерством сценической игры. В ариях и дуэтах она показала себя мастером высокого класса... Спектакль стал ярким событием высочайшего уровня".

В архиве певицы бережно хранилось приглашение в Большой театр, которым она не воспользовалась: в ее трудовой книжке только одна запись — "Одесский театр оперы и балета". Она была верной женой, другом, преданной дочерью, матерью, бабушкой.

Н.Д. Покровский рассказывал мне, как встретил однажды плачущую Раису Михайловну: "Нужно ехать на зарубежные гастроли, а кто будет обеспечивать быт семьи?". Обычно люди плакали, если их не посылали на гастроли, заметил Николай Дмитриевич...

Она и Галина Поливанова были соперницами на сцене, возможно, они не испытывали особо теплых взаимных чувств, но их отношение к делу было достойно уважения и подражания: обе НИКОГДА не подводили друг друга — старались заблаговременно предупреждать о необходимости замены, чтобы не поставить в неловкое положение коллегу...

Раиса Михайловна умела дружить. С какой теплотой говорила мне о ней концертмейстер Анна Владимировна Черткова, с которой Раису Михайловну связывали многолетние искренние, доброжелательные отношения (сама А. В. была высокопрофессиональным музыкантом и светлым человеком, так много доброго сделавшим для театра за шесть десятилетий честного труда).

Сколько тепла отдавала Сергиенко больной внучке. Не случайно та умерла вскоре после того, как ушла из жизни Раиса Михайловна, ибо лишилась опоры...

Когда уходила навсегда сама Раиса Михайловна, раздался звон колоколов. Некоторые удивлялись: "Как это? Она ведь член партии". Да, она была членом партии, ибо разделяла ее идеи (увы, не все "партийцы" жили в согласии с идеями), но чего греха таить: без членства в партии не было бы хода таланту, официального признания... Всю сознательную жизнь Сергиенко была истинно верующим человеком. И это уживалось в ней, как, например, у И.С. Козловского, Н.С. Голованова, А.В. Неждановой, академика В.П. Филатова и других честных людей, вынужденных скрывать свою веру. В этом отношении показательны дневники Раисы Михайловны.

"...5 мая 1975 года первый спектакль после смерти моей золотой, дорогой, любимой Мамочки... Нет слов, чтобы выразить скорбь и муки... Она жила моими успехами и радостями. Всегда говорила мне: "Пой, моя ненаглядная, с Богом!" Я и пою с Богом..."

...Сергиенко очень любила море, до самозабвения. А.М. Баренбойм посвятил ей строчки:

И годы, и штормы, и холод
Для Вас не помеха,
Ведь к Вашим услугам в любую погоду
И музыки море, и море успеха.

Однажды она записала: "купалась в Божьем море". Другой раз: "На море была с 8 до 10, купалась от души, считая, что спектакль у меня вечерний. Потом неспеша зашла в магазин. Пришла домой в 11 часов 22 минуты. И тут же звонок: "Почему дома? В 12 спектакль!" Что со мной было! Бежала всю дорогу. В 12 была в театре, сперва как в тумане. Спектакль прошел отлично, слава Богу. А если бы задержалась?!!"

Она была чутким человеком. Никогда не забывала принести после премьеры торт одевальщицам, отмечала знаки внимания к себе: "...Пришла в гримборную уборщица с каллами"... "Пришел мальчик, принес первые цветы"... "Сигал передал альпийские фиалки"... "А. М. прислал розы"... "Заходила Ира Брагинцева (в прошлом солистка оперы, незыбываемая Татьяна и... добрый человек — **В. М.**) поздравить с успехом"... "Маэстро Проваторов благодарил за спектакль"... "Приходил В., святой человек, как он сочувствовал мне, когда было худо..."

Она была ранима, у нее не было "локтей". Горько пришлось Раисе Михайловне, когда появилась талантливая соперница с очень трудным характером: забирала спектакли, лишила на целое десятилетие премьер... (Дело доходило даже до оскорбительных курьезов: та требовала, чтобы ее фамилия стояла в программках первой — вопреки алфавиту.)

К жизни Сергиенко в театре можно применить слова М. Максаковой о Е. Каткульской: "Ей пришлось пережить немало огорчений, подчас несправедливости, потому что не обладала иным оружием, кроме своего искусства. Но именно оно и помогло преодолеть все "колючки" и заставило всех преклониться перед нею, ее поистине рыцарским отношением к делу своей жизни".

Она никогда не отказывалась от поездок в колхозы, на заводы, в воин-

ские части. Не отказывалась и от маленьких ролей. Так, в опере В. Губаренко "Вий" народная артистка страны Сергиенко исполняла даже безымянную роль, обозначенную, как "нянька панны" (не знаю, что чувствовала при этом сама Раиса Михайловна, но мне было больно за нее: талант певицы и актрисы был достоин совсем иного применения).

К ней, к счастью, придет "вторая молодость": роли Любки, а затем Хиври в "Семене Котко", царевны Софьи в "Петре I", Сусанны в "Хованщине", роли матерей в "Семье Тараса", в опере "В бурю", в "Наталке-Полтавке" (в молодости она пела партии дочерей этих героинь). Сергиенко успешно вошла в старый спектакль "Царской невесты", создав запомнившийся образ Сабуровой. Ее последняя премьера — Ковалиха в "Незрелой любви".

Всего было спето около сорока партий, но они не исчерпали возможностей певицы. Она могла бы быть интересной Кумой ("Чародейка"), Февронией ("Китеж"), Иоанной ("Орлеанская дева"), Катериной Измайловой ("Леди Макбет Мценского уезда"), Анной ("Украдене щастя"), Шинкаркой в "Борисе Годунове"... Последняя роль была вполне реальной, но в ней отказали, ссылаясь на то, что партия написана для меццо-сопрано. А спела Шинкарку... сопрано, правда, жена режиссера. Это была последняя и особо горькая обида...

...Сергиенко унесла тяжкая "болезнь века". Остались хорошие воспоминания о хорошем человеке, большой певице, имя которой вошло в историю консерватории, ныне в ранге музыкальной академии отмечающей свое девяностолетие, Театра оперы и балета, города, да и всей страны, а — главное — оно в сердцах тех, кто имел счастье слушать и видеть Раису Михайловну.

Философия и фантазия

Творчество Михаила Рева вызывает и у зрителей, и у нас, скульпторов, художников, неослабевающий интерес. Действительно, с самого начала творческого пути его произведения свидетельствовали, что каждая его удача не случайна, а вписана в концепцию художника со своим видением мира, а пройденная им школа (Высшее художественное училище имени В. Мухомовой в Ленинграде) счастливым образом совпала с его внутренним ощущением смысла в искусстве.

Он очень рано понял, что эмоциональное воздействие изобразительного искусства возможно только с помощью пластических форм, и никакое самое достоверное подражание натуре не заменит этого. Вместе с тем все его работы есть результат прямого следования природе, изучения принципов построения всего живого.

Он внимательно следит за тем, как растет дерево, он влюблен в биологические формы обитателей моря и вообще животных. Он знает, как вода и ветер обтачивают камень. Из всего этого Михаил Рева создает свой мир, свои фантазии.

Путь философского осмысления в искусстве всегда сложен и иногда заводит в дебри противоречий, из которых трудно выбраться. Но у Миши есть путеводная звезда — это безупречное чувство красоты. Думаю, что он из тех людей, которые верят, что красота первична и спасет мир. Это эстетическое чувство прекрасного редко подводит его. Все его скульптуры, его призывы, скрипки, раковины, прежде всего, очень красивы как предметы искусства, ими можно любоваться, к ним хочется прикоснуться рукой.

Автор сам верит в то, что мир этот добрый и чистый, и эта детская наивность подкупает зрителя. Миша может сделать произведение из чего угодно. Если ему дать в руки обломок ветки, булыжник и спичечную коробку, он создаст из этого замечательно красивую композицию.

То, что может сделать он, нельзя повторить, этому невозможно научиться, это дар Божий. Очень часто Михаил обходится в своих произведениях без участия человеческой фигуры, он использует абстрактные формы, просто предметы, такие как скрипка или стул, или часы. Думаю, он делает это не оттого, что разочарован в человеке, а в поиске новых выразительных средств в искусстве.

Для него любой предмет в этом мире может быть прекрасным и неповторимым, просто его нужно увидеть глазами художника. В этом смысле

ские части. Не отказывалась и от маленьких ролей. Так, в опере В. Губаренко "Вий" народная артистка страны Сергиенко исполняла даже безымянную роль, обозначенную, как "нянька панны" (не знаю, что чувствовала при этом сама Раиса Михайловна, но мне было больно за нее: талант певицы и актрисы был достоин совсем иного применения).

К ней, к счастью, придет "вторая молодость": роли Любки, а затем Хиври в "Семене Котко", царевны Софьи в "Петре I", Сусанны в "Хованщине", роли матерей в "Семье Тараса", в опере "В бурю", в "Наталке-Полтавке" (в молодости она пела партии дочерей этих героинь). Сергиенко успешно вошла в старый спектакль "Царской невесты", создав запомнившийся образ Сабуровой. Ее последняя премьера — Ковалиха в "Незрелой любви".

Всего было спето около сорока партий, но они не исчерпали возможностей певицы. Она могла бы быть интересной Кумой ("Чародейка"), Февронией ("Китеж"), Иоанной ("Орлеанская дева"), Катериной Измайловой ("Леди Макбет Мценского уезда"), Анной ("Украдене щастя"), Шинкаркой в "Борисе Годунове"... Последняя роль была вполне реальной, но в ней отказали, ссылаясь на то, что партия написана для меццо-сопрано. А спела Шинкарку... сопрано, правда, жена режиссера. Это была последняя и особо горькая обида...

...Сергиенко унесла тяжкая "болезнь века". Остались хорошие воспоминания о хорошем человеке, большой певице, имя которой вошло в историю консерватории, ныне в ранге музыкальной академии отмечающей свое девяностолетие, Театра оперы и балета, города, да и всей страны, а — главное — оно в сердцах тех, кто имел счастье слушать и видеть Раису Михайловну.

Философия и фантазия

Творчество Михаила Рева вызывает и у зрителей, и у нас, скульпторов, художников, неослабевающий интерес. Действительно, с самого начала творческого пути его произведения свидетельствовали, что каждая его удача не случайна, а вписана в концепцию художника со своим видением мира, а пройденная им школа (Высшее художественное училище имени В. Мухомовой в Ленинграде) счастливым образом совпала с его внутренним ощущением смысла в искусстве.

Он очень рано понял, что эмоциональное воздействие изобразительного искусства возможно только с помощью пластических форм, и никакое самое достоверное подражание натуре не заменит этого. Вместе с тем все его работы есть результат прямого следования природе, изучения принципов построения всего живого.

Он внимательно следит за тем, как растет дерево, он влюблен в биологические формы обитателей моря и вообще животных. Он знает, как вода и ветер обтачивают камень. Из всего этого Михаил Рева создает свой мир, свои фантазии.

Путь философского осмысления в искусстве всегда сложен и иногда заводит в дебри противоречий, из которых трудно выбраться. Но у Миши есть путеводная звезда — это безупречное чувство красоты. Думаю, что он из тех людей, которые верят, что красота первична и спасет мир. Это эстетическое чувство прекрасного редко подводит его. Все его скульптуры, его призывы, скрипки, раковины, прежде всего, очень красивы как предметы искусства, ими можно любоваться, к ним хочется прикоснуться рукой.

Автор сам верит в то, что мир этот добрый и чистый, и эта детская наивность подкупает зрителя. Миша может сделать произведение из чего угодно. Если ему дать в руки обломок ветки, булыжник и спичечную коробку, он создаст из этого замечательно красивую композицию.

То, что может сделать он, нельзя повторить, этому невозможно научиться, это дар Божий. Очень часто Михаил обходится в своих произведениях без участия человеческой фигуры, он использует абстрактные формы, просто предметы, такие как скрипка или стул, или часы. Думаю, он делает это не оттого, что разочарован в человеке, а в поиске новых выразительных средств в искусстве.

Для него любой предмет в этом мире может быть прекрасным и неповторимым, просто его нужно увидеть глазами художника. В этом смысле

замечателен его проект музыкального фонтана в виде концертного рояля, выполненный с огромной фантазией и остроумием. Будет большой удачей для города, если этот проект осуществится в Одессе на Театральной площади.

Одной из сильных сторон художника является его жажда расширять горизонты своей деятельности. У него великолепная графика, он делает эскизы для кино, театральную сценографию, ювелирные работы. Сейчас занимается компьютерной графикой.

Все это говорит о масштабе личности. Думаю, что в данном случае личность художника и человека гармонично совпадают. Миша Рева такой же красивый и обаятельный, как его работы.

И, наконец, мне хочется подчеркнуть, что одной из составляющих частей творчества Михаила Ревы является Одесса. Он вырос здесь и впитал в себя ее творческую энергию, духовную среду и даже дух предприимчивости. Да и, думаю, он не состоялся бы без этого моря, без этого солнца, а главное, без особенностей культурных традиций нашего города.

Сегодня Михаил Рева в расцвете сил, и все говорит о том, что он в начале поисков истины в искусстве, и хотя поиск истины вечный процесс, но, как правило, он приносит художнику новые эстетические открытия.

"Самоубийцы"

История изобразительного искусства Одессы 20-х годов прошлого века складывалась из мозаики различных художественных объединений, творческая судьба которых ныне мало известна. Причин подобной ситуации несколько. Это и весьма короткие периоды их деятельности, скудость печатного материала тех лет, скромность архивных свидетельств.

Сегодня, когда интерес к подобным "неопознанным явлениям", наконец, из ранга мифов и предположений перемещается в область исследований, на сцену выходят события, хотя и не зафиксированные письменно, но сохраненные памятью их некоторых очевидцев. Так случилось и с материалом, который впервые публикуется на этих страницах. Изложенное ниже впервые было рассказано много лет назад автору этих строк старейшим одесским художником Яковом Иосифовичем Олышанецким (1898-1982) и подтверждено его дневниковыми записями, сведениями немногочисленных архивов.

Предмет нашего интереса — короткий период деятельности в Одессе группы футуристов, членом которой в начале 20-х годов был сам Олышанецкий, который пронес сквозь непростые десятилетия своей жизни память о тех днях.

Свое повествование художник начал с весьма интригующего факта. 1921 год. Холодным январским вечером небольшая группа людей в одеждах, напоминающих театральные костюмы, шумно двигалась по ул. Успенской. Рядом по мостовой катил экипаж, доверху заваленный холстами, подрамниками, рулонами картона и бумаги. Свернув на Маразлиевскую, необычная процессия остановилась у небольшого двухэтажного особняка. Люди, а это оказались художники, стали разгружать колымагу и цепочкой переносить ее скарб в темную подворотню. Вскоре в желтых проемах окон ритмично задвигались серые тени, немало удивляя прохожих, уже привыкших к грустному молчанию дома, недавно покинутого его хозяином — торговцем камнем и известью.

Еще не перестроенная потребностями коммуналки, анфилада трех больших комнат стала временным прибежищем художников, решивших заявить о своем существовании необычной выставкой. Она, как им казалось, сулила не только успех, но и признание нового революционного искусства, которое с трудом воспринималось местными "любителями изящного". Художники свято верили в то, что материализованный отпечаток

замечателен его проект музыкального фонтана в виде концертного рояля, выполненный с огромной фантазией и остроумием. Будет большой удачей для города, если этот проект осуществится в Одессе на Театральной площади.

Одной из сильных сторон художника является его жажда расширять горизонты своей деятельности. У него великолепная графика, он делает эскизы для кино, театральную сценографию, ювелирные работы. Сейчас занимается компьютерной графикой.

Все это говорит о масштабе личности. Думаю, что в данном случае личность художника и человека гармонично совпадают. Миша Рева такой же красивый и обаятельный, как его работы.

И, наконец, мне хочется подчеркнуть, что одной из составляющих частей творчества Михаила Ревы является Одесса. Он вырос здесь и впитал в себя ее творческую энергию, духовную среду и даже дух предприимчивости. Да и, думаю, он не состоялся бы без этого моря, без этого солнца, а главное, без особенностей культурных традиций нашего города.

Сегодня Михаил Рева в расцвете сил, и все говорит о том, что он в начале поисков истины в искусстве, и хотя поиск истины вечный процесс, но, как правило, он приносит художнику новые эстетические открытия.

"Самоубийцы"

История изобразительного искусства Одессы 20-х годов прошлого века складывалась из мозаики различных художественных объединений, творческая судьба которых ныне мало известна. Причин подобной ситуации несколько. Это и весьма короткие периоды их деятельности, скудость печатного материала тех лет, скромность архивных свидетельств.

Сегодня, когда интерес к подобным "неопознанным явлениям", наконец, из ранга мифов и предположений перемещается в область исследований, на сцену выходят события, хотя и не зафиксированные письменно, но сохраненные памятью их некоторых очевидцев. Так случилось и с материалом, который впервые публикуется на этих страницах. Изложенное ниже впервые было рассказано много лет назад автору этих строк старейшим одесским художником Яковом Иосифовичем Ольшанецким (1898-1982) и подтверждено его дневниковыми записями, сведениями немногочисленных архивов.

Предмет нашего интереса — короткий период деятельности в Одессе группы футуристов, членом которой в начале 20-х годов был сам Ольшанецкий, который пронес сквозь непростые десятилетия своей жизни память о тех днях.

Свое повествование художник начал с весьма интригующего факта. 1921 год. Холодным январским вечером небольшая группа людей в одеждах, напоминающих театральные костюмы, шумно двигалась по ул. Успенской. Рядом по мостовой катил экипаж, доверху заваленный холстами, подрамниками, рулонами картона и бумаги. Свернув на Маразлиевскую, необычная процессия остановилась у небольшого двухэтажного особняка. Люди, а это оказались художники, стали разгружать колымагу и цепочкой переносить ее скарб в темную подворотню. Вскоре в желтых проемах окон ритмично задвигались серые тени, немало удивляя прохожих, уже привыкших к грустному молчанию дома, недавно покинутого его хозяином — торговцем камнем и известью.

Еще не перестроенная потребностями коммуналки, анфилада трех больших комнат стала временным прибежищем художников, решивших заявить о своем существовании необычной выставкой. Она, как им казалось, сулила не только успех, но и признание нового революционного искусства, которое с трудом воспринималось местными "любителями изящного". Художники свято верили в то, что материализованный отпечаток

их футуристического творчества сумеет внедрить в сознание современников истинный образ наступившей эпохи.

За ночь работы были развешены и создан подобающий их восприятию интерьер. Экспозиция представляла необычное зрелище. Подъезд дома украшал лихо написанный лозунг "Зайди! Мы не агитируем, мы настаиваем". Внутри заштукатуренные шпалерами и театральной тканью лепные стены свободно размещали яркие лозунги, работы, выполненные на холсте, фанере и жести. Живопись перемежалась графикой, афишами и плакатами. Интерьер одной из комнат дополняли деревянные скамейки и небольшой подиум в виде сцены, где предполагалось театральное действо. Другая была занята большим прямоугольным столом, покрытым красной скатертью с роскошными яствами — муляжами продуктов, еще недавно украшавших витрины продовольственных лавок. Пространство третьей являло собой нечто вроде спального помещения с железными кроватями и старыми диванами. Придуманная атрибутика внутри экспозиции должна была символизировать новую территорию общения с искусством, которое, отказываясь от привилегированных объемов музейных залов, отныне существует в новой социальной среде.

Открытие выставки оказалось не столь пышным и радужным, как предполагали ее авторы. Заинтересованный зритель, оскорбленный эпатажным характером мероприятия, не удостоил его вниманием. Художники старшего поколения и коллекционеры, на которых так рассчитывали организаторы акции, открыто проигнорировали приглашение молодых коллег. Актеры, не рискнув участвовать в странном представлении, не явились вообще. Зеваки, не обращая внимания на художников и плоды их творческих усилий, толпились у стола с бутафорией, и, обнаружив подделку, ругаясь, выходили вон. Вечером уполномоченный дома в сопровождении милиции разогнали художников, свалив содержимое выставки прямо у подъезда в одну большую кучу, которую окрестные жители вскоре растащили на растопку. Сегодня доподлинно известны некоторые имена участников выставки. Это плакаты и акварели Г. Шполянского (видимо, ему принадлежало и авторство большинства текстов лозунгов), графика и иллюстрации К. Кофтурмана, А. Глускина, А. Фазини, С. Олесевиича, живопись С. Адливанкина, М. Фурсе, Р. Яфимовича, П. Кановского, Я. Ольшанецкого, театральные эскизы И. Мексина, В. Ротковича, скульптура А. Петросяна.

Так начиналась выставочная деятельность одной из художественных группировок Одессы тех лет под устрашающим названием "Самоубий-

цы". Как свидетельствовал Я. Ольшанецкий, название группы было придумано еще в 20 году ее основателем С. Адливанкиным. В нем был заложен смысл поистине символический. Самоубийством, по мнению художника, являлся сам факт отказа от уже исторически признанной стилистики "Товарищества передвижных выставок" (ТЮРХ), в которой новаторски настроенные авторы усматривали несоответствие требованиям времени. В традиционном искусстве Одессы, как им казалось, не доставало "остроты пафоса" и "рычагов эмоций". Мир переделывался революцией, а, значит, необходимы новые приметы культуры и бытия в целом. Художественные достижения предшественников уже казались далеким прошлым, а бытовавший в ту пору известный лозунг В. Маяковского: "Знайте, нашим шеям Голиафов труда нет подходящих номеров в гардеробах буржуа" выглядел достаточно авангардно и визуально реализовывался группой молодых авторов, исповедующих новаторские идеи футуризма.

Рассматривая одесскую ситуацию тех лет пристальней, обнаруживаем и некую теневую сторону этой боевой программы. Так, например, до указанных выше событий некоторые художники, и в их числе лидеры группы С. Адливанкин, А. Глускин, А. Фазини, С. Олесевиич, не бесконфликтно, но все же достаточно авторитетно существовали в системе одесского искусства. Они участвовали в выставках ТЮРХа, "Общества независимых художников" (1917-1920), сотрудничали в одесских журналах и газетах. Однако демонстрация их новаторского опыта, как правило, вызывала негативную реакцию со стороны корифеев, а пренебрежение реализмом и местными традициями — открытое возмущение. Естественно, подобное отношение рождало мечту о своем "Товариществе". Была предпринята проба объединения молодых авторов в рядах "Общества независимых художников", которая закончилась безрезультатно. Затем сделана попытка создать нечто подобное молодежному объединению на базе еще существующего "Товарищества южнорусских художников". Однако, несмотря на кризис и этой организации, ТЮРХ продолжал упорно отстаивать традиционные идеи и категорически выступил против каких-либо нововведений в его структуре. Оказавшись вне объединений, художники создавали свои группировки, среди которых "Самоубийцы" была наиболее радикальной. Ее основатели имели опыт коллективной работы, были способны привлечь молодые силы, а главное — наладить тесную связь с московскими футуристами, обещавшую успех и широкое поле деятельности. Можно предположить, что пафосной доминантой первой выставки "Са-

моубийцев" было желание повторить январскую ситуацию 1914 года, когда в Одессе свои футуристические взгляды изложили уже известные столичные авторы во главе с В. Маяковским, Д. Бурлюком и В. Каменским. И хотя выступления "родителей русского футуризма" вызвали тогда неоднозначную реакцию, — среди определенной части одесской молодежи они нашли живой отклик и одобрение.

Начало 20-х годов и господство в кругах творческой молодежи желания радикальных изменений, активизации роли искусства в обществе, меняли не только содержание выставок, но и их внешнюю оболочку. Так, главным оформлением первой выставки "Самоубийцев" были не только декорации из предметов быта, но и лозунги, красноречиво фиксирующие умонастроение ее участников. Дневник Ольшанецкого приводит содержание некоторых из них. Явно футуристическую направленность предполагал, например, такой: "Рабочий лопатой, крестьянин сохой...", а далее следовало изображение названных персонажей, сметавших руины старых особняков. Или: "Нас поймет народ, вы — нет" — имелось в виду обращение к "жирному" буржуа. Интеллигенцию тоже не жаловали. На выставке присутствовал плакат, где в качестве героя выступал хилый интеллигент, с ужасом вззирающий сквозь пенсне на огромное изображение серпа и молота, победно надвигающегося с сияющего горизонта.

Стоит ли сегодня обвинять художников в излишней политизации творчества, в невнимании к пророческому предупреждению А. Блока, писавшего в те годы: "Разрушая, мы все же рабы старого мира: нарушение традиций — та же традиция"? Ответ на этот непростой вопрос может быть один: "конечно же, нет", потому что рядом с пафосом перемен существовала и некая "агрессивная наивность" желания перемен даже путем жертв. Искусство революции, создавая новые формы, манифестировало их в духе господствующей идеологии, которая десятилетия спустя благополучно заклеила не только своих адептов, но и творения их рук.

Отделяя ныне зерна от плевел, приходишь к убеждению, что художников волновала не столько голая идея революционного пафоса, сколько новые методы и формы искусства — важных слагаемых романтизма того поколения. Наивность их расчетов, к сожалению, не учитывала реакцию общественного мнения и степень подготовленности зрителя к восприятию обновленного языка творчества, тем более в городе, привыкшем к стабильным эстетическим вкусам и противодействию новациям. Старая творческая интеллигенция Одессы, составлявшая большинство в ее художественной элите, не обладала способностью принять вызов времени и

отыскать в нем рациональное зерно. Именно поэтому она не откликнулась на творческий акт группы "Самоубийцы", сочтя ее поведение демонстративным и неприличным. Пресса безмолвствовала, и даже М. Гершенфельд, член группы, который всегда активно откликался газетными статьями на творчество коллег, промолчал об этом событии. Архивы некоторых художников вспоминают эту выставку по-разному. Г. Фурсе, Р. Яфимович называют ее выставкой "свободных художников". Г. Шполянский — выставкой революционных художников. П. Кановский, К. Кофтурман — просто выставкой живописи и плаката. Сам Я. Ольшанецкий в официальных документах, по понятным причинам, умалчивал о ней и вспоминал о группе "Самоубийцы" лишь в собственных дневниках.

Несмотря на холодную реакцию на первую выставку, художники не теряли надежду на внимание. Вторая состоялась в 1923 году, когда ни С. Адливанкина, ни С. Олесевица, ни А. Глускина уже в Одессе не было. Выставку по рекомендации С. Адливанкина, жившего тогда в Москве, формировали Я. Ольшанецкий и М. Гершенфельд. Споры об афишировании ее как выставки группы "Самоубийцы" зашли в тупик и, в конечном результате, она была озвучена как "Вторая выставка свободных художников". Состав авторов был дополнен студентами художественного училища и несколькими членами "Общества им. К. Костанди". Среди последних фигурируют имена В. Синицкого, (?) Флерова и К. Гончара. На сей раз экспозиция была развернута в помещении бывшего Офицерского собрания и представляла собой достаточно традиционную картину. Я. Ольшанецкий вспоминает, что в отличие от первой, вторая выставка была интересней с точки зрения "чистого искусства". Здесь не было "хлама", а работы аккуратно развешивались на стенах в несколько рядов. О ее футуристической концепции уже говорить не приходилось. Попытка С. Адливанкина внедрить в экспозицию огромный бутафорный гроб с полотнами реалистов, поддержки не получила, напротив, реалисты стали стержнем выставки, главным объектом внимания. Присутствие здесь работ лидеров группы "Самоубийцы" общего впечатления не меняли, хотя отличались кубистической стилистикой и декоративностью. С. Адливанкин — представил жанровую композицию, что-то вроде "заседания сельской ячейки", которая была экспрессивно написана серо-коричневой гризайлью, и два "вызывающе ярких" пейзажа с видами окрестностей Москвы. А. Фазини прислал из Парижа несколько листов графики и собственные фотографии. Г. Фурсе выступил постановочными композициями периода обучения в Московском училище изящных искусств. К. Кофтурман —

графическими листами с видами порта. Р. Яфимович — крымскими пейзажами. Принимал участие в выставке и А. Кобцев, пользовавшийся огромным авторитетом как один из организаторов "Общества независимых художников". Я. Ольшанецкий, используя привилегии организатора выставки, показал небольшую ретроспекцию собственных работ, которая, по его словам, "была кашей из жанров и стилей". М. Гершенфельд, представил произведения своих уехавших друзей А. Фазини, С. Олесевича и А. Глушкина, выполненные еще в Одессе.

Шаткость футуристической направленности второй выставки "Самоубийц" наводит на мысль, что концепция футуристов была неприемлема большинству художников и скорее отвечала творческим намерениям лидеров группы. Становится понятным и их протест против провокационно-эпатажного характера выставки, который, безусловно, присутствовал в их выступлении в 1921 году. Вскоре реально существующая опасность воспоминаний о модернистских экспериментах "Самоубийц" привела к полному забвению этих событий. А большинство художников оказались членами "Общества им. К. Костанди", которое было создано в 1922 году как правопреемник ТЮРХа.

После 1923 года пути художников бывшей группы "Самоубийцы" разошлись. Они больше никогда не собирались вместе, а судьбы их сложились по-разному. По-разному запечатлела их имена и история. С. Адливанкин и А. Глушкин создали в Москве шумевшее "Новое общество живописцев", больше известное своей аббревиатурой как "НОЖ". А. Фазини и С. Олесевич эмигрировали во Францию. Фазини активно занимался фотографией, экспонировал свои работы на международных выставках. Погиб в 1944 году в концентрационном лагере Аушвиц. С. Олесевич работал в области детской иллюстрации. Год смерти неизвестен. И. Мексин длительное время работал в театрах Москвы. После 30-х годов сведения о нем не встречаются. Эмигрировал в 1925 году и В. Роткович. Работал воспитателем в Париже. Недолго жил в Мюнхене. Умер в Канаде в конце 60-х годов. М. Гершенфельд до конца своих дней прожил в Одессе. Преподавал, публиковался в местной прессе. Умер в 1939 году. Я. Ольшанецкий прошел пекло фашистского плена, а после войны вместе с К. Кофтурманом, А. Кобцевым и Г. Шполянским стал членом Одесской организации Союза художников, отдавши довоенную дань "Обществу им. К. Костанди". Их произведения неоднократно появлялись на выставках 50-70 годов. В 1946 году пытались стать членами Союза художников Ф. Яфимович, Г. Фурсе (даты смерти отсутствуют) и единственный скульптор

группы "Самоубийцы" А. Петросян. Его имя последний раз встречается в 1948 г. в архивах Одесской муляжной фабрики. Обнаружить иных членов группы "Самоубийцы" пока не удалось, хотя, по словам Я. Ольшанецкого, их на январской выставке 1921 года было более 20-ти.

Автор приносит искреннюю благодарность одесскому коллекционеру С. Луцкику и научному сотруднику ОГПБ им. М. Горького О. Барковской за компетентную помощь в создании этого материала.

Юрий Кузнецов: "Мне есть кем поделиться с одесситами"

К своему юбилею наш знаменитый земляк подошел не только в расцвете творческих сил, но и как один из тех, кто не на словах, а на деле продолжает славные музыкальные традиции Южной Пальмиры, приумножая их и увлекая за собой учеников и последователей.

Кузнецов — знаковая фигура современного авангардного искусства. Он — один из немногих представителей Украины, которых включил в свою энциклопедию "Джаз. XX век" Владимир Фейертаг, один из самых авторитетных авторов в мире знатоков, толкователей и практиков жанра. Этот внушительный том, уникальный в истории со-

ветского и постсоветского искусствоведения, по праву стал на одну полку с классическими трудами американских и европейских исследователей.

Знаменательно, что Фейертаг, ленинградец-петербуржец, уже давно принимает плодотворное участие в самых смелых начинаниях одесских джазменов. В середине 70-х он помогал нам создавать первый джаз-клуб, вел концерты абонементных циклов в филармонии и утесовские фестивали. И в XXI веке Владимир Борисович — с одесситами: упомяну лишь о его участии в международном "Джаз-карнавале" и масштабном проекте Николая Голощапова "Духовный концерт" Дюка Эллингтона. Помню,

как в начале 80-х он впервые пригласил Юру Кузнецова на свои легендарные "Осенние ритмы", после которых юный одесский пианист проснулся знаменитым...

Как и подобает стилистике подобных изданий, статьи в джазовой энциклопедии невелики по объему и содержат лишь конкретные биографические и профессиональные сведения о музыкантах. Прочитав начало посвященной Кузнецову: "Пианист, композитор, один из самых инициативных и изобретательных солистов Украины. Организатор джазовой жизни в Одессе".

Уверен, Фейертаг, опытный, проницательный исследователь, знаток человеческих душ, не случайно объединил в одном предложении два столь контрастных и противоречащих друг другу определения сущности музыканта: "солист" и "организатор". Тем более, что речь идет о пианисте — традиционном символе индивидуального и зачастую эгоцентрического само- и мироощущения. Тем самым составитель энциклопедии, и в этом я его полностью поддерживаю, обозначил уникальность личности Кузнецова-артиста и его места в искусстве и общественной жизни Одессы.

Свойства его характера, его натуры, его дарования проявились как-то сразу. Еще студентом консерватории он обратил на себя наше внимание (речь идет о первом послевоенном поколении джазовых фанов, воспитанном на трофейных дисках с записями биг-бендов и передачах легендарного Виллиса Канновера на волнах глушиного "Голоса Америки") не только не по возрасту виртуозным исполнением джазовых стандартов, но и ярко выраженным стремлением к просветительской деятельности. Юре уже тогда хотелось, чтобы все, узnanное им о джазе, тут же становилось достоянием и сверстников-студентов, и более широкой аудитории. Так родилась знаменитая программа "От и до", в которой он и музыковед Игорь Юсим знакомили одесситов с искусством импровизации. В зале Дома актера Кузнецов играл свои джазовые переложения музыки Баха, Моцарта, Шумана, Рахманинова, а затем — регтаймы, Гершвина, Керна... Он демонстрировал уникальную способность полностью слиться не просто с манерой игры, но, казалось, и личностью корифеев джазового пианизма. Стоило закрыть глаза и представить себя в Нью-Йорке или Чикаго: для тебя играют Оскар Питерсон, Эррол Гарнер, Билл Эванс...

Юра стал кумиром публики и, уверен, оставался бы им до сегодняшнего дня, культивируя манеру игры великих исполнителей традиционной фортепианной джазовой музыки. Мы знаем нашего земляка, блестящего пианиста с подобной и очень успешной творческой судьбой. Но Кузнецов-

ву довольно скоро стало тесно в рамках амплуа "ласкового щекотальщика" черно-белых клавиш. На фестивалях он слышит другую музыку: джазовый фортепианный мир увлечен поисками и экспериментами. Он возвращается в Одессу с очередным лауреатским званием и дарит нам джаз-рок Чика Кория, мощный накат Маккойтайнера, медитации Кита Джаррета... И все это — в оригинальном прочтении нашего земляка.

А вскоре мы услышали и его композиции — "Дюку не спится", "Одиночество вдвоем", "Рыжий дьявол" (с гордостью свидетельствую: посвящена автору этих строк)... С тех пор Кузнецов играет в основном свою музыку, среди которой есть и баллады, и блюзы, и сюиты для солиста и разных составов. Он с успехом выступает как композитор театра и кино, записывает диски.

Опять же, с молодых лет Кузнецов увлеченно работает в ансамблях. Свое первое трио собрал в 70-е годы и объездил с ним всю тогда необъятную страну. Басист Александр Кучеровский, барабанщик Семен Зак и их лидер составили удивительно стойкую, мобильную, гибкую команду, готовую играть везде и всегда. Увы, Саша и Сеня ушли из жизни рано, и эту утрату Кузнецов остро чувствует и сегодня...

Горжусь тем, что лет 20 назад познакомил его с лидерами джазового авангарда, двумя Владимиром — Чекасиным и Тарасовым — и свел их на джемсейшенах в одесском Доме медработников. С тех пор они много играют вместе на лучших мировых сценах, ставят и разыгрывают яркие авангардистские перформансы. Нынче в арсенале блестящего пианиста есть и саксофоны, и трубы, и тромбоны, и гармошки, и пищалки-тарактелки. Накануне своего 50-летия Юра признался мне, что по-прежнему (как и большинство талантливых мужчин — **Ф. К.**) в душе остается ребенком, и на сцене рука его то и дело тянется к игрушкам, разложенным на крышке рояля...

Одним из самых плодотворных партнеров стал для Юрия выдающийся композитор и музыкант Анатолий Вапиров. Яркими событиями, неповторимыми в силу импровизационной их составляющей, становятся дуэты с Игорем Брилем, Сергеем Манукяном, Валентиной Пономаревой, Игорем Бутманом, Энвером Измайловым, музыкантами из США, Англии, Израиля, Франции, Канады...

Не только звезды джаза, но и выдающиеся артисты классического направления, скажем, музыканты камерного оркестра "Виртуозы Москвы", замечательные вокальные ансамбли Киева и Минска стали членами одесского "Клуба высокой музыки". Эта уникальная структура, придуманная

Кузнецовым, держится исключительно на самоотверженности и преданности высокой идее самого лидера и его жены Натальи Эртновой. Каждый концерт собирает полные залы, и это при том, что зачастую звучат не "вечнозеленые", ласкающие слух джазовые хиты, а экспериментальные произведения, требующие от публики серьезной подготовки и сосредоточенного внимания.

Деятельность по созданию "Клуба высокой музыки", по сбору средств на приглашение и содержание участников концертов в Одессе, разумеется, отнимают у Кузнецова много сил и энергии. И, тем не менее, он принимает участие в большинстве концертов, если не солируя, то выступая и режиссером, и сценаристом, а, главное, чутким и щедрым партнером, стремящимся не к личному, а к общему успеху. Много ли вы знаете блистательных солистов, способных на это?

Формулировка Владимира Фейертага: "...организатор джазовой жизни в Одессе" могла бы найти на страницах его энциклопедии еще одно весомое подтверждение. С 2001 года в нашем городе проходит Международный джаз-карнавал, музыкальным руководителем и душой которого выступает Юрий Кузнецов. Он уже завоевал заметное место в числе подобных мировых акций и собирает под свои знамена выдающихся исполнителей из многих стран.

— Но более всего я ценю то, — говорит Юрий, — что наш карнавал стал не только циклом концертов, но подлинно городским праздником. В сентябрьские дни, следующие за Днем рождения города, вся Одесса выходит на улицы, площади, бульвары и принимает участие в карнавальном действе. Это стало возможным благодаря энергии, щедрости и силе духа замечательного нашего земляка, ныне московского бизнесмена и общественного деятеля Михаила Фрейдлина, поддержке почетного президента джаз-карнавала Михаила Жванецкого, областных и городских властей. Я нашел единомышленника в лице Александра Павловского, убежденного, как и я, в том, что Праздник в Одессе должен длиться круглый год — это в самой природе нашего города, в характере, в самой сущности одесситов. Мы все должны сделать еще очень многое, чтобы вернуть привлекательность, притягательность легендарного города не только для сограждан, но и для всего мира.

— А в чем она заключается — эта привлекательность — для тебя, Юра? Почему ты всегда возвращаешься в Одессу с удачных гастролей, из стран, где тебе, известному музыканту, жилось бы и комфортнее, и легче? Я вспоминаю, как вел твои концерты в Германии, твой триумф...

— Об этом можно было бы говорить долго... Но попробую — коротко. Работать я могу везде, но жить — только в Одессе. Это удивительный город, где узнаешь себе точную цену. Нигде у меня нет таких слушателей, да разве только у меня... Путешествия — это прекрасно, интересная работа в других странах сегодня — обычная реальность. Но я, признаюсь, не понимаю тех, кто уезжает из Одессы навсегда и тут же забывает о ней. Настоящими одесситами всегда владеет ностальгия — и Жванецким, и Фрейдлиным... У каждого из нас есть такие друзья, думающие о родном городе, стремящиеся сделать для него все, что могут. И еще — куда же мне деться от этого моря, от этой Дерибасовской, от этого июля...

Мы, Кузнецовы, именно в этом месяце много лет справляли подряд дни рождения — отца Анатолия Петровича (ему нынче исполнилось бы восемьдесят), сестры Тани, мои... Мама, Людмила Ивановна, готовила любимые блюда... Нет ни ее, ни отца, ни моей рано умершей дочери Ольги... Может быть, я надеюсь на это, мне удастся рассказать о них, о своих учителях и друзьях — в музыке и воспоминаниях...

На юбилей Юрия Кузнецова в Одессу приедут знаменитые музыканты, артисты, журналисты, видные политические и общественные деятели Украины, России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Его день рождения станет прологом к главному джазовому событию года — Третьему Международному джаз-карнавалу. Уже сегодня ясно: состав участников будет впечатляющим, как всегда, и даже — более того. Из суеверия (тем более, что у джазменов не принято забегать вперед) не стану называть громкие фамилии и звания.

— Мне есть кем поделиться с одесситами! — говорит Юрий. И мы ему, как всегда, верим.

ПУБЛИКАЦИИ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
И вновь: круг Багрицкого 252
Перикл СТАВРОВ
Эдя Багрицкий и другие 252
Публикация Виталия АМУРСКОГО

Наталья ПАНАСЕНКО
Ах, водевиль, водевиль! 266
Александр КОЗАЧИНСКИЙ
Могучее средство 266

Нинель РЯДЧЕНКО
Война, море, Одесса... 280
Иван РЯДЧЕНКО
Передать Ивановой 281

И вновь: круг Багрицкого

Наш альманах продолжает знакомить одесситов с воспоминаниями одного из друзей Эдуарда Багрицкого — Перикла Ставрова. Напомним, что, уехав в эмиграцию, Ставров издал в Париже две книги стихов, опубликовал в газетах и журналах рассказы и воспоминания. В годы второй мировой войны он возглавил русскую писательскую организацию Парижа.

Благодаря помощи нашего коллеги, журналиста Виталия Амурского, живущего в Париже, мы получили возможность в Одессе издать книгу П. Ставрова, и вот уже второй раз, в альманахах, возвращаемся к его воспоминаниям.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Перикл СТАВРОВ

Эдя Багрицкий и другие

(Одесса 1917-1918)

Февральская революция случилась, как известно, в феврале. В Одессе месяц этот самый скверный. С черного¹ бушующего моря дует свирепая "трамонтана", посвистывает в улицах и переулках, срывает с обледелой мостовой, завивает струйками снежную порошу, режет, колет, истязает человеческую плоть. Хотя и полагалось в этот год улыбаться — потому что [революция] была "улыбающаяся" — однако граждане на уличных митингах гримасничали от холода, а требование "без аннексий и контрибуций" подтверждали притаптывая, отбивая дикий танец обледелыми подошвами.

Зато весна началась у нас с марта. Сперва погуливал еще ветер, холодноватый, но было в нем уже нечто ласковое, обещающее. Про весну не говорили, но знали наверное — будет. Потом весна развертывалась, как полагается, по-хорошему.

Море — темная синька, только нежным серебром поблескивает, скалы оранжевые, красные такие, что глазам больно смотреть, от воздуха — голова кружится. А кроме того известно — скоро акация будет цвести. Одно слово — улыбающаяся.

В то время я состоял приставом Бульварного участка (самого главного). Собственно был я студентом, — 3 пуда пять фунтов весу — но так полагалось по революции. Настоящий же, дородный пристав (вес не мень-

ше пяти пудов), в усах с подусниками, но уже в партикулярном платье, приходил иногда смотреть на мою работу. Под началом у меня были в качестве надзирателей что ли, лихой поэт Эдя Багрицкий, а также "вождь предутренних рассветов", тоже поэт, с тоненькой на кадыке шеей, Анатолий Фиолетов. Он уже тогда от всего сердца написал:

О, сколько самообладания
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования,

но все еще по-юношески рвался куда-то, и после милиции в сыскное отделение пошел служить. Там он и оставался, пока фальшивомонетчики его не прихлопнули.

В общем, поэтический был состав. Правда, в качестве "спецов" оставались и бывшие городовые, без шашек, но со штатскими на кителях пуговицами. Стеснялись, при дежурстве сидели на казенных скамейках, нахохлившись, в ряд, как крупные воробьи. Багрицкий им в утешение новую свою поэму "Труба победы" читал.

Скучным было помещение нашего участка. Пол затертый, заплеванный, в окурках. Стены — снизу серые, с коричневой полоской, сверху — в грязной извеске. Столы — изрубленные какие-то, в черных пятнах, унылые вдоль стен скамейки. Очень уже неподходящее для поэтов место.

Городовые над нашей работой втихомолку подсмеивались. И то сказать, какого нам воришку не приведут, дня через два-три он неизменно возвращался в свободное состояние. Помещение участка было тесное, держать их было негде, а в тюрьме заняты более важными делами — политическими. При этом же мой комиссар — он же мой профессор уголовного права Немировский — полицейскими делами никак не интересовался. Случился у меня налет с убийством. Тут я, конечно, разгорячился. Убийство, кровь, Шерлок Холмс, дедуктивный метод и прочее. В три часа ночи звонок Немировскому: "Так мол и так, профессор, немедленно приезжайте".

А он в ответ сонным таким голосом: "И чего вы, молодой человек, в ночное время меня будите? Я спать хочу, у меня завтра с утра лекции. Ну, налет, ну, убили... много будет еще налетов. Плюньте вы на все это дело, молодой человек...".

Так он меня расхолаживал. По правде, мы не очень досконально полицейское дело знали.

Однажды отправились мы на обыск в глухое предместье, в веселый подозрительный домик. Там, якобы, скрывали краденое добро. Вначале все было, как полагается, — даже браунингами хозяйке угрожали — ну, а потом Багрицкий стал девицам стихи читать. Из краденого ничего не нашли, реквизировали только две бутылки самогонной водки. Водку распиливали перед участком на Соборной площади, под звездным небом. Фиолетов про бедного мальчика Оливера Твиста стихи читал, про Индию рассказывал, куда собирался бежать, заработав на уголовных расследованиях. Багрицкий великолепным голосом рычал на Николая Асеева (должно быть, девицы его разволновали):

Ты в маске электрической
Похаживаешь мимо,
А я — на Дон, на Дон, на Дон
Зову тебя очима...

Причем это "на Дон" выходило у него немного в нос, но мы этого не замечали. Ну, а потом из Бориса Пастернака:

Акацией пахнет и окна распахнуты
И страсть, как свидетель, седеет в углу...ⁱⁱ

Акацией пахло, действительно, но одурения и страсти к стихам было немало...

Однако по поводу этого обыска, дня через два арестованный дядя-рецидивист нам наставительно советовал: "Бросьте вы, паничи, грязным делом заниматься. В такое нехорошее время к черту на куличики неизвестно для чего ходите, Мы, конечно, вас, молоденьких, жалею, а будь вы постарше, мы вас там обязательно "пришили". Не в свое дело нос суете..."

Так и с этой, преступной стороны, мы не имели никакого поощрения...

Девиц этих самых приводили к нам в участок после еженедельной облавы стаями. Хотя Блок, даже много позже, писал:

На время — десять, за ночь — двадцать пять,
Меньше ни с кого не братьⁱⁱⁱ,

однако уже тогда, несмотря на всеобщую свободу, этим делом заниматься не полагалось. А я их все же немедленно на волю отпускал. Что с ними в

такое революционное время делать? За то они ко мне с величайшим уважением относились, покровителем считали, пальцем на меня, когда я по ихнему Красному переулку проходил, в назидание младшим поколениям указывали...

Отдыхали мы от полицейских трудов в Летнем саду Литературно-артистического клуба, короче "Литературке". Сад был, собственно, садиком, выходившим на площадь имени Екатерины Великой. Императрица стояла посреди площади громадная, чугунная, окруженная такими же чугунными сподвижниками. Собственно говоря, мы только знали, что она там стоит, но ее самоё не видели, так как на месте ее возвышался какой-то серый, грязноватый торчок. Революция накрыла Императрицу полотняным мешком — дабы освобожденному населению на прежнюю свою угнетательницу смотреть неповадно было.

По этому поводу наш известный карикатурист Мад^{iv} сострил: "Ну, и одесситы! Даже Екатерину Великую умудрились накрыть!". Ну, по правде говоря, так как все было необычайно в те летние месяцы, то одесситы на мешок не очень обращали внимание.

А садик был очень симпатичный или, по крайней мере, таким он мне сейчас кажется. Трельяжи из зелени, все под теми же акациями, сверху — ночное беспредельное небо, полная луна, превращавшая все в какую-то оперную декорацию. Конечно, при том самогонная водка, стыдливо подававшаяся в закрытых чайниках. Революции тогда полагалось быть не только улыбающейся, но и трезвой, хотя бы для виду.

Каждый вечер приходили в клуб молодые (действительно молодые!) писатели и поэты. Валя Катаев — в необычной форме. Он эти формы очень любил и впоследствии, в связи со сменой властей, их соответственно менял. Мы называли его гусаром, так как был он полон жажды "врубиться" в литературу, завоевать. Напористый был молодой человек.

Приходил и Юрий Олеша, низенький, коренастый, талантливый и нахальный. Он тогда еще был поэтом, звезду Альдебаран воспевал, но будущее свое предвидел и о длинном романе заговаривал.

Рыженький Ильф приходил на старших посмотреть. В те отдаленные времена он о славе не помышлял, а Петров был просто братом Валентина Катаева. Ильф — милый такой, умненький, молчит, молчит — только пэнснэ поблескивает — и вдруг слово такое скажет, что все расхохотутся. Ну, а Семю Кирсанова^v по молодости лет мама еще в клуб не пускала. Так, на улице кого-нибудь из нас остановит и стихами, мальчишка, захлебывается. Помню был среди нас Горностаев, поэт из семинаристов (он, кажет-

ся остался преподавателем в семинарии). Худой, высокий, даже согнувшийся немного под тяжестью роста, он мне напоминал — вероятно, из-за своего украинского акцента — Хому Брута. Читал он стихи на библейские темы, низким, загробным каким-то басом, так что мягкое украинское "г" звучало у него подземным гулом. Из стихов его все забыл, осталась только одна строчка:

Давил я, давил я, давил виноград...

а какой именно виноград и почему он его так старательно давил — не упомяну.

Веселил нас "душа общества", Петр Сторицын^{vi}. Лысый, толстый, потный считался он среди нас отпетым стариком, хотя ему было всего лет сорок пять. Тем не менее, несмотря на пожилой возраст, у него оставался в Петербурге живой, богатый папа. Папа, очевидно, на сына рукой махнул, но все же деньги время от времени посылал, а мы этими деньгами пользовались. Сборник стихов "Шелковые фонари" на эти деньги вышел. Поэтому Петр Сторицын шел у нас за мецената. Чудак был невероятный, графоман с сумасшедшинкой. Стихи писал плохие, но читал их, задыхаясь от восторга, брызгая вокруг себя слюной, так что надо было держаться на солидном расстоянии.

Будучи сам не от мира сего, любил сидеть в главном одесском кафе — "Фанкони", где по поводу смутного времени собирались спекулянты, торговали всеми, главным образом, несуществующими товарами — "воздухом" — торговали.

Лето жаркое. Сторицын неизвестно для чего там сидит, обливается потом. Подойдешь к нему, спросишь: "чего вы тут, собственно торчите", — а он во весь рост встанет, руки растопырит, слюной побрызгает и на все кафе рявкнет:

"Ау — аач! Торгую потом!"

Так он в спекулятивную среду своего рода поэзию вносил.

Вот и председатель "Литературки" Хмельницкий, так тот, наоборот, с поэтических облаков нас в земные дела тянул. Он тогда еще был просто присяжным поверенным и коммунистом, папой сына своего — наркома юстиции. Почему он был председателем Литературно-художественного клуба — до сих пор не понимаю.

Сидим мы, бывало, в садике под цветными фонариками. Аромат летней ночи, сверху полная луна светит, на столе — водка с закуской (и ар-

тистки очень интересные клуб посещали). Сидим, водка к сердцу поднимается, стихи по очереди читаем, о поэзии спорим. А папа Хмельницкий подсядет неожиданно и прозаическим таким тоном всю поэзию сорвет:

"Молодые люди, довольно пустяками заниматься. Пойдем в общий зал чай пить".

Ну, а потом, как известно, наступил октябрь — месяц осенний.

II.

...Октябрь 1917 года... Все мы знаем, во что с этого месяца обратилась "улыбающаяся", "бескровная". Однако на севере и на юге превращение происходило по-разному. На севере: "вся власть советам!" — и никаких, и точка. У нас же, на пылком, изменчивом юге по очереди: и "Deutschland über alles" и "Вся власть советам" и "Е д и н а я, неделимая" и "Хай живе вільна Україна", и "Vive la France" и просто "грабь награбленное", и "бей, спасай", и такие еще лозунги, что вспомнить стыдно. Власти сменялись многократно и бурно; от смены этой одесситы чумели.

Прахом распадалась тогда старая Россия. Это о ней в душе думал (или казалось мне) Максимилиан Волошин, когда, проездом через Одессу, возвещал нам, потряхивая львиной гривой, про прах Лже-Дмитрия, как этим прахом

...пушку зарядили
С четырех концов Москвы палили
На четыре стороны земли...

.....
Вот тогда-то стало их много^{vii}:

— и Петлюра, и Махно, и Муравьев, и Котовский, и прочие — помельче...

Все это происходило в большом историческом мире, где дул тогда "ветер, ветер на всем Божьем свете". В нашем же маленьком, поэтическом, происходили события иного порядка, а потом познали мы горький вкус "мировых событий". Осиротели, друга потеряли, Анатолия Фиолетова, что, мечтая об Индии, в сыское отделение пошел служить, убили на рынке фальшивомонетчики. Не поладил с преступным миром и получил пулю в сердце. Нежный был мальчик, тоненький, слабогрудый, для полицейской профессии совсем не подходящий.

А за два дня до смерти вот что он написал:

Не архангельские трубы
Деревянные фаготы,
Пели мне о жизни грубой,
О печалях и заботах.

И опять, как прежним летом
Не пишу и не читаю,
Озаренный тихим светом
Дни прозрачные считаю.

Не скорбя и не ликуя
Ожидаю смерти милой
Золотого аллилуйя
Над высокою могилой...

Милый Боже! Неужели
Я метнусь в благой дремоте?
Все прошло, над всем пропели
Деревянные фаготы...^{viii}

Архангельские трубы — мечта об Индии, деревянные фаготы — сыскное отделение... Одолели поэта деревянные фаготы...

Фиолетов страдал врожденным пороком сердца. Говорят, сердце таких людей живет в предчувствии смерти. Но все же, все же, почему за два лишь дня до того, как получить пулю в это бедное сердце, написал он такое пророческое стихотворение? Вот я это стихотворение и запомнил...

И то сказать, всех событий и смен не запомнить. Были даже такие месяцы, когда город делился на три зоны: французскую (оккупационную), советскую и украинскую. Непонятно было, какие документы предъявлять и какую политическую программу излагать при встрече с очередным патрулем. Опять же — разобрать трудно, какой, например, патруль большевистский, какой украинский. А иногда одна власть отвоевывала у другой несколько улиц и переулков — и тогда здорово постреливали. Бандитские же по ночам налеты, те были, так сказать, интернациональными, без всяких политических платформ.

Бывали и неожиданности. В который-то раз — "окончательно" овладели городом большевики. Раскрываю утром газету — то есть, никакой газеты, простите, я не раскрывал, потому что это был просто листок желтой

оберточной бумаги, на котором печатались лозунги и декреты — одним словом, гляжу я в этот самый листок и — на первом месте, заглавными буквами: "Долой смертную казнь" и "Да здравствует человеческое достоинство!". А как же нас перед тем добровольческий "Осваг"^{ix} большевистским террором пугал! На душе легче стало, но не очень всему этому верится. Был у меня тогда ход (сейчас, в Париже, сказал бы: *tuyau*), чтобы правду узнать. Начальник Чека, товарищ Северный, реквизирует комнату у моего кузена, Стамерова, владельца Стамеровского театра. (Собственно я его сейчас из уважения к кузеновой памяти Стамеровским величаю, а у одесситов назывался он — Сибиряковским. Кузен очень сердился: "Я его у Сибирякова после пожара откупил, стало быть, он теперь Стамеровский". Ничего не помогало — так и остался: Сибиряковский.)

Так вот: робко стучусь я в дверь кузеновой квартиры (звонок, естественно, не действовал: электричество — только во время обысков) и думаю: ну, а как сейчас схватят, и, невзирая на человеческое достоинство, "разменяют"? А встретил меня кузен, улыбаясь, и на вопросы только рукой машет: "Товарищ Северный! Замечательный человек! Толстовец и поклонник Ганди. Мы с ним по вечерам учение о непротивлении злу разрабатываем"...

Подивился я тогда не мало. Начальник Чека, он, согласно "Освагу", над всей Россией кровожадным пауком простирается должен, и вдруг — Толстой и Ганди.

Только было кратковременным мое удивление — через несколько дней сняли товарища Северного. Для занимаемого поста оказался неподходящим. И стали в Чека, как полагалось, буржуев, несмотря на человеческое достоинство, разменивать. А за товарища Северного (дай Бог ему здоровья), потом, при очередной смене власти, даже генералы подпись свою давали, потому что воистину замечательный человек был...

Все пошло обычным путем... Аресты, обыски, расстрелы, вместо электричества — лампадное масло, вместо жалования — фитильки от лампадок... Был и голод. Одно утешение, не такой, например, как на севере. Покойный К.В. Мочульский^x тогда из Петрограда приехал и все удивлялся, что мы еще иногда едим селедку с картошкой. "У нас", рассказывал, "только шелуха картофельная и селедочные головки". Мы тогда еще наивными были и было нам невдомек: если населению шелуха и головки, то кто же, собственно, самый картофель и селедку ел? Потом только, много позже, мы эту механику поняли...

Все же интеллигенция — артисты, художники, литераторы — кое-как

приспособлялись. Я, например, красноармейцам лекции по живописи читал. Правда, никак не мог добиться, чтобы они Леонардо да Винчи от Репина отличали. И все же, надо сказать, между ними были очень симпатичные парни — душевно живописью интересовались.

Покойный артист Б. Глаголин даже журнал литературный основал, — с пролетарским направлением. Так — статейка о пролетарском искусстве, а под ее сенью проскальзывали стихи "о розах и соловьях". Для пушчего тумана журнал назывался "Театруда" — надо читать "Театр труда". Что это, собственно, значило, думаю, едва ли сам Глаголин знал.

Некоторые сотрудники у него были совершенно в духе времени. Инженер Бабичев, например, писатель, он же клинический параноик, он же "Антихрист от самого своего рождения". Бабичев так и начинал свои статьи в этой самой "Театруде": "Я, Антихрист, признанный вершить судьбы вселенной" ... Однако, уж такое тогда [было] планетарное время, что и Антихриста принимали за своего человека.

Ходил Бабичев с туго набитым портфелем и с куском тормоза от старой "конки". Тормоз этот служил ему вместо радио для сообщения с другими планетами — с Марсом, например. Вид у Бабичева был неизменно озабоченный: легко ли, в самом деле, "Коммуну Земного Шара" организовать? Был он, повторяю, совершенно в духе того планетарного времени.

Так, явился как-то Бабичев в Наробраз к молодому коммунисту К. с вполне определенным планом "Театра Мировой Коммуны". Оба — и Бабичев, и К. — воспламенились, стали разрабатывать детали. Помещение наметили, артистов выбрали. "Ну, а сколько же вам, товарищ Бабичев, стульев понадобится. Я сейчас вам ордерок напишу" ... "Да, я думаю два миллиона на первое время хватит", — бодро ответил Антихрист. Тут пришлось товарищу К. из планетарных сфер спуститься в свой скромный Наробраз.

Да, безумная была эпоха, страшная, голодная и удивительная...

В этом тяжелом безвременьи пышно расцвела "южнорусская школа" (Багрицкий, Кирсанов, Олеша, Бабель, Катаев, Ильф и Петров...).

Пустынные были годы, "ветер, ветер на всем Божьем свете", а тоскливому, голодному, чтобы развеять тоску, всегда песни петь хочется. Араб в пустыне против извечной своей скуки борется песней. Конечно, бедный Иов был бы лучшим поэтом, чем процветающий делец Уолл-Стрита^{xi}... В благополучные времена поэзия бредет проторенными дорожками классицизма, романтизм процветает в нищете и лишениях.

Темная, зимняя советская ночь в Одессе. Фонари не горят. Тротуары, мостовые покрыты ледяной корой, трудно, спотыкаясь в темноте, проби-

раться меж сугробов наметенного ветром снега. Где-то вдали одиночные выстрелы. Кто его знает — бандитский ли это налет или просто балуется винтовкой пьяный красноармеец. По пустынным улицам бредет "стая" поэтов, распевая свои и чужие стихи. Не хотят сидеть дома, не согласны оставаться запуганными обывателями.

Видно, много теплоты романтического жара на душе у Багрицкого, если может он слагать такие стихи:

Земля надрывается от жары,
Термометр взорван... И на меня,
Грохоча осыпаются миры
Каплями ртутного огня,
Обжигают темя, текут ко рту,
И вся дорога бежит, как ртуть^{xii}.

И не к ледяной советской ночи рвется его сердце.

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули.

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!
Дубок, шевели парусами!^{xiii}

Может быть, в такую же ледяную ночь задумал сказать себе Кирсанов:

Понял я, что нет на свете
Выше, чем такое,
Чем держать другое сердце
Нежною рукою.

И пускай мое от боли
Разом разорвется,
Это в жизни, это в песне
Творчеством зовется...^{xiv}

Навстречу поэтам-бродягам патруль: "Что за странная публика? Ваши документы, товарищи!". Отвечает Юрий Олеша, по привычке насмешливым, но очень убедительным — свысока — тоном: "Мы, товарищи, не бандиты, не налетчики. Мы поэты — народ особенный"... Хочется от себя добавить: "... и последние романтики, которым в недалеком будущем придется стать "примерными" пролетарскими поэтами или кануть в небытие..."

Известно, что скромные, застенчивые люди тянутся в мечтах к сильным ощущениям, и бурной романтике. Скромного служащего, "очкастого" Бабеля увлекли похождения Бени Крика, лихие кавалерийские рейды буденовцев. С каким наслаждением произносил Бабель слова своего героя ("Конармия"): "Ну, и буду же я беспощадно рубать шляхту". Себя самого, видимо, видел на лихом коне, с высоко занесенной шашкой...

Настал НЭП. Старый мир, что стоял "поджавши хвост, как пес голодный"^{xv} не хочет без боя умирать. Здравый смысл — благоразумие — пытался еще воскреснуть после безумного октябрьского вихря. Поднимал голову новый — советский — оппортунизм. Столкновения старого и нового мира создавали коллизии — трагические и комические — почти шекспировского напряжения. Так родилась "Зависть" Юрия Олеши, "Двенадцать стульев", "Золотой теленок" Ильфа и Петрова. "Двенадцать стульев" сделались как-то сами собой. Два приятеля баловались "пробой пера". Ильф выдумывал, Петров "организовывал" и записывал. Послали роман на просмотр в Москву ставшему тогда уже известным Катаеву (брату Петрова). Катаев принял роман всерьез, позаботился об его издании. Впоследствии, кажется, при чтении романа изволил улыбнуться Сталин. Успех был обеспечен...^{xvi}

Ну, а потом пошли рационализации, индустриализации, директивы

партии. Тесно стало жить романтикам. Надо было или приспособливаться, или "причесывать" свое творчество под "партийную гребенку", или задохнуться в чужой атмосфере.

Багрицкий задохнулся от мучавшей его с детства астмы. Ильф писал мне: "Эдя перед смертью повторял свою строчку: "В раскрывшихся (от удушья — П. С.) глазах мелькают только птицы..."^{xvii}

Тот же Ильф, будучи незадолго до смерти (от злой чахотки) в Париже, говорил мне, что лучший их с Петровым роман так никогда и не увидит света — не пришелся ко времени^{xviii}.

Ю. Олеша где-то в Туркестане, кажется, усиленно заливает тоску водочкой^{xix}. Бабель канул в небытие^{xx}.

Мудрецы говорят, все на свете гибнет, проходит, изменяется, все течет. Ну, а нам, не очень мудрым, очень от этого грустно.

Париж

Комментарии и примечания

Воспоминания опубликованы в нью-йоркской газете "Новое Русское Слово", в номерах от 6-го и 13-го января 1952 г. При этом в конце публикации первой части указание на то, что "продолжение следует" — отсутствует. Наоборот, при публикации второй части имеется ссылка на начало. Вполне возможно, что отсутствие этой детали в номере от 06.01.1952 явилось результатом редакционной оплошности. Однако нельзя исключить, что вторая часть изначально не планировалась, и была добавлена по инициативе П. Ставров или "НРС". Читатель, знакомый с другими публикациями П. Ставрова, обнаружит во второй части "Эдя Багрицкий и другие" некоторые детали, о которых автор рассказывал, например, в текстах: "Памяти Эдуарда Багрицкого" (впервые: журнал "Встречи" № 1, Париж, 1934 г.), "Полузабытое" ("НРС", 23.01.1949 г.) — все это вошло в сб. П. Ставров, "На взмахе крыла" (ВМВ, Одесса, 2003 г.). Повторы эти, думается, свидетельствуют прежде всего о том, что события, связанные с одесской молодостью, с кругом друзей исключительно напряженного революционного времени, не оставляли писателя на протяжении многих лет жизни, служили ему неким духовным ориентиром по которому он измерял как добро, так и зло. Пристально вглядываясь в ушедшую эпоху, в силуэты тех, с кем он был рядом или кого вообще знал, Ставров пытался не только дать оценку их присутствию в разных планах в своей собственной судьбе, а также в судьбе культуры страны и мира. Соглашаться с ним или нет в беглых характеристиках, которые он дает, допустим, Катаеву, Бабелю или Олеше, — такого вопроса стоять не должно. Ставров писал не историю южнорусской школы и не биографии ее представителей, а мемуары, которые всегда окрашены известной долей субъективности. Тем, впрочем, и любопытны. Можно отметить, кстати, что своеобразный внутренний ритм "Эдя Багрицкий и другие" он тонко акцентирует строками не Багрицкого, а Блока. То есть, Блок — автор "Двенадцати" — у него как бы обобщает все, что происходило в атмосфере разваливающейся империи, тогда как Багрицкий остается все-таки прежде всего одесситом и романтиком, на смертном одре цитирующим стихи, напи-

санные в юности. Блок — Багрицкий, у Ставрова, разумеется, не антитеза. Но мастера разные по мироощущению, опыту, а главное — по личной причастности к самому автору воспоминаний.

Указание при заголовке: "Одесса 1917-1918" тут следует рассматривать довольно условно, так как обе части текста строго не ограничиваются такими хронологическими рамками. При перепечатке газетного текста внесены некоторые исправления, типа: Катаев — вместо "Котаев", исправлены другие явные опечатки, в квадратных скобках добавлены слова, которых очевидно не хватает по смыслу. Написание "южнорусская школа" нами приведено в соответствии с современными нормами написания — у Ставрова через дефис. Некоторые другие слова, придающие рассказу особую лексическую окраску, сохранены в оригинальном виде. Несколько терминов и цитат проверить не удалось, они оставлены без изменения.

ⁱ В газетной версии — с маленькой буквы. Возможно, опечатка. Но при учете того, что очевидно речь шла о Черном море, нельзя исключить желание автора использовать тут прилагательное, подчеркивающее мрачный в то время характер этого моря.

ⁱⁱ Б. Пастернак, "Марбург".

ⁱⁱⁱ А. Блок, "Двенадцать", часть 1. Работа над созданием поэмы относится к январю 1918 года. Таким образом, утверждение Ставрова, что приведенные им строки были созданы "много позже", можно считать реально несколько преувеличенным.

^{iv} Мад — псевдоним художника-карикатуриста Михаила Александровича Дризо (15.07.1887 г., Одесса — 23.09.1953 г., Париж).

^v Кирсанов Семен Исаакович. Поэт (18.09.1906 г., Одесса — 10.12.1972 г., Москва).

^{vi} Сторицын (Коган) Петр Ильич (1894-1941), известен в первую очередь как друг Багрицкого.

^{vii} Цитируется неточно. У Максимилиана Волошина в Dmetrius-Imperator (1591-1613), стихотворении, датированном 19 декабря 1917 г.: "...пушку зарядили, / С четырех застав Москвы палили / На четыре стороны земли. // Тут тогда меня стало много..."

^{viii} С незначительными разночтениями — в альманахе "Ковчег" (Феодосия, 1920 г.). Ре-принтное изд. С комментариями: "Возвращение "Ковчег", Одесса, "Друк", 2002 г.

^{ix} Осваг — осведомительное агентство, созданное с целью координации политико-идеологической работы правительства генерала А.А. Деникина.

^x Мочульский Константин Васильевич (28.01.1892 г., Одесса — 21.03.1948 г., Камбо, Франция) — историк литературы, критик, эссеист.

^{xi} В оригинале: Волл-Стрит.

^{xii} Э. Багрицкий, "ТВС" (сб. "Победители", М.-Л., ГИХЛ, 1932 г.).

^{xiii} Э. Багрицкий, "Арбуз" (сб. "Юго-Запад", М.-Л., 1928 г.).

^{xiv} С. Кирсанов. Творчество. 1943 г.

^{xv} А. Блок. Цитируется неточно. В поэме "Двенадцать" так: "И старый мир, как пес безродный, / Стоит за ним, поджавши хвост".

^{xvi} О том, как создавались и обретали славу эти романы, существует большая литература. См., к примеру: И. Ильф, "Записные книжки". Первое полное издание. М., "Текст", 2000 г., Щеглов Ю.К., Комментарии к роману "Двенадцать стульев". М. Панорама, 1996 г. и к роману "Золотой теленок", М., Панорама, 1995 г.

^{xvii} Из стихотворения 1916-го (по некоторым источникам 1917 г.) "Я отыскал сокровища на дне..."

^{xviii} Какое именно произведение имелось в виду — неясно.

^{xix} В годы Великой Отечественной войны писатель был в эвакуации в Апхабаде. О его "молчании" см.: А. Белинков, "Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеся" (первое издание: Мадрид, 1976 г.).

^{xx} Бабель Исаак Эммануилович (30.06.1894 г., Одесса — 27.01.1940 г. — в заключении).

Публикация и комментарии Виталия АМУРСКОГО
Париж

Послесловие

Пришло письмо от Александры Ильиничны Ильф.

"Дорогой Евгений Михайлович,

Только после того как я прочла Вашу книгу "На взмахе крыла", посвященную Ставрову, и увидела его фотографию, я поняла, что именно он изображен на фотографии (январь 1934) — у Фазини.

Книжка получилась прелестная, спасибо за упоминание обо мне и, конечно, и А.И. Ильфе.

Желаю здоровья и всего самого лучшего

А. Ильф

Как жаль, что Ставров не обнаружился раньше! Я вообще никогда не видела его фотографий, а мама тоже не была с ним знакома.

Думаю, что крупная дама слева — его жена. Кто знает?

Если будет возможность, опубликуйте, как фото из моего архива. Ставров сидит, Фазини — стоит. Январь 1934 года".

Кстати, так случилось, что в этом номере альманаха есть статья о Фазини и очередная публикация П. Ставрова.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Ах, водевиль, водевиль!

Первые публикации Александра Козачинского появились в 1923 г. в допровских изданиях "Голос заключенного" и "Жизнь заключенного". Автор был тогда под следствием. Мы с этими сочинениями вряд ли когда-нибудь ознакомимся (где же найдешь такую специфическую и давнюю периодику?), остается довольствоваться отзывами корреспондентов тех лет. Они хвалили. Ал. Светлов назвал допровский псевдоним Козачинского — Ал. Козаринский — и привел выдержку из письма заключенного к адвокату: "Печатают меня хорошо. (...) Ежедневно даю 200 строк. Работа по душе".

После освобождения и переезда в Москву Козачинский сотрудничал в газете "Гудок".

А в февральском номере "Знамени" за 1938 год были опубликованы пять рассказов, написанных в августе-сентябре 1937 г. И они, и "Фоня", датированный январем 1940 г., переиздавались неоднократно, правда, все равно мало кому известны.

"Зеленый фургон" — самое знаменитое произведение Александра Козачинского. Если кто и не читал повесть, то уж фильм смотрел обязательно (экранизировалась книга дважды).

Но вот водевиль "Могучее средство" почему-то совсем потерялся. Он был опубликован в альманахе "Год XXII" в 1939 г. и — как провалился: нигде о нем ни строчки, ни слова. Единственное упоминание обнаружилось в письме Козачинского к Евг. Петрову (письма готовятся к публикации А. Яворской): "С твоей критикой водевиля согласен "на все сто". Даже приятно, когда критикуют так толково. Скажу одно лишь: я не только не видел "Эликсир молодости", но и вообще никогда в жизни не видел водевиля (в драм. театре, вероятно, был раза три). (...) Сюжет этот я придумал сам и собирался сначала сделать из него серию маленьких рисунков с подписями для "Крокодила".

Жаль, что смешная пьеса на вечно актуальную тему так прочно забыта. Но, с другой стороны, то, что не удалось отыскать ни одного упоминания ни в одной библиографии, ни одной рецензии на опубликованное произведение, дает повод надеяться на новые находки.

Наталья ПАНАСЕНКО

Александр КОЗАЧИНСКИЙ

Могучее средство

Водевиль в одном действии
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Доктор Гудбаев — лет сорока, иногда важен, иногда суетлив.

Щупак — молодящаяся особа лет 35-ти. Шляпа типа "извозчиный цилиндр" с вуалеткой. Рыжая, довольно тощая лиса, пальто ярко-зеленого канцелярского сукна.

Отец ребенка.

Парализованный старичок — небольшого роста, худенький. Длинная седая раздвоенная борода, черная касторовая шляпа с полями. Круглые очки.

Кабинет доктора Гудбаева. Слева — письменный стол, на столе Гудбаев пишет, повторяет вслух написанное.

Гудбаев. В беседе с нашим корреспондентом доктор Гудбаев сказал... Нет, не сказал, а сообщил... Нет, не сообщил, а заявил! (*Отодвигая листок.*) Превосходная мысль! Зачем ждать, пока к тебе придет корреспондент, когда самому можно написать беседу? Тем более, что корреспондент может и вовсе не прийти! А беседа в "Гигроскопическом вестнике" была бы для меня очень кстати. Беседа — не статья! Беседа почетнее. Она дает двойную славу. А двойная слава — двойные деньги. Кстати, сегодня платить за костюм и за два пуда сырья для пилюль. Эти пилюли меня разоряют! (*Продолжает писать, перечитывает.*) Заявил о новых методах лечения усталых и изношенных организмов путем применения синтетических пилюль и вытяжек из молодых побегов сельдерея, полностью заменяющего дорогостоящий целебный корень женьшень. Ярким примером может служить... (*Задумывается.*) Кто же может служить ярким примером? Скажем, Иванов? Петров?.. Нет, нужна фамилия позамысловатей. Ну, можно будет выбрать в телефонной книге. Это мелочь. Главное — пристроить беседу. Как бы не заартачился этот "Гигроскопический вестник"! Придется звякнуть Ирине Варфоломеевне. У этой дуры везде знакомые.

Стук в дверь. Гудбаев поспешно надевает чалму.

Я занят, но войдите.

Входит мадам Щупак с трехколесной колясочкой под балдахинчиком. В коляске, полускрытый портьерками, сидит парализованный старичок. Она оставляет коляску на авансцене лицом к публике. Подходит к столу.

Щупак. Доктор Гудбаев? Я к вам по рекомендации Ирины Варфоломеевны. Я пришла посоветоваться.

Гудбаев. Рекомендация Ирины Варфоломеевны для меня — все. Я глубоко уважаю ее за разносторонний ум и за стремление участвовать в научном прогрессе. Тем не менее, я могу уделить вам считанные минуты.

Ах, водевиль, водевиль!

Первые публикации Александра Козачинского появились в 1923 г. в допровских изданиях "Голос заключенного" и "Жизнь заключенного". Автор был тогда под следствием. Мы с этими сочинениями вряд ли когда-нибудь ознакомимся (где же найдешь такую специфическую и давнюю периодику?), остается довольствоваться отзывами корреспондентов тех лет. Они хвалили. Ал. Светлов назвал допровский псевдоним Козачинского — Ал. Козаринский — и привел выдержку из письма заключенного к адвокату: "Печатают меня хорошо. (...) Ежедневно даю 200 строк. Работа по душе".

После освобождения и переезда в Москву Козачинский сотрудничал в газете "Гудок".

А в февральском номере "Знамени" за 1938 год были опубликованы пять рассказов, написанных в августе-сентябре 1937 г. И они, и "Фоня", датированный январем 1940 г., переиздавались неоднократно, правда, все равно мало кому известны.

"Зеленый фургон" — самое знаменитое произведение Александра Козачинского. Если кто и не читал повесть, то уж фильм смотрел обязательно (экранизировалась книга дважды).

Но вот водевиль "Могучее средство" почему-то совсем потерялся. Он был опубликован в альманахе "Год XXII" в 1939 г. и — как провалился: нигде о нем ни строчки, ни слова. Единственное упоминание обнаружилось в письме Козачинского к Евг. Петрову (письма готовятся к публикации А. Яворской): "С твоей критикой водевиля согласен "на все сто". Даже приятно, когда критикуют так толково. Скажу одно лишь: я не только не видел "Эликсир молодости", но и вообще никогда в жизни не видел водевиля (в драм. театре, вероятно, был раза три). (...) Сюжет этот я придумал сам и собирался сначала сделать из него серию маленьких рисунков с подписями для "Крокодила".

Жаль, что смешная пьеса на вечно актуальную тему так прочно забыта. Но, с другой стороны, то, что не удалось отыскать ни одного упоминания ни в одной библиографии, ни одной рецензии на опубликованное произведение, дает повод надеяться на новые находки.

Наталья ПАНАСЕНКО

Александр КОЗАЧИНСКИЙ

Могучее средство

Водевиль в одном действии
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Доктор Гудбаев — лет сорока, иногда важен, иногда суетлив.

Щупак — молодящаяся особа лет 35-ти. Шляпа типа "извозчиный цилиндр" с вуалеткой. Рыжая, довольно тощая лиса, пальто ярко-зеленого канцелярского сукна.

Отец ребенка.

Парализованный старичок — небольшого роста, худенький. Длинная седая раздвоенная борода, черная касторовая шляпа с полями. Круглые очки.

Кабинет доктора Гудбаева. Слева — письменный стол, на столе Гудбаев пишет, повторяет вслух написанное.

Гудбаев. В беседе с нашим корреспондентом доктор Гудбаев сказал... Нет, не сказал, а сообщил... Нет, не сообщил, а заявил! (*Отодвигая листок.*) Превосходная мысль! Зачем ждать, пока к тебе придет корреспондент, когда самому можно написать беседу? Тем более, что корреспондент может и вовсе не прийти! А беседа в "Гигроскопическом вестнике" была бы для меня очень кстати. Беседа — не статья! Беседа почетнее. Она дает двойную славу. А двойная слава — двойные деньги. Кстати, сегодня платить за костюм и за два пуда сырья для пилюль. Эти пилюли меня разоряют! (*Продолжает писать, перечитывает.*) Заявил о новых методах лечения усталых и изношенных организмов путем применения синтетических пилюль и вытяжек из молодых побегов сельдерея, полностью заменяющего дорогостоящий целебный корень женьшень. Ярким примером может служить... (*Задумывается.*) Кто же может служить ярким примером? Скажем, Иванов? Петров?.. Нет, нужна фамилия позамысловатей. Ну, можно будет выбрать в телефонной книге. Это мелочь. Главное — пристроить беседу. Как бы не заартачился этот "Гигроскопический вестник"! Придется звякнуть Ирине Варфоломеевне. У этой дуры везде знакомые.

Стук в дверь. Гудбаев поспешно надевает чалму.

Я занят, но войдите.

Входит мадам Щупак с трехколесной колясочкой под балдахинчиком. В коляске, полускрытый портьерками, сидит парализованный старичок. Она оставляет коляску на авансцене лицом к публике. Подходит к столу.

Щупак. Доктор Гудбаев? Я к вам по рекомендации Ирины Варфоломеевны. Я пришла посоветоваться.

Гудбаев. Рекомендация Ирины Варфоломеевны для меня — все. Я глубоко уважаю ее за разносторонний ум и за стремление участвовать в научном прогрессе. Тем не менее, я могу уделить вам считанные минуты.

Научная работа почти не оставляет мне времени для частной практики. Разденьтесь.

Щупак снимает лису и кладет ее на череп.

Как фамилия?

Щупак. Щупак.

Гудбаев. Возраст?

Щупак. Мой возраст? Это не имеет значения (*указывая на коляску*). Вот больной.

Гудбаев. Разденьте.

Щупак. Я должна вам сначала объяснить...

Гудбаев (*строго, с достоинством*). Не вы мне, а я вам буду объяснять... Давно болен?

Щупак. Видите ли...

Гудбаев. Еще раз прошу, берегите мое время. Отвечайте на вопросы. Мальчик? Девочка?

Щупак (*испуганно*). Ну, мальчик...

Из коляски высовывается борода парализованного старичка.

Гудбаев. Сколько месяцев?

Щупак. Месяцев? Одну минуточку (*берет со стола бумажку и карандаш, бормочет*). Семьдесят, умноженное на двенадцать...

Гудбаев (*не дожидаясь ответа, нетерпеливо*). Сколько зубов?

Щупак. Один.

Гудбаев. Один? Нижний, верхний?

Щупак. Зуб мудрости.

Гудбаев (*рассеянно*). Мудрости? Так-так-так-так... Кормите грудью?

Щупак. Позвольте вам, наконец, объяснить...

Гудбаев (*не слушая ее*). Чем кормите?

Щупак. Чем помягче. Омлетом, фаршированной рыбой...

Гудбаев. Рыбой? Так-так-так-так. Говорит, играет, ползает?

Щупак. Не говорит и не играет. Читает газеты...

Гудбаев. Газеты? Так-так-так-так. Какие газеты?

Щупак. "Правду", "Известия", "Индустрию".

Гудбаев (*с некоторыми удивлением*). Так-так-так-так... (*Встает и*

подходит к коляске. Отодвигает занавесочку, видит старика, долго и пристально всматривается в него.) Так... Так-так-так. Фаршированная рыба... (*Берет из коляски газету "Индустрия"*).

Щупак (*взволнованно*). Доктор, это не мой ребенок, это мой сосед по квартире, персональный пенсионер, изобретатель. Мы были на пороге счастья! Он как раз изобрел такую вещь... Вы не можете себе представить... Это абсолютно секретно. (*Оглядываясь по сторонам, шепчет ему на ухо.*) Я узнала об этом совершенно случайно!

Гудбаев. Ну и что же?

Щупак. Доктор, я вам открою всю душу. Он был безумно влюблен в меня. Он — человек культурный, одинокий, и я тоже женщина культурная и одинокая в последнее время. Вы не можете представить себе, доктор, как этот человек обожал меня!.. Сначала у него отнялся язык. Я, как всегда, зашла утром поболтать. Он, как всегда, сидит над чертежами. Как сейчас помню, рассказываю ему новость: наша соседка купила пальто под котик через знакомого пожарного в Гуме. А он смотрит на меня остолбенелым взглядом и спрашивает: "Зачем пожарному котиковое пальто?". Ничего не понял! Я забеспокоилась и начала объяснять подробно. Тут я замечаю — он задрожал, весь как-то осунулся...

Гудбаев. И долго дрожал?

Щупак. Пока я находилась в комнате. Затем трясущейся рукой написал мне записочку: "Дорогая мадам Щупак, у меня на нервной почве потеря речи, и впредь я лишен возможности быть Вашим собеседником". С этого дня он замолк. Замолк навсегда! Но меня это не остановило. Не могу же я бросить человека, когда он кончает такое изобретение! Вы же понимаете, доктор, не сегодня-завтра премия, квартира, персональный ЗИС, а он останется один, без помощи. Как он в ЗИСе один ездить будет? Пусть, думаю, пока молчит. Там видно будет.

Гудбаев. Картина болезни почти ясна.

Щупак. Увы, это только начало. На другой день стучусь к нему в комнату — не открывает. Стою под дверью, слышу шорох бумаг, кашель, вздохи, даже тиканье часов Мозер у него в жилетном кармане; а он меня не слышит! Целый час простучала. Хорошо еще — позвонили к нему четыре раза, он вышел открыть и показывает мне знаками: "Оглух, мол, ничего не слышу!". Ну, не бросить же человека одного, без помощи! Пусть, думаю, пока не слышит. Назавтра — опять новости! Захожу за ним, чтобы на прогулку идти — мы с ним часто вместе гуляли до наркомата, там я его в скверике поджидала, а потом домой обратно гуляли. Он как раз соби-

рался уходить, но при виде меня взгляд его помутился, борода затряслась, он снимает галоши, берет самопишущее перо и пишет записочку: "К сожалению, мадам Щупак, не могу вас сопровождать, ноги не действуют". Вы поймите мой ужас! Вчера онемел, сегодня оглох, завтра ноги отнялись... Кто даст мне гарантию, что в один прекрасный день он не потеряет способность чертить?! Подумайте: денежная премия, квартира с газом и ванной, персональный ЗИС, дача под Москвой, — все это может остаться несбывшейся мечтой! А ведь мы были на пороге счастья, доктор! Он так был влюблен в меня! Да он и сейчас любит, только выговорить не может.

Г у д б а е в. Картина болезни совершенно ясна. Я считаю этот случай на редкость удачным! Прекрасный паралич! Исключительно благоприятная почва для применения моих синтетических пилюль. Не волнуйтесь; с тех пор, как существуют мои пилюли — старики встречают паралич с улыбкой.

Щ у п а к. Доктор, вы меня возвращаете к жизни! Я готова на любые материальные жертвы! У кого я только не была! И у доктора Гусарова, который лечит деградатами, и у профессора Чижикова, который пользуется ионами верхних слоев атмосферы, и у доктора Баснословского — его пилюли самые мелкие в Москве, и даже у доктора Скоропостижного...

Г у д б а е в. Ну и как?

Щ у п а к. Да никак, только борода все растет и растет. Вы же понимаете, что это меня не устраивает!

Г у д б а е в. М-да... Этого недостаточно. Мы имеем изрядно изношенный организм. Его надлежит взбодрить, встряхнуть, освежить, обновить...

Щ у п а к. *(умоляюще)*. И омолодить!

Г у д б а е в. Можно и омолодить. Мои пилюли...

Щ у п а к. *(с воодушевлением)*. Я верю в ваши пилюли!

Г у д б а е в. Они повышают тонус, возвращают юношескую свежесть...

Щ у п а к. Доктор, умоляю, приступайте к лечению немедленно.

Г у д б а е в. *(вынимая коробочки с пилюлями)*. Начнем с главного. Мои пилюли... *(Телефонный звонок, берет трубку.)* Да... Да... Портной? Уже готов? Сейчас же еду *(к Щупак)*. Срочный вызов. Буквально рвут на части.

Щ у п а к. Что, ваш портной... Готов?

Г у д б а е в. Еще не готов, но ему плохо. Я буду через пятнадцать минут. Ждите. Чтобы не терять времени, начнем курс лечения сейчас же. *(Протягивает ей несколько коробок с пилюлями.)* По одной пилюле через каждые три секунды.

Щ у п а к. Через три секунды?

Г у д б а е в. Да, через три секунды. Два рубля двадцать пять копеек коробка. *(Уходит.)*

Щ у п а к. *(спохватываясь, кричит вслед)*. А сколько пилюль в коробке?

Г у д б а е в. *(из-за кулис)*. Двенадцать.

Щ у п а к. Двенадцать! *(Пауза.)* Это мне вскочит в копеечку.

Начинает кормить старика пилюлями. Стук в дверь. Входит отец ребенка с трехколесной колясочкой, такой же точно, как у старичка. В коляске ребенок, скрытый портьерками.

О т е ц р е б е н к а. *(затыхавшись)*. Здесь запись первичных больных?

Щ у п а к. Здесь нет никакой записи. Здесь только по рекомендации и только за деньги.

О т е ц р е б е н к а. Странно... В таком случае рекомендую меня к доктору Овсянникову. Вот деньги. *(Протягивает пять рублей.)*

Щ у п а к. *(беря из рук деньги)*. Во-первых, здесь не Овсянников, а Гудбаев. Во-вторых, доктор Гудбаев не примет вас за такую мизерную сумму.

О т е ц р е б е н к а. Пять рублей — мизерная сумма? Во всех поликлиниках такая оплата.

Щ у п а к. Так ото же вам не поликлиника!

О т е ц р е б е н к а. Как не поликлиника? Это — третий этаж справа?

Щ у п а к. Нет, это шестой этаж слева.

О т е ц р е б е н к а. Как же это я так проскочил? *(Собирается уходить.)*

Щ у п а к. Так зачем вам непременно доктор Овсянников?

О т е ц р е б е н к а. Да вот хочу посоветоваться насчет ребенка.

Щ у п а к. Так зачем вам советоваться с каким-то Овсянниковым? Доктор Гудбаев — прекрасный врач.

О т е ц р е б е н к а. И по детским?

Щ у п а к. По всем.

О т е ц р е б е н к а. Я безумно спешу. Если бы я знал, что здесь без очереди...

Щ у п а к. Конечно, без очереди! По моей рекомендации он вас сейчас же примет.

О т е ц р е б е н к а. *(ставит коляску с ребенком рядом с коляской старичка. Садится, снимает кепку)*. А где доктор?

Щ у п а к. Он будет с минуты на минуту. У него умирает портной.

О т е ц р е б е н к а. *(обеспокоенно)*. Так может быть, это долго?

Щ у п а к. Что вы! Максимум пятнадцать минут. Он просил меня подождать. А что с вашим ребенком?

О т е ц р е б е н к а. Понятия не имею. Кричит. Как только привезу его на заседание — начинает кричать.

Щ у п а к. Зачем же вы его возите на заседания?

О т е ц р е б е н к а. Ничего не поделаешь. Жена в Крыму в санатории, а няня кончила курсы шоферов и водит трехтонку с прицепом, вот мы и ездим по заседаниям. Нужно как-нибудь недельку перекрутиться, пока жена приедет. Все бы ничего, но докладчики обижаются. Говорят, что из-за детского крика ничего не слышно. На днях такая неприятность была, что решил, не откладывая, заехать к доктору. Не могу понять, в чем дело! Дома такой спокойный, веселенький ребенок, играет со мной, смеется, а на заседаниях — узнать нельзя. Что может быть? Как вы думаете? Желудочек, нервы? Что бывает у детей?

Щ у п а к. Может быть, зубки режутся?

О т е ц р е б е н к а. А ваш не кричит из-за зубов?

Щ у п а к. *(машет рукой)*. Какие там зубы!

О т е ц р е б е н к а. Может быть, неправильное питание? Как вы думаете?

Щ у п а к. А сколько он у вас весит?

О т е ц р е б е н к а. Не знаю точно, но довольно тяжелый. Вероятно, кило пять, десять. А ваш?

Щ у п а к. Кило пятьдесят-шестьдесят.

О т е ц р е б е н к а. Какой упитанный!

Щ у п а к. И мы живем на седьмом этаже без лифта! И вы думаете, это первый доктор, у которого я с ним? Я была и у доктора Гусарова — деградаты, и у профессора Чижикова — ионы верхних слоев атмосферы, и у доктора Баснословского — самые мелкие пилюли в Москве, и даже у доктора Скоропостижного... Вы не можете себе представить, как трудно было к ним пробиться и чего это стоило!

О т е ц р е б е н к а. А к обыкновенному доктору вы не обращались?

Щ у п а к. К обыкновенному?

О т е ц р е б е н к а. Да, к обыкновенному. В поликлинику.

Щ у п а к. Так, прямо в поликлинику?

О т е ц р е б е н к а. В поликлинику. За пять рублей!

Щ у п а к. Вы знаете, это мне не приходило в голову. И, кроме того, к обыкновенным врачам ведь обращаются обыкновенные больные! Нам с Ириной Варфоломеевной поликлиника ничем помочь не может. На меня действуют только новые методы. Обыкновенные лекарства бессильны перед моим организмом. Однажды Ирине Варфоломеевне нездоровилось, и к ней попал обыкновенный врач — из этих, как их — терапевтов. Что же, вы думаете, он ей прописал? Он ей прописал горчичник! Ирина Варфоломеевна и горчичник! Вы же понимаете — разве будет ставить горчичник чело-

век, у которого такие неограниченные возможности в медицинском мире? А вы говорите поликлиника! Кроме того, в поликлинику так легко попасть! А вы знаете, с каким трудом мне удалось проникнуть к доктору Гудбаеву? Только благодаря Ирине Варфоломеевне! Ведь доктор Гудбаев — виднейший представитель школы индейской медицины! Масса научных трудов. Его пилюли и вытяжки делают чудеса! Они повышают тонус, возвращают юношескую свежесть... Вы знаете *(скороговоркой)*, я могу уступить вашему ребенку пару коробок, по два пятьдесят коробка... *(Сует ему две коробки.)*

О т е ц р е б е н к а. Зачем же моему ребенку юношеская свежесть?

Щ у п а к. Ирина Варфоломеевна принимала их вместе со своим ребенком, и оба стали неузнаваемы!

О т е ц р е б е н к а. Я бы пока воздержался.

Щ у п а к. Пожалуйста! Я вам их не навязываю. Давайте только попробуем. *(Прячет в сумочку пять рублей, сует пилюли попеременно в обе коляски.)* Сами попросите.

О т е ц р е б е н к а *(бросаясь к коляске)*. Хватит! Хватит! Я так мало знаком с индейской медициной... Лучше я спущусь на третий этаж... в поликлинику... Который час? *(Смотрит на часы.)* Ах, черт! Опаздываю на заседание. Опять не успел к доктору! *(Убегает, но ошибке увозит коляску со старичком.)*

Щ у п а к *(одна)*. Какой отсталый молодой человек! Разве может человека с кругозором удовлетворить обыкновенная медицина? Ведь у нее нет никаких новых методов! Овсянников! Даже не гомеопат!

Входит Гудбаев, неся на вешалке новый костюм, заколотый в газету.

Г у д б а е в *(весело)*. Ну, как наш больной? Лед тронулся?

Щ у п а к. Вы знаете, доктор, я боюсь ошибиться, но мне послышался из коляски какой-то звук.

Г у д б а е в. Какой именно?

Щ у п а к. Нечто вроде "агу".

Г у д б а е в. "Агу"? Ага! Это начинают действовать пилюли. Продолжим лечение! Сейчас я впрысну ему в мякоть ноги вытяжки из молодых побегов сельдерея.

Щ у п а к. Я выйду.

Г у д б а е в. Как вам будет угодно.

Щупак выходит. Гудбаев вынимает из кармана большой шприц, подходит к колясочке, откидывает занавеску, видит ребенка, падает, как доска. Из всех карманов сыплются пилюли. Поднимается, отряхивается.

Откуда взялся этот ребенок? Где старик? Не мог же он так помолодеть! Правда, он съел три коробки моих пилюль. Но ведь это же обыкновенный зубной порошок. Мел! Впрочем, это знаю только я один. Это необъяснимое происшествие могло бы прославить мои пилюли на весь мир. Но как я разделаюсь с мадам Щупак? Ей же нужен жених! Она же не согласится ждать, пока это дитя подрастет и закончит изобретение! *(Стук в дверь.)*

Щупак *(просовывая в дверь голову)*. Можно?

Гудбаев *(торопливо задерживая занавесочки на коляске)*. Т-ш-ш! Он дремлет... Возьмите это... *(Показывая на коляску.)* И не тревожьте как можно дольше. Ему нужен абсолютный покой.

Щупак выходит на цыпочках, жестаи благодаря доктора.

Гудбаев *(один ходит по комнате. Пауза)*. Я боюсь мадам Щупак.

Стук в дверь.

Гудбаев *(забегая за стол, дрожащим голосом)*. Кто там?

Голос отца ребенка. Доктор Гудбаев дома?

Гудбаев *(надевая чалму)*. Я занят, но войдите.

Входит отец ребенка с коляской; из коляски торчит кусок бороды.

Отец ребенка. Как я рад, что застал вас! Благодарю вас, благодарю! Ваши пилюли действительно могучее средство!

Гудбаев *(удивленно)*. Мои пилюли?

Отец ребенка. Ваша пациентка дала моему ребенку несколько штук. Я его совершенно не узнаю! Сегодня он ни разу не пикнул в течение заседания. А какой был доклад! Одни цифры! По правде говоря, я всегда недоверчиво относился к индейской медицине, но действие ваших пилюль меня переубедило. Посмотрите на это милое, тихое дитя! *(Подходит к коляске; откидывает занавесочку, при виде старика падает, как доска.)*

Гудбаев *(обрадованно)*. Старик!

Отец ребенка *(с пола)*. Откуда взялся этот старик? Где мой ребенок?

Гудбаев *(замечает в бороде старичка пилюлю, берет ее, подносит к глазам, нюхает, ест)*. Сколько он успел их проглотить?

Отец ребенка *(поднимаясь с пола)*. Увы, я не считал.

Гудбаев *(наставительно)*. Вот что значит давать мои пилюли без дозировки!

Отец ребенка. А вы считаете, что это от пилюль?

Гудбаев. Для меня это совершенно ясно!

Отец ребенка. Невероятно!

Гудбаев. Невероятно? Вы не знаете моих пилюль, какое это могучее средство! Они ускоряют развитие, стимулируют возмужание. Организм созревает с фантастической быстротой. Лишняя пилюля грозит преждевременной дряхлостью. Но не волнуйтесь. Оставьте вашего сына у меня...

Отец ребенка *(перебивая)*. Доктор! Это же не мой сын! Это чужой старик!

Гудбаев. Я впрысну ему в мякоть ноги вытяжки из молодых побегов сельдерея, и это нейтрализует действие пилюль. Вы получите вашего ребенка обратно.

Отец ребенка. Невероятно! *(Падает в изнеможении на стул, закрывая лицо руками.)*

Гудбаев *(ободряюще похлопывает его по плечу)*. Ну-ну, не будем падать духом! Примите эту пилюльку, она вас взбодрит, встряхнет, освежит...

Отец ребенка *(вскакивая)*. Уберите ваши пилюли, или я вас так встряхну!

Гудбаев *(отступает)*. Но-но, без рук! Можете обратиться в поликлинику! Посмотрим, как вам там из старика сделают ребенка!

Отец ребенка. Я сам знаю, куда мне обратиться! *(Убегает.)*

Гудбаев *(глядя на старичка)*. Не уйди тебе от мадам Щупак, старичок! Ничего, ничего. Зато попадешь в научную литературу! *(Садится за письменный стол, достает беседу, перечитывает, делает поправки.)* В беседе с нашим корреспондентом доктор Гудбаев... *(вписывает)* ...известный специалист доктор Гудбаев заявил о новых методах лечения усталых и изношенных организмов... *(вписывает)* ...о достигнутых им сенсационных результатах лечения усталых и изношенных организмов. Ярким примером может служить больной... *(Обращаясь к старичку.)* Как фамилия? *(Машет рукой.)* Эх, забыл спросить у мадам Щупак! *(Вглядываясь в старичка, шутливо.)* Молчишь? Не слышишь? Не ходишь? Жених! Так и запишем — жених мадам Щупак. *(Пишет, читает.)* Ярким примером может служить жених гражданки Щупак, у коего мною было установлено: 1) общая старческая дряхлость, 2) паралич конечностей, 3) потеря речи и слуха, 4) слабоумие, 5) старческий маразм, 6) разжижение мозга... Нет,

пожалуй, хватит маразма! *(Пишет, затем читает.)* Результаты лечения этого больного посредством применения моих пилюль показывают, сколь назрел вопрос о создании Центрального Института Травы и Пилюли под моим непосредственным руководством. Вышеупомянутый больной безрезультатно применял все новейшие методы лечения. Однако лишь мои синтетические пилюли вернули ему здоровье. Они не только избавили его от вышеозначенных недугов, но также изменили до неузнаваемости всю его физическую конституцию. Прежде всего, к больному начал возвращаться дар речи. При этом нам пришлось столкнуться с любопытным проявлением старческого инфантилизма. Первым словом, которое произнес больной после приема моих пилюль, было "агу". *(Очень громкий стук в дверь.)* Ох! Это мадам Щупак!

Быстро увозит старичка. В комнату врывается мадам Щупак с коляской. Одновременно из другой двери важно, с достоинством выходит Гудбаев, по дороге надевая чалму. Мадам Щупак молча наступает на него коляской. Гудбаев отступает.

Длинная пауза.

Г у д б а е в *(потясь)*. Ну, как наш больной?

Щ у п а к *(злобно)*. Агу!

Г у д б а е в *(прижатый к стене коляской)*. Не давите меня, мадам Щупак! Я вам сейчас все объясню.

Щ у п а к. Отвечайте на вопросы. Что это такое?

Г у д б а е в. Это ваш старик.

Щ у п а к. Это не мой старик! Это чужой ребенок! Вы воспользовались моей неопытностью! Все мои мужья умоляли меня иметь ребенка, но тщетно! Что я скажу в коммунальной квартире! Как я покажусь туда без старика, с ребенком на руках? Вы обещали взбодрить, встряхнуть, освежить, обновить... Это называется юношеская свежесть? Кто теперь будет кончать изобретение? Кто получит премию, квартиру из пяти комнат с газом и ванной, персональный ЗИС? Двухэтажную дачу под Москвой с водопроводом и канализацией? Вы мне за это ответите! Я позвоню Ирине Варфоломеевне! Я заявлю в поликлинику!

Г у д б а е в. Успокойтесь, мадам Щупак! Мои пилюли — могучее средство! Я сам не ожидал такой эффективности! Это же был совершенно обветшалый организм...

Щ у п а к. Но часы-то Мозера были на нем совершенно новые! А паспорт, а пенсионная книжка, а самопишущее перо — тоже обветшали?

Г у д б а е в *(сухо)*. Мадам Щупак! Что вы имеете в виду?

Щ у п а к. Я имею в виду ваше могучее средство! Что же, оно омолаживает вместе со штанами?

Г у д б а е в. Да, со штанами. И с пиджаком! Короче говоря, — чего вы от меня хотите?

Щ у п а к. Отдайте старика!

Г у д б а е в. Ах, так! Пожалуйста! Через две минуты вы получите обратно и штаны, и пенсионную книжку, и старика. *(Вынимает шприц.)* Сейчас я впрысну ему в мякоть ноги нейтрализующее средство... *(Увозит коляску.)*

Щ у п а к *(одна)*. Может быть, я немного погорячилась? Все-таки, Ирина Варфоломеевна такая культурная женщина и верит в индейскую медицину... *(Заискивающе.)* Доктор, мы, кажется, не поняли друг друга... Нельзя ли найти какой-нибудь компромисс в смысле возраста? Нечто среднее...

Гудбаев вкатывает коляску со стариком.

Г у д б а е в. После того, как вы намекали мне на самопишущую ручку, нам не о чем больше разговаривать. Забирайте вашу рухлядь и очистите помещение!

Щ у п а к *(не сдаваясь)*. Ваши пилюли...

П а р а л и з о в а н н ы й с т а р и ч о к *(из коляски)*. Обыкновенный зубной порошок! *(Кряхтя вылезает из коляски. Обращается к Гудбаеву.)* А я для вас припас пилюльку покрепче! Но сначала я должен извиниться перед мадам Щупак за то, что вводил ее в заблуждение. Уважаемая мадам Щупак! Я очень признателен вам за ту энергию и настойчивость, с которой вы возили меня по многочисленным лестницам: к доктору Гусарову за деградатами — на пятый этаж; к профессору Чижикову за ионами верхних слоев атмосферы — на шестой этаж; к доктору Баснословскому за самыми мелкими пилюлями в Москве — на восьмой этаж и, наконец, к доктору Скоропостижному — на одиннадцатый! С удовольствием могу отметить, что все эти средства не принесли мне ни малейшего вреда. Правда, неоднократно возникала опасность введения в мякоть моей ноги нейтрализующего средства из молодых побегов сельдерея. Но эта угроза мало беспокоила меня, ибо я знал, что вследствие крайней худобы ноги мои лишены того, что доктор Гудбаев называет мякотью, и поэтому непригодны ни для каких уколов. Прогулки в вашей коляске были для меня тем более

приятны, что в последнее время из-за преклонного возраста гулять пешком мне было несколько затруднительно. Должен сознаться, я пользовался этим удобством незаконно, но вы сами принудили меня к этому, дорогая мадам Щупак! Я вынужден был притвориться парализованным, ибо видел в этом единственную возможность закончить свою работу над изобретением. Ваше участие в моей судьбе было столь активным и всепоглощающим, что не оставляло мне ни минуты для работы! Согласитесь, что ваше сообщение о пожарном, купившем себе котиковое пальто...

Ш у п а к (*в отчаяньи*). Вы меня не поняли!

П а р а л и з о в а н н ы й с т а р и ч о к. ...не могло помочь мне в математических вычислениях! Эта история окончательно убедила меня в необходимости выбора между вашим милым обществом и моим изобретением. Тогда-то мне и пришла в голову спасительная идея паралича. И хотя много времени уходило в разъездах по докторам, я все же имел возможность спокойно размышлять за голубыми занавесочками этой коляски. Теперь изобретение закончено. Правда, это совершенно не то, что вы предполагали, мадам Щупак, и о чем вы сообщали по секрету всем посещаемым нами врачам.

Г у д б а е в (*старичку*). Уважаемый профессор! Я обращаюсь к вам, как работник науки к работнику науки...

П а р а л и з о в а н н ы й с т а р и ч о к. Я не профессор, а вы не работник науки.

Г у д б а е в. Уважаемый товарищ изобретатель! Если бы вы читали что-нибудь о тысячелетнем опыте индейской медицины...

П а р а л и з о в а н н ы й с т а р и ч о к. Как раз сегодня кое-что об этом я и прочитал. А вы читали сегодняшние газеты?

Г у д б а е в (*вынимает ручной саквояж*). Нет...

П а р а л и з о в а н н ы й с т а р и ч о к. Напрасно. Так вот, слушайте. Наркомздрав вынес решение о медицинских лженауках. Признано, что все эти деградаты, ионы верхних слоев атмосферы, мелкие и мельчайшие пилюли и пилюльки и так называемая индейская медицина, — да, да, доктор Гудбаев, индейская, — ничего общего не имеют с настоящей наукой!

Гудбаев быстро и бесшумно складывает в саквояж череп, чалму и шприц, высыпает массу пилюль в корзинку для бумаг под столом.

Отныне, мадам Щупак, вам придется обращаться в поликлинику, к обык-

новенным врачам. Они вам будут прописывать скромные горчичники, честную салицилку и — может быть, хоть это отчасти утешит вас — стрептоцид.

(*Телефонный звонок. Гудбаев делает движение к телефону, но отступает. Старичок берет трубку.*)

Квартира доктора Гудбаева. Да, да, этого самого индейского. Откуда? Ага! Дома, дома (*протягивает трубку Гудбаеву*).

Г у д б а е в (*испуганно, не беря трубки*). Откуда? Из редакции?

С т а р и ч о к. Нет, из уголовного розыска. По жалобе отца ребенка.

Г у д б а е в (*беспомощно опускается в коляску*). Так... так-так-так-так.

С т а р и ч о к. Не любишь?!

З а н а в е с

Альманах "Год XXII". Вып. 15.

Война, море, Одесса...

Поэма "Передать Ивановой" относится к наиболее известным произведениям Ивана Рядченко. Можно сказать, что она занимает особое место в творческом наследии автора, поскольку фактически охватывает три основные темы его поэзии — война, море, Одесса.

Написана она была уже в мирное время — в 1953 году, и тогда же поэт решил посвятить ее своему близкому другу, моряку, участнику войны Ивану Гайдаенко.

Редакторы охотно включали эту поэму в различные сборники: "Пока на свете есть война" (1958), "Поэмы" (1960), "Стихи и поэмы" (1975), "Время винограда" (1981), "Избранные произведения в двух томах" (1984). При каждой новой публикации автор вносил отдельные поправки, и любознательней читатель может убедиться, как постепенно текст поэмы становился более совершенным.

В издании 1958 года две первые строчки выглядели так:

На рыжую глину переднего края
свалился Степан Байдебура — матрос.

В 1960 году цвет глины стал красным (кровавым). В сборнике 1975 года глина в прифронтовой полосе обрела черный колер. Таким и остался ее цвет и в 1981, и в 1984 году. По одному этому факту видно, как поэт постоянно стремился улучшить текст произведения.

Особенно значительной переработке текст поэмы подвергся в 1994 году, когда Иван Иванович готовился к встрече с ветеранами на вечере, посвященном 50-летию освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков. Вечер прошел 28 октября в зале Дома офицеров.

Помню, как за несколько дней до этого события Иван Иванович решил перепечатать поэму. Положил перед собой второй том двухтомника. Этот сборник он постоянно держал в верхнем ящике своего письменного стола. И приступил к работе. Напечатал первую строку:

На черную глину переднего края...

И вдруг взял в руки простой карандаш и стал вносить правки прямо на полях книги. Изменилась вторая строка:

...упал Байдебура — геройский матрос.

Перепечатал третью строку, оставив ее без изменений, и следующую:

Рванул воротник, захрипел, умирая,
и глухо такие слова произнес...

В четвертой строке слово "тихо" заменил другим наречием — "глухо". Вторую строку автор вообще зачеркнул. И правильно сделал: вряд ли умиряющий матрос мог быть таким многословным. Надо сказать, что это единственный случай сокращения текста поэмы.

Во всех прижизненных изданиях поэма "Передать Ивановой" имела 68 строф. В новой редакции автор оставил 67.

Ограничусь этими примерами исправлений. Остальные коррективы читатели легко найдут сами.

В недавно вышедшей книге "Воспоминания об Иване Рядченко" (2002) многие авторы рассказывают о своей первой встрече с поэмой: Л. Гагай. Л. Глибко-Долинская, Т. Овчаренко, Т. Сазонова и др.

Викентий Нечипорук, например, вспоминает: "Ивана Рядченко я впервые увидел и услышал в актовом зале Одесского университета в 1955 году на встрече одесских литераторов со студентами. Кроме него, однако, больше никто и не запомнился. Я был совсем юным студентом-филологом, большой зал университетского корпуса на улице Петра Великого был заполнен. И когда молодой, элегантный, с офицерской выправкой поэт начал читать со сцены свою поэму "Передать Ивановой", поразили две вещи: как хорошо он запомнил наизусть весь текст своей немаленькой поэмы и как легко и уверенно он владеет вниманием аудитории. И, конечно, сама поэма пленила литературным искусством, почти детективной фабулой, нравственным ригоризмом верности фронтовой дружбе".

Предлагаю альманаху текст знаменитой поэмы в последней авторской редакции.

Нинель РЯДЧЕНКО

Иван РЯДЧЕНКО

Передать Ивановой

Поэма

Ивану Гайдаенко

На черную глину переднего края
упал Байдебура — геройский матрос.
Рванул воротник, захрипел, умирая,
и глухо такие слова произнес:

— Ты слышишь, братишка, земляк белобровый,
невеста мечтает, что Степа живой...
Вернешься с войны — передай Ивановой:
Степан, мол, любил до доски гробовой.
Обидно, мне больше не сделать ни шагу...
Братишка, исполни матросский завет:
сними с гимнастерки медаль "За отвагу",
невесте отдай, как последний привет...

Война, море, Одесса...

Поэма "Передать Ивановой" относится к наиболее известным произведениям Ивана Рядченко. Можно сказать, что она занимает особое место в творческом наследии автора, поскольку фактически охватывает три основные темы его поэзии — война, море, Одесса.

Написана она была уже в мирное время — в 1953 году, и тогда же поэт решил посвятить ее своему близкому другу, моряку, участнику войны Ивану Гайдаенко.

Редакторы охотно включали эту поэму в различные сборники: "Пока на свете есть война" (1958), "Поэмы" (1960), "Стихи и поэмы" (1975), "Время винограда" (1981), "Избранные произведения в двух томах" (1984). При каждой новой публикации автор вносил отдельные поправки, и любознательней читатель может убедиться, как постепенно текст поэмы становился более совершенным.

В издании 1958 года две первые строчки выглядели так:

На рыжую глину переднего края
свалился Степан Байдебура — матрос.

В 1960 году цвет глины стал красным (кровавым). В сборнике 1975 года глина в прифронтовой полосе обрела черный колер. Таким и остался ее цвет и в 1981, и в 1984 году. По одному этому факту видно, как поэт постоянно стремился улучшить текст произведения.

Особенно значительной переработке текст поэмы подвергся в 1994 году, когда Иван Иванович готовился к встрече с ветеранами на вечере, посвященном 50-летию освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков. Вечер прошел 28 октября в зале Дома офицеров.

Помню, как за несколько дней до этого события Иван Иванович решил перепечатать поэму. Положил перед собой второй том двухтомника. Этот сборник он постоянно держал в верхнем ящике своего письменного стола. И приступил к работе. Напечатал первую строку:

На черную глину переднего края...

И вдруг взял в руки простой карандаш и стал вносить правки прямо на полях книги. Изменилась вторая строка:

...упал Байдебура — геройский матрос.

Перепечатал третью строку, оставив ее без изменений, и следующую:

Рванул воротник, захрипел, умирая,
и глухо такие слова произнес...

В четвертой строке слово "тихо" заменил другим наречием — "глухо". Вторую строку автор вообще зачеркнул. И правильно сделал: вряд ли умиряющий матрос мог быть таким многословным. Надо сказать, что это единственный случай сокращения текста поэмы.

Во всех прижизненных изданиях поэма "Передать Ивановой" имела 68 строф. В новой редакции автор оставил 67.

Ограничусь этими примерами исправлений. Остальные коррективы читатели легко найдут сами.

В недавно вышедшей книге "Воспоминания об Иване Рядченко" (2002) многие авторы рассказывают о своей первой встрече с поэмой: Л. Гагай. Л. Глибко-Долинская, Т. Овчаренко, Т. Сазонова и др.

Викентий Нечипорук, например, вспоминает: "Ивана Рядченко я впервые увидел и услышал в актовом зале Одесского университета в 1955 году на встрече одесских литераторов со студентами. Кроме него, однако, больше никто и не запомнился. Я был совсем юным студентом-филологом, большой зал университетского корпуса на улице Петра Великого был заполнен. И когда молодой, элегантный, с офицерской выправкой поэт начал читать со сцены свою поэму "Передать Ивановой", поразили две вещи: как хорошо он запомнил наизусть весь текст своей немаленькой поэмы и как легко и уверенно он владеет вниманием аудитории. И, конечно, сама поэма пленила литературным искусством, почти детективной фабулой, нравственным ригоризмом верности фронтовой дружбе".

Предлагаю альманаху текст знаменитой поэмы в последней авторской редакции.

Нинель РЯДЧЕНКО

Иван РЯДЧЕНКО

Передать Ивановой

Поэма

Ивану Гайдаенко

На черную глину переднего края
упал Байдебура — геройский матрос.
Рванул воротник, захрипел, умирая,
и глухо такие слова произнес:

— Ты слышишь, братишка, земляк белобровый,
невеста мечтает, что Степа живой...

Вернешься с войны — передай Ивановой:
Степан, мол, любил до доски гробовой.
Обидно, мне больше не сделать ни шагу...
Братишка, исполни матросский завет:
сними с гимнастерки медаль "За отвагу",
невесте отдай, как последний привет...

Уткнулся лицом он в степную ромашку,
вдохнул аромат, приподнялся слегка:
— И слышишь, браток... не снимайте тельняшку...
и море пусть рядом... зовет моряка...
С губами расстались последние звуки,
матрос над землей приподнялся опять
и лег, разметав бесполезные руки,
как будто задумал планету обнять...
Войска прорывались сквозь дымные дали.
Тянуло угаром с нерусских полей.
От нашего шага тряслись и дрожали
чугунные туши глухих королей.
И мимо их спеси, по крови и лужам,
вдоль зданий разбитых, упавших столбов,
я нес наравне с котелком и оружием
матросскую просьбу, чужую любовь.
Я думал порой, на опушке сосновой,
за миг до атаки, в огне и в чаду:
"Товарищ сказал — передай Ивановой...
А как же я ту Иванову найду?!"
Он имя ее не назвал, умирая.
Он очень спешил и забыл впопыхах...
Спросить бы — земля не ответит сырая,
хранит она тайны упорней, чем прах.
И мысль будоражила снова и снова,
и голос раздумья шептал не спеша:
Какая она из себя, Иванова —
блондинка? брюнетка? собой хороша?..
И вот наступила, назрела минута —
взрыл мокрую землю последний снаряд.
Солдат, озаренный огнями салюта,
пощупал себя — вроде, выжили, брат.
Нехитрый багаж — автомат да лопата —
сданы, как положено, в склад старшины.
Прошедший войну и четыре санбата,
я долгой дорогой вернулся с войны.
Акация всюду цвела и томила,
как будто не знала дыханья боев.

Вторая весна наступившего мира
совсем посводила с ума соловьев.
Все улицы, город — в цветочном угаре.
На бронзовом Пушкине раны видны.
Взлохмаченный, так он стоял на бульваре,
как будто бы тоже вернулся с войны...

Увидел я море, суда у причала,
где уголь и бочки, зерно и пенька,
откуда берет в океаны начало
путь сильных и храбрых, мечта моряка.
Товарища голос из бездны суровой
меня в этот миг на бульваре нашел.
Услышал я вновь: "Передай Ивановой..."
И тут же отправился в адресный стол.

Я шел, как солдат в боевую разведку,
я двум бюрократам устроил скандал,
но всех Ивановых я взял на заметку,
я их адресами блокнот исписал.

Пикировал шмель на рокочущей ноте.
Мелькали стрижи. Я уселся в саду
один на один с адресами в блокноте
и тихо сказал: "Обойду и найду!"

Достал я медаль, и на белом металле,
навек утверждая свое торжество,
весеннего солнца лучи заблистали,
как будто погладили молча его.

Я спрятал медаль, папиросы и спички,
на первый записанный адрес взглянул,
проверил заправку по старой привычке,
вздохнул — и рывком в неизвестность шагнул.

Садовая, десять, квартира четыре.
Взбегаю на третий этаж без труда.
— Живет Иванова в четвертой квартире?
— Живет. Проходите. Направо. Сюда.
Стучу. Открывают скрипучие двери.
Хозяйка в халатике легком своем
глядит удивленно.
— Ко мне?

— Не уверен.
 — Входите. Сейчас разберемся вдвоем.
 Вхожу в комнатушку. Конспекты и книжки.
 Есенина том на скобленном столе.
 С ним рядом — сухие еловые шишки,
 степные цветы в неграненом стекле.
 Простая тетрадка с фамилией четкой.
 Прикрытый газетой холодный обед.
 Жакет со знакомою пестрой колодкой —
 короткая запись потерь и побед.
 На тумбе фанерной духи и тетради.
 Кровать по-девичьи скромна и узка.
 А в серых глазах, во внимательном взгляде,
 как сестры — тревога, надежда, тоска.
 Я стал объяснять, но, наверно, туманно.
 Решился, спросил по-солдатски, в упор:
 — Скажите: не знали вы в прошлом Степана?
 И сразу потух загоревшийся взор.
 Хозяйюшка даже осунулась малость,
 печально сказала короткое "нет",
 губу закусила — и вдруг разрыдалась,
 склонившись неловко на синий жакет,
 висевший на спинке, на стареньком стуле.
 — Простите... вы столько во мне всколыхнули...
 Я, птица залетная, гость посторонний,
 услышал невольно возникший рассказ.
 Сердечное горе — как порох в патроне:
 молчанье хранит, да взорвется подчас.
 Она говорила, спеша и волнуясь,
 как, дрогнув, упали росинки с цветов.
 Ее тонкокосую школьную юность
 швырнуло в гремучее пламя фронтов.
 Окоп да землянка, да шапка-ушанка,
 горячка атак да тревога штабов...
 Тогда-то на землю и прыгнула с танка
 ее фронтовая большая любовь.
 Глаза озорные под шлемом ребристым,
 ресницы, спаленные близким огнем.

Полмесяца счастья... Но долго танкистам
 стоять не пристало на месте одном.
 И вот на заре, по ракетному знаку,
 заклятых врагов под собой хороня,
 пошла, понеслась, устремилась в атаку
 ведомая первой любовью броня.
 Ушла — и пропала, куда — неизвестно.
 Нигде не встречалась товарищам впредь.
 Лишь в сердце осталась, как сладкая песня,
 но та, что нельзя в одиночестве петь.
 Сгорело, как танк, отгремевшее лето.
 Был в списки пропавших танкист занесен.
 А девушка ждет-ожидает привета:
 хоть мертвый, но должен откликнуться он!..
 Так вот вы какая, Любовь Иванова!
 Во веки веков не прощаю врагу,
 что вашего друга — живого, родного —
 ввести в комнатушку сейчас не могу.
 Но нечего делать. Сказал:
 — Извините.
 Ошибка. Мне нужен другой адресат.
 И вышел на улицу. Солнце в зените.
 Влюбленные пары в обнимку скользят.
 Взглянул на окно я, где горе хранится.
 Хозяйка, наверно, поплачет опять
 и сядет читать про пырей да пшеницу —
 она агрономом готовится стать...
 Я вытащил снова блокнот с адресами,
 не стал упускать уходящего дня.
 Но та Иванова большими глазами
 по всем адресам провожала меня.
 Я шел торопливо. Пастера, двенадцать.
 Нет входа парадного. Каменный двор.
 Теперь не пришлось высоко подниматься:
 я двери толкнул и попал в коридор.
 Хозяйка годами постарше. И снова
 все тот же стандартный и робкий вопрос:
 — Скажите, пожалуйста, вы — Иванова?

(А чувство такое, что горе принес).

— По делу? Простите, я только с работы.

Входите, а то подгорают блины... —

Военный в погонах майора пехоты
с укором смотрел на меня со стены.

Два хлопца, скатившись с дивана большого,
насупились молча в углу у окна.

— Боюсь, что опять вы не та Иванова,
которая мне до зарезу нужна.

— Бывает... — она не потупила взора,
но, словно без сил, оперлась на комод.

Напрасно вошел я в квартиру майора,
который сюда никогда не войдет.

Враждебность мальчишек и женщина эта
мне все объяснили: им некого ждать.

— Простите. Ошибка. Напутали где-то.

Мне нужно от друга привет передать.

Мальчишки стояли, насупившись, рядом,
и оба, безмолвно, прижавшись к стене,
глядели мне вслед непрощающим взглядом
за то, что я — жив, а отец — на войне...

Клубились акации розовым паром,
свистели на сотни ладов соловьи.

По всем площадям, переулкам, бульварам
я бил невоенные туфли свои.

Во всех городских оживленных районах
встречал Ивановых — седых, молодых,
веселых и бойких, ленивых и сонных,
замужних и вдовых, радушных и злых.

В воскресные дни я старательно брился,
завязывал галстук, на поиски шел.

Я даже на свадьбу попасть умудрился
и был громогласно усажен за стол!..

Тощал календарь. Пароходы гудели.

Несли малышей из родильных домов.

Весна разменяла цветы и недели,
утратила свежесть дождей и громов.

Сходились влюбленные к пушке над портом,

не слушая боя счастливых часов.

Мне сделалось горько... В блокноте истертом
немного осталось уже адресов.

Пришел я на улицу Гоголя, восемь.

Красивая женщина вышла ко мне.

Я к ней обратился с бесплодным вопросом —
и вдруг... пробежал холодок по спине.

— Ах, вот что, — сказала, — я знала такого.

Все верно. Действительно, я — Иванова.

Но туфли снимите вот здесь, у ковра,

Не то занесете мне пыль со двора.

Усажен я был на простой табуретке
у самых дверей — чтоб не портить паркет.

Меня обступили вокруг статуэтки,
сервизы, венчавшие темный буфет.

А золото... золото здесь, без утайки,
холодную броскость металла храня,
с буфета, с подставок и с пальцев хозяйки
жестокое глядело в упор на меня.

И женщина в пестром халате японском
как будто с рекламы, бела и кругла,
довольна квартирой и собственным лоском,
пропела, взглянув на себя в зеркала:

— Встречалась я с ним перед самой войною.

Была я в то время наивной, дурною.

Имел он по боксу какой-то разряд...

Но он-то, бедняжка, погиб, говорят?

Да что же такое? То явь или снится?!

Поднялся я, руку в кармане держа.

Взмахнули ее тушевые ресницы
и замерли снова, как иглы ежа.

Секунду стоял я, как судно в тумане.

Сдержался с трудом, но скандалить не стал.

Нащупал подарок матроса в кармане
и стиснул суровый и теплый металл.

Нарочно ступил на зеркальность паркета,
как будто в ответ на ее хвастовство,

подумав: "Не стоит ведь "золото" это
ни жизни его и ни смерти его".
Провел по лицу я тяжелой рукою
и тихо сказал, отступая за дверь:
— Простите. Ошибка. Бывает такое.
Он жив и на должности высшей теперь.
Вы слышите? Жив Байдебура. Навечно!
Все время он будет смотреть вам в глаза.
И он заходить не просил к вам, конечно.
Мы просто попутали с ним адреса...
Шагал я по городу улицей новой,
нашедший и что-то утративший вдруг.
И словно опять "передай Ивановой!"
шепнул мне сквозь время невидимый друг.
Не знаю — понравились просто черты ли,
иль что-то иное меня привело, —
Садовая, десять, квартира четыре.
Я вновь постучался — всем правдам назло!
И сделалось сразу тепло и легко мне,
когда я увидел студентку мою.
— Простите... я снова... я, знаете, вспомнил,
что с вашим Сергеем встречался в бою.
Лежал на шинели он бледный, суровый.
Я слышал, склонясь над его головой:
"Вернешься с войны — передай Ивановой
на память медаль и привет мой живой..."
Хозяйка шагнула навстречу без всхлипа,
лишь губ побелевших невольная дрожь.
И только глаза говорили "спасибо"
за эту мою вдохновенную ложь...
Потом я бродил подле моря понуро.
Но в шуме прибоя мой голос не глож:
— Ты слышишь, дружище, Степан Байдебура?
Я выполнил просьбу матроса, как мог.

1953 г.

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Публикация
"Золотой петушок" 291

ВОДОПЬИ И ПЬИШОКЪ

ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

1934 г.

В этом году исполняются две даты, важные для русской культуры и литературы. 70 лет назад первую Нобелевскую премию в области литературы из россиян получил Иван Бунин. 50 лет назад не стало этого великого писателя, человека, стоявшего у истоков южнорусской литературной школы. До сих пор не издан ни в России, ни в Украине полный Бунин. И поэтому по крохам собирается то, что станет отсветом "Жизни Арсеньева". И вот еще один забытый эмигрантский журнал, выходивший рядом с Одессой, в Кишиневе. Номер посвящен Ивану Бунину. Академик прислал для него - по просьбе редакции - рассказ "Третий класс" и фотографию. А разве не без волнения читаются воспоминания Елены Поскович, жившей в Одессе, рядом с Иваном Алексеевичем на Большом Фонтане... Маленький журнал в большом альманахе вернет нам не только историю литературы, но и саму литературу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Вс. Параша, март 1928

Академик Иван Алексеевич Бунин. Лауреат Нобелевской премии 1933 года.

Ив. Бунинъ.

*Второй класс, третий класс
из Бомбея Ив. Бунин*

Третій классъ.

тро, но зной уже адскій.

Весь въ бѣломъ и въ бѣломъ шлемѣ, я сижу въ раскаленной лакированной колясочкѣ, въ маленькой двуколкѣ, въ тонкихъ оглобляхъ которой быстро и низко, весь точно падая, мчится высокій, черный, весь блистающій своей могучей и великопной наготой тамилъ.

Это я їду на желѣзную дорогу, уѣзжаю изъ Коломбо въ Анарадхапуру.

И вотъ впереди уже площадь, пустая, бѣлая, ослѣпительная, а за нею еще болѣе ослѣпительное зданіе вродѣ мавританскаго дворца, — странное своей бѣлизной на бѣлесомъ отъ зноя небѣ. Среди всей этой бѣлизны и бѣлаго солнечнаго пламени черное тѣло и длинные черные волосы тамила рѣжутъ глаза.

Въ зданіи вокзала вѣетъ теплый сквознякъ.

Снявъ шлемъ, вытираю мокрый ледяной лобъ и сиѣшу къ выходу на платформу.

Высокій и тяжелый, съ бѣлыми крышами и навѣсами надъ окнами, поѣздъ уже готовъ.

Приближаясь къ будочкѣ кассира, вынимаю на ходу ровно столько монетъ, сколько требуется за проѣздъ до Анарадхапуры въ третѣмъ классѣ, и стучу ими передъ выглядывающимъ изъ будки англичаниномъ:

— Third class, Anaradhapura! Третій классъ, Анарадхапура!

— First class? Первый классъ? — отвѣчаетъ тотъ вопросомъ.

— No, third class, третій классъ! — кричу я.

— Yes, first class! — кричитъ и англичанинъ, выкидывая билетъ перваго класса.

И тогда я весь суюсь въ будочку и начинаю кричать приблизительно такъ:

— Слушайте, это мнѣ осточертѣло! Я хочу видѣть все особенности страны, всю ее жизнь, всехъ ее обитателей, вплоть до самыхъ „презрѣнныхъ“, какъ вы говорите всегда о цвѣтныхъ людяхъ, которые, конечно не могутъ да и не смѣютъ ѣздить въ первыхъ классахъ. Но всякій разъ, всякій разъ, какъ я хочу сѣсть въ третій классъ, начинается эта гнусная борьба съ кассиромъ! Я твердо и ясно требую третій классъ. Однако, пользуясь созвучіемъ словъ, меня всякій разъ перебиваютъ, дурачатъ: „Вы хотите сказать, первый классъ“? Я кричу: да нѣтъ, третій, третій! Но мнѣ все таки выкидываютъ билетъ перваго класса! Я швыряю его назадъ — и тогда кассиръ, внѣ себя отъ изумленія, что бѣлый человѣкъ одержимъ низкимъ и бе-

аульнымъ желаніемъ сидѣть рядомъ съ цвѣтными, начинаетъ кричать и себя, запугиваетъ меня на-
сѣкомыми, которыхъ я могу набраться отъ цвѣт-
ныхъ, главное же, наставляетъ меня въ томъ, что
никто, рѣшительно никто изъ бѣлыхъ не ѣздитъ
здѣсь въ третьемъ классѣ, что это не принято, не-
прилично, всамутительно!

И я заключаю такъ:

— Однимъ словомъ, извольте сію-же минуту
дать мнѣ то, что я требую!

Разумѣется, въ концѣ концовъ, кассиръ сда-
ется: пораженный моей яростью, онъ на мгновеніе
каменѣетъ, смотритъ на меня глазами избѣсившейся
кобры — и вдругъ рѣшительно швыряетъ чуть не
въ лицо мнѣ билетъ *третьяго* класса.

Побѣда? Ну нѣтъ, праздновать побѣду еще
рано.

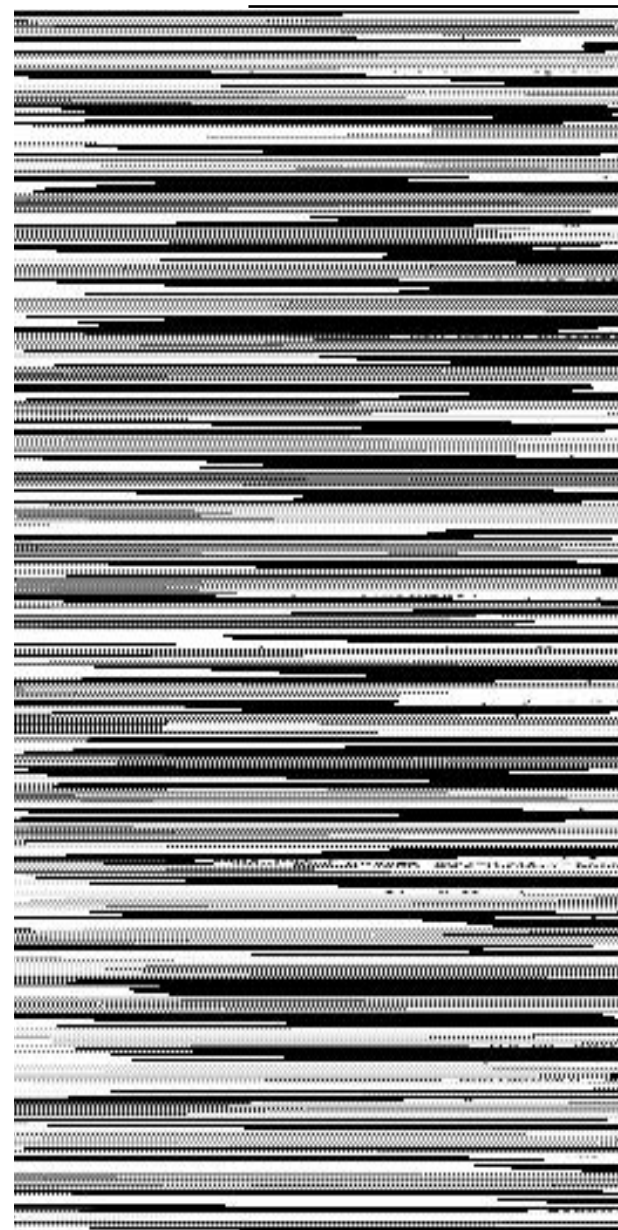
Торжествуя, подвоярюсь я въ вагонъ и жду
спутниковъ, этихъ самыхъ „презрѣнныхъ“ цвѣтныхъ.

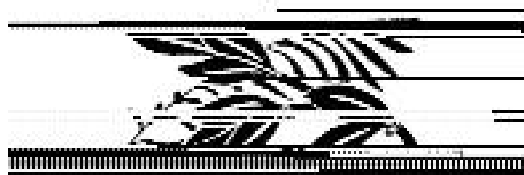
Но что за чортъ — ихъ нѣтъ и нѣтъ!

По платформѣ, мимо моего купе несется не-
прерывный сухой шорохъ босыхъ бѣгущихъ ногъ.

Но почему же несется онъ все мимо, все
далыне куда-то?

— А, понимаю: ихъ пугаетъ мой шлемъ, бѣ-
лый шлемъ бѣлаго человека, въ купе къ которому
все-таки, по ихъ справедливому мнѣнію, лучше не
соваться.

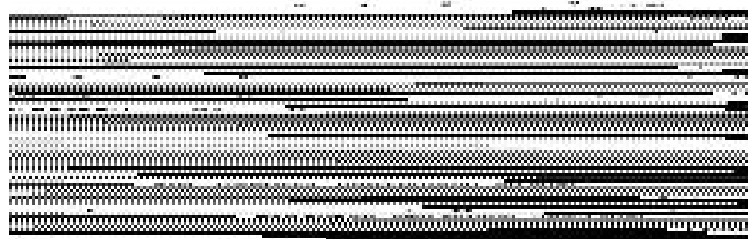

Игорь Сѣверянинъ.

БУНИНЪ.

*Въ его стихахъ—веселымъ капель,
Откосы горъ, блестящія саядою,
И спѣтая березой молодою
Пѣснь солнышку. И вешнихъ водъ купель,
Прозраченъ стихъ, какъ сѣверный аирѣль.
То оги бѣжитъ проточною водою,
То теплится студеною звѣздою,*

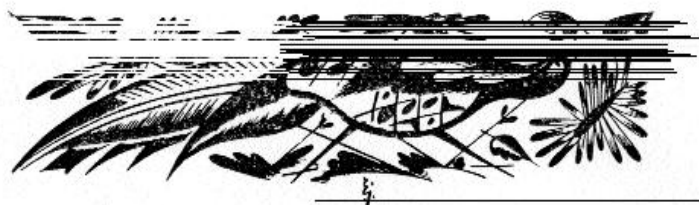
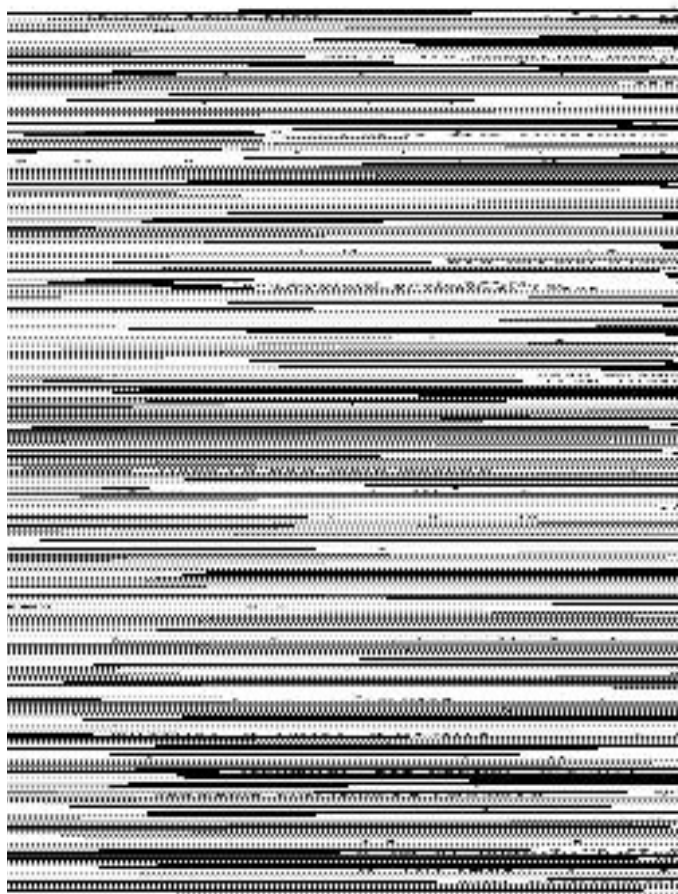

Игорь Сѣверянинъ

К. Д. Бальмонтъ.

*Вамъ любы-ли алая зори,
И листъ, что беззвучно плеснущъ?
И звѣзды въ нѣмомъ разговорѣ,
И мельницы рокотъ и гулъ?
Зайдите-ка въ лѣсъ вечерочкомъ,
Постойте. Незримый, и тутъ.
Толкачики, вонъ надъ кусточкомъ,
Веселую пляску всдутъ.
Я ихъ научаю вздыматься
Въ воздушную ровную гладь,
Съ тепломъ, что на завтра, спознаться,
Чтобъ людямъ о томъ не гадать.
И, если толкачики въ пляскѣ,
Кружатъ все живѣй и живѣй,—
Моей подчиняясь указкѣ,
Не тронетъ ихъ воръ-воробей.
Я съ ними немножко побуду,
Заботливый, зоркій пастухъ,
И далѣе, къ новому чуду,
Чтобъ тѣшить и зрѣнье и слухъ.
Пастухъ я,—хоть малый,—особый,
Межъ мнимыхъ брожу я гробовъ,
Ноктоны лелѣю и, гробы
Монихъ голубыхъ мотыльковъ,
И желтыхъ, и алыхъ, и бѣлыхъ,
И черныхъ,—всѣ краски—нарядъ,
Въ движеніе крылышекъ смѣлыхъ
Дожигу и, и крылья летать.
И я, не въ примѣръ пастушонкамъ,
Не дамъ размахнуться бичу,*

ВОЛЖСКИЙ АЛЬБОМЪ

А. М. Бадоровъ.

(СОНЕТЪ)

Что древности до нашихъ жалкихъ дней,
Запутанныхъ въ свои стальные сѣти!
Но духъ того, чего ужъ нѣтъ на свѣтѣ,
Мнѣ посылаетъ зовъ свой изъ камней.
Счастливый мѣръ. Они—Атланта дѣти.
Не скалы, а останки кораблей,
Руины капищъ. Прахъ тысячелѣтій.
Но небо пролило на нихъ елей.
Смотрю, дивлюсь. И трепещу непонятный
Волнуетъ сердце. Что же они мнѣ?
Что значить зовъ ихъ смутный и невнятный?
И отчего мнѣ греются во снѣ
Нездѣшнія, несказанныя дива,
И въявь жизнь ничтожна и тосклива!

Софія.

А. М. Бадоровъ

Игорь Сиверянинъ.

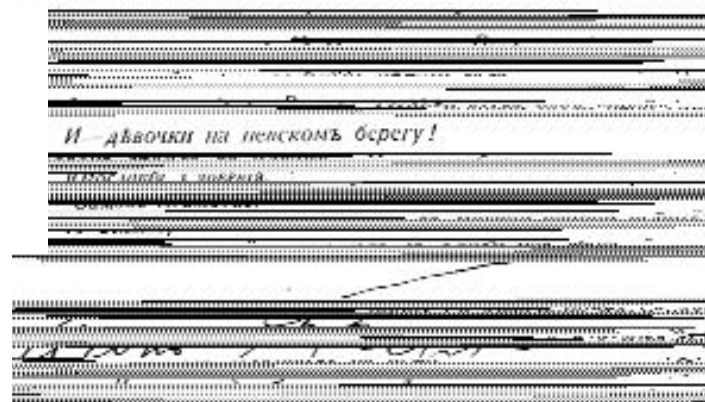
Могло быть такъ...

Могло быть такъ: лѣтъ двадцать пять назадъ,
Тамъ, на воспѣтой Пушкинымъ Невѣ,
Слегка желѣлъ зеленый Лѣтній садъ,
Въ осенней было небо синевѣ.

И Мраморный дворецъ стоялъ въ плочѣ,
Пустѣло поле марсовыхъ потѣхъ.
Я въ мягкой черной шляпѣ и плащѣ
Дорожкой проходилъ съ одной изъ тѣхъ...

И бонну съ дѣвочкою лѣтъ пяти
Мы у Крылова встрѣтили тогда, —
Дитя у насъ сверкнуло на пути,
Какъ съ неба падающая звѣзда.

И дѣвочки на невискомъ берегу!

АХ, ОДЕССА

Роман БРОДАВКО
Воспоминания о коммунальной квартире . . . 303

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Боба 308

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол 310

Роман БРОДАВКО

Воспоминания о коммунальной квартире

В детстве у меня была высокая мечта: вырасти и переехать из коммуналки в самостоятельную квартиру. Эта мечта оказалась настолько невыполненной, что не осуществлялась до сорока лет. Зато я могу с гордостью сказать, что жизнь я изучал не по учебникам, и то, что мне пришлось услышать и повидать, не могло даже присниться ни Льву Толстому, ни Тургеневу, ни Миклухо-Маклаю.

Утро в коммунальной квартире начинается с рассвета, когда водитель трамвая Глаша, не раскрывая глаз, пробирается по темному коридору к туалету. Зловеще скрипят половицы, падают ведра, мелодично дребезжат кастрюли на кухне. Достигнув цели, Глаша открывает глаза и включает свет:

— Шура, мать твою, убери привидение, а то у меня сейчас все оборвется! — вопит Глаша.

В коридоре появляется Шура в ночной рубашке до пят. Она пинком открывает дверь в туалет, где, сидя на унитазе, спит ее любовник с двадцатилетним стажем Гиви, завернутый в белую простынь.

Гиви возвращают в постель, а Глаша, громко произнеся у порога: "Чтобы вы все провалились!" — оглушительно хлопает дверью и уходит на работу.

Через час по коридору в коричневом бархатном халате шествует Семен Семеныч: "Когда нас в бой ведет товарищ Сталин, ля-ля-ля-ля, тра-та-та-та!". Навстречу ему с ночным горшком в руках идет Мария Иванова, действительный член географического общества.

— Палач! — шипящим шепотом приветствует она Семена Семеныча. — Жертвы не снятся?

— Сегодня мне приснились вы в полосатой робе и в белых тапочках, политкаторжанка! "Когда нас в бой ведет товарищ Сталин..." — и Семен Семеныч плывет дальше, к ванной комнате.

В семь тридцать коммунальная кухня напоминает машинное отделение старого парохода. Белые клубы пара от кипящих чайников, чад от пригоревших яичниц, кислый до слез запах вчерашнего борща.

— Мадам, отодвиньте ваш бюст от крана, мне надо набрать воды, — поет Семен Семеныч.

— Это не бюст, это совсем другое, — шипит в ответ тетя Соня. — В ваши шестьдесят восемь уже можно научиться отличать.

— У других я различаю, а у вас до сих пор не могу понять, что спереди, а что сзади.

В разгар коллективного приготовления завтрака раздается оглушительный стук в дверь. Это возвращается после ночной смены Шурин муж Ося. Он обнимается с Гиви, быстро завтракает, после чего падает на постель и храпит так, что пекинез тети Сони начинает жалобно скулить.

— Щоб ти здох разом із своєю хазяйкою, бісове цуценя! — раздается могучий бас отставного боцмана Тараса Остаповича. — Дожили! Справжнього собаку, щоб гавкав по-собачому, тримати нема кому!..

— Зачем держать большую собаку в квартире, когда есть ты, морская болезнь, — вопит тетя Соня. — На тебя же смотреть тошно!

— Соня, закрой очі назавжди і не дивись! — желает соседке Тарас Остапович и начинает мыть над кухонной раковиной грязные кирзовые сапоги, в которых ездит на рыбалку. Хозяйки замирают у кухонных столов, потому что при Тарасе Остаповиче любое слово теряет смысл.

Помыв сапоги, отставной боцман надевает их прямо на кухне и, оставляя на полу следы сорок пятого размера, удаляется в свою комнату.

На кухне появляется баба Зина, Осина мама, по прозвищу "ровесница века", хотя все убеждены, что она родилась гораздо раньше. Вслед за ней вваливается Глаша, которая поставила трамвай на запасную, чтобы "сделать базар" и забросить его домой. Она вываливает содержимое двух сумок на стол, и на кухне начинается консилиум.

— Глаша, сколько вы дали за эту говядину? Лично я бы ее в руки не взяла, — говорит тетя Соня, нюхая мясо.

— Потому что вам мясо не нужно, вы же варите борщ с мышами, — спокойно отвечает Глаша.

— Это кто вам сказал, что я варю борщ с мышами?

— Это я вам говорю, потому что вчера я вам лично положила мышь в кастрюлю.

— Проститутка! — не найдя нужного слова, вопит тетя Соня.

— Кто — мышь? — ехидно спрашивает Глаша.

— Когда у нас в местечке в 18-ом году был погром... — вступает в разговор баба Зина.

— Оставьте, Зинаида Самуиловна, — интеллигентным голосом прерывает ее Мария Ивановна, действительный член географического общества. — Когда в сорок шестом году я получила второй срок и отбывала его под Воркутой, там ели не только это!..

— ...А эти синие? Вам дали их даром или вы взяли их из урны? — не унимается тетя Соня.

— Если б я не боялась, что у меня сейчас угонят трамвай, я бы тебе показала, где я взяла эти синие...

Глаша уходит на запасную, а разговор на кухне переходит на другую тему — на тему искусства.

— Шура, вы вчера смотрели по третьей программе? При такой сумасшедшей жилплощади эта ненормальная Лолита ушла к нищему мерзавцу Хосе Игнасио!..

— Я бы тоже ушла, если бы не стояла в очереди на квартиру с 53-его года. А так у нас в комнате две семьи: я, Ося, его мать и дети...

— Когда у нас в местечке в 18-ом году был погром...

— Баба Зина, погром — это счастье по сравнению с жизнью в коммуналке, — вздыхает тетя Соня.

В кастрюлях булькает, на сковородках шипит, в духовках румянится. Беззаботные школьники Витя и Митя, сыновья не то Оси, не то Гиви, быстро проглатывают еду и бегут: один — играть на скрипке, а другой — молотить боксерскую грушу.

До пяти часов в большом коридоре царит тишина. В начале шестого распаивается входная дверь, и на всю квартиру раздается звериный рев Тараса Остаповича: "Розпрягайте, хлопці, коней!.." Это означает, что все пойманные им бычки проданы, и боцман, выпив положенные 250 граммов, причалил на заслуженный отдых.

В 6.00 в коридоре появляется бархатный халат с песней "Когда нас в бой ведет товарищ Сталин...". В 7.00 Ося уходит на ночную смену. В 7.30 — два длинных, один короткий — появляется Гиви. А в 8.00 на экранах всех телевизоров Хосе Игнасио обнимает Лолиту в кровати размером в нашу ванную комнату.

Так продолжалось изо дня в день, из года в год, пока Ося не получил вызов в Америку от своей дочери от первого брака, которую никогда в глаза не видел, потому что она родилась в Чикаго через девять месяцев после того, как он разошелся с ее матерью. И Ося твердо решил ехать к любимой дочери.

Шура сначала не знала, что делать с Гиви, но потом нашла выход и написала ему с бабой Зиной. Наконец Гиви стал законным членом ее семьи!

Комнату со слезами на глазах приватизировали и продали фирме по торговле недвижимостью.

Осю, Шуру, бабу Зину с молодым мужем провожали всей коммуной. Глаша подогнала трамвай к самому подъезду. Тарас Остапович день не

пошел на рыбалку и вынес на себе все чемоданы и бабу Зину впридачу. Марья Ивановна, чтобы успокоить отъезжающих, сказано, что, когда ее забирали в первый раз в тридцать седьмом году, все выглядело гораздо хуже. Тетя Соня рыдала так, как рыдают только в мексиканских фильмах.

— Точь-в-точь как в 18-ом году, когда у нас в местечке был погром! — наконец к месту сказала баба Зина.

— Помните о Родине! — наставлял отъезжающих Семен Семеныч.

Глаша повесила на лобовое стекло табличку "В депо", и Осино семейство поехало на трамвае в Америку.

А на следующий день в нашей квартире появилось два стриженных молодца в кожаных куртках и спортивных штанах фирмы "Адидас" — представители фирмы по продаже недвижимости. На кухне было объявлено производственное собрание.

— Смотри, Хмырь, начальник! Век воли не видать! — шепнул один "Адидас" другому, указывая на Семена Семеныча.

— Здравствуйте, Лобов! — строго обратился к Хмырю Семен Семеныч. — Давно на свободе?

— Второй год, начальник. Мне срок по амнистии скостили. А теперь, братва, о деле. Хотим квартирку вашу раскоммунить. Всем отдельные хаты дадим, идет?

— А здесь кто жить будет? — хмуро поинтересовалась Марья Ивановна.

— Андрей Петрович Афанасьев, президент нашей фирмы, — с гордостью произнес первый "Адидас".

— Медведь, что ли, пахан ваш? — спросил Семен Семеныч.

— Он самый. Только теперь за эту кликуху он может любого замочить. Не советую, начальник!

— Я не согласна по принципиальным соображениям! — гордо заявила Марья Ивановна.

— Дура ты, Маша, — впервые обратилась к ней на "ты" тетя Соня. — Следующий раз ты получишь самостоятельную площадь только на кладбище!

Разъезжались каждый в одиночку: Глаша — на Юго-Западный массив, тетя Соня — на поселок Котовского, Тарас Остапович — тот вовсе в курень на берегу моря. Обещали ходить друг к другу в гости, по никто ни к кому так и не пришел.

А недавно я получил письмо из Америки от Шуры: "Родненький! У нас все хорошо. Ося опять работает в ночную смену. Баба Зина по-прежнему вспоминает о погроме. Не знаю только, что делать с Гиви: он говорит, что ему уже никогда не будет так хорошо со мной,

как это было в нашей коммуналке. Он говорит, что там ему стены помогали".

Все проходит. Снашиваются костюмы, перестают работать старые холодильники, и мы, чертыхаясь, меняем их на новые. Но не снашивается память. И по воскресеньям, гуляя по городу, я подхожу к дому, где в коммуналке прошла большая часть моей жизни, смотрю в ярко освещенные окна, за которыми живет неизвестный мне Медведь, и вспоминаю только хорошее. Я уверен, что тот, кто прошел через коммуналку, может по-настоящему оценивать добро и зло в этом необъятном пространстве жизни.

Боба

Много лет, гуляя со своим веселым и общительным спаниелем, я вблизи наблюдаю собачью жизнь. С опаской подальше увожу своего Юма от "крутых" ротвейлеров, а графически изысканные силуэты доберманов, напоминающие щегольскую выправку Штирлица, тоже вызывают желание обойти их стороной. На всякий случай. Горький опыт "общения" с такими собаками, к сожалению, у нас с Юмкой есть. Среди многочисленных обитателей нашей округи мне гораздо симпатичнее бездомные собаки (правда, когда они не сбиваются в яростные стаи, безобразные, как агрессивная человеческая толпа).

Среди моих уличных знакомцев есть собаки-флегматики, есть веселые сангвиники, не обращающие внимания "на трудности существования". Такими были два брата, один понурый, один веселый, с приветствием бежавший нам навстречу, казалось, с распростертыми собачьими объятьями. Когда он исчез, очевидно, подхваченный зловещей "будкой", его брат стал еще печальней, не брал еду, которую выносили сердобольные обитатели соседних домов, а потом и его не стало...

Как и в человеческом социуме, и среди собак есть настоящие придурки. Есть прагматики, Был у нас такой Арник, которого я встречала на Привозе, куда он ездил 10-м трамваем, чтобы полакомиться в мясном корпусе.

Но среди многих собачьих историй я с особым удовольствием вспоминаю историю про Бобу.

У наших друзей Наташи Барышевой и ее мужа Вити Реброва прежде всегда были породистые собаки, с богатой родословной, собаки, которые как будто только что покинули палату лордов. Но шли годы, и больше собак в их доме не было.

И вдруг однажды, придя в гости, мы увидели в большой гостиной рядом с роялем коренастую низкорослую собаку — с белой шерстью, дворняжку из дворняжек, из тех, кого зовут бобиками. Боба, а его так и назвали, внимательно посмотрел на нас, тактично выдержал наши недоуменные возгласы по поводу своей неказистости и с обидой, но сохраняя достоинство, покинул гостиную.

Выяснилось, что Боба приходит к ним в гости. Наташа и Витя не только талантливы каждый в своем искусстве, но и гостеприимные, отзывчивые люди.

Однажды за Витей увязалась на улице собака, вошла с ним в парадное,

поднялась на третий этаж старинного дома, и Витя жестом радушного хозяина распахнул перед ней дверь. Это был Боба. Он с благодарностью съел угощение, отогрелся, но через час подошел к двери, всем своим видом показывая, что не хочет быть Каменным гостем.

Так Боба стал регулярно приходить в гости, причем, обычно днем, задерживаясь на час, после чего непременно уходил. Заинтригованный Витя решил посмотреть, куда же уходит Боба после часового пребывания в их доме. Стараясь быть незаметным для Бобы, идя следом за ним, Витя выяснил, что уверенной походкой Боба отправляется к единственному в те времена мясному магазину (не жившие в советские времена не могут себе это представить!) на Ришельевской, тогда еще Ленина. Магазин работает, и Боба при нем, позволяя себе отлучку в обеденный перерыв.

Боба появлялся на Екатерининской, где живут наши друзья, регулярно. Через день. Однажды Боба пришел не один, а с дамой, под стать ему, такой же дворняжкой. Очевидно, по дороге Боба объяснил своей спутнице, что они идут в интеллигентный дом, рассказал все, что знал, о хороших манерах. И подружка очень старалась, чтобы белая мордочка Бобы не покраснела от неловкости и стыда из-за ее невоспитанности.

Боба продолжал приходить в теплый гостеприимный дом, был деликатен и независим. Подолгу не задерживался, приходил обычно через день.

Однажды Наташа увидела Бобу, сопровождавшего какую-то даму. Удивившись, Наташа окликнула своего знакомого, тот оглянулся, остановился в смущении, поглядывая на Наташу и на даму, с которой шел.

Наташа осторожно попыталась выяснить, не Бобина ли хозяйка эта незнакомая женщина. "Нет, — ответила спутница Бобы. — Просто он приходит к нам отогреться и поесть, но почему-то непременно через день. Иногда приводит с собой другую собачку".

Так окончательно выявились сложные расчеты находчивого и деликатного Бобы, не желавшего стать обузой для одной семьи. Осталось неизвестным, как он вел свой дневник и откуда ему был знаком календарь?!

P.S. Недавно, позвонив Наташе и Вите, я узнала счастливое продолжение истории моего героя. Дожив до почтенных седин, Боба отошел от своей трудовой деятельности. Он теперь живет на Пушкинской, у доброй женщины, где воспитывает по-стариковски молодых собак и кошек. Наши друзья его навещают с гостинцами. А вечерами, как сказала мне Катюша Реброва, Боба непременно прогуливается по Дерибасовской. Наверное, вспоминает свою бурную молодость!

"Городок" — пятый угол

Врача вызывали?

Зубоврачебный кабинет. Врач со щипцами примеривается удалить зуб пациенту. Распахивается дверь, входит рэкетир.

Врач (не глядя). Вы что, подождать не можете?

Рэкетир. Я ждать не люблю!

Врач смотрит на рэкетира, пугается, подбегает к нему.

Врач. У-мо-ля-ю, тише!!

Рэкетир. Где бабки? Я же сказал: чтоб каждый месяц как штык!

Врач. У-мо-ля-ю, тише! Я забыл! Завтра в это же время, клянусь!

Рэкетир. Я не понял, ты чего... Своим здоровьем рискнуть хочешь?

Врач. Ну, я же говорю, завтра, честное слово!

Рэкетир. Я не понял, ты чего... *(Хватает врача за горло, тот выворачивается.)*

Врач. Ну я же вам обещаю... Как это... я отвечаю за базар, вот! Клянусь, поняли?

Рэкетир. Чем клянешься?

Врач. Сейчас!

Он бросается к креслу со щипцами, пациент орет, врач бегом возвращается к рэкетиру и протягивает ему зажатый щипцами вырванный зуб.

Врач. Вот... Зуб даю!

Милиционер заглядывает в медчасть.

М. Слышь, медицина, у меня срочный вызов, в городе маньяк объявился, выезжаю на задержание. У тебя на хозяйстве смирительной рубашки нету?

Д. А какой именно маньяк?

М. Какой-какой. Сексуальный.

Д. Ага. Тогда у меня кое-что найдется. *(Протягивает милиционеру маленький сверток.)*

М. Такая маленькая рубашка?

Д. Почему рубашка? Это смирительные трусы.

В убогий медпункт влетает подвыпивший мужчина и тянет за собой собаку на поводке. Мужчина в панике, чуть не плачет. Там фельдшер.

П. Доктор, помогите! Помогите! Какой ужас! Что делать?!

Ф. Успокойтесь! Объясните, что случилось?

П. Доктор, случилось ужасное! Спасите, доктор! Спасите!!

Ф. Да тихо вы! Что случилось?

П. Моя собака проглотила штопор! Счастье, что в этом чертовом поселке хоть медпункт есть! Надо же что-то делать!! Скорее!! *(Собаке.)* Рот открой! Скажи "а-а"!

Ф. *(смотрит).* М-да... Понимаете, я же просто фельдшер, не ветеринар. Боюсь, что я не смогу достать этот штопор.

П. Ну не можете достать ЭТОТ штопор, достаньте другой! У нас только бутылка вина с пробкой осталась! Надо же что-то делать!!

Давайте выпьем!

Беседуют два бывших алкоголика.

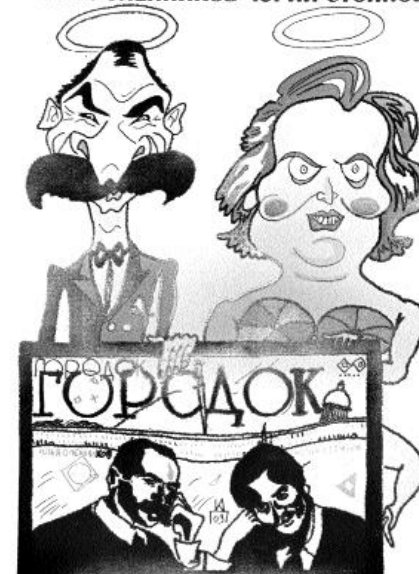
1-й. Я вот все думаю: как много на свете оказалось прекрасного, кроме водки! Например, книжки. Читаю запоем, только недавно из последнего запоя вышел.

2-й. А я кино полюбил. Особенно это, элитарное. Оно на меня действует прямо как раньше 2 бутылки водки!

1-й. Это как?

2-й. Сразу перестаю соображать и через 10 минут засыпаю.

ИЛЬЯ ОЛЕЙНИКОВ ЮРИЙ СТОЯНОВ

Шарж Кирилла ДРЕМЛЮХА

В аптеке к провизору подходит человек.

Ч. Будьте любезны, у вас настойки есть?

П. Конечно, есть, а вам от чего?

Ч. От всего. Мы тут с коллегами в экспедицию собираемся. А там антисанитария, холод... Как там от всего этого спастись? Вот только... неловко говорить... Скажите, а у вас есть настойки НЕ на спирту?

П. *(сочувственно кивает).* Понимаю... Не всем можно... Но они ведь обычно как раз на спирту. *(Осматривает полки, вынимая бутылочки, читая этикетки и выставляя их на прилавок.)* Эта на спирту, и эта, и эта... Нашел! Вот эта не на спирту. Все остальные, к сожалению — спиртовые растворы. *(Протягивает бутылочку.)*

Ч. Только эта? Прекрасно! *(Отодвигает бутылочку в сторону.)* Вот и дайте мне все остальные, штук по 20. Ну, кроме той, конечно, которая не на спирту. На кой ляд она нам там нужна!

Дачники и неудачники

На дачном участке хозяйка дачи и специалист-садовник.

Хозяйка. Понимаете, я бы хотела сделать тут маленький цветничок, скорее даже клумбочку. Ромашки, мята, травка... Как вы считаете?

Спец. Я считаю, что надо сделать современную клумбу. Камни и цветущие кактусы в зеленом буйстве крапивы. А? И всего 600 долларов.

Хозяйка. Нет, знаете, не надо, у меня аллергия.

Спец. На кактусы или на крапиву?

Хозяйка. На 600 долларов.

Хозяин показывает дачу мужчине, который хочет ее снять.

Хозяин. А вот тут можно поставить собачью будку. У соседа есть как раз чудная будка в стиле ретро. Кстати, могу предложить к ней недорого собаку в том же стиле — в солидном возрасте, но в отличной форме, целый день гавкает, на всех бросается, мимо нее никто не проскочит! Сука.

М. Нет, спасибо, у меня точно такая уже есть дома.

Х. А где вы ее взяли?

М. Я женился на ее дочке.

Подвыпивший дачник с топором в руке, перед ним полено. Мимо его дачи идет интеллигентный сосед.

Дачник. О! Сосед! Слушай, помоги, а? Полено придержи вот так вот пальцем. Давай-давай, это ж минутное дело!

Интеллигент. Вы думаете? Ну, пожалуйста... *(Заходит, держит, дачник замахивается)* Извините, а вы мне по пальцу не попадете?

Дачник. Да я уже полчаса по полену попасть не могу, а ты говоришь — по какому-то пальцу!

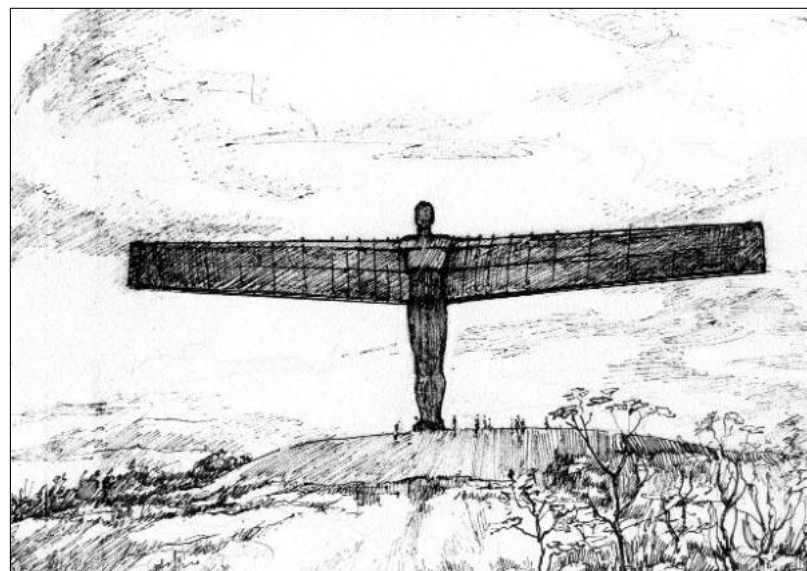
"Страна, где живут облака"

Голубой автобус, оставив позади Лондон, устремился по мотовзю к северу, навстречу сказочной Шотландии.

Шотландская граница встретила нас морозящим дождиком и огромным камнем у обочины с лаконичной надписью "Scotland". Вместо паспортного контроля под ярким клетчатым зонтом стоял столик с сувенирами: всевозможными забавными овечками (национальной гордостью Шотландии) и, конечно же, с легендарной Несси, неуловимой обительницей озера Лохнес. Несси были разные: большие, средние и совсем маленькие, улыбающиеся и задумчивые, в шляпках и без, в шотландских юбочках и в чем мать родила. Я всегда с улыбкой вспоминаю экскурсию на озеро Лохнес. С замирающим от волнения сердцем мы все высыпали из автобуса, разбрелись по берегу и, держа наготове фото- и видеокамеры, со столбнячным выражением лица блуждали взглядом по поверхности озера в надежде, что вдруг сейчас Оно появится, и сделанный тобой сенсационный снимок прославит тебя на весь мир.

Как описать Шотландию в нескольких словах? Это страна озер и мостов, гор, покрытых лесами, и хрустальных горных ручейков, скалистых берегов и мрачных крепостей, хранящих свои вековые тайны. Страна прекрасных сказочных замков и цветущих садов. Страна пустынных холмов, по которым круглый год бродят тучные стада овец и непуганых кроликов, жующих у дороги свою травку, не обращая внимания на проносящиеся мимо машины.

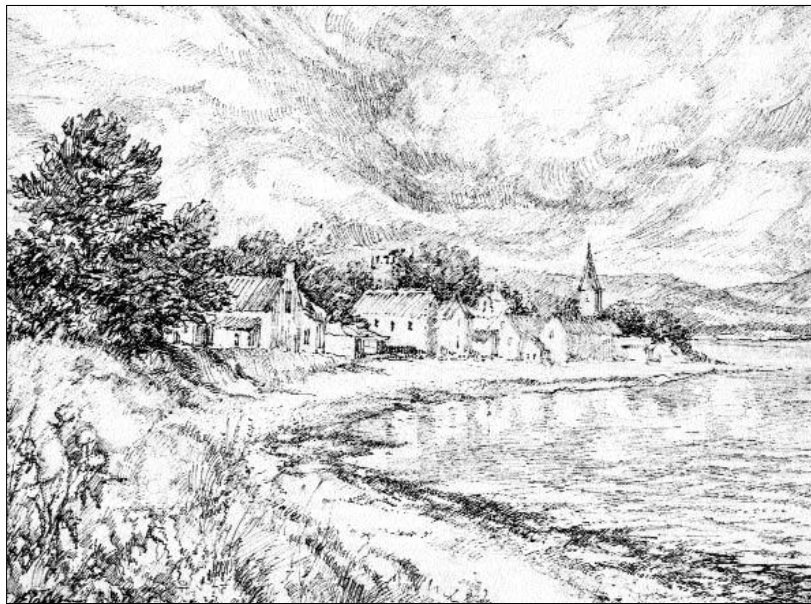
А еще Шотландия — страна, где живут облака. Они не приходят откуда-то и никогда не поки-

дают это прекрасное небо. Тяжелые, белые, они спят на вершинах сиреневых гор, а проснувшись, играют с ветром, пропуская через свои кружевные перышки золотые лучики солнца. Но если разыгравшийся ветер их чересчур уж потреплет, они обидятся, нахмурятся, помрачнеют и могут даже всплакнуть, но ненадолго. Вечернее солнце осушит их слезы и раскрасит верхушки розовым закатным цветом. Наигравшись, облака медленно опускаются на леса, висают над озерами и засыпают на крышах старых замков. Более фантастически красивого неба я не видела нигде. Шотландия — это сказка.

К вечеру второго дня мы въехали в маленький городок с веселым названием Дунок, расположенный на северо-востоке Шотландии. Утопающий в зелени, он как в колыбели лежал между изумрудно-голубыми горами и серебристым заливом Северного моря, окаймленным побережьем с разноцветными камешками и перламутровыми ракушками. Весь Дунок можно обойти за час. Узенькие улочки змейками вьются вверх по холму и исчезают в старых кварталах. На одной-единственной площади находится небольшой военный гарнизон — высокое здание из красного кирпича, напоминающее крепость, старый пропитанный сигаретным дымом паб, почта и несколько сувенирных лавочек. Цветы везде: перед каждым домом, на стенах домов, в корзинках на фонарных столбах. Рядом с пло-

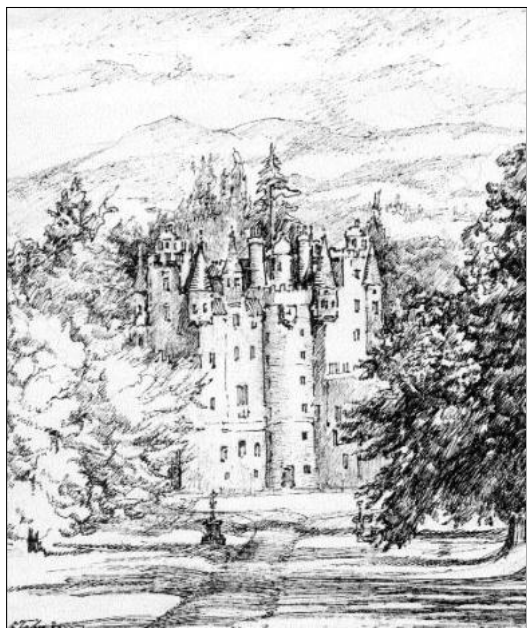
щадью в тени высоких деревьев возвышается старая катедра, построенная в 1216 году. Чего только не повидали эти стены за 8 столетий своего существования. Сколько людей с разными судьбами прошли через эту тяжелую, окованную железом и потемневшую от времени дверь. В полумраке, под высокими, подсвеченными золотым светом сводами, витают духи рыцарей и королей, а в скрипе старых дверей слышатся зловещие заговоры инквизиции. Легкий ветерок чуть коснулся моей руки, а быть может, призрак прекрасной дамы, приходившей сюда, чтобы украдкой встретиться со своим возлюбленным. Невольно ощущаешь запах времени, вглядываясь в мемориальные доски на каменных стенах, повествующие о людях и событиях, связанных с этим храмом. Невозможно оторвать взгляд от уникальных витражей в узких, стремящихся ввысь окнах. Все это вызывает в душе восторг и благоговение. Сам принц Чарльз в 1996 году присутствовал на открытии витражей после реставрации. А всемирно известная Мадонна со своим мужем, кинорежиссером Гаем Риччи, крестили в дунокской катедре своего малыша. И еще одна маленькая изюминка к портрету Дунока. Прогуливаясь как-то по одной из улочек между двумя расположенными неподалеку друг от друга домами, я обна-

ружила большой старый камень, окруженный низким заборчиком. На нем была высечена надпись: "На этом месте в 1361 году была сожжена последняя ведьма".

На третий день я уже знала Дунок, как свои пять пальцев, но один дом с башнями, стоящий на холме, с развевающимися флагами Шотландии и Британии, не давал мне покоя. Ох уж эти замки-домики, возвышающиеся на холмах, отражающиеся в озерах, манящие и дразнящие, зовущие в сказку и глубину истории. Ты можешь только издали любоваться ими и представлять, как потомки какого-нибудь герцога или барона уже не одно столетие продолжают свой род в стенах этого родового гнезда. И даже если тебе удастся подойти к территории, скрытой густыми деревьями и окруженной чугунной оградой, тебя остановит вежливо-предупредительная табличка: "PRIVATE" — частное владение, посторонним вход воспрещен. Но как же мне хотелось переступить эту черту и хоть краем глаза взглянуть на этот загадочный дом.

И вот, оставив своих друзей в маленьком уютном пабе за кружкой пива, я нашла дорогу, вымощенную белым камнем и ведущую наверх, к дому с башнями. Я начала подниматься быстрым шагом и минут через пятнадцать подошла к красивым черным воротам, украшенным золотым гербом. Ворота были приоткрыты, и я без труда проникла внутрь двора. Прямо передо мной стоял мой любимый домик, похожий на маленький замок. Перед ним раскинулась зеленая лужайка. Слева у фонтана росли кусты роз, справа на заасфальтированной площадке стояли два черных "Мерседеса" и маленький спортивный "Феррари". Кругом не было ни души. Тем не менее, в любую минуту мог кто-нибудь появиться. Еще несколько минут полюбовавшись домом, я выскользнула за ворота. В надежде увидеть что-нибудь интересное, я пошла вдоль чугунной ограды и вскоре остановилась перед старинной каменной аркой с ажурной калиткой. В глубину двора вела длинная аллея. Старые деревья с большими густыми кронами создавали живой зеленый туннель, в конце которого виднелось небольшое одноэтажное здание. Пройдя по аллее, я вышла на хозяйственный двор. Маленький коттедж, увитый красными розочками, очевидно, являлся домом для прислуги. Слева стоял "мой" дом с башнями. В центре двора лежала большая белая собака неопределенной породы, и поскольку отступать было поздно, я уверенным шагом пошла через двор. Пес приподнял голову и посмотрел в мою сторону. "Хороший мальчик, хороший", — сказала я ему, улыбаясь, заискивающим голосом. Лохматый сторож одарил меня сонным взглядом, интенсивно почесал лапой за ухом, разго-

няя "сожителей", и уронил морду на прежнее место. Пролетев мимо домика для прислуги, я очутилась перед зеленой изгородью с входом, ведущим в сад. Вернее, это был не сад, а ярусами спускающиеся вниз по холму цветочные клумбы, создающие разноцветный благоухающий ковер. Это сказочное творение природы и человека завораживало ароматом и буйством красок и рождало в душе восторг ребенка, познающего мир. Но как бы ни пела моя душа,

нужно было из этого рая выбираться. Очень уж мне не хотелось, что бы меня кто-нибудь здесь заметил, и мне бы пришлось объяснять на моем далеко не совершенном английском, что я делаю в частном владении, куда посторонним вход воспрещен. Я начала спускаться по каменной лесенке, надеясь найти где-нибудь выход и сбежать вниз по склону холма в город. Но не тут то было. Сад со всех сторон был окружен высокой сеткой, за которой рос колючий кустарник. Увы, другого выхода, в прямом и переносном смысле, у меня не было, как возвращаться пройденным путем. Я поднималась по узким ступенькам вверх только с одной мыслью, чтобы меня никто не увидел. Уже почти добравшись до калитки, я посмотрела налево, на дом с башнями. В душе похолодело. На балконе в кресле сидел пожилой джентльмен с газетой в руках, его взгляд был устремлен в мою сторону. Я сделала глубокий вдох, расправила плечи и с радостной улыбкой помахала ему рукой. Затем, как бы прогуливаясь, наклоняясь и нюхая цветы, не спеша направилась к калитке. Мое сердце готово было выскочить из груди. Джентльмен, улыбнувшись, кивнул мне в ответ и углубился в чтение. Поднявшись из сада и войдя во двор, я носом к носу столкнулась с женщиной лет тридцати в белом переднике, которая несла перед со-

бой соломенную корзинку с фруктами. Уже с совершенно нахальной улыбкой и радостным "Хелло!" я уверенно продефилировала мимо. Мило улыбнувшись и ответив мне: "Хай!", — девушка пошла по направлению дома с башнями. Пес проводил меня в той же позе, что и встретил, правда, на сей раз не удостоил даже сонным взглядом. Идя к выходу по тенистой аллее, я думала, какая великая сила — человеческая доброжелательность. Я не знаю, что подумали обо мне тот джентльмен на балконе и девушка с корзинкой. Но на мою улыбку они ответили улыбкой и ни в чем плохом меня не заподозрили. Смотрите открыто друг другу в глаза и почаще улыбайтесь. Успех вам будет обеспечен. Улыбка бесценна, но никто не беден настолько, чтобы не поделиться ею с другими, и никто не богат настолько, чтобы не нуждаться в ней.

Наше пребывание в Дуоке подходило к концу. За четыре дня мы успели повидать много интересного. Утром после завтрака мы сели в автобус, и наш гид Стюарт увозил нас на экскурсию в какой-нибудь замок или крепость, либо колесили по маленьким уютным городкам, расположенным на побережье. В последний день нам предстояло путешествие в самую северную точку Шотландии — мыс Джон'о Гроатс. Дорога была скучной и не баловала обычной красотой шотландских пейзажей. Мы ехали, уныло созерцая пустынный ландшафт без единого кустика, поросший скудной травой.

Джон'о Гроатс встретил нас тяжелыми свинцовыми облаками и морозящим дождем. Хмурое неприветливое море морщилось от сильного ветра и, казалось, было недовольно, что мы нарушили покой этого уединенного места. Но на самом краю мыса кипела жизнь. Удивительно, как из ничего британцы умеют создавать нечто значимое и зарабатывать на этом большие деньги. Один из примеров тому — Джон'о Гроатс. На пустынном берегу возводится красивый административный домик в сказочном стиле, а вокруг разбрасываются несколько кафе, баров и магазинов. В центре устанавливается столб с указателем "Джон'о Гроатс". И вот уже десятки автобусов со всех концов страны припаркованы на стоянке, а сотни туристов мечутся между сувенирными магазинами и кафе и выстраиваются в очередь, чтобы сфотографироваться у столба, олицетворяющего самую северную точку Британии. Недалеко отсюда находится замок Мэй — личное владение Елизаветы, королевы-матери. Шотландские корни Елизаветы объясняют ее нежное отношение к Шотландии. В 1953 году она купила замок Мэй в этой отдаленной северо-восточной части страны ее детства и каждый год уезжала туда на ав-

густ и октябрь. Именно здесь она с удовольствием отдавалась одному из любимейших своих занятий — рыбалке. На обратном пути Стюарт приготовил нам сюрприз. Он повез нас по дороге, которая проходила рядом с маленьким домиком, стоящим на берегу моря. Здесь, отдыхая от дворцовой суеты, любила уединяться королева-мать.

"Ну, а вдруг нам очень повезет, и мы увидим королеву-матушку", — полусерьезно сказал Стюарт. Я смотрела в противоположную сторону и думала о чем-то своем, всматриваясь в виднеющиеся вдалеке острова Ирландии. Вдруг радостные вопли пронеслись по автобусу. Мой сосед затряс меня за плечо: "Смотри, королева-мама!" (так ласково называют ее англичане). В первый момент, я решила, что это шутка, но, глядя на прилипших к окнам и машущих руками людей, я привстала и взглянула поверх голов. Автобус медленно проплывал мимо одноэтажного коттеджа, рядом с которым стоял большой черный джип. Двое молодых людей в темно-синих костюмах помогали взойти на ступеньки дома маленькой хрупкой старушке в сиренево-голубом платье и такой же шляпке с вуалью. Заметив автобус, Ее Величество освободилась от помощи и, выпрямившись, насколько ей позволяли ее сто лет, царственно, с доброй улыбкой, помахала в ответ своим обезумевшим от радости подданным.

Уже солнце садилось, когда наш автобус вернулся в Дунок. В холле гостиницы нас встретил менеджер, вертлявый и говорливый Майкл. "Да мы и господа, сегодня ужин в семь, — затараторил он, — вас ожидает сюрприз! Пожалуйста, не опаздывайте!" И все разбежались по своим номерам готовиться к прощальному праздничному ужину. Ровно в семь вечера наши туристы восседали на своих местах за столиками ресторана.

Похлебав прозрачный супчик с двумя кусочками морковки, все с вожделением ожидали обещанный сюрприз. Внезапно послышались звуки волынки, входные двери широко распахнулись, и в зал ресторана вошли музыканты, одетые в национальные костюмы. Их было четверо — два парня и две девушки в традиционных килсах — клетчатых шотландских юбках, белых гольфах с манжетами и черных башмаках, туго зашнурованных поверх щиколотки. На белые рубашки были надеты черные короткие пиджаки, а на головах — черные, типа пилоток, шапочки с двумя атласными лентами сзади и ярко-красным помпоном наверху. Дойдя до центра зала, музыканты остановились. Музыка стихла. В этот момент, подобно конфетансье в цирке, из открытых дверей кухни выпорхнул Майкл. "А теперь, леди и джентльмены, — объявил он голосом, которым объявляют "смертельный номер", — Хэгис!!!" Зазвучала барабанная дробь, раздались про-

тяжные звуки волынки. Словно бабочки, из кухни начали вылетать официанты, грациозно неся над головой подносы с национальным шотландским блюдом. Очередь дошла до нас. На стол поставили белые с золотой каймой тарелки, в центре которых лежало немного коричневой кашицы. По вкусу это напоминало сильно перченый размоченный водой ржаной хлеб. Не могу сказать, что с удовольствием, но с большим мужеством англичане, сидящие со мной за столом, справились с этим блюдом. Моего мужества хватило только на две ложки. Как потом я узнала, "хэгис" готовят из овечьего ливера, овсянки или гречки с перцем, мятой и другими специями. Его варят в очищенном овечьем желудке, затем все это разрезают и подают порциями. Ну, нравится, не нравится, а национальные блюда страны, в которой ты находишься, нужно уважать.

После ужина местный оркестр подарил нам замечательный концерт. Музыканты играли на лужайке перед зданием гостиницы. Звуки народных шотландских мелодий лились и растворялись в закатном небе, в малиновых лучах уходящего за горизонт солнца.

Рисунки автора

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Живопись, музыка, жизнь 323

Феликс КОХРИХТ
А'котлета от а'бабушки 324

Олег ГУБАРЬ
"Дельфинчики" Карышковского 326

Дмитрий ТИЩЕНКО
Улыбнуться удаче... 327

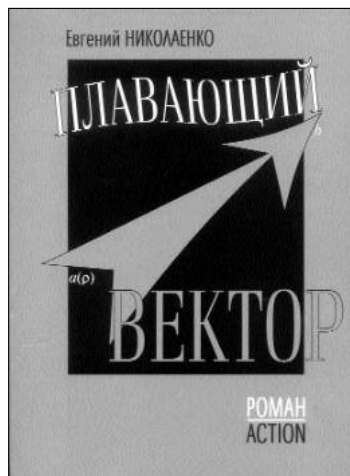
Живопись, музыка, жизнь

"Кириак Костанди
и художники-греки в Одессе".
"Друк", 2002 год.

Эта книга-альбом посвящена 150-летию со дня рождения Кириака Костанди, с чьим именем, прежде всего, ассоциируется южнорусская школа живописи. Одесский филиал Греческого фонда культуры финансировал это издание. Сотрудники Научной библиотеки имени М. Горького Т. Щурова и О. Барковская, заведующая фондами Художественного музея Л. Еремина выступили составителями и комментаторами.

В предисловии к книге, а я назвал его "Цвет одесского мифа", я писал, как значим вклад греческой диаспоры в развитии культуры нашего города, называл славные имена, начиная от Аспарида до Маразли, без которых немислимо представление об Одессе. И, с удовольствием копаясь в томах истории искусства, пришел к выводу, что в Одессе импрессионизм (школа Костанди) родился раньше, чем в самой Греции. Так коллективными усилиями удалось достойно отметить юбилей художника, показать его творчество и познакомить с его последователями, — ведь многие из них практически забыты. Иногда вспоминают А. Стилиануди, М. Латри, но Харлампия Костанди знают лишь благодаря анекдоту, рассказанному К. Паустовским в "Книге памяти", а имена С. Василопуло, Н. Алексомати вообще ушли из художественного обращения. И сейчас вернулись благодаря этой книге, благодаря тому, что появились коллекционеры творчества художников-греков, оживило внимание к полузабытым фигурам нашего прошлого.

Евгений Николаенко.
"Плавающий вектор".
"Друк", 2003 год.

В нашем альманахе был напечатан рассказ Е. Николаенко "Митяшины голуби", которым сейчас в книге открывается раздел рассказов. Для кого-то главным в этом томе будет детективный роман "Плавающий вектор", давший название всей книге. Когда-то редактор газеты "Юг" Юлий Мазур, которому Е. Николаенко посвятил книгу, написал, прочитав первую часть романа: "Евгений Николаенко — человек разносторонне одаренный. Хозяйственник, предприниматель,

он, тем не менее, всю жизнь общается с художниками, писателями, журналистами. ...какая-то непреодолимая сила заставила его приняться за остросюжетный роман, в который он, человек бывалый, битый, вложил знание многих сторон, в том числе и теневых, нашей грешной жизни". Сейчас роман завершен. И, думаю, он, как и рассказы Е. Николаенко, найдет в нашем городе своего читателя.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

А'котлета от а'бабушки

Произнесите заголовок этих заметок вслух и, согласитесь, вы сразу же окажетесь в своем одесском детстве. Пора в школу — и бабушка заворачивает в вощеную бумагу душистую, пышную котлету, только что зажаренную на чистом коровьем масле с Привоза на примусе, ревущем в коммунальной кухне... А теперь (опять "А") уберите эту гласную, и воспоминания окажутся хотя и вкусными, но такими же, как у москвича, минчанина, таллинца, впрочем, это нынче — иностранцы...

Вспомним, что на просторах СССР был еще один город, тоже портывый, тоже на Черном море, где ели "а'котлеты", но больше — "а'шашлыки",

"а'хачапури", запивая их "а'вином", вот оно-то было в Батуми не хуже нашего, а "а'кофе — по-турецки" лучше. Жители солнечной Аджарии тогда писали меню (а может быть, и сегодня пишут) русскими буквами, присовокупляя к существительным эту самую гласную. Но там, в краю Золотого руна, она ничего не прибавляет к эмоциям собеседников, а вот у нас...

Повторим вслед за Валерием Смирновым: "А'погода!", "А как вам это нравится?". С этих примеров начинается его "Большой полуТОЛКОВЫЙ словарь одесского языка", недавно увидевший свет в издательстве "Друк". До этого автор выпустил такой же, но "малый" (сравните 275 и 485 страниц соответствующих форматов) и, можно полагать, что вскоре появится "ну очень большой".

"А", — уверен Смирнов, — первая буква алфавита, которая в Одессе нередко становится последней". А что же "Я"? Зная Валерия много лет, написал, даже не заглядывая на соответствующую страницу: "Я — последняя буква алфавита, которая в Одессе часто становится первой". И не ошибся! Далее следуют примеры:

Я вас прошу!

Я вам покажу!

Я их сделаю!

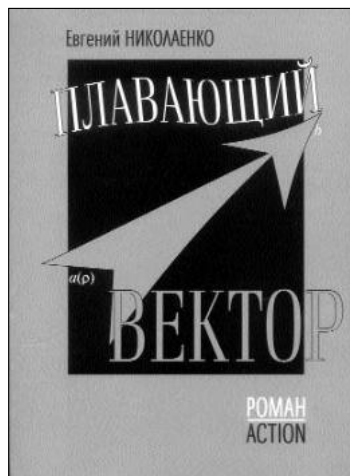
Я имел всех в виду!

Я имею для вас в запасе еще пару теплых слов!

Пожалуй, последнюю инвективу стоило бы вынести в заголовок этих заметок. Вся творческая жизнь автора словаря — тому подтверждение. Перу Смирнова принадлежат многие рассказы, повести, романы и даже наставления по ловле рыбы. Именно через "И": в Одессе по-русски и по-украински слово "РИБА" пишется по-разному, но произносится одинаково, что сближает.

Выход в свет Большого словаря, на мой взгляд, удивительно своевременное событие. Носителей настоящего одесского языка, людей разных

Евгений Николаенко.
"Плавающий вектор".
"Друк", 2003 год.

В нашем альманахе был напечатан рассказ Е. Николаенко "Митяшины голуби", которым сейчас в книге открывается раздел рассказов. Для кого-то главным в этом томе будет детективный роман "Плавающий вектор", давший название всей книге. Когда-то редактор газеты "Юг" Юлий Мазур, которому Е. Николаенко посвятил книгу, написал, прочитав первую часть романа: "Евгений Николаенко — человек разносторонне одаренный. Хозяйственник, предприниматель,

он, тем не менее, всю жизнь общается с художниками, писателями, журналистами. ...какая-то непреодолимая сила заставила его приняться за остросюжетный роман, в который он, человек бывалый, битый, вложил знание многих сторон, в том числе и теневых, нашей грешной жизни". Сейчас роман завершен. И, думаю, он, как и рассказы Е. Николаенко, найдет в нашем городе своего читателя.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

А'котлета от а'бабушки

Произнесите заголовок этих заметок вслух и, согласитесь, вы сразу же окажетесь в своем одесском детстве. Пора в школу — и бабушка заворачивает в вощеную бумагу душистую, пышную котлету, только что зажаренную на чистом коровьем масле с Привоза на примусе, ревущем в коммунальной кухне... А теперь (опять "А") уберите эту гласную, и воспоминания окажутся хотя и вкусными, но такими же, как у москвича, минчанина, таллинца, впрочем, это нынче — иностранцы...

Вспомним, что на просторах СССР был еще один город, тоже портовый, тоже на Черном море, где ели "а'котлеты", но больше — "а'шашлыки",

"а'хачапури", запивая их "а'вином", вот оно-то было в Батуми не хуже нашего, а "а'кофе — по-турецки" лучше. Жители солнечной Аджарии тогда писали меню (а может быть, и сегодня пишут) русскими буквами, присовокупляя к существительным эту самую гласную. Но там, в краю Золотого руна, она ничего не прибавляет к эмоциям собеседников, а вот у нас...

Повторим вслед за Валерием Смирновым: "А'погода!", "А как вам это нравится?". С этих примеров начинается его "Большой полуТОЛКОВЫЙ словарь одесского языка", недавно увидевший свет в издательстве "Друк". До этого автор выпустил такой же, но "малый" (сравните 275 и 485 страниц соответствующих форматов) и, можно полагать, что вскоре появится "ну очень большой".

"А", — уверен Смирнов, — первая буква алфавита, которая в Одессе нередко становится последней". А что же "Я"? Зная Валерия много лет, написал, даже не заглядывая на соответствующую страницу: "Я — последняя буква алфавита, которая в Одессе часто становится первой". И не ошибся! Далее следуют примеры:

Я вас прошу!

Я вам покажу!

Я их сделаю!

Я имел всех в виду!

Я имею для вас в запасе еще пару теплых слов!

Пожалуй, последнюю инвективу стоило бы вынести в заголовок этих заметок. Вся творческая жизнь автора словаря — тому подтверждение. Перу Смирнова принадлежат многие рассказы, повести, романы и даже наставления по ловле рыбы. Именно через "И": в Одессе по-русски и по-украински слово "РИБА" пишется по-разному, но произносится одинаково, что сближает.

Выход в свет Большого словаря, на мой взгляд, удивительно своевременное событие. Носителей настоящего одесского языка, людей разных

национальностей, конфессий и профессий, становится все меньше, и вскоре, увы, совсем не будет по причинам, заслуживающим более детального и серьезного разговора. Через десять-двадцать лет вам уже никто не скажет в трамвае: "Бикицер!" (в смысле — поторопитесь на выход), не спросит сочувственно: "Вус трапылось?" (Так что же случилось?), не пожалуется на то, что на его сына "гэц напал" (вожжа под хвост попала!). Я уже не говорю за "кадухес на живот" (увы, неизбежный конец земного пути)...

Разумеется, есть в словаре выражения и позабористее, и покруче — он ведь отражает реальную жизнь. Не со всеми трактовками я, одессит в пятом поколении, могу согласиться, но готов к дружеской полемике с автором. Что же до семейного чтения, то оно в данном случае представляется нецелесообразным. Рекомендую разместить это ценное пособие на заветной полке, где хранятся томики русских пословиц и поговорок, народных сказок в переложении Афанасьева (академические издания), Апулея, раннего Пушкина, зрелого Баркова...

Но каков же он, этот самый одесский язык, что отличает его от прочих? По мнению Валерия Смирнова, "Самый демократичный и легкий для изучения язык из всех существующих. Здесь пишется, как говорится, а говорится, как хочется".

Что к этому прибавить? Разве что произнести: "О!". И это станет (по Смирнову) "наиболее сильным комментарием к какому-либо действию или проявлению чувств".

Феликс КОХРИХТ

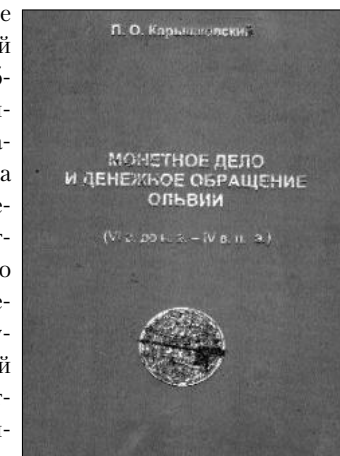
"Дельфинчики" Карышковского

Поступок с большой буквы совершил одесский издатель Александр Фридман — с его подачи увидела свет обширная монография выдающегося историка античности, профессора ОГУ Петра Осиповича Карышковского "Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)". Пятнадцать лет назад ушел из жизни ее автор — блистательный исследователь, талантливый педагог, уникальный человек, без которого и в самом деле опустела и оскудела земля. За это время благородные друзья и ученики издали все неопубликованные труды Петра Осиповича, и только вот этот наиболее полный корпус исследований по нумизматике античной Ольвии оставался рукописью, поскольку его масштабность требовала поистине огромных материальных и гуманитарных ресурсов. И все же дело сделано.

Объем издания — 684 страницы, более половины которых представляют собой таблицы, карты, зарисовки. Монетное обращение репрезентуют все типы металлических денежных знаков — от так называемых "дельфинчиков" (бронзовая монета в форме дельфина) и "асов" (крупная денежная единица) до позднеримских кругляшей, девальвировавших и неряшливо исполненных. Аверсы стародавних денег дают отменное представление о духовной жизни, быте и культах древней Ольвии: Горгона-Медуза, Афина и Деметра — на бронзовых "асах", Геракл, натягивающий тетиву лука, — на серебряных "статерах", особо почитавшийся в Северном Причерноморье Аполлон Дельфиний, бородатый и рогатый бог Днепра — Борисфен... Реверсы сохранили имена местных архонтов, руководителей городского самоуправления, здесь же — скифское оружие: лук в чехле и секира, наиболее часто — ольвийский герб: орел, терзающий дельфина.

Таким образом, монеты позволяют постранично прочесть городские хроники двухтысячелетней давности. Значимость монографии как одного из опорных первоисточников по античной истории нашего края трудно переоценить. Ее издание — событие не только для Одессы, Украины и СНГ, но и для всего ученого мира, с чем я нас и поздравляю. Книга вышла весьма ограниченным тиражом, причем большая часть заказана зарубежными специалистами. Во всяком случае, любой горожанин имеет возможность ознакомиться с ней в научных библиотеках. Еще раз хочу поклониться издателю А.С. Фридману, почтившему память нашего славного земляка, мемориальная доска которому установлена на доме, где он жил, и именем которого названа одна из одесских улиц.

Олег ГУБАРЬ

Улыбнуться удаче...

Не от хорошей нашей жизни это случилось, но сегодня Семен Ильич Вайнблат единственный в Одессе переводчик с идиша на русский язык. И

национальностей, конфессий и профессий, становится все меньше, и вскоре, увы, совсем не будет по причинам, заслуживающим более детального и серьезного разговора. Через десять-двадцать лет вам уже никто не скажет в трамвае: "Бикицер!" (в смысле — поторопитесь на выход), не спросит сочувственно: "Вус трапылось?" (Так что же случилось?), не пожалуется на то, что на его сына "гэц напал" (вожжа под хвост попала!). Я уже не говорю за "кадухес на живот" (увы, неизбежный конец земного пути)...

Разумеется, есть в словаре выражения и позабористее, и покруче — он ведь отражает реальную жизнь. Не со всеми трактовками я, одессит в пятом поколении, могу согласиться, но готов к дружеской полемике с автором. Что же до семейного чтения, то оно в данном случае представляется нецелесообразным. Рекомендую разместить это ценное пособие на заветной полке, где хранятся томики русских пословиц и поговорок, народных сказок в переложении Афанасьева (академические издания), Апулея, раннего Пушкина, зрелого Баркова...

Но каков же он, этот самый одесский язык, что отличает его от прочих? По мнению Валерия Смирнова, "Самый демократичный и легкий для изучения язык из всех существующих. Здесь пишется, как говорится, а говорится, как хочется".

Что к этому прибавить? Разве что произнести: "О!". И это станет (по Смирнову) "наиболее сильным комментарием к какому-либо действию или проявлению чувств".

Феликс КОХРИХТ

"Дельфинчики" Карышковского

Поступок с большой буквы совершил одесский издатель Александр Фридман — с его подачи увидела свет обширная монография выдающегося историка античности, профессора ОГУ Петра Осиповича Карышковского "Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)". Пятнадцать лет назад ушел из жизни ее автор — блистательный исследователь, талантливый педагог, уникальный человек, без которого и в самом деле опустела и оскудела земля. За это время благородные друзья и ученики издали все неопубликованные труды Петра Осиповича, и только вот этот наиболее полный корпус исследований по нумизматике античной Ольвии оставался рукописью, поскольку его масштабность требовала поистине огромных материальных и гуманитарных ресурсов. И все же дело сделано.

Объем издания — 684 страницы, более половины которых представляют собой таблицы, карты, зарисовки. Монетное обращение репрезентуют все типы металлических денежных знаков — от так называемых "дельфинчиков" (бронзовая монета в форме дельфина) и "асов" (крупная денежная единица) до позднеримских кругляшей, девальвировавших и неряшливо исполненных. Аверсы стародавних денег дают отменное представление о духовной жизни, быте и культах древней Ольвии: Горгона-Медуза, Афина и Деметра — на бронзовых "асах", Геракл, натягивающий тетиву лука, — на серебряных "статерах", особо почитавшийся в Северном Причерноморье Аполлон Дельфиний, бородатый и рогатый бог Днепра — Борисфен... Реверсы сохранили имена местных архонтов, руководителей городского самоуправления, здесь же — скифское оружие: лук в чехле и секира, наиболее часто — ольвийский герб: орел, терзающий дельфина.

Таким образом, монеты позволяют постранично прочесть городские хроники двухтысячелетней давности. Значимость монографии как одного из опорных первоисточников по античной истории нашего края трудно переоценить. Ее издание — событие не только для Одессы, Украины и СНГ, но и для всего ученого мира, с чем я нас и поздравляю. Книга вышла весьма ограниченным тиражом, причем большая часть заказана зарубежными специалистами. Во всяком случае, любой горожанин имеет возможность ознакомиться с ней в научных библиотеках. Еще раз хочу поклониться издателю А.С. Фридману, почтившему память нашего славного земляка, мемориальная доска которому установлена на доме, где он жил, и именем которого названа одна из одесских улиц.

Олег ГУБАРЬ

Улыбнуться удаче...

Не от хорошей нашей жизни это случилось, но сегодня Семен Ильич Вайнблат единственный в Одессе переводчик с идиша на русский язык. И

национальностей, конфессий и профессий, становится все меньше, и вскоре, увы, совсем не будет по причинам, заслуживающим более детального и серьезного разговора. Через десять-двадцать лет вам уже никто не скажет в трамвае: "Бикицер!" (в смысле — поторопитесь на выход), не спросит сочувственно: "Вус трапылось?" (Так что же случилось?), не пожалуется на то, что на его сына "гэц напал" (вожжа под хвост попала!). Я уже не говорю за "кадухес на живот" (увы, неизбежный конец земного пути)...

Разумеется, есть в словаре выражения и позабористее, и покруче — он ведь отражает реальную жизнь. Не со всеми трактовками я, одессит в пятом поколении, могу согласиться, но готов к дружеской полемике с автором. Что же до семейного чтения, то оно в данном случае представляется нецелесообразным. Рекомендую разместить это ценное пособие на заветной полке, где хранятся томики русских пословиц и поговорок, народных сказок в переложении Афанасьева (академические издания), Апулея, раннего Пушкина, зрелого Баркова...

Но каков же он, этот самый одесский язык, что отличает его от прочих? По мнению Валерия Смирнова, "Самый демократичный и легкий для изучения язык из всех существующих. Здесь пишется, как говорится, а говорится, как хочется".

Что к этому прибавить? Разве что произнести: "О!". И это станет (по Смирнову) "наиболее сильным комментарием к какому-либо действию или проявлению чувств".

Феликс КОХРИХТ

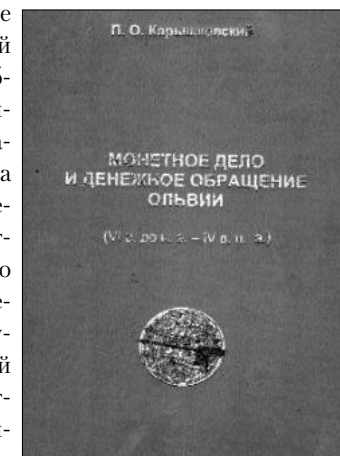
"Дельфинчики" Карышковского

Поступок с большой буквы совершил одесский издатель Александр Фридман — с его подачи увидела свет обширная монография выдающегося историка античности, профессора ОГУ Петра Осиповича Карышковского "Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)". Пятнадцать лет назад ушел из жизни ее автор — блистательный исследователь, талантливый педагог, уникальный человек, без которого и в самом деле опустела и оскудела земля. За это время благородные друзья и ученики издали все неопубликованные труды Петра Осиповича, и только вот этот наиболее полный корпус исследований по нумизматике античной Ольвии оставался рукописью, поскольку его масштабность требовала поистине огромных материальных и гуманитарных ресурсов. И все же дело сделано.

Объем издания — 684 страницы, более половины которых представляют собой таблицы, карты, зарисовки. Монетное обращение репрезентуют все типы металлических денежных знаков — от так называемых "дельфинчиков" (бронзовая монета в форме дельфина) и "асов" (крупная денежная единица) до позднеримских кругляшей, девальвировавших и неряшливо исполненных. Аверсы стародавних денег дают отменное представление о духовной жизни, быте и культах древней Ольвии: Горгона-Медуза, Афина и Деметра — на бронзовых "асах", Геракл, натягивающий тетиву лука, — на серебряных "статерах", особо почитавшийся в Северном Причерноморье Аполлон Дельфиний, бородатый и рогатый бог Днепра — Борисфен... Реверсы сохранили имена местных архонтов, руководителей городского самоуправления, здесь же — скифское оружие: лук в чехле и секира, наиболее часто — ольвийский герб: орел, терзающий дельфина.

Таким образом, монеты позволяют постранично прочесть городские хроники двухтысячелетней давности. Значимость монографии как одного из опорных первоисточников по античной истории нашего края трудно переоценить. Ее издание — событие не только для Одессы, Украины и СНГ, но и для всего ученого мира, с чем я нас и поздравляю. Книга вышла весьма ограниченным тиражом, причем большая часть заказана зарубежными специалистами. Во всяком случае, любой горожанин имеет возможность ознакомиться с ней в научных библиотеках. Еще раз хочу поклониться издателю А.С. Фридману, почтившему память нашего славного земляка, мемориальная доска которому установлена на доме, где он жил, и именем которого названа одна из одесских улиц.

Олег ГУБАРЬ

Улыбнуться удаче...

Не от хорошей нашей жизни это случилось, но сегодня Семен Ильич Вайнблат единственный в Одессе переводчик с идиша на русский язык. И

переводы его большей частью впервые знакомят нас с достойными того произведениями поэтов, пишущих на идиш.

Он переводит одесситов А. Ройзина, А. Бейдермана, других еврейских авторов, в том числе классика еврейской поэзии XX века Ицика Мангера, от которых "железный занавес" когда-то наглухо отгородил русскоязычных, да и владевших идиш читателей.

К моей вящей радости и утешению перевел Вайнблат и единственное сохранившееся послевоенное произведение моего деда Абрама Залешанского, который в 1920–30-х годах часто выступал в еврейской прессе Польши.

К несомненным творческим успехам Вайнבלата можно отнести и перевод стихотворения ныне живущего в США известного советского еврейского поэта Хаима Бейдера "На идиш", пронзенного тревогой за судьбу родного народа.

Отрадно заметить, что творчество Вайнבלата не ограничивается только переводами, поскольку он пишет и оригинальные, на мой взгляд, чудесные стихи. А еще он руководит литературной студией "Откровение", которой, право же, совсем не плохо живется под крылом Благотворительного еврейского центра "Гмилус Хесед" и его директора Леонида Фихтмана. А теперь в издательстве "Оптимум" вышел новый сборник поэта, в котором, как под крышей одного еврейского дома, собрались поэты, которых он переводил, и сам автор со своими стихами.

Дмитрий ТИЩЕНКО

Содержание

От редакции	3
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ	
"Украина" в Атлантике	6
<u>ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ</u>	
Александр ТРЕТЬЯК	
Сады одесские прославил	10
Сергей ЛУЩИК	
Книжный знак как исторический документ	22
Михаил БИНОВ	
Учитель Бабеля	44
Олег ГУБАРЬ	
VIP-департамент	49
Леонид АВЕРБУХ	
Шпионы с одесским акцентом	54
<u>ПРОЗА</u>	
Сергей РЯДЧЕНКО	
Дикий сассафрас, или Дело на предъявителя	68
Владимир КУПЧЕНКО	
Афродита из Пергама	96
Владимир ЕФИМЕНКО	
Вчерашний камень	103
Олег ЛАВРЕНТЬЕВ	
Веллер	109
Александр ГРИНБЛАТ	
Пойте, пташечки!	146
Евгений БОРОВЛЕВ	
Скоро я притопаю в Одессу...	150
Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК	
О художниках	158
Вадим ЯРМОЛИНЕЦ	
Это — Дракула!	163
Лина ВЕРБИЦКАЯ	
Ассамблея	171

переводы его большей частью впервые знакомят нас с достойными того произведениями поэтов, пишущих на идиш.

Он переводит одесситов А. Ройзина, А. Бейдермана, других еврейских авторов, в том числе классика еврейской поэзии XX века Ицика Мангера, от которых "железный занавес" когда-то наглухо отгородил русскоязычных, да и владевших идиш читателей.

К моей вящей радости и утешению перевел Вайнблат и единственное сохранившееся послевоенное произведение моего деда Абрама Залешанского, который в 1920–30-х годах часто выступал в еврейской прессе Польши.

К несомненным творческим успехам Вайнבלата можно отнести и перевод стихотворения ныне живущего в США известного советского еврейского поэта Хаима Бейдера "На идиш", пронзенного тревогой за судьбу родного народа.

Отрадно заметить, что творчество Вайнבלата не ограничивается только переводами, поскольку он пишет и оригинальные, на мой взгляд, чудесные стихи. А еще он руководит литературной студией "Откровение", которой, право же, совсем не плохо живется под крылом Благотворительного еврейского центра "Гмилус Хесед" и его директора Леонида Фихтмана. А теперь в издательстве "Оптимум" вышел новый сборник поэта, в котором, как под крышей одного еврейского дома, собрались поэты, которых он переводил, и сам автор со своими стихами.

Дмитрий ТИЩЕНКО

Содержание

От редакции	3
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ	
"Украина" в Атлантике	6
<u>ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ</u>	
Александр ТРЕТЬЯК	
Сады одесские прославил	10
Сергей ЛУЩИК	
Книжный знак как исторический документ	22
Михаил БИНОВ	
Учитель Бабеля	44
Олег ГУБАРЬ	
VIP-департамент	49
Леонид АВЕРБУХ	
Шпионы с одесским акцентом	54
<u>ПРОЗА</u>	
Сергей РЯДЧЕНКО	
Дикий сассафрас, или Дело на предъявителя	68
Владимир КУПЧЕНКО	
Афродита из Пергама	96
Владимир ЕФИМЕНКО	
Вчерашний камень	103
Олег ЛАВРЕНТЬЕВ	
Веллер	109
Александр ГРИНБЛАТ	
Пойте, пташечки!	146
Евгений БОРОВЛЕВ	
Скоро я притопаю в Одессу...	150
Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК	
О художниках	158
Вадим ЯРМОЛИНЕЦ	
Это — Дракула!	163
Лина ВЕРБИЦКАЯ	
Ассамблея	171

Дар 178

ПОЭЗИЯ

Олег ГУБАРЬ

Таинственный остов 182

Татьяна ПАРТИНА

Здесь холодно, мой друг, не приезжай... 187

Александр МАРДАНЬ

Атипичная любовь 189

Вера ЗУБАРЕВА

Из цикла "Эмиграция" 191

Юлия МЕЛЬНИК

Мгновенье — мимо — осенним листком... 196

Елена ЛУКЬЯНЧУК

Куда исчезают забытые сны? 197

Елена ГАССИЙ

Внезапно время медленнее стало... 200

Шимус ХИНИ

Оденеск 206

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Алена ЯВОРСКАЯ

Ах, Александр Сердцевич... 216

Валентин МАКСИМЕНКО

Достоинство таланта 228

Александр КНЯЗИК

Философия и фантазия 237

Татьяна БАСАНЕЦ

"Самоубийцы" 239

Феликс КОХРИХТ

Юрий Кузнецов: "Мне есть кем поделиться с одесситами" 246

ПУБЛИКАЦИИ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

И вновь: круг Багрицкого 252

Перикл СТАВРОВ **Эдя Багрицкий и другие** 252

Публикация Виталия АМУРСКОГО

Ах, водевиль, водевиль! 266

Александр КОЗАЧИНСКИЙ **Могучее средство** 266

Нинель РЯДЧЕНКО

Война, море, Одесса... 280

Иван РЯДЧЕНКО **Передайте Ивановой** 281

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Публикация

"Золотой петушок" 290

АХ, ОДЕССА

Роман БРОДАВКО

Воспоминания о коммунальной квартире 303

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Боба 308

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол 310

Елена ГАВДЗИНСКАЯ

"Страна, где живут облака" 314

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Живопись, музыка, жизнь 323

Феликс КОХРИХТ

А'котлета от а'бабушки 324

Олег ГУБАРЬ

"Дельфинчики" Карышковского 326

Дмитрий ТИЩЕНКО

Улыбнуться удаче... 327

Уточнение

В № 13 нашего альманаха были опубликованы письма видного ученого-историка С.Я. Борового писателю Л.П. Гроссману, подготовленные к печати и прокомментированные М.Г. Соколянским и В.Н. Абросимовой. К сожалению, по техническим причинам текст вышел лишь под одной фамилией. Редколлегия приносит извинения авторам публикации и читателям.

Одесский альманах

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Выпуск № 14

Odessa almanac

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Issue No 14

**Технический редактор Андрей Вишненко
Корректор Татьяна Коциевская**

**Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 23-13-60**

**Отпечатано в типографии издательства "ВМВ"
Тел. 54-50-48**

**Сдано в набор хх.хх.2003.
Подписано в печать хх.хх.2003.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60х84/16
Физ. печ. л. 22. Усл. печ. л. 20,46
Зак. № 135. Тираж 500 экз.**